

LEFT НИКОЛАЕ BEHIND[®]

ВОССТАНИЕ
АНТИХРИСТА

64 000 000
проданных
экземпляров

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ГАЗЕТА
ТАЙНАЯ
ВЛАСТЬ

СОЮЗ
КНИГА

LEFT BEHIND[®]

КНИГИ СЕРИИ
LEFT BEHIND®

ОСТАВЛЕННЫЕ

Роман о последних днях Земли

ОТРЯД СКОРБИ

Продолжение истории об оставленных

НИКОЛАЕ

Восстание Антихриста

ЖАТВА ЧЕЛОВЕКОВ

Мир разделяется

АВАДДОН

Демон-губитель сбросил оковы

ВОЗМЕЗДИЕ

Место: Иерусалим. Цель: Антихрист

ВОПЛОЩЕНИЕ

Зверь воцаряется

НАЧЕРТАНИЕ

Зверь правит миром

ОСКВЕРНЕНИЕ

Антихрист восходит на престол

ОСТАТОК

На пороге Армагеддона

АРМАГЕДДОН

Вселенская битва эпох

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

Последние дни

ВОСХОЖДЕНИЕ

Рождение Антихриста

РЕЖИМ

Зло наступает

ВОСХИЩЕНИЕ

В мгновение ока

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВОЕ

Окончательная победа

LEFT BEHIND®

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

НИКОЛАЕ

ВОССТАНИЕ

АНТИХРИСТА

Москва 2010

КНИГОВЕЖ
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Л29

Оформление художника
А. БАЛАШОВОЙ

ЛаХэй Тим, Дженкинс Джерри Б.

Л29 Николае: Роман / Пер. с англ. Ю. Бушуевой — М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. — 576 с. — (Left Behind).

ISBN 978-5-4224-0293-9

Николае — третий и один из самых впечатляющих романов серии «Left Behind®». Прошло два года с момента Восхищения, во время которого по всему миру исчезли миллионы людей. Роман начинается с того, что разгорается Третья мировая война. Неистовствует Всадник Апокалипсиса на Рыжем коне, а члены отряда Скорби продолжают свою жертвенную миссию, направленную против Николае Карпати — Антихриста и Врага рода людского. В преддверии Страшного Суда человечество вступает во вторую четверть семи лет Скорби. Согласно пророчеству Иоанна Богослова, гнев Агнца обрушивается на Землю в виде великого землетрясения и испепеляющего метеоритного дождя.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Left Behind #3: Николае, Russian
Copyright © 1997 by Tim LaHaye & Jerry Jenkins
Russian edition © 2010 by Knigovek Book Club
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.
All rights reserved.
Left Behind® is a registered trademark of Tyndale
House Publishers, Inc.

ISBN 978-5-4224-0293-9

© Книжный Клуб Книговек, 2010

Дайане и Беверли посвящается.

*Выражаем особую благодарность Ренни Рису
и Шэннону Куртцу*

ПРОЛОГ

Что уже случилось...

Миновало примерно два года с момента массовых исчезновений, когда во всех уголках земного шара в одно ужасное мгновение пропали миллионы людей, оставляя после себя лишь вещи и одежду.

Пилот Рэйфорд Стил, командир экипажа, как раз совершал обратный рейс в Чикаго. На борту его авиалайнера находились члены экипажа и триста перепуганных пассажиров. При посадке салон самолета был полон, и вдруг более сотни кресел внезапно опустели, на них остались лишь одежда, украшения, очки, носки и обувь.

В этом катаклизме Стил потерял жену и двенадцатилетнего сына. Сам он и его двенадцатилетняя дочь Хлоя остались.

Кэмерон Уильямс по прозвищу Бизон, ведущий автор еженедельного журнала, тоже летел в самолете Стила. Как и Рэйфорд,

Бизон с жаром принялся искать разгадку произошедшего.

Под руководством своего наставника, молодого пастора Брюса Барнса, Рэйфорд, Хлоя и Бизон обрели веру в Христа. Теперь они называют себя «Отрядом Скорби», предназначение которого заключается в противостоянии новому мировому лидеру. Уроженец Румынии Николае Карпати стремительно стал главой Организации Объединенных Наций, что явилось для всех полной неожиданностью. И хотя ему удалось очаровать практически весь мир, члены Отряда Скорби считают, что Николае — не кто иной, как сам Антихрист.

По странному стечению обстоятельств и Рэйфорд, и Бизон поступают на службу к Карпати. Рэйфорд становится его личным пилотом, а Бизон — главным редактором журнала «Глобал комьюнити уикли». О том, что Рэйфорд и его новая жена, Аманда, веруют в Христа, Карпати знает, но ему неизвестно, как это связано с Бизоном и его верой.

Члены Отряда Скорби назначают сбор в Чикаго. Рэйфорд на самолете переправляет Николае Карпати, которого теперь именуют потентатом Мирового Сообщества, из Нового Вавилона в Вашингтон, округ Колумбия. Аманда тоже находится на борту. Зная, что мятежники составили против него заговор, Карпати передвигается по чрезвычайно запутанному маршруту, чтобы врагу было как можно труднее определить его местонахождение. Тем временем на борту номер один

Мирового Сообщества Рэйфорд летит вместе с Амандой в Чикаго, на встречу с Бизоном, Хлоей и Брюсом.

Они узнают, что Брюс лежит в больнице, и отправляются навестить его, они уже были на полпути к другу, когда в мире вспыхнула Третья мировая война. Отряды американского ополчения под тайным руководством президента Джеральда Фитцхью объединили силы с Соединенными Штатами Британии и Египтом, ранее независимым государством, а ныне — частью Ближневосточного Содружества. Силы ополчения Восточного побережья Америки нанесли удар по Вашингтону, превратив город в руины.

ОТЕЛЬ, где жил Карпати, оказался разрушен до основания, но самого потентата успели переправить в другое место, поэтому он остался цел и невредим. Подчиняющиеся ему силы Мирового Сообщества нанесли ответный удар по бывшей военной базе Найк в окрестностях Чикаго, которая находилась рядом с больницей, где лежал Брюс Барнс, пораженный смертельным вирусом. Атака на Новый Вавилон была быстро предотвращена, а силы Мирового Сообщества нападают на Лондон в наказание за союз Британии с американским ополчением.

В разгар всех этих событий Рэйфорд попросил своего бывшего начальника, Эрла Халлидэя, слетать в Нью-Йорк. Но когда город захватывают силы Мирового Сообщества, Рэйфорд испугался, что, возможно, он отправил своего старого друга на смерть.

Рэйфорд, Аманда, Бизон и Хлоя отчаянно пытаются связаться с больным Брюсом Барнсом, находящимся в Северо-Западной городской больнице на Арлингтон-Хайтс, штат Иллинойс. Вдруг по радио в прямом эфире начинается выступление потентата Мирового Сообщества. Он говорит:

— Законопослушные граждане Мирового Сообщества, — услышали они голос Карпати. — Сегодня мое сердце разбито, так что я едва могу говорить. Больше года мы работали, чтобы создать наше Сообщество под знаменами мира и гармонии. Сегодня, к сожалению, нам напомнили, что среди нас все еще есть те, кто не хочет нашего единства. Не секрет, что я есть, был и всегда буду пацифистом. Я не верю в войну. Не верю в силу оружия. Не верю в оправданность кровопролития. С другой стороны, я чувствую ответственность за вас, мои братья и сестры по мировой общине. Миротворческие силы Мирового Сообщества уже подавили сопротивление. Меня тяготит смерть невинных граждан, но я торжественно обещаю, что все враги мира будут немедленно наказаны. Прекрасная столица Соединенных Штатов Америки была разрушена, и вы еще услышите о больших разрушениях и смертях. Нашей целью по-прежнему являются мир и восстановление. В назначенный срок я вернусь в свою защищенную штаб-квартиру в Новом Вавилоне и регулярно буду отчитываться перед вами. И главное, не бойтесь. Живите с уве-

ренностью, что мы не потерпим никакой угрозы мировому спокойствию и ни один враг мира не выживет.

Пока Рэйфорд пытался понять, как им лучше доехать до Северо-Западной городской больницы, по радио вновь стал вещать корреспондент Си-эн-эн/Джи-си-эн:

— Последние новости: силы народного ополчения, противостоящие Мировому Сообществу, угрожают использованием ядерного оружия против Нью-Йорка и прежде всего международного аэропорта Кеннеди. Мирные граждане стремительно покидают город, в результате на выездах возникла самая огромная пробка в истории города. Миротворческие силы сообщают, что они располагают возможностями и технологиями, чтобы перехватить ракеты, но они беспокоятся, что окрестные районы могут пострадать от остаточных явлений.

А теперь новости из Лондона: бомба разрушила аэропорт Хитроу, так что радиоактивные осадки угрожают мирному населению на многие мили вокруг. Вероятно, бомба была сброшена миротворческими силами после того, как было обнаружено, что на закрытом аэродроме недалеко от Хитроу собираются нелегальные египетские и британские истребители. По нашим данным, военные корабли, расстрелянные с воздуха, несли на борту ядерное оружие и направлялись к Багдаду и Новому Вавилону.

— Это конец мира, — прошептала Хлоя. — Господи помоги.

Рэйфорд почти потерял надежду добраться до Брюса. Они заметили женщину, которая явно была сильно потрясена, и спросили ее, можно ли добраться до Северо-Западной городской больницы пешком.

— Да, — ответила она. — Вам надо пересечь это поле, она там за холмом. Я не знаю, насколько близко вам позволят подойти к тому, что от нее осталось.

— Она пострадала?

— Пострадала?! Мистер, да она прямо через дорогу от той базы. Многие считают, что первый удар как раз на больницу и пришелся.

— Я пойду, — сказал Рэйфорд.

Когда Рэйфорд взошел на холм и увидел больницу, его сердце сжалось в комок. Часть здания почти не пострадала, но остальная лежала в руинах. Вокруг обломков скопились машины скорой помощи, повсюду суетились спасатели в белой униформе. Территория больницы была обнесена полицейской оградительной лентой. Как только Рэйфорд поднял ее, чтобы поднырнуть, к нему сразу бросился охранник с оружием наготове.

— Стой! — выкрикнул он. — Запретная зона!

— У меня есть пропуск! — крикнул Рэйфорд в ответ, размахивая бумажником с удостоверением.

— Оставайтесь там! — проорал охранник. Он подошел к Рэйфорду, взял бумажник и внимательно изучил удостоверение, сравни-

вая фото с его лицом. — Ух ты! Допуск уровня 2-А. Вы работаете на самого Карпати?

Рэйфорд кивнул и направился к тому, что когда-то было фасадом здания. Люди по большей части его игнорировали, потому что были слишком заняты, чтобы интересоваться тем, было ли у него право находиться там.

— Кто-нибудь выжил? — спросил Рэйфорд у одного из работников скорой.

— Пока трое, — ответил тот. — Все женщины. Две медсестры и доктор. Они вышли покурить.

— А из тех, кто внутри?

— Мы слышим их голоса, — сказал мужчина. — Но пока ни до кого не добрались.

Тихо молясь, Рэйфорд сложил бумажник так, чтобы было видно удостоверение, и засунул его в нагрудный карман. Он направился к походному моргу под открытым небом, где несколько медиков ходили между останками людей, поднимая простыни и делая заметки, пытаясь соотнести останки тел и идентификационные браслеты со списками пациентов и работников больницы.

— Помогайте либо не мешайтесь, — сказала грузная женщина, проходя мимо Рэйфорда.

— Я ищу Брюса Барнса, — сказал он.

Женщина, на груди у которой был бейджик с надписью «Патриция Девлин», остановилась, прищурилась, вскинула голову и сверилась со своим планшетом. Она перелистнула верхние три страницы и покачала головой.

— Член персонала или пациент? — спросила она.

— Пациент. Реанимация. Последнее, что мы слышали, что он был в коме.

— Вероятно, из палаты интенсивной терапии, — предположила она. — Проверьте там.

Она указала на шесть тел в конце ряда.

— Минутку, — добавила она, перевернув еще одну страницу. — Барнс, палата интенсивной терапии. Да, именно там он лежал. Под обломками здания еще остались люди, но палату интенсивной терапии просто стерло с лица земли.

— Так он может быть здесь, а может быть все еще внутри?

— Если он здесь, дорогуша, он наверняка мертв. Если все еще внутри, его, вероятно, никогда не найдут.

— Ни у кого из интенсивной терапии не было шансов?

— Никаких. Вы родственник?

— Ближе чем брат.

— Если хотите, я проверю вместо вас?

Лицо Рэйфорда исказилось от боли, он с трудом мог произнести:

— Я был бы вам признателен.

Патриция Девлин стала проверять тела одно за другим, пока Рэйфорд стоял в десяти футах от нее, зажимая рот рукой, чтобы подавить рыдания.

Мисс Девлин начала поднимать простыню на четвертом теле, как вдруг остановилась и проверила браслет, который был

совершенно целым. Она взглянула на Рэйфорда, и тот все понял. Из глаз его покатились слезы. Она встала и подошла к нему.

— Ваш друг в нормальном состоянии, — сказала мисс Девлин. — Некоторых я бы не рискнула показать, но на него вы можете взглянуть.

Рэйфорд с трудом заставлял себя передвигать ноги. Женщина наклонилась и медленно стянула простыню, открыв лицо Брюса, безжизненное, неподвижное, с открытыми глазами. Рэйфорду с трудом удавалось удержать себя в руках, дышал он прерывисто. Он потянулся, чтобы закрыть Брюсу глаза, но медсестра остановила его: — Вам нельзя этого делать. — Она протянула к Брюсу руку в перчатке. — Я все сделаю.

— Вы не могли бы проверить его пульс? — попросил Рэйфорд.

— О, сэр... — произнесла женщина голосом, преисполненным сочувствия. — Их приносят сюда только в том случае, если все очевидно.

— Пожалуйста, — прошептал он, уже не сдерживая слез. — Для меня.

Его мир как будто взорвался. Ослепленный и оглушенный, он стоял, закрыв лицо руками, не видя, как женщина, которую он никогда прежде не встречал и вряд ли увидит еще, молча прикоснулась пальцами к артерии на шее его пастора.

Не глядя на Рэйфорда, она убрала руку, накрыла лицо Брюса простыней и вернулась к своим делам. Ноги Рэйфорда подогнулись,

и он упал на колени прямо на грязный тротуар. Где-то в отдалении вопили сирены, вокруг мигали огни «скорой помощи», и семья ждала его меньше чем в миле отсюда. Теперь остались только они и он. Без учителя. Без наставника. Только они четверо.

Поднявшись, он направился вниз по холму со своими ужасными новостями, а из всех машин громко вещала система радиооповещения в случае чрезвычайной ситуации. Вашингтон был разрушен. Хитроу стерт в лица земли. Смерть пришла в пустыню Египта и в небо над Лондоном. Нью-Йорк был в состоянии боевой готовности.

Бизон был уже готов отправиться на поиски Рэйфорда, когда заметил высокую фигуру на горизонте. По его походке и по тому, как были опущены его плечи, Бизон все понял.

— О нет, — прошептал он.

Хлоя и Аманда расплакались. Все трое бросились навстречу Рэйфорду, чтобы помочь ему дойти до машины.

Вокруг неистовствовал Всадник на Рыжем коне.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Это была самая ужасная эпоха в истории человечества.

Сидя за рулем взятого напрокат «линкольна», Рэйфорд Стил чувствовал, как у него болят колени. Он повредил их, когда рухнул на мостовую, осознав тот страшный факт, что его пастырь мертв. Но физическая боль, хоть она и грозила промучить Рэйфорда много дней, была ничтожна в сравнении с душевным страданием: ведь он в очередной раз потерял одного из тех людей, которые были ему в жизни дороже всего.

Рэйфорд чувствовал на себе взгляд Аманды. Она успокаивающим жестом опустила ему ладонь на бедро. Сидящие на заднем сиденье Хлоя и Бизон положили ему руки на плечи с двух сторон.

«И что теперь? — спрашивал себя Рэйфорд. — Что мы будем делать без Брюса? Куда нам идти?»

Станция оповещения о чрезвычайных ситуациях монотонно передавала новости о хаосе, ужасе, опустошении и разрушениях по всему миру. У Рэйфорда в горле стоял ком, мешавший ему говорить, и чтобы хоть как-то отвлечься, он принялся лавировать между машинами, застрявшими в грандиозной пробке. Почему все эти люди выехали из дома? Что они хотят увидеть? Разве они не боятся новых бомбежек или радиоактивных осадков?

— Мне нужно попасть в чикагский офис своего журнала, — сказал Бизон.

— Когда доберемся до церкви, можешь взять эту машину, — ответил Рэйфорд. — Мне необходимо сообщить о том, что произошло с Брюсом.

Миротворческие силы Мирового Сообщества, взяв под контроль местную полицию и службы неотложной помощи, пытались регулировать движение на дороге и убедить людей вернуться по домам. Рэйфорд положился на свой многолетний опыт езды по окрестностям Чикаго и попытался продвинуться к цели, объезжая по боковым дорогам главные транспортные артерии, которые были безнадежно забиты всевозможным автотранспортом.

Рэйфорд задумался над тем, не поймать ли ему Бизона на слове, раз уж тот сам вылезался сесть за руль. Но ему не хотелось

показывать близким свою слабость. Он покачал головой. «Личность пилота беспредельно сильна!» — вот его девиз. Хотя надо признаться, что сейчас Рэйфорду больше всего на свете хотелось свернуться и рыдать, пока не одолеет сон.

Теперь, когда миновало почти два года со дня исчезновения его жены и сына, а также миллионов других людей, Рэйфорд уже не строил иллюзий насчет того, чего можно ожидать от жизни в наступивших «сумерках истории». Он чувствовал себя опустошенным. Его существование окрашивалось глубокой болью и сожалениями о несделанном. И до чего же трудно было так жить...

И вместе с тем Рэйфорд сознавал, что его жизнь могла бы сложиться куда хуже. Например, он мог не уверовать в Христа и по-прежнему нести на себе бремя вечного проклятия. Он мог бы не встретиться с Бизоном, а Хлоя — исчезнуть вместе с братом и мамой. Да, он за многое должен был благодарить судьбу. И если бы сейчас Рэйфорд не ощущал на себе прикосновение трех человек, сидящих вместе с ним в машине, у него, возможно, и не хватило бы силы воли, чтобы продолжать жить.

Ему было трудно представить себе, как бы он жил, если бы не познакомился с Брюсом Барнсом и не полюбил его всем сердцем. Рэйфорд научился у своего духовного наставника гораздо большему, чем у кого-либо, с кем он встречался. Никто и никогда не просвещал и не вдохновлял его так, как

Брюс. Но для Рэйфорда пастор отличался от остальных людей не только тем, что многому его научил. В нем был внутренний огонь. Во время общения с ним становилось ясно: вот человек, ясно и непосредственно осознавший, что пропустил величайшую истину, которая когда-либо возвещалась человечеству, и твердо настроенный не повторить своей ошибки.

— Папа, кажется, те двое постовых на переходе машут тебе, — сказала Хлоя.

— Я стараюсь их не замечать, — ответил Рэйфорд. — Все они никто, пытающееся казаться кем-то. Послушать их, так никто, кроме них, не знает, как нужно вести себя на дороге! Если мы станем им подчиняться, то простоим здесь не один час. А я хочу в кратчайший срок добраться до церкви.

— Он что-то кричит тебе в мегафон, — сказала Аманда и опустила стекло на несколько дюймов.

— Эй, вы там, в белом «линкольне»! — раздался оглушительный голос. Рэйфорд быстро выключил радио. — Вы — Рэйфорд Стил?

— Откуда им это известно? — удивился Бизон.

— Разве для разведслужбы Мирового Сообщества существует что-то неизвестное? — с досадой пробурчал Рэйфорд.

— Если вы действительно Рэйфорд Стил, — снова раздался голос, — то просим вас съехать на обочину!

Сначала Рэйфорд собирался проигнорировать и этот приказ, но потом передумал.

Если регулировщики знают, кто он такой, значит, удрать от них не удастся. Только вот откуда они его знают?

И он свернул на обочину.

Бизон Уильямс убрал руку с плеча Рэйфорда и вытянул шею, чтобы рассмотреть двух солдат в униформе, сбегающих по насыпи. Он не имел ни малейшего представления о том, как именно силы Мирового Сообщества выследили Рэйфорда. Ему было ясно лишь одно: если его самого застанут в обществе личного пилота Карпати, это не сулит ничего хорошего.

— Рэй, — быстро проговорил Бизон, — у меня есть при себе комплект поддельных документов на имя Херба Катца. Скажи им, что я — твой приятель-летчик или кто-нибудь в этом роде.

— О'кей, — согласился Рэйфорд. — Но я думаю, они будут достаточно вежливы. Судя по всему, Николае просто хочет снова выйти со мной на связь.

Бизон всей душой уповал на то, чтобы Рэйфорд оказался прав. Предположение, что у Карпати возникло желание проверить, все ли в порядке с его пилотом, и поручить кому-нибудь вернуть его в Новый Вавилон, звучало вполне разумно. Тем временем оба человека в форме уже стояли позади «линкольна». Один из них говорил по радию, другой — по мобильнику. Бизон решил перейти в наступление и приоткрыл дверцу со своей стороны.

— Пожалуйста, оставайтесь в машине, — сказал «радист».

Бизон плюхнулся обратно на сиденье и заменил поддельные документы на подлинные. У Хлои был испуганный вид, и он обнял ее одной рукой, притягивая к себе.

— Карпати наверняка был вынужден отдать приказ «всем постам». Он знал, что твоему папе придется взять машину напрокат, поэтому не потребовалось много времени, чтобы его выследить.

Бизон абсолютно не представлял себе, что делают двое полицейских позади машины. Он понимал лишь одно: все его планы и перспективы на следующие пять лет изменились в один миг. Час назад, когда разразилась мировая война, он размышлял о том, суждено ли ему с Хлоей пережить оставшиеся годы Скорби. Теперь, когда до него дошла весть о смерти Брюса, он даже не знал, хочет ли он выжить. Возможность оказаться на небе вместе с Христом, пусть даже для этого пришлось бы умереть, казалась гораздо привлекательней жизни на развалинах прежнего мира.

Постовой с рацией подошел к окну со стороны водителя. Рэйфорд опустил стекло.

— Ведь вы — Рэйфорд Стил, верно?

— Зависит от того, кто об этом спрашивает, — ответил тот.

— Машину, зарегистрированную под данным номером, арендовал в аэропорту О'Хара человек, назвавший себя Рэйфордом

Стилом. И если вы им не являетесь, значит, у вас серьезные проблемы!

— Разве вы не согласны с тем, что у нас у всех серьезные проблемы независимо от того, кем я являюсь, а кем нет? — спросил Рэйфорд.

В свете сложившейся ситуации Бизона весьма позабавил столь дерзкий ответ.

— Сэр, мне необходимо знать: вы — Рэйфорд Стил или нет?

— Да, он самый.

— И вы можете это доказать?

Тут Рэйфорд, кажется, вышел из себя. Бизон еще никогда его таким не видел.

— Так, значит, вы дали мне сигнал остановиться, орали на меня в мегафон, сказали, что я еду в машине, которую взял напрокат Рэйфорд Стил, а теперь я еще обязан доказывать, что являюсь тем, кем вы меня считаете?

— Сэр, войдите в мое положение! Нам дозвонился сюда сам Карпати, потентат Мирового Сообщества. Я даже не знаю, откуда именно он звонит. Если я передам вам трубку, а перед этим скажу потентату, что с ним сейчас будет говорить Рэйфорд Стил, было бы очень желательно, чтобы его собеседник действительно оказался Рэйфордом Стилом.

Бизон мысленно поблагодарил Рэйфорда за то, что затеянная им игра в кошки-мышки отвлекла внимание от других пассажиров «линкольна». Однако удача не долго остава-

лась на стороне Бизона. Стил вытащил из нагрудного кармана свой бумажник с удостоверением, и полицейский, изучая документ, лениво спросил:

— А кто остальные?

— Это мои друзья и родственники, — сказал Рэйфорд. — Давайте не будем заставлять потентата ждать.

— Сэр, я вынужден просить вас покинуть автомобиль, чтобы ответить на этот звонок. Вы же понимаете — это вопрос безопасности.

Рэйфорд со вздохом вышел из машины. Бизону очень хотелось, чтобы постовой с рацией тоже как-нибудь потихоньку испарился, но тот только отступил в сторону, пропуская его, и ткнул пальцем в сторону своего напарника, державшего в руках телефон. Затем страж порядка наклонился и заглянул внутрь машины.

— Сэр, — обратился он к Бизону, — если нам придется отвезти капитана Стила к назначенному месту встречи, вы сможете взять на себя управление данным транспортным средством?

«Интересно, все люди в форме выражаются подобным образом?» — пронеслось в голове у Бизона.

— Само собой, смогу, — сказал он вслух. Тут из другого окна высунулась Аманда.

— Я — миссис Стил, — заявила она. — И куда бы ни отправился мистер Стил, я еду вместе с ним.

— Это решать господину Карпати, — ответил полицейский. — Ну, конечно, если в вертолете вообще хватит места.

— Да, сэр, — сказал Рэйфорд в телефон. — Значит, мы скоро увидимся.

И передал мобильник второму постовому.

— Как мы доберемся туда, куда нам предлагается попасть?

— Через минуту здесь должен быть вертолет.

Рэйфорд жестом велел Аманде захлопнуть багажник, но из машины не выходить. Закинув на плечо обе сумки, где лежали их с женой вещи, он наклонился к окну и прошептал:

— Мы с Амандой должны поехать на встречу с Карпати. Правда, он не смог даже сказать мне, где он сейчас находится и где мы должны встретиться. У меня такое ощущение, что это недалеко отсюда, если только вертолет не отвезет нас на какой-нибудь аэродром, где мы пересядем на самолет и полетим куда-то еще. Бизон, желательно, чтобы ты поскорее вернул эту машину в прокатное агентство, иначе будет слишком легко определить, что вы как-то связаны со мной.

Пять минут спустя Рэйфорд и Аманда уже были в воздухе.

— А куда мы летим? — прокричал Рэйфорд, обращаясь к одному из сопровождающих от Мирового Сообщества.

Тот похлопал по плечу пилота вертолета и заорал:

— Нам разрешается говорить, куда мы направляемся?

— В Гленвью! — тоже прокричал пилот.

— Военно-морской аэродром в Гленвью вот уже много лет закрыт, — сказал Рэйфорд.

Пилот вертолета обернулся и взглянул на него:

— Большая взлетно-посадочная полоса открыта до сих пор! И шеф сейчас там!

Аманда прижалась к Рэйфорду:

— Карпати уже в Иллинойсе?

— Перед бомбардировкой он наверняка покинул Вашингтон. Я-то думал, что его перевезли в одно из бомбоубежищ Пентагона или Агентства национальной безопасности, но люди из его разведслужбы, надо полагать, сообразили, что ополчение наверняка нанесет удар в первую очередь именно по этим объектам.

* * *

— Это напоминает мне время, когда мы только что поженились, — сказал Бизон, когда Хлоя уютно прижалась к нему.

— Что значит «когда мы только что поженились»? Мы же до сих пор новобрачные!

— Ш-ш-ш! — резко прервал ее Бизон. — Что там говорят про Нью-Йорк?

Хлоя сделала радио погромче.

— ...здесь, в центре Манхэттена, повсюду видны следы кровавой бойни, — раздалось из динамика. — Разрушенные бомбежкой здания, машины скорой помощи, которые пытаются осторожно проехать между обломков зданий, сотрудники гражданской обороны с громкоговорителями, призывающие людей не покидать метро.

Когда репортер продолжил свой рассказ, Бизон услышал в его голосе панику.

— Сейчас и я сам пытаюсь хоть где-нибудь укрыться, но, вероятно, уже слишком поздно, скорее всего, я успел получить дозу радиации. Никто не знает точно, какими боеголовками были оснащены ракеты — ядерными или обычными, но всем настойчиво рекомендуется не рисковать. Ущерб, нанесенный городу, будет оценен в миллиарды долларов. Жизнь здесь уже никогда не станет такой, какой мы ее помним. Повсюду, настолько видит глаз, сплошные развалины.

Все крупные транспортные центры были если не разрушены, то закрыты. Огромные автомобильные пробки перекрыли туннель Линкольна, мост Трайборо, а также все главные дорожные артерии, ведущие за пределы Нью-Йорка. Город, считавшийся столицей мира, сейчас выглядит как декорация к фильму-катастрофе. А сейчас передаем слово Кабельным новостям Новостной сети Мирового Сообщества в Атланте.

— Бизон! — воскликнула Хлоя. — Наш дом! Где мы теперь будем жить?

Бизон не ответил. Он смотрел на проезжающие мимо машины и пристально следил за тем, как прямо над Маунт-Проспект вздымаются облака черного дыма, в гуще которых вспыхивают шары оранжевого пламени. Да, беспокоиться о своем доме — это вполне в духе Хлои. Бизона подобные вещи волновали гораздо меньше. Он мог жить где угодно, и у окружающих даже складывалось впечатление, что он живет сразу везде. Пока у него были Хлоя и хоть какая-нибудь крыша над головой, он чувствовал себя вполне нормально. Зато его юная жена по-настоящему сроднилась с их квартирой — до смешного дорогим пентхаусом на Пятой авеню.

Наконец Бизон заговорил:

— Теперь несколько дней, а может, и дольше никого не будут пропускать в Нью-Йорк. Нам не добраться даже до наших машин, если они, конечно, остались целы.

— Что же мы будем делать, Бизон?

Бизон и сам хотел бы знать, что на это сказать. Обычно у него находились ответы на все вопросы. Изобретательность и находчивость всегда были его коньком, его «фирменным знаком» как профессионала. Какое бы препятствие перед ним ни стояло, какая бы ситуация ни возникла, ему удавалось так или иначе с ней справиться — не мытьем, так катаньем. Но теперь, когда рядом с ним сидела молодая женщина, недавно ставшая его женой, которая не знала, где им теперь жить и что делать, он почувствовал себя в растерянности. Все, чего он хотел, — это убедиться, что его тесть и Аманда находятся в безопасности, — если,

конечно, не учитывать, что работа Рэйфорда сама по себе была опасной — и как-нибудь добраться до Маунт-Проспект, чтобы уже на месте выяснить, что стало с людьми из церкви Новой Надежды, и сообщить им о трагической смерти их возлюбленного пастыря.

Бизону никогда не удавалось сохранять спокойствие в пробках, а сейчас его нервозность доходила до смешного. Он сжал челюсти, его шея напряглась, а руки судорожно стискивали руль. Они ехали на автомобиле последней модели, с плавным ходом, однако сейчас, когда эта громадная электростанция на колесах была вынуждена медленно лавировать между сгрудившимися машинами, она походила на горячую кобылку, которая так и норовит умчаться на свободу.

Вдруг раздался грохот, и машину так резко тряхнуло, что колеса чуть не выскочили из покрышек. Бизон несколько не удивился бы, если бы из окон на них посыпались осколки выбитых стекол. Хлоя пронзительно вскрикнула и спрятала лицо на груди мужа. Он осмотрелся, пытаясь понять, что же и где взорвалось, вызвав такую волну. Несколько машин, которые ехали рядом с ними, стали поспешно съезжать с дороги. И тогда в зеркале заднего вида Бизон увидел грибовидное облако, медленно поднимающееся над землей. По его прикидкам, бомба упала где-то возле международного аэропорта О'Хара, в нескольких милях от них.

Канал Си-эн-эн/Джи-си-эн почти сразу же передал информацию о взрыве:

— Сообщение из Чикаго: наш корреспондентский пункт в этом городе разрушен взрывом колоссальной силы. Пока мы ничего не знаем о том, что это было — нападение со стороны сил ополчения или ответный удар, нанесенный Мировым Сообществом. К нам приходит столько сообщений о военных действиях, кровопролитии, разрушениях и гибели людей, поступающих из множества крупных городов со всего земного шара, что мы просто не в состоянии озвучить их все...

Бизон быстро глянул назад, а потом в оба боковых окна. Как только машина, едущая впереди, освободила место, он вывернул руль влево и с силой нажал на педаль газа. Хлоя успела только ахнуть, когда их машина перепрыгнула через бордюр. Бизон выехал на тротуар, обсаженный деревьями, и помчался вдоль длинных рядов медленно ползущих машин.

— Что же ты делаешь, Бизон?! — воскликнула Хлоя, вцепляясь в приборную панель.

— Не знаю, что я делаю, детка, зато знаю, чего не делаю: я не ползу вместе со всеми в пробке, пока наш мир летит ко всем чертям.

Регулировщик, остановивший Стила на переезде, вытащил из вертолета багаж Рэйфорда и Аманды. Пригибаясь под жужжащими лопастями, он провел супругов через короткую бетонированную площадку внутрь

одноэтажного кирпичного здания, стоящего на краю длинной взлетно-посадочной полосы. В трещинах бетона росли сорняки. В конце полосы, рядом с вертолетом, стоял маленький самолетик типа «леарджет». Однако Рэйфорд заметил, что в кабине пилота никого нет, да и выхлопов двигателя тоже не видно.

— Надеюсь, они не ждут, что я полечу на этой штуке! — прокричал он Аманде, пока они поспешно заходили в здание.

— Об этом не беспокойтесь, — сказал сопровождающий. — Парень, который перегнал сюда эту машину, доставит вас в Даллас, к большому самолету, на котором полетите вы.

Рэйфорда и Аманду усадили на пластиковые стулья кислотного цвета, располагавшиеся в маленьком, убого обставленном военном офисе в стиле старинных ВВС. Рэйфорд сидел, осторожно массируя свои колени. Аманда принялась ходить взад-вперед и останавливалась, лишь когда их сопровождающий жестом велел ей сесть.

— Но я же имею право стоять, не так ли? — спросила она.

— Располагайтесь, как вам удобно. Прошу вас, подождите здесь несколько минут, пока не появится господин Потентат.

Дорожные полицейские во всю глотку орали на Бизона, махали и тыкали в его сторону жезлами, другие водители сигналили и

делали неприличные жесты в его адрес. Но это все его нисколько не смущало.

— Куда ты едешь? — настойчиво спрашивала Хлоя.

— Мне нужна новая машина, — ответил ей муж. — Что-то мне подсказывает, что для нас это единственный шанс выжить.

— Что ты такое говоришь?

— Хло, разве ты не видишь? — спросил Бизон. — Эта война только-только началась, и быстро она не закончится. Скоро нигде нельзя будет проехать на обычном, нормальном автомобиле.

— А ты что, хочешь купить танк?

— Если бы он не привлекал слишком много внимания, я бы не отказался.

Бизон срезал путь, направив машину напрямик через огромное, поросшее травой поле и площадку для парковки, мимо пригородной средней школы. Он проезжал между теннисными кортами, оставляя позади поля для европейского и американского футбола. Когда он тормозил, из-под колес автомобиля летела грязь вперемешку с дерном.

По радио продолжали передавать новые известия о погибших и покалеченных, поступающие со всех концов света, а тем временем Бизон Уильямс со своей молодой женой мчались вперед, скользя на крутых поворотах. Бизон надеялся, что в общем и целом он движется в правильном направлении. Ему хотелось поскорее попасть на Северо-Западный хайвэй, где располагались

агентства по продаже автомобилей — своеобразное гетто для коммерсантов.

Лихо вырулив на последнем повороте, Бизон съехал с ответвления дороги и увидел на хайвэе плотный поток машин. Он двигался в манере, которую любимый автомобильный репортер Бизона характеризовал такими словами: «Тяжело, медленно, с остановками». Бизон был в боевом настроении и ощущал себя в своей стихии, а потому он повел себя в том же духе, что и раньше: бесцеремонно попер вперед, не обращая внимания на рассерженных водителей. Так он проехал по грунтовой обочине больше мили, пока наконец не добрался до нужных ему агентств по продаже автомобилей.

— Бинго! — воскликнул Бизон.

* * *

Поведение Николае Карпати ошеломило Рэйфорда, и он мог бы поклясться, что Аманда чувствует то же самое. Создавалось впечатление, что этот энергичный молодой человек, которому сейчас было где-то лет тридцать пять, превратился в мирового лидера совершенно неожиданно для себя, даже как бы против собственной воли. Из депутата нижней палаты румынского парламента, человека почти никому не известного, он сначала стал президентом своей страны, а затем почти сразу сменил этот пост на должность

Генерального Секретаря ООН. И вот теперь, примерно через два года мирной жизни, после весьма успешной кампании по шельмованию масс, которая последовала за хаосом и страхом, вызванными волной повсеместных исчезновений, Карпати впервые столкнулся с серьезным сопротивлением.

Рэйфорд не знал, чего ждать от своего босса. Что чувствовал сейчас Карпати? Может быть, он уязвлен, оскорблен, разъярен? Но оказалось, что ни то, ни другое, ни третье не соответствовало действительности. Когда Карпати, сопровождаемый Леоном Фортунато, своим подхалимом из нью-авилонского офиса, нагрянул в административное здание бывшей станции авиации ВМС США, то выглядел он просто взволнованным и возбужденным.

— О, капитан Стил! — радостно воскликнул Карпати. — И вы, Ал... Ан... э-э-э... миссис Стил! Как я рад видеть вас обоих целыми и невредимыми!

— Меня зовут Аманда, — заявила Аманда.

— Извините, Аманда, — сказал Карпати, протягивая ей обе руки для рукопожатия.

Рэйфорд заметил, как медленно она ответила на его жест.

— Вы же понимаете, сейчас, в такой нервозной ситуации...

«Значит, для него все это просто «нервозная ситуация»? — подумал Рэйфорд. — Вообще-то говоря, Третью мировую войну следовало бы назвать как-то иначе».

Глаза у Карпати горели, он потирал руки, словно был сильно взволнован происходящим.

— Ну, ребята, пора нам отправляться домой.

Рэйфорд знал, что под «домом» Карпати подразумевает Новый Вавилон. Этот город действительно стал домом для Хэтти Дюрхем и свиты Николае, там находился комплекс роскошно обставленных офисов блистательной, экстравагантной штаб-квартиры Мирового Сообщества. И хотя у Рэйфорда и Аманды тоже была просторная двухуровневая квартира в том же комплексе из четырех корпусов, ни он, ни она даже в самой малой степени никогда не считали Новый Вавилон своим домом.

Все еще потирая руки, с трудом сдерживая возбуждение, Карпати повернулся к полицейскому, держащему в руках переносную рацию.

— Каковы последние новости?

Офицер, одетый в форму Мирового Сообщества, с гарнитурой в ухе, явно был потрясен тем, что к нему непосредственно обратился сам Карпати. Бедняга вырвал из уха наушник и, запинаясь, быстро забормотал:

— Что-что? Я хотел сказать... прошу прощения, мистер... господин... сэр!

Карпати уперся в него взглядом:

— Какие новости? Что происходит?

— М-м-м... Особых изменений нет, сэр. Во многих крупных городах продолжаются

военные действия и есть большие разрушения.

Рэйфорду показалось, что Карпати стоило большого труда сделать скорбное лицо.

— Эти военные действия сконцентрированы главным образом на Среднем Западе и на Восточном побережье? — спросил потентат.

Постовой кивнул.

— И еще отчасти на юге, — добавил он.

— Значит, на Западном побережье практически ничего не происходит? — сказал Карпати с интонацией скорее утвердительной, чем вопросительной.

Страж порядка снова кивнул. Рэйфорд задумался: окажись на его месте сторонний наблюдатель, не верящий, что Карпати — Антихрист, мог бы он истолковать вид Властелина как довольный и даже почти торжествующий?

— А что слышно из Далласа—Форт-Уэрта? — поинтересовался Карпати.

— По ДФУ был нанесен удар, — сообщил полицейский. — Сейчас там открыта только главная взлетная полоса. Никто не прилетает туда, зато очень много самолетов вылетает оттуда.

Карпати взглянул на Рэйфорда.

— А как же военная взлетно-посадочная полоса, что расположена по соседству? Та, на которой мой пилот получил лицензию на управление «Боингом-777»?

— Думаю, она еще в рабочем состоянии, сэр, — ответил полицейский.

— Что ж, прекрасно, тогда все в порядке, — заявил Карпати. Он повернулся к Фортунато: — Я уверен, что наше местонахождение никому не известно. Но на всякий случай все же покажите, что вы там для меня подобрали.

Тот открыл брезентовую сумку, вид которой показался Рэйфорду каким-то нелепым. Видимо, Фортунато собрал вещи, оставшиеся от ВВС, чтобы Карпати мог переодеться в них и таким образом стать неузнаваемым. Он поднес потентату фуражку и шинель огромного размера. Эти предметы гардероба не гармонировали друг с другом и вместе смотрелись совершенно нелепо. Тем не менее Карпати быстро надел приготовленную для него одежду и жестом приказал, чтобы остальные четыре человека, находящиеся в комнате, встали вокруг него.

— А где пилот? — спросил он.

— Он прямо здесь, за дверью, ждет ваших указаний, сэр, — отрапортовал Фортунато.

Карпати ткнул пальцем в вооруженного полицейского.

— Благодарю за службу! Вы сможете вернуться на свой пост на вертолете. Мистер Фортунато! Мы с супругами Стил полетим туда, где находится новый самолет, на котором капитан Стил переправит меня обратно в Новый Вавилон.

Рэйфорд нарушил молчание:

— А находится он в?..

Карпати поднял руку, призывая его к молчанию.

— Давайте не будем перегружать нашего молодого друга информацией, за которую ему придется в дальнейшем нести ответственность, — произнес он. И добавил, с улыбкой глянув на дорожного полицейского: — Можете идти.

Когда тот торопливо покинул комнату, Карпати спокойно обратился к Рэйфорду:

— «Кондор-216» ждет нас в окрестностях Далласа. Оттуда нам придется полететь на запад, чтобы попасть на восток... если вы понимаете, что я имею в виду.

— Я никогда не слышал про «Кондор-216», — сказал Рэйфорд. — Вряд ли я подойду для того, чтобы...

— Меня заверили, — прервал его Карпати, — что вы для этого более чем подходите.

— Но что представляет собой этот «кондор...».

— Гибрид, который я сам сконструировал и которому сам дал название, — заявил Карпати. — Ведь вы наверняка не думаете, что все, произошедшее сегодня, стало для меня неожиданностью?

— Видимо, нет, — ответил Рэйфорд, украдкой бросая взгляд на Аманду, которая, судя по виду, просто кипела от переполнявших ее эмоций.

— Ах вот, значит, как — «видимо, нет», — повторил Карпати, широко улыбаясь. — Мне это нравится. Пойдемте же. Про мой потря-

сающий новый самолет я расскажу вам по дороге.

Фортуна то предостерегающе поднял указательный палец:

— Сэр, я бы рекомендовал, чтобы вы дошли до конца взлетной полосы и сели в самолет вдвоем со мной. Будет лучше, если супруги Стил пройдут вслед за нами уже после того, как увидят, что мы поднялись на борт.

Карпати натянул на свои модно подстриженные волосы не по размеру большую фуражку. Когда помощник открыл дверь и кивнул ожидающему пилоту, потентат выскользнул наружу, держась позади Фортуна то. Пилот немедленно сорвался с места и побежал в сторону самолета, а Фортуна то с Карпати потрусили вслед за ним, отставая на несколько ярдов. Рэйфорд обвил рукой талию Аманды и притянул ее к себе.

— Рэйфорд, — сказала Аманда, — ты хоть раз в жизни слышал, чтобы Николае Карпати оговорился?

— Оговорился?

— Ну, сбился, запнулся, два раза повторил какое-то слово, забыл чье-нибудь имя?

Рэйфорд сдержал улыбку и сам себе удивился: оказывается, он способен подмечать забавные мелочи даже в тот день, который вполне мог бы оказаться для него последним.

— Ты имеешь в виду, что ему легко дается все имена, кроме твоего?

— Он сделал так нарочно, и ты это знаешь, — сказала она.

Рэйфорд пожал плечами:

— Наверное, ты права. Но зачем ему это нужно?

— Понятия не имею, — ответила жена.

— Милая, а ты не замечаешь иронии в том, что ты обижаешься на человека, которого все мы считаем Антихристом?

Аманда пристально посмотрела на мужа.

— Я хочу сказать, — продолжал тот, — что тебе стоит прислушаться к собственным словам. Выходит, ты ждешь, что величайший злодей за всю историю мироздания будет соблюдать правила хорошего тона?

Аманда покачала головой и отвела глаза.

— Теперь, когда ты все так повернул, — пробормотала она, — мне действительно начинает казаться, что я излишне чувствительна.

* * *

Бизон сидел в кабинете менеджера по продажам, в офисе, принадлежащем торговому представительству фирмы «Лэндровер».

— Ты не перестаешь меня удивлять, — прошептала Хлоя.

— Ну, я ведь никогда не был заурядным человеком.

— Пожалуй, да. А теперь, как мне кажется, ты окончательно утратил все шансы называться нормальным.

— Не сочти, что я ищу оправдание собственной уникальности, — ответил он, — но пройдет совсем немного времени, как все везде и всюду начнут действовать под влиянием импульса.

Менеджер по продажам, который возился с бумагами и рассчитывал цену, крутанул на столе сложенные документы и толчком отправил их в сторону Бизона.

— А «линкольн» вы, значит, продаете?

— Нет, этот автомобиль взят напрокат, — ответил Бизон. — Но я хотел бы попросить, чтобы вы вернули его в аэропорт О'Хара за меня.

И он уставился на своего собеседника, не достаивая бумаги никакого внимания.

— Крайне необычная просьба, — сказал менеджер. — Мне придется отправить туда двоих сотрудников и еще одну машину в придачу, чтобы они смогли добраться обратно.

Бизон встал.

— Вижу, что я прошу слишком многого. Я уверен: любой другой дилер согласится проехать лишнюю милю ради того, чтобы я купил у него машину... особенно в наше время, когда никто не знает, что произойдет завтра.

— Сядьте, сядьте, мистер Уильямс! Мне нисколько не трудно сделать так, чтобы мой менеджер выполнил для вас это маленькое поручение. Итак, пройдет не больше часа, и вы сможете выехать отсюда на полностью укомплектованном «рейнджровере»,

причем все удовольствие обойдется вам в довольно скромную сумму. В ней даже шести нулей не наберется!

— Давайте вместо «час» скажем «полчас», — сказал Бизон, — и считайте, что мы заключили сделку.

Менеджер поднялся с места и протянул ему руку:

— Договорились!

ГЛАВА ВТОРАЯ

В «леарджете» оказалось всего шесть мест. Карпати и Фортунато, поглощенные разговором, не обратили никакого внимания на Рэйфорда и Аманду, когда те прошли мимо них. Пригибаясь под низким потолком, Стили протиснулись на два последних кресла и расположились там, держась за руки. Аманда так крепко сжала руку мужа, что пальцы у нее побелели. Ее всю трясло. Рэйфорд понимал, что она просто впервые столкнулась со всемирным террором — впрочем, как и он сам. Если вдуматься, террор такого масштаба был в новинку любому человеку на земном шаре.

Карпати повернулся в кресле и посмотрел на супругов. Казалось, он с трудом сдерживает довольную ухмылку. В свете сложившейся ситуации это выражение лица просто бесило Рэйфорда.

— Я знаю, что у вас нет лицензии на управление такими маленькими скоростными самолетами, — произнес Карпати, — но вы все равно можете узнать что-то новое для себя, если сядете в кресло второго пилота.

Рэйфорда сейчас гораздо больше волновал самолет, на котором ему предстояло вылететь из Далласа. Он никогда раньше его не видел и ничего о нем не слышал. Рэйфорд взглянул на Аманду в надежде, что она начнет упрасивать его остаться рядом. Но она только быстро отпустила его руку и кивнула.

Рэйфорд перебрался в кабину, отделенную от пассажирского отсека тонкой панелью. Пристегнувшись, он с извиняющимся видом посмотрел на пилота. Тот протянул ему руку и представился:

— Я Чико Эрнандез, капитан Стил. Начет предполетной проверки не беспокойтесь — я уже все сделал, и никакой реальной помощи мне не требуется.

— Да от меня и не стоит ждать никакой помощи, — ответил Рэйфорд. — Я уже много лет не летал на самолетах, которые были бы меньше, чем «Боинг-707».

— По сравнению с теми машинами, к которым вы привыкли, — усмехнулся Эрнандез, — этот малыш покажется вам чем-то вроде мотоцикла.

«Леарджет» действительно произвел на Рэйфорда именно такое впечатление. Когда Эрнандез осторожно выезжал на нем на взлетную полосу, самолет издавал оглушительный скрип и скрежет. Он за считанные

секунды развил скорость отрыва от земли и быстро взмыл в воздух, дав резкий крен вправо и взяв курс на Даллас.

— С каким диспетчерским пунктом вы держите связь? — спросил Рэйфорд.

— В КДП Гленвью никого нет, — ответил Эрнандез.

— Я заметил.

— О том, что мы летим по данному маршруту, я сообщил сразу на несколько КДП. По сообщениям синоптиков, небо на всем протяжении пути должно быть чистым. А разведслужба Мирового Сообщества не засекала между нами и пунктом назначения ни единого вражеского самолета.

«Вражеского самолета? — подумал Рэйфорд. — Вот, значит, как они называют авиацию американского ополчения!»

Впрочем, он вспомнил, что в прошлом и сам недолюбливал ополченцев, не понимал их целей и считал их уголовниками. Но все это было еще в те времена, когда американское правительство тоже было их недругом. Теперь же они стали союзниками «хромой утки», то есть президента Соединенных Штатов Джеральда Фитцхью, а их враг оказался и врагом самого Рэйфорда — и по совместительству его боссом.

Стил не имел ни малейшего представления о том, откуда взялся этот Эрнандез, какое у него прошлое, симпатизирует ли он Карпати, лоялен к нему или нет. А может, он так же, как и сам Рэйфорд, пошел на службу

к потентату против собственной воли, под давлением обстоятельств?

Рэй надел наушники. Теперь он мог разговаривать с пилотом, не опасаясь, что их услышат остальные.

— Говорит ваш так называемый «старший помощник», — мягко произнес он. — Как меня слышно?

— Громко и ясно, второй пилот, — отозвался Эрнандез и, словно читая мысли Рэйфорда, добавил: — Этот канал связи защищен от прослушивания.

Стил понял это в том смысле, что, кроме них двоих, никто ни в самом в самолете, ни вне его не услышит их разговора. Что ж, информация полезная. Но с чего вдруг Эрнандез сообщил ему об этом? Выходит, он понял, что Рэйфорд хочет с ним поговорить? Но насколько сподручно ему будет разговаривать с малознакомым человеком? Если они коллеги, это еще не значит, что можно сразу раскрывать друг другу душу.

— Мне бы хотелось что-нибудь узнать о борте номер один Мирового Сообщества, — произнес Рэйфорд.

— А вы про него еще не слышали? — спросил Эрнандез.

— Ответ отрицательный.

Эрнандез быстро оглянулся на Карпати и Фортунато, сидящих сзади. Стил предпочел не поворачиваться, не желая вызывать подозрений. Судя по всему, Эрнандез убедился, что Карпати и Фортунато снова погрузились в какую-то серьезную дискуссию, поскольку

ку рассказал все, что знал о бывшем самолете Рэйфорда.

— Мне кажется, потентат сам бы вам все рассказал, будь у него такая возможность, — проговорил Эрнандез. — Из Нью-Йорка хороших новостей вообще не было.

— Я об этом слышал, — откликнулся Рэйфорд. — Но не знал, какой грандиозный ущерб был нанесен главным аэропортам.

— Да, насколько я понимаю, ущерб, близкий к полному разрушению. Нам доподлинно известно, что ангар, в котором размещался ваш самолет, в буквальном смысле превратился в пар.

— А пилот?

— Эрл Халлидей? К моменту удара он давно оттуда уехал.

— Значит, ему удалось уцелеть? — спросил Рэйфорд. — Какое облегчение! Вы с ним знакомы?

— Лично — нет, — ответил Эрнандез. — Но за последние несколько недель я много о нем слышал.

— От Карпати? — поинтересовался Рэйфорд.

— Нет. От членов североамериканской делегации, которая была направлена в Мировое Сообщество.

Рэйфорд был озадачен, но виду не подал. С чего бы вдруг членам делегации от Северной Америки говорить об Эрле Халлидее? Да, Карпати в свое время попросил Рэйфорда найти летчика, чтобы тот перегнал борт номер один Мирового Сообщества в Нью-Йорк,

подменив Стила, который тогда собирался провести короткий отпуск в Чикаго вместе с женой. У потентата наверняка ушло несколько дней на то, чтобы сбить с толку прессу и повстанцев, то бишь президента Фитцхью и несколько групп американского ополчения. С этой целью Николае объявлял, что проследует по одному маршруту, а на самом деле выбирал совсем другой и вообще быстро перемещался с места на место. Рэйфорд полагал, что, когда ополчение нанесло удар, а силы Мирового Сообщества ответили на него, для его босса стал неожиданностью по крайней мере момент начала схватки. Он также был уверен, что, с точки зрения Николае, имеет мало значения, кого именно его пилот порекомендует себе на замену, а он остановил выбор на Эрле Халидее, своем старом друге и начальнике по авиакомпании «Пан-Континентал». Но теперь выходило, что и сам Карпати, и даже члены делегации от Северной Америки заранее знали, кого выберет Рэйфорд. В чем же заключалась цель всей этой интриги? И откуда Эрл перед бомбардировкой получил информацию о том, когда ему следует покинуть Нью-Йорк, чтобы не погибнуть?

— А где сейчас Халидей? — спросил Рэйфорд.

— Вы увидите с ним в Далласе.

Рэйфорд напряженно прищурился, сопоставляя факты и стараясь свести их воедино.

— Я с ним увижусь?

— А как вы думали, кто должен продемонстрировать вам возможности нового самолета?

Когда Карпати сказал, что в кресле второго пилота Рэйфорд сможет узнать для себя что-то новое, тот и предположить не мог, что узнает нечто гораздо более интересное, чем приемы управления этим маленьким, быстрым самолетиком.

— Позвольте мне спросить напрямик, — произнес Стил. — Выходит, Халлидею было известно о существовании новой машины, и Эрл ее к тому же настолько хорошо знает, что может научить меня ею управлять?

Эрнандес улыбнулся, окидывая взглядом горизонт, и выполнил в воздухе очередной маневр.

— Халлидей, можно сказать, сам построил «Кондор-216». Он помогал его конструировать. Он убедился в том, что любой пилот, имеющий лицензию на управление «Боингом-777», сможет летать и на «кондоре», хотя эта новая машина гораздо больше и сложнее, чем борт номер один Мирового Сообщества.

Рэйфорд вновь ощутил прилив иронии. Он ненавидел Николае и доподлинно знал, кем является его шеф. Но сейчас — и это было так же странно, как обида Аманды на то, что Карпати упорно перевирает ее имя, — Рэйфорд внезапно почувствовал себя уязвленным.

— Не понимаю, почему меня не поставили в известность о существовании нового

самолета, тем более что предполагалось, что именно я должен буду на нем летать, — сказал он.

— Я не могу сказать наверняка, — проговорил Эрнандез, — но вы же знаете, что Господин вообще крайне осторожен и подозрителен и тщательно просчитывает каждый свой шаг.

«Да, уж мне ли не знать! — подумал Рэйфорд. — Только вместо «осторожен» и «подозрителен» следовало бы, пожалуй, сказать «лукав» и «коварен».

— Значит, он и мне не доверяет? — произнес он вслух

— Не уверен, что он вообще кому-нибудь доверяет, — заметил Эрнандез. — Окажись я в его шкуре, я бы вел себя точно так же. А вы?

— Что — я?

— Ну, вы бы доверяли кому-нибудь, будь вы на месте Карпати?

Рэйфорд ничего не ответил.

— Ты хотя бы чувствуешь, что только что воспользовался деньгами дьявола? — спросила Хлоя у Бизона, когда он осторожно, не торопясь, выехал из ворот агентства на новеньком «рейнджровере» землистого цвета и влился в поток машин.

— Я знаю, что я ими воспользовался, — ответил Бизон. — И Антихристу еще никог-

да не удавалось более удачно инвестировать свои доллары в Божье дело.

— Ты полагаешь, что сто тысяч долларов, которые ты выбросил на такую вот дорогостоящую игрушку, — это инвестиция в наше дело?

— Хлоя, — мягко произнес Бизон, — ты только посмотри на эту шикарную колымагу. Она довезет тебя куда угодно. Ее невозможно сломать. В ней есть телефон, любительский радиопередатчик, огнетушитель, аварийная аптечка, сигнальные ракеты — словом, все, что только душа пожелает. Здесь имеются и два разных привода, и независимая подвеска, и даже CD-плеер. На приборной панели имеются электрические розетки, через которые можно подключить к батарее любое устройство.

— Бизон, но ты ведь швырнул на стол кредитку «Глобал комьюнити уикли» с таким видом, как будто она — твоя собственность. Какой у нее лимит?

— У большинства кредитных карточек, которые выдает Карпати, лимит составляет четверть миллиона долларов, — объяснил Бизон. — Но нам, сотрудникам высшего звена, положены кредитки со специальным кодом. Карточки у нас безлимитные.

— То есть как — безлимитные? В буквальном смысле?

— Ты разве не видела, какие глаза были у менеджера по продажам, когда он звонил за подтверждением?

— Все, что я видела, — ответила Хлоя, — это как он тебе улыбался и как вы с ним заключили сделку.

— А что еще нужно?

— Но разве на такие покупки не требуется чья-нибудь санкция?

— Я отчитываюсь непосредственно перед Карпати. Возможно, ему захочется узнать, почему я купил «рейнджровер». Но объяснить это достаточно легко — ведь мы лишились и квартиры, и машин и должны были обеспечить себе возможность добраться туда, куда потребуется.

Медленно ползущий поток автомобилей снова стал выводить Бизона из себя, и он потерял терпение. На сей раз, когда он съехал с шоссе и рванул напрямую по рытвинам, выбоинам, аллеям и газонам, движение его машины было уверенным и если уж не плавным, то, по крайней мере, целенаправленным. Да, этот автомобиль был создан для того, чтобы ездить именно по такой местности!

— Ты только посмотри, что еще я нашел у этого малыша! — воскликнул Бизон. — С автоматического привода его можно переключать на ручной!

Хлоя нагнулась, чтобы посмотреть вниз.

— А что ты делаешь со сцеплением, когда едешь на автомате?

— Просто не использую его, вот и все, — ответил Бизон. — Ты сама когда-нибудь водела машину с ручной коробкой передач?

— В колледже у одной подружки был маленький спортивный автомобильчик такого типа, иностранного производства, — проговорила Хлоя — Мне он нравился.

— Хочешь сесть за руль?

— Ни за что на свете. По крайней мере, не сейчас. Давай просто поедem в церковь.

* * *

— Мне нужно знать еще что-нибудь о том, что нам предстоит в Далласе? — спросил у Эрнандеза Рэйфорд.

— Вам придется доставить обратно в Ирак большую группу ВИП-персон, — ответил тот. — Но вам ведь это не в новинку, правда?

— Что верно, то верно. Боюсь, такие задания уже не способны вызвать у меня священный трепет.

— Что ж, я вам завидую.

Рэйфорд удивился настолько, что просто лишился дара речи. Кто он такой? Один из тех, кого Брюс Барнс называл «святым Скорби», человек, уверовавший в Христа в самую ужасную эпоху человеческой истории, бедолага, который вынужден служить Антихристу против собственной воли, да еще ставя этим под угрозу своих жену, дочь, зятя и себя самого в придачу. И вот ведь, кто-то додумался ему позавидовать!

— Не завидуйте мне, капитан Эрнандес
Чем бы ни занимались вы сами, завидовать
мне не стоит.

* * *

Уже подъезжая к церкви, Бизон заметил, что во дворах домов собралось множество людей. Они вглядывались в небо, слушали сообщения, доносящиеся из радиоприемников и телевизоров, которые остались включенными в комнатах. Бизон удивился, увидев, что на парковке около церкви Новой Надежды стоит одна-единственная машина. Она принадлежала помощнице Брюса — Лоретте.

— Что-то меня не радует предстоящая встреча, — вздохнула Хлоя.

— Меня тоже, — отозвался Бизон.

Саму Лоретту они отыскиали во внешнем офисе. Пожилая дама, уже лет под семьдесят, сидела с чопорным, напряженным видом, упершись взглядом в телевизор. На коленях у нее лежали два скомканных бумажных платочка, а костлявые пальцы нервно теребили третий. Она смотрела на телеэкран поверх очков, которые сползли ей на кончик носа. Когда Бизон и Хлоя вошли, старушка вроде бы даже и не взглянула на них, но вскоре им стало ясно, что она заметила их присутствие. Из внутренней части офиса

доносилось жужжание принтера, который что-то распечатывал.

Лоретта, уроженка американского Юга, была в свое время красавицей. Теперь же она сидела с красными глазами, хлюпала носом и так мяла в пальцах бумажный платочек, словно хотела сделать из него оригами. Бизон бросил взгляд на экран и увидел кадры, снятые с вертолета: Северо-Западная общественная больница, разрушенная бомбежкой.

— Люди все звонят и звонят, — произнесла Лоретта. — Я не знаю, что им сказать. Ведь он никак не мог уцелеть, да? Я имею в виду пастора Брюса. Ведь он, наверное, вряд ли остался в живых? Вы сами-то его видели?

— Мы его не видели, — мягко сказала Хлоя, опускаясь на колени рядом со старой женщиной. — Но его видел папа.

Лоретта быстро повернулась и пристально посмотрела на нее.

— Мистер Стил его видел? И что, с пастором все в порядке?

Хлоя покачала головой.

— Мне очень жаль, мэм, но это не так. Брюс скончался.

Лоретта уронила голову на грудь. У нее на глаза набежали слезы, заливая ее очки со стеклами-половинками.

— Тогда, если не возражаете, я это все выключу, — хрипло проговорила она. — Я только что молилась, чтобы Бог дал мне еще раз взглянуть на пастора Брюса. Но если он — один из тех мертвецов, что лежат

под этими простынями, то мне его совсем не хочется видеть.

Бизон выключил телевизор, а Хлоя обняла старушку. Лоретта не выдержала и разрыдалась.

— Понимаете, этот молодой человек был для меня все равно что родной!

— Мы вас понимаем, — сказала Хлоя, тоже не сдерживая слез. — Он и для нас был как родной.

Лоретта откинулась назад и по-особому посмотрела на Хлою.

— Но для меня он был единственным родным человеком. Вы ведь знаете мою историю, правда?

— Да, мэм.

— Вы знаете, что я потеряла всех близких.

— Да, мэм.

— Я хочу сказать, действительно всех, в буквальном смысле. Я потеряла всех живых родственников, которых у меня было больше ста человек. Я ведь родилась в одном из самых набожных, религиозных семейств, какие только можно себе представить. Я считалась столпом этой общины. Я так активно участвовала во всех церковных делах — была истинной церковной активисткой! Но я никогда по-настоящему не знала Господа!

Хлоя прижала ее к себе и заплакала вместе с нею.

— Этот молодой человек научил меня всему, — продолжала Лоретта. — От него я за два года узнала больше, чем до этого за шестьдесят с лишним лет в воскресной школе

и в церкви. Впрочем, я не виню никого, кроме себя. В духовном смысле я была слепа и глуха. Мой папа скончался еще раньше, до всех этих событий, но тут я потеряла и маму, и всех шестерых братьев и сестер, и их детей, и мужей и жен их детей. Я потеряла своих собственных внуков и правнуков — словом, всех. Если бы кто-нибудь составил список членов нашей общины, у которых после смерти есть больше всех шансов попасть на небеса, мое имя значилось бы в самом верху, рядом с именем пастора.

Эти минуты были для Бизона так же мучительны, как и для Хлои с Лореттой, но он не хотел слишком долго останавливаться на произошедшей трагедии. Нет, выражать скорбь он будет на свой лад и в свое время, а сейчас пора заняться делом.

— Какой работой вы сейчас заняты в офисе, мэм? — спросил он.

Лоретта откашлялась, прочищая горло.

— Ну, естественно, материалами Брюса, — произнесла она наконец.

— Что они собой представляют?

— Вы же в курсе того, что, когда Брюс вернулся из большой миссионерской поездки по Индонезии, у него нашли какой-то опасный вирус. Один из наших тут же отвез пастора в больницу, причем в такой спешке, что Брюс даже забыл здесь свой лэптоп. Вы ведь знаете — он носил эту штуку с собой повсюду.

— Да, знаю, — подтвердила Хлоя.

— И вот, как только его поместили в эту больницу, он мне позвонил. Он попросил, чтобы я привезла ему лэптоп, если могу. Конечно, для Брюса я сделала бы все, что угодно. Я уже направлялась к дверям, но тут снова зазвонил телефон. Брюс сказал, что его забирают из приемного покоя и переводят прямо в отделение интенсивной терапии, так что некоторое время он не сможет принимать посетителей. Мне кажется, у него уже тогда было предчувствие.

— Предчувствие? — спросил Бизон.

— Думаю, он знал, что ему грозит смерть, — пояснила Лоретта. — Он велел мне периодически позванивать в больницу, чтобы узнать, когда его разрешат навещать. Брюс был ко мне очень привязан, но я, конечно, понимаю: ему хотелось не столько увидеть меня, сколько получить свой компьютер.

— Я в этом не так уверена, — отозвалась Хлоя. — Он любил вас, как мать.

— Я знаю, что вы правы, — согласилась Лоретта. — Он сам мне это не раз говорил. Так или иначе, Брюс попросил, чтобы я распечатала все, что есть у него на жестком диске, исключая только то, что он называл «программными файлами».

— Но что именно оказалось в компьютере? — спросила Хлоя. — Его собственные работы по Библии, черновики проповедей? Такого рода материалы?

— Полагаю, да, — сказала Лоретта. — Он велел мне позаботиться о том, чтобы в запасе

было вдоволь бумаги. Я-то думала, он имеет в виду пачку или около того!

— А на самом деле потребовалось больше? — поинтересовался Бизон.

— О да, сэр, намного больше. Я стояла возле принтера и загружала в него страниц по двести зараз, пока не извела аж две большие пачки! Вообще-то я этих компьютеров боюсь до смерти, но Брюс мне объяснил, как вывести на печать все файлы, у которых название начинается с его инициалов. Он сказал, что если я просто задам команду «Print BB* *», то машина сама распечатает то, что он хочет. Я, конечно, надеюсь, что сделала все как нужно. Возможно, принтер напечатал даже больше, чем хотел Брюс. Мне кажется, сейчас бы его просто выключить, и дело с концом.

— Вам, наверное, пришлось притащить сюда уже третью пачку бумаги? — спросила Хлоя.

— Нет, не пришлось. С этим мне помог Донни.

— Тот парень-телефонист? — уточнил Бизон.

— Э-э-э... нет, Донни Мур гораздо больше чем обычный телефонист! — протянула Лоретта. — Наверное, нет на свете такой электронной техники, которую он не мог бы починить или усовершенствовать. Он мне показал, как приспособить к нашему лазерному принтеру старые коробки из-под бумаги. Он просто вытащил одну из них и прикрепил ее к принтеру, так что машина теперь сама

вытягивает оттуда листы и мне уже не надо загружать ее вручную.

— Я и не думал, что вы это умеете, — сказал Бизон.

— А я и не умела, — подтвердила Лоретта. — Донни знает кучу вещей, которых я не знаю. Он сказал, что принтер у нас совсем новый, «умный» и «навороченный» и что он, по идее, должен выдавать где-то по пятнадцать страниц в минуту.

— И давно вы уже занимаетесь распечаткой? — спросила Хлоя.

— Да вот примерно с того момента, как Брюс поговорил со мной из больницы сегодня утром. Правда, между первыми двумя пачками бумаги у меня случился перерыв длиной в минут десять — пятнадцать, а потом еще один, когда Донни помогал мне раздобыть большую коробку бумаги.

Бизон проскользнул во внутренний офис и в изумлении остановился, глядя на ультра-современный принтер, который вытягивал из коробки с бумагой страницу за страницей, прогонял их через свое нутро и выбрасывал с другой стороны. Там уже выросла целая стопка листов, которая, того гляди, должна была обвалиться. Бизон подровнял ее, чтобы она стояла прямо. Затем его взгляд приковала к себе коробка.

Первые две пачки бумаги с текстом, распечатанным через один интервал, были аккуратно сложены на столе пастора. На старой коробке из-под бумаги, каких Бизон не видел уже несколько лет, значилось, что в ней

упаковано пять тысяч листов. На глаз ему показалось, что ее содержимое израсходовано уже примерно процентов на восемьдесят. Ну нет, здесь наверняка какая-то ошибка! Разве Брюс мог столько написать — больше пяти тысяч страниц? Наверняка случилась досадная накладка и Лоретта по ошибке отправила на печать все, что было в компьютере, включая программные файлы, тексты Библии, конкордансы, словари и т. п.

Но оказалось, что никакой накладки не произошло. Бизон небрежно пролистал первую пачку, потом вторую, ища глазами текст, не принадлежащий перу пастора. Но на каждой странице, которую Бизон просматривал, он встречал только то, что сочинил сам Брюс. Здесь были его собственные комментарии к различным фрагментам из Библии, наброски проповедей, размышления на религиозные темы, письма друзьям, родственникам и священнослужителям, разбросанным по всему земному шару.

Сначала у Бизона возникло чувство вины — ведь он как бы вторгался в частную жизнь Брюса. Но, с другой стороны, разве пастор сам не настаивал на том, чтобы Лоретта распечатала все эти материалы? Может быть, он боялся, что ему недолго осталось жить? Хотел оставить свои записи людям, чтобы те могли ими пользоваться?

Бизон склонился над быстро растущей стопкой листов. Но и там на всех страницах он снова обнаружил только тексты, сочиненные Брюсом. Видимо, пастор писал по

несколько страниц в день больше двух лет подряд.

Когда Бизон вернулся к Хлое и Лоретте, старушка повторила:

— Наверное, мы можем спокойно отключить принтер, а распечатки выбросить. Ведь Брюс уже все равно не сможет воспользоваться тем, что написал.

Хлоя, у которой был вконец измученный вид, поднялась с пола и села в кресло, стоящее сбоку. Настала очередь Бизона опуститься на колени рядом со старушкой. Он взял ее за плечи и серьезно произнес:

— Лоретта, вы и сейчас можете послужить Господу, служа Брюсу. — Та начала было возражать, но Бизон продолжил: — Да, конечно, он ушел в мир иной, но ведь мы можем порадоваться уже тому, что он снова встретился со своей семьей, правда?

Лоретта сжала губы и кивнула. Бизон заговорил снова:

— Мне требуется ваша помощь в работе над одним крупным проектом. В той комнате находится настоящая золотая жила! Стоило мне только взглянуть на распечатанные страницы, и я понял, что Брюс по-прежнему с нами. Его знания, наставления, любовь, сострадание — все осталось там. И самое лучшее, что мы можем сделать для нашего малого стада, которое потеряло своего пастуха, — это размножить распечатки. Я не знаю, как нам найти нового пастора и вообще какого-нибудь наставника, однако, пока его нет, люди должны получить доступ к записям

Брюса. Возможно, то, что там написано, они частично слышали раньше на его проповедях или читали в каком-нибудь другом виде. Но все равно у нас в руках сокровище, способное принести пользу любому человеку.

Тут заговорила Хлоя:

— Бизон, а не попробовать ли нам для начала отредактировать записи и придать им, например, форму книги?

— Я их просмотрю, Хлоя, но вообще-то в том, чтобы просто размножить их так, как они есть, тоже имеется особая прелесть. Ведь для Брюса это были импровизации — заметки, сделанные в процессе исследований, письма братьям по вере, близким и любимым людям, да и просто самому себе. Мне кажется, Лоретте следовало бы отправить готовые страницы в копировальную мастерскую, чтобы их там размножили. Нам потребуется тысяча копий со всех материалов. Копии должны быть двусторонние, и пусть их вдобавок простенько сброшюруют.

— Это обойдется в целое состояние, — проговорила Лоретта.

— Можете теперь не беспокоиться об этом, — ответил Бизон. — Я не могу себе представить более удачную инвестицию.

Когда «леарджет» начал снижаться над районом Далласа—Форт-Уэрта, Фортунато, пригибаясь, пробрался в кабину и опустился

на колени между Эрнандезом и Рэйфордом. Оба пилота сдвинули наушники, обратившись к помощнику Карпати.

— Кто-нибудь хочет есть? — спросил Фортунато.

До сих пор Рэйфорду мысль о еде даже в голову не приходила. Он думал только о том, что мир сейчас разлетится на мелкие кусочки и начавшейся войны никто не переживет. Но сейчас от упоминания о еде у него внутри как будто что-то щелкнуло, и он неожиданно понял, что голоден, как волк. И он знал, что Аманда наверняка хочет есть не меньше него... хотя вообще-то она была малоежкой, и ему часто приходилось следить за тем, чтобы она не забывала вовремя подкрепиться.

— Я бы не отказался перекусить, — ответил Эрнандез. — Честно говоря, я могу сейчас съесть очень много.

— Господин Карпати хотел бы, чтобы вы связались с диспетчером ДФУ и попросили подготовить к нашему прилету что-нибудь вкусненькое.

На лице Эрнандеза вдруг отразился панический ужас: — Что-нибудь вкусненькое? Что вы имеете в виду?

— Капитан Эрнандез, я уверен, вы сможете организовать нам прием, соответствующий ситуации.

Фортунато, пятась, выбрался из каюты, а Эрнандез перевел взгляд на Рэйфорда.

— Диспетчер ДФУ, это «Глобал комьюнити три» на связи.

Когда Фортунато снова занял свое место в салоне, Рэйфорд оглянулся и увидел, что Карпати сидит, развернувшись в кресле на сто восемьдесят градусов, и о чем-то увлеченно беседует с Амандой.

* * *

Хлоя с Лореттой упорно трудились. Им нужно было придумать сообщение из пары лаконичных и емких фраз, чтобы передать его по телефону первым шести людям из церковного списка взаимных молитв. Каждый из них должен был затем позвонить своим знакомым, которые позвонили бы своим знакомым, и так новость стремительно распространилась бы по всей общине Новой Надежды.

Бизон тем временем записал на автоответчик короткое сообщение, в котором без всяких прикрас говорилось:

— Трагическая весть о смерти пастора Брюса верна. Рэйфорд Стил видел его тело и полагает, что он скончался еще до того, как в здание больницы успели попасть бомбы. Просим вас пока не приходить в церковь, поскольку до воскресенья ни встречи, ни службы, ни прочие заявленные мероприятия в обычное время проводиться не будут.

Бизон отключил на телефоне звуковой сигнал и сделал так, чтобы все звонящие сразу переключались на автоответчик, и вскоре тот уже щелкал не переставая. Это

явно говорило о том, что в офис звонило все больше и больше прихожан, чтобы проверить полученную информацию. Бизон понял, что в церкви в воскресное утро даже яблоку будет негде упасть.

Хлоя согласилась проводить Лоретту до дома и убедиться, что старушка в нормальном состоянии. А Бизон тем временем собрался позвонить Донни Муру.

— Донни, — сказал он, — мне нужен ваш совет, причем прямо сейчас.

— О, мистер Уильямс, — затараторил Донни с характерными отрывистыми интонациями, — «совет» — это, образно говоря, мое второе имя, так что вы обратились вполне по адресу. Как вы знаете, я работаю на дому, так что либо я к вам приеду, либо вы ко мне. Мы можем поговорить в любое время, когда пожелаете.

— Донни, в данный конкретный момент я не вполне мобилен. Я нахожусь в церкви, и если вы найдете возможность посетить меня там, я буду вам весьма признателен.

— Я подъеду к вам прямо сейчас, мистер Уильямс. Но только скажите мне сначала одну вещь: когда Лоретта была в офисе, она на какое-то время сняла с телефонов трубки?

— Да, мне кажется, она именно так и сделала. Ей нечего было ответить людям, которые звонили, чтобы узнать, что случилось с пастором Брюсом. А поскольку ей было нечего сказать, она отключила телефоны.

— Ох, у меня просто гора с плеч свалилась, — произнес Донни. — Несколько недель

назад я наладил ей новую телефонную систему, и я очень надеюсь, что в ней ничего не испортилось. А кстати, как поживает Брюс?

— Об этом я вам расскажу, когда вы сюда доберетесь. Ладно, Донни?

* * *

Рэйфорд смотрел, как над пассажирским аэропортом Далласа—Форт-Уэрта вздымаются черные облака. Он задумался над тем, сколько раз ему приходилось сажать огромный самолет на эти длинные, покрытые бетоном полосы. Много ли времени понадобится, чтобы восстановить здесь все, что разрушено? Капитан Эрнандез направил «леарджет» на близлежащий военный аэродром — тот самый, где Рэйфорд недавно побывал. На земле не было видно ни одного самолета. Кто-то явно приказал убрать их, сознательно приняв все меры, чтобы полоса не смогла стать мишенью для вражеского удара.

Эрнандез посадил «леарджет» настолько мягко, насколько вообще возможно посадить такой маленький самолет. Машина промчалась по земле до конца полосы и вкатилась прямо в большой ангар.

Рэйфорд удивился, что, кроме их самолета, в ангаре больше ничего не было. Эрнандез заглушил двигатели, и все вышли из самолета. Оказавшись в ангаре, Карпати снова облачился в свой маскировочный костюм. Он

что-то прошептал Фортунато, и тот спросил Эрнандеза, где для них накрыли стол.

— В ангаре номер три, — ответил пилот. — Мы сейчас находимся в ангаре номер один, а «Кондор-216» стоит в ангаре номер четыре.

Впрочем, в маскировке, как выяснилось, не было никакой необходимости. Промежутки между ангарами оказались совсем небольшими, и маленький отряд быстро проскакивал между боковыми стенами зданий, ныряя из одной дверцы в другую. Ангары номер два и номер три тоже стояли совершенно пустые; только рядом с боковой дверью, ведущей в ангар номер четыре, обнаружился стол, на котором возвышалась стопка готовых лент, упакованных как навынос.

Путешественники подошли к нему. Тут Карпати повернулся к Рэйфорду.

— Попрощайтесь с капитаном Эрнандезом, — произнес потентат. — Когда он поест, то отправится по моему заданию в командировку в Мэриленд, туда, где находится старое здание Агентства национальной безопасности. Вы с ним вряд ли когда-нибудь увидите — он ведь летает только на маленьких самолетах.

Рэйфорду ничего не оставалось, кроме как подавить в себе желание пожать плечами. Ему-то что за дело? Он ведь с Эрнандезом едва знаком. Почему для Карпати так важно, чтобы Рэйфорд владел самой свежей информацией о людях, работающих на него? Особенно в то время, как он не сообщил своему личному пилоту, что Эрл Халлидей тоже по-

могал конструировать новый самолет. Карпати даже не сказал Рэйфорду, что новый самолет вообще может ему понадобиться, и не выдавал никакой информации об этой машине, хотя именно ему предстояло на ней летать. Нет, Рэйфорд никак не мог понять своего шефа!

Он с жадностью поглощал пищу и Аманду тоже по мере сил уговаривал поесть больше обычного, хотя она его и не послушала. Когда маленький отряд совершал последнюю перебежку из одного ангара в другой, Рэйфорд слышал характерный шум двигателей и понял, что Эрнандез уже в воздухе. Что интересно, Фортунато исчез, как только они вошли в ангар номер четыре. Там, выстроившись в ряд, их ждали четверо из десяти послов наций, каждый из которых выступал от имени огромных территорий и народных масс и считывался напрямую перед самим Карпати. Рэйфорд не имел ни малейшего представления о том, где эти люди находились раньше и как добрались сюда. Он знал лишь, что его дело — доставить их всех в Новый Вавилон на экстренные встречи в связи с началом Третьей мировой войны.

Последним в ряду оказался Эрл Халлидей. Он стоял с напряженным, чопорным видом, глядя прямо перед собой. Карпати поочередно пожал руку каждому из четырех представителей, но проигнорировал Халлидея, который, казалось, воспринял это как должное. Рэйфорд направился прямо к старому другу и протянул ему руку. Халлидей не обратил на

его жест никакого внимания и шепотом сказал:

— Отойди от меня, Стил, дрянь паршивая!

— Эрл!

— Я тебе серьезно говорю, Рэйфорд! Я обязан научить тебя управлять новым самолетом, но не собираюсь делать вид, что меня это радует.

Смутившись и растерявшись, Рэйфорд попятился прочь от Эрла и подошел к Аманде, которая осталась совсем одна и, видимо, чувствовала себя не в своей тарелке.

— Рэйфорд, а что здесь забыл Эрл Халлидей? — спросила она.

— Я тебе потом расскажу. Но на душе у него не очень-то хорошо, это я тебе точно могу сказать. А о чем Карпати говорил с тобой в самолете?

— Он хотел узнать, чего бы мне хотелось съесть. Ну и человек!

Тут в ангар вошли два нововавилонских референта и, здороваясь, обнялись с Карпати. Один из них знаком велел Эрлу и Рэйфорду следовать за ним в угол ангара, где они оказались на максимальном расстоянии от «Кондора-216».

Рэйфорд сознательно избегал смотреть на чудовищную машину. Хотя самолет стоял носом к двери, открывавшейся в сторону взлетно-посадочной полосы, и вообще до него оставалось больше 150 футов, Рэйфорда все равно не оставляло ощущение, что «кондор» полностью подчиняет себе пространство ангара. Он с первого взгляда понял, что

на разработку машины, которая сейчас находится перед ним, ушли не просто месяцы, а целые годы. Бесспорно, по размеру этот самолет превосходил все пассажирские лайнеры, которые Рэйфорду доводилось видеть в жизни. К тому же «кондор» был выкрашен в такой ослепительно-белый цвет, что он почти сливался со светлыми стенами в тускло освещенном ангаре. Рэйфорду оставалось лишь гадать, насколько трудно будет разглядеть его в небе...

Референт Николае, который отвел летчиков в сторонку, был одет в точности как шеф — в элегантный черный костюм и белую рубашку с кроваво-красным галстуком, в котором торчала золотая булавка. Молодой человек доверительно наклонился к Рэйфорду и Эрлу и чрезвычайно серьезно проговорил:

— Господин Карпати хотел бы подняться в воздух как можно скорее. Вы в состоянии назвать примерное время вылета?

— Я никогда раньше не видел этот самолет, — сказал Рэйфорд, — и я понятия не имею...

— Рэйфорд, — прервал его Эрл, — говорю тебе, ты сможешь летать на нем уже через полчаса. Я знаю тебя, и я знаю самолеты. Так что доверься мне.

— Что ж, это интересно, Эрл, но я не могу давать никаких обещаний, пока сам все не изучу и не испытаю на практике.

Подражатель Карпати повернулся к Халлидею:

— А вы сможете повести этот самолет? Ну, хотя бы пока капитан Стил не почувствует, что...

— Нет, сэр, не смогу! — отрезал Халлидей. — Просто отдайте мне Стила на полчаса, а потом позвольте мне уехать обратно в Чикаго.

* * *

Оказалось, что Донни Мур был более говорлив, чем хотелось бы Бизону. Однако журналист решил, что необходимость имитировать интерес к болтовне собеседника — не столь уж высокая цена за возможность воспользоваться его профессиональными познаниями.

— Значит, вы заведуете здесь телефонами, но помимо этого еще и продаете компьютеры...

— С одной стороны, сэр, все так и есть. Таким путем я стараюсь удвоить свой доход. Знаете, у меня тут целый чемодан разных каталогов!

— Хотелось бы на них взглянуть, — обронил Бизон.

Донни ухмыльнулся:

— Нет ничего проще!

Он открыл свой портфель и извлек из него кучу проспектов — видимо, по одному от каждого производителя, представителем которого он работал. Отобрав шесть брошюр,

молодой человек разложил их перед Бизоном на кофейном столике.

— Стоп! — воскликнул тот. — Я уже вижу, что выбор становится чрезмерно широким. А не лучше ли будет, если вы просто выслушаете описание того, что мне нужно, а потом скажете, можете вы достать такую технику или нет?

— Готов сказать вам сразу: достать ее я могу, — отрапортовал Донни. — На прошлой неделе я продал одному парню тридцать ультрапортативных ноутбуков, у которых мощность была выше, чем у любой другой модели, и...

— Донни, извините, одну секундочку, — прервал его Бизон. — Вы слышали, как принтер перестал работать?

— Разумеется, я слышал! Либо бумага в нем кончилась, либо чернила, либо он просто распечатал до конца то, что распечатывал. Знаете, я ведь сам продал его Брюсу. Лучшая модель своей серии! Печатает на бумаге стандартного формата, загрузка непрерывная... словом, эта железяка может все, что только душа пожелает.

— Позвольте, я только проверю, что же с ней все-таки стряслось, — произнес Бизон.

Он встал и заглянул во внутренний офис. Экран на лэптопе Брюса уже погас. На принтере не светилось никакие лампочки, сигнализирующие о том, что кончились чернила или бумага. Бизон нажал кнопку на компьютере, и экран ожил. Сообщение, появившееся на нем, гласило, что распечатка завершена.

На глазок Бизону показалось, что в коробке вместимостью пять тысяч листов, из которой Лоретта «кормила» бумагой принтер, осталось не более ста листов. «Какое сокровище теперь у нас в руках!» — подумал Бизон.

— Ну и когда же Брюс собирается вернуться? — раздался из другой комнаты голос Донни.

* * *

Сначала Рэйфорд и Эрл поднялись на борт «кондора» только вдвоем. Эрл приложил палец к губам, и Рэйфорд догадался, что он ищет «жучков». Прежде чем начать говорить, пожилой летчик тщательно проверил систему двусторонней связи.

— А то мало ли что, — пояснил он.

— Расскажи мне о самолете, — попросил Рэйфорд.

— Это ты мне о нем расскажи, Рэйфорд!

— Эрл, непонятного и неизвестного здесь гораздо больше для меня, чем для тебя. Я ведь даже не знал, что ты тоже участвуешь в этом проекте! У меня даже мысли не было, что ты работаешь на Карпати. Но ты-то знал, что я на него работаю, так почему ты ничего мне не сказал?

— Я не работаю на Карпати, Рэйфорд. На меня нажали, меня заставили служить ему... Я по-прежнему шеф-пилот «Пан-Континентал» в аэропорту О'Хара, но если долг зовет...

— Почему же Карпати не сказал мне, что держит тебя на примете? — спросил Рэй. — Он попросил меня подыскать человека, который сможет перегнать борт номер один в Нью-Йорк. Он не мог знать заранее, что я выберу тебя!

— Наверняка знал, — ответил Эрл. — А кого ты еще мог выбрать? Меня попросили помочь в разработке «кондора», и я подумал, что это было бы классно — разок проверить, на что он способен. Тогда-то меня и попросили слетать в Нью-Йорк на машине, которая послужила для него прототипом. Поскольку просьба исходила от тебя, я воспринял ее как честь, я был польщен! И лишь после приземления, осознав, что самолет на самом деле был мишенью, а я — вместе с ним, я дернул из Нью-Йорка и как можно быстрее помчался в Чикаго. Когда я находился в воздухе, люди Карпати сообщили мне, что я нужен в Далласе, чтобы провести с тобой инструктаж на предмет управления «кондором».

— Я пропал, — произнес Рэйфорд.

— Ну, я вообще-то тоже знаю не так уж много, — продолжал Эрл. — Но мне ясно одно: Карпати хотел создать впечатление, что я оказался в обреченном Нью-Йорке и отправился на тот свет не по его, а по моему решению.

— Да с чего бы ему желать твоей смерти?

— Может быть, я слишком много знаю?

— Я летал с ним повсюду, — сказал Рэйфорд. — Я неизбежно должен знать больше,

чем ты, но у меня нет ощущения, что он хочет меня убить.

— Не поворачивайся к нему спиной, Рэйфорд. Я слышал достаточно, чтобы понять: не все здесь действительно таково, каким кажется, и наш шеф вряд ли принимает интересы человечества так уж близко к сердцу.

«Да ты, друг, еще недооцениваешь его!» — пронеслось в голове у Стила.

— Не знаю, Рэйфорд, как ты меня в это втравил, но...

— Я втравил? Эрл, у тебя короткая память. Ведь это ты был одним из тех, кто подбивал меня стать пилотом борта номер один. Я к этой должности не стремился и, уж конечно, даже не представлял себе, что все в итоге выльется в то, во что вылилось.

— Это была шикарная работа — летать на борте номер один, и к тому же очень доходная. Тут не важно, осознавал ты ее достоинства или нет, — сказал Эрл. — Разве я мог знать, что получится в результате?

— Давай перестанем обвинять друг друга и решим, чего от нас ожидают в настоящий момент.

— Рэй, я научу тебя водить этот самолет, но после того, как я сделаю свое дело меня, наверное, можно будет считать покойником. Не мог бы ты рассказать моей жене, что...

— Эрл, да о чем ты вообще говоришь? Почему ты думаешь, что не доберешься обратно в Чикаго?

— Понятия не имею, Рэй. Я знаю только одно: все было спланировано так, чтобы я вме-

сте с тем самолетом оказался в Нью-Йорке прямо в момент бомбежки. Я не считаю, что представляю собой какую-то угрозу для администрации Карпати, но если бы они хоть чуть-чуть заботились обо мне, то помогли бы мне убраться из Нью-Йорка пораньше — до того, как мне и самому стало ясно, что нужно срочно уносить ноги.

— А ты не можешь устроить себе что-нибудь вроде срочной командировки в ДФУ? В свете всего произошедшего люди, которые раньше работали в «Пан-Континентале», наверняка должны быть там на вес золота.

— Люди Карпати уже организовали мою поездку обратно в Чикаго. Просто у меня есть чувство, что надо мной нависла какая-то опасность.

— Ну, так скажи им, что тебе не хочется их утруждать. Скажи, что у тебя в ДФУ полным-полно работы...

— Попробую. А теперь давай я все-таки покажу тебе, что представляет собой эта машина. И еще: Рэй, пообещай мне, как старому другу, что если со мной что-нибудь случится...

— Ничего с тобой не случится, Эрл! Но я, конечно, в любом случае буду поддерживать связь с твоей женой.

* * *

Услышав трагическую новость, Донни Мур лишился дара речи. Он сидел, уставившись в пространство широко раскрытыми

глазами, и не мог произнести ни слова. Бизон, желая на что-нибудь отвлечься, принялся листать каталоги, но никак не мог сосредоточиться. Он знал, что Донни станет задавать ему новые вопросы, но понятия не имел, что сказать в ответ. А помощь этого молодого человека была ему сейчас совершенно необходима.

— Что же теперь будет с нашей церковью, с нашей общиной? — Голос у Донни стал хриплым от переполняющих его чувств.

— Я знаю, что это звучит избито, — сказал Бизон, — но мне кажется, Бог пошлет нам все, что нам нужно.

— Да разве сможет Бог послать нам такого человека, как пастор Брюс?

— Я понимаю, что вы имеете в виду, Донни. Кто бы ни занял место пастора, заменить нам Брюса Барнса он все равно не сможет. Другого такого на свете нет.

— Мне до сих пор трудно поверить в то, что случилось, — признался Донни. — Но мне кажется, что после такого известия вряд ли что-нибудь и когда-нибудь сможет меня удивить.

Рэйфорд сидел перед приборной панелью в кабине «Кондора-216».

— А где мне теперь взять старшего помощника? — спросил он у Эрла.

— Они сняли какого-то парня с рейса другой авиакомпания. Он полетит с тобой до Сан-Франциско, а там к вам на борт поднимется МакКаллам.

— МакКаллам? Эрл, да он же был у меня вторым пилотом, когда мы летели из новый Вавилона в Вашингтон! Потом я отправился в Чикаго, а он в это время должен был вернуться в Ирак.

— Рэйфорд, я только передал тебе то, что сказали мне самому. Как говорится, за что купил, за то и продаю.

— А почему нам, как сказал Карпати, нужно лететь на запад, чтобы попасть на восток?

— Я вообще-то совершенно не представляю, что здесь творится. Мне все это в новинку. Может, ты как раз понимаешь ситуацию лучше, чем я. Но обрати внимание: война и разрушения в основном затронули территорию к востоку от Миссисипи. Ты ведь заметил, да? Складывается впечатление, что все было чуть ли не заранее распланировано. «Кондор-216» сконструировали и построили тут, в Далласе, а не в ДФУ. В противном случае он ведь тоже мог бы погибнуть под бомбами! Кроме того, он оказался готов как раз тогда, когда он тебе понадобился. Посмотри, приборы управления у него как у «Боинга-777», при этом «кондор» гораздо крупнее его. Если ты умеешь летать на «семьсот семьдесят седьмом», то сможешь полететь и на новой машине, нужно только привыкнуть к ее габаритам. Ну а люди, которые тебе нужны, оказываются там, где тебе нужно, и в момент,

когда тебе нужно. Ты, парень, продумай все это хорошенько. И кстати, ни одно из обстоятельств, которые я сейчас перечислил, не стало для Карпати неожиданностью, верно?

Рэйфорд совершенно не представлял, что сказать Эрлу в ответ.

— Ты полетишь в аккурат по прямой линии, соединяющей Даллас и Сан-Франциско. — продолжал Халлидэй. — Насколько я могу предположить, с воздуха ты не увидишь никаких разрушений, и нападение тебе тоже не грозит. Возможно, конечно, что с запада от вас окажутся ребята из ополчения, которые с удовольствием стрельнули бы по Карпати ракетой, но о том, каким маршрутом вы полетите, будут знать лишь очень немногие. В Сан-Франциско вы сделаете остановку. Времени у вас хватит лишь на то, чтобы твой временный второй пилот сошел на землю, а его место занял МакКаллам, с которым ты обычно летал.

* * *

Бизон тронул Донни за руку, словно хотел разбудить его. Юноша посмотрел на него тупо и беспомощно.

— Мистер Уильямс, общине приходилось нелегко, даже когда пастор Брюс был с нами. А теперь я даже не представляю, как нам быть.

— Донни, — наставительно произнес Бизон, — сейчас вам представляется шанс кое-что сделать для Господа, и это будет самая великая и прекрасная дань памяти Брюса Барнса, какая только возможна с вашей стороны.

— Ну, сэръ, тогда я выполняю все, о чем пойдет речь.

— Во-первых, Донни, позвольте вас уверить, что целью этого начинания отнюдь не является прибыль.

— Я и не хочу извлекать прибыль из работы, которая поможет церкви и Богу и увековечит память Брюса.

— Превосходно. Вы уж сами смотрите, закладывать ли сюда свою прибыль и какую именно. Я просто вам сообщаю, что мне необходимы пять самых лучших и самых мощных компьютеров, какие только есть на свете. Они должны быть как можно меньше и компактнее, но чтобы при этом их мощность, память, скорость и так далее были настолько хороши, насколько это вообще возможно технически.

— Мы с вами говорим на одном языке, мистер Уильямс!

— Надеюсь, что да, Донни, потому что мне нужен компьютер, возможности которого в буквальном смысле слова не знают границ. Я хочу, чтобы его можно было взять с собой куда угодно и хранить на нем любые данные, какие только потребуются. А самое важное — чтобы я мог с его помощью связаться с любым человеком и с любой точкой на земном шаре, но передачу информации

нельзя было отследить. Эта задача в принципе выполнима?

— Да, сэр, и я могу собрать такую машину. По сути, вам нужен компьютер наподобие тех, которыми ученые пользуются в джунглях и пустынях — в местах, где нет розеток и некуда воткнуть штепсель.

— В самую точку, — ответил Бизон. — Некоторые наши репортеры пользуются подобными компьютерами, когда оказываются вдали от цивилизации. Мне вот интересно: в них что, вмонтированы спутниковые антенны?

— Хотите верить, хотите нет, но там действительно имеется нечто подобное. А для вас я могу добавить и другую фишку.

— Какую именно?

— Видеоконференцию.

— Вы хотите сказать, что, общаясь с человеком, я смогу видеть того, с кем говорю?

— Да, если на его компьютере тоже есть подобное устройство.

— Я хочу получить все возможности, о которых вы упомянули, и притом в кратчайший срок. А еще мне нужно, чтобы вы держали нашу сделку в тайне.

— Мистер Уильямс, одна такая машина может обойтись вам дороже двадцати тысяч долларов.

До этого Бизон думал, что деньги для него не проблема, но переложить такие траты на плечи Карпати он уже не мог. Он откинулся в кресле и присвистнул сквозь зубы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Можешь сказать, что у меня было интуитивное прозрение, Рэйфорд, но я кое-что добавил к аппаратуре в расчете именно на тебя.

Рэйфорд и Эрл закончили все, что собирались сделать в кабине. Стил доверял Халлидею. Он знал: если старый друг считает, что Рэй может летать на этой машине, значит, так и оно есть на самом деле. Конечно, он по-прежнему собирался настоять на том, чтобы вместе с временным старшим помощником провести на «кондоре» пробный полет, прежде чем взять на борт пассажиров. Перспектива потерпеть крушение и убить себя вместе с Антихристом Рэйфорда не пугала, но он не желал брать на себя ответственность за жизни ни в чем не повинных людей, особенно за жизнь собственной жены.

— Ну, так что ты для меня приготовил, Эрл?

— Погляди-ка сюда, — ответил тот и показал пальцем на одну из кнопок. Нажав на нее, командир самолета мог говорить с пассажирами.

— Система двусторонней связи, — произнес Рэйфорд. — Ну и что?

— Засунь левую руку под кресло и проведи пальцами вдоль нижнего бокового края сиденья, — сказал Эрл.

— Здесь тоже какая-то кнопка...

— Я сейчас зайду обратно в кабину, — продолжал Эрл. — Ты нажмешь на обычную кнопку двусторонней связи и сделаешь объявление. Потом мысленно сосчитай до трех и нажми на ту, другую кнопку под сиденьем. Только следи за тем, чтобы наушники не съехали у тебя с головы.

Рэйфорд подождал, когда Халлидей выйдет и дверь кабины защелкнется, а затем включил связь с пассажирским салоном.

— Привет, привет! Здравствуй, Эрл! Раз, два, три!

Затем, мысленно сосчитав до трех, он нажал на кнопку, расположенную под сиденьем, и, к своему удивлению, услышал в наушниках голос Эрла Халлидея, который говорил почти шепотом.

— Рэйфорд, как видишь, я сейчас говорю тише, чем обычно бывает во время беседы. Если я сделал свою работу, как надо, ты услышишь мой голос из любой точки самолета. Каждый громкоговоритель одновременно

служит и передатчиком, от которого сигнал идет только в твои наушники. Я смонтировал провода так, что обнаружить прослушивание невозможно. Этот самолет уже проверили лучшие специалисты по поиску «жучков», какие только есть в штате Мирового Сообщества. Ну а если мой фокус когда-нибудь все же откроется, я просто прикинусь дурачком и скажу, будто думал, что от меня именно этого и хотели.

Рэйфорд вышел из кабины.

— Эрл, ты просто гений! Не знаю точно, что я услышу, но для меня чрезвычайно полезно быть в курсе того, о чем говорят в салоне.

* * *

Упаковывая листы, на которых были распечатаны записи Брюса, Бизон услышал рык «рейнджровера», въехавшего на парковку. Пока Хлоя шла к офису, он успел уложить все распечатки и компьютер пастора в одну огромную картонную коробку. Подтащив ее волоком к двери, он сказал жене:

— Подбрось меня до офиса, а потом тебе стоит наведаться в «Дрейк» и проверить, там ли еще наши вещи. Нам лучше оставить за собой номер в отеле, пока не подыщем себе жилье, расположенное поближе к церкви.

— Я надеялась, что ты это скажешь, — ответила Хлоя. — Лоретта сейчас совершенно

разбита. В офисе ей понадобится много помощи. И что нам делать с похоронами?

— Вот ими ты и займешься, Хлоя. Ты должна связаться с офисом coronера, договориться, чтобы тело доставили в здание для гражданских панихид, здесь неподалеку, и так далее. Сейчас, когда убитых и раненых слишком много, в этих делах царит сплошная неразбериха, и чиновники наверняка будут рады, что хоть одно тело кто-то опознал и затребовал. Нам с тобой понадобятся машины. Я абсолютно не представляю, куда мне придется отправиться. Поскольку в Нью-Йорк теперь долго никто не поедет, я, конечно, смогу работать и в чикагском офисе, однако нельзя обещать, что я все время буду здесь, в пределах досягаемости.

— Лоретта — благослови ее Господь! — подумала о том же самом — и это несмотря на все потрясения, которые ей пришлось пережить. Она напонила мне, что у общины есть целый парк автомобилей, которые остались без хозяев с момента Вознесения верующих. Их одалживают тем, кто оказался как раз в таких трудных ситуациях.

— Что ж, отлично, — сказал Бизон. — Воспользуемся одним из них. И не забывай: нам еще будет нужно размножить все материалы пастора, чтобы раздать их членам церковной общины.

— Да разве у тебя будет время, чтобы просмотреть распечатки от первой до последней страницы?

— Нет, конечно, но я уверен, что все здесь напечатанное в любом случае принесет людям пользу.

— Поймай, Бизон, подожди минутку! Нам никак нельзя копировать эти распечатки, пока кто-нибудь их не прочтает. Ведь в записях Брюса могут оказаться какие-то очень личные вещи, относящиеся к его частной жизни. И ты знаешь, что там наверняка есть и прямые упоминания о Карпати и Отряде Скорби. Мы не вправе подвергать себя такой угрозе — ведь нас могут разоблачить!

Бизона мучило уязвленное самолюбие. Он любил эту женщину, но она была на десять лет младше его, и он тяжело переносил минуты, когда у него возникало ощущение, что Хлоя его поучает — в особенности если она к тому же была права.

Когда Бизон грузил тяжелую коробку с компьютером и распечатками на заднее сиденье «рейнджровера», жена сказала ему:

— Ты просто оставь все на меня, милый. В оставшиеся до воскресенья дни я просмотрю все распечатки строчку за строчкой. И в итоге у нас будет чем поделиться с остальной общиной. Мы даже сможем публично объявить, что где-то через неделю предоставим людям часть этих материалов в виде ксерокопий.

— Когда ты права, ты права. Но где ты будешь этим заниматься?

— Лоретта предложила нам пожить у нее. Ты же видел тот большой старый дом — там она и живет.

— Это был бы идеальный вариант, но я терпеть не могу навязываться и обременять людей.

— Ах, Бизон, мы вряд ли будем ее обременять! Наше присутствие она почти не заметит. Кроме того, я чувствую, что она очень одинока и сильно горюет, так что мы ей по-настоящему нужны.

— Ты же знаешь, я вряд ли буду проводить там много времени, — сказал Бизон.

— Я уже большая девочка и могу сама о себе позаботиться.

Супруги уже сидели в «рейнджровере».

— Так зачем я тебе вообще нужен? — спросил Бизон.

— Я держу тебя в своей свите, потому что ты меня забавляешь.

— Хлоя, не дурачься! Я никогда себе не прощу, если в момент, когда война придет прямо сюда, на Маунт-Проспект, окажусь где-то в другом городе или в другой стране.

— Ты забыл, что под зданием церкви есть бомбоубежище.

— Я помню, Хлоя. Я только о том и молюсь, чтобы им никогда не пришлось воспользоваться по назначению. Об этом убежище знает кто-нибудь, кроме членов Отряда Скорби?

— Нет. Даже Лоретта не знает. Это ужасно маленькое помещение. Если бы папе, Аманде, тебе и мне пришлось пробыть там сколько-нибудь продолжительное время, нам стало бы не очень весело.

Полчаса спустя Бизон ввалился в чикагский офис журнала «Глобал комьюнити уик-ли».

— Я хочу раздобыть для нас пару мобильных, — сообщила Хлоя. — Позвоню в «Дрейк», а потом съезжу туда и заберу наши вещи. А еще поговорю с Лореттой насчет второй машины.

— Купи пять мобильных, Хлоя, и не экономь деньги.

— Пять? — переспросила она. — Да я не знаю, сумеет ли Лоретта справиться хоть с одним!

— Я говорю не в расчете на Лоретту. Я просто хочу, чтобы у нас наверняка был запас.

* * *

Как ни трудно было представить себе такое, но оказалось, что «Кондор-216» оснащен даже с бóльшим размахом, чем борт номер один Мирового Сообщества. Создатели воздушного гиганта не упустили из виду ни единой мелочи, не говоря уже о новейших устройствах связи. Прощаясь с Эрлом Халлидеем, Рэйфорд настойчиво уговаривал старого друга, чтобы тот прислал весточку сразу, как только убедится, что дом его цел, а жена — в безопасности.

— Боюсь, тебе вряд ли понравится, во что превратился наш аэропорт, — сказал Рэйфорд Эрлу. — Не сажать тебе теперь самолет в О'Хара.

Карпати был раздражен тем, что Рэйфорд и его временный второй пилот не пропустили пассажиров на борт, пока не выполнили пробный взлет и облет препятствия. Но Рэйфорд был доволен, что поступил именно так. Хотя в кабине все и правда выглядело, как в «семьсот семьдесят седьмом», сам самолет, более крупный и тяжелый, вел себя скорее как «Боинг-747», и к этому требовалось привыкнуть. Только когда «Кондор-216» с пассажирами на борту поднялся в воздух и на высоте тридцати трех тысяч футов взял курс на Сан-Франциско, развив скорость более семисот миль в час, Рэйфорд поставил его на автопилот, а второму пилоту велел быть начеку и следить за приборами.

— Чем собираетесь заняться, сэр? — спросил тот. По возрасту он был моложе Стила.

— Просто посижу, — ответил Рейфорд. — Подумаю, почитаю.

Согласовав маршрут с контрольно-диспетчерским пунктом в Оклахоме, он нажал на кнопку громкой связи и обратился к пассажирам.

— Потентат Карпати, уважаемые гости! С вами говорит капитан Стил. Предполагаемое прибытие в Сан-Франциско 17.00 по тихоокеанскому поясному времени. Мы надеемся, что нас ожидают чистое небо и приятный полет.

Рэйфорд откинулся на спинку кресла и сдвинул ободок наушников на затылок, как

бы небрежно снимая их. Тем не менее они все равно оставались достаточно близко к ушам, чтобы он мог слышать доносящиеся оттуда звуки. А вот второй пилот не мог их уловить, поскольку его-то наушники, как и раньше, были надеты на голову и плотно закрывали уши.

Рэйфорд вытащил из дорожной сумки книгу и открыл ее, положив перед собой. Только бы не забыть время от времени переворачивать страницы! Ведь на самом деле он собирался отнюдь не читать, а слушать. Скользя левой рукой под сиденье, Рэйфорд осторожно нажал на потайную кнопку.

Первый голос, который услышал Рэйфорд, принадлежал Аманде. Звук был настолько четким, словно жена говорила с ним по телефону.

— Да, сэр, понимаю, — произнесла она. — Не беспокойтесь обо мне, сэр, это совершенно лишнее.

Затем заговорил Карпати:

— Я надеюсь, что в Далласе все смогли как следует подкрепиться. В Сан-Франциско на борт «кондора» поднимется полноценный экипаж, так что во время перелета в Багдад и оттуда в Новый Вавилон нас ждет отличное обслуживание.

— В Багдад? — переспросил еще чей-то голос.

— Да, — ответил Карпати. — Я взял на себя смелость отправить трех лояльных нам пилотов самолетом в Багдад. Возможно, наши враги предполагали, что они полетят напрямую

в Новый Вавилон. А мы на самом деле захватим их по дороге и начнем наши встречи во время короткого перелета из Багдада в Новый Вавилон.

— Миссис Стил, надеюсь, вы меня извините...

— Конечно-конечно, — проговорила Аманда.

— Джентльмены! — произнес Карпати.

Теперь он говорил тише, чем раньше, но все равно достаточно отчетливо для того, чтобы Рэйфорд мог разобрать каждое слово. Да, нужно будет как-нибудь поблагодарить Халлидея от имени Царства Божия! Служение Господу не интересовало Эрла, по крайней мере пока. Но какими бы соображениями он ни руководствовался, оказывая Рэйфорду такую услугу, она, несомненно, должна была пойти на пользу противникам Антихриста.

Тем временем Карпати продолжал:

— Мистер Фортунато ненадолго задержался в Далласе, чтобы организовать мое следующее радиовыступление, которое будет транслироваться именно оттуда. Я планирую произнести свою речь прямо в самолете; тем не менее ее сначала передадут в Даллас, откуда и пойдет вещание на весь мир. Это необходимо, чтобы сбить с толку всех врагов Мирового Сообщества. Как только «кондор» оторвется от земли в Сан-Франциско, мы отстреляемся и по Лос-Анджелесу, и по зоне Залива.

— По зоне Залива? — раздался голос с сильным акцентом.

— Да, то есть по Сан-Франциско и району Окленда.

— А что вы имеете в виду, когда сказали «отстреляемся»?

Тут Карпати заговорил с мрачными и серьезными интонациями.

— Слово «отстреляться» значит именно то, что оно значит, — сказал он. — К моменту, когда мы приземлимся в Багдаде, в Америке будут уничтожены не только Вашингтон, Нью-Йорк и Чикаго. Эти три города Северной Америки просто пострадают сильнее всего. Ведь на данный момент в Чикаго вообще разрушены только аэропорт и один из пригородов! Но ничего, не пройдет и часа, как все изменится. Вы ведь уже знаете, что произошло с Лондоном. Джентльмены, вы хоть понимаете, сколько бед может натворить бомба той мощности, что была сброшена на Британию?

Повисло молчание. Карпати продолжал:

— Чтобы дать вам материал для сравнения, скажу: по утверждениям историков, одна бомба в двадцать мегатонн обладает большей разрушительной силой, чем все боеприпасы, сброшенные друг на друга воюющими сторонами во время Второй мировой войны, включая те две атомные бомбы, которые были сброшены на Японию.

— Соединенным Штатам Великобритании необходимо было преподать урок, — снова раздался голос с акцентом.

— И они его получили, — отозвался Карпати. — В одной только Северной Америке

наглядным уроком для наших противников станут Монреаль, Торонто, Мехико, Вашингтон, Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско и Лос-Анджелес.

Рэйфорд сдернул с головы наушники и отстегнул на себе ремни. Он шагнул из кабины в пассажирский салон и встретился взглядом с Амандой. Жестом он попросил жену подойти к нему. Карпати поднял глаза и улыбнулся.

— О, капитан Стил! — приветствовал он Рэйфорда. — Все в порядке?

— Полет проходит без происшествий, сэр, если вы это имеете в виду. Такие полеты — самые лучшие. А вот о том, что творится на земле, мне вам сказать особенно нечего.

— И то верно, — произнес Карпати, внезапно успокаиваясь. — Скоро я выражу Мировому Сообществу свои соболезнования.

Рэйфорд потянул Аманду за собой и завел ее в коридор.

— Бизон и Хлоя собирались сегодня переночевать в отеле «Дрейк»?

— У нас не было времени об этом поговорить, Рэй, — ответила жена. — Но я просто не представляю, какие у них еще могут быть варианты. Судя по всему, в Нью-Йорк они уже не вернутся.

— Боюсь, что Чикаго стал для кое-кого очередной мишенью, — сказал Рэйфорд.

— Нет, я не могу такое даже вообразить, — произнесла Аманда.

— Я должен предупредить их!

— И ты рискнешь позвонить отсюда при том, что звонок могут засечь? — спросила жена.

— Ради того, чтобы спасти их жизни, стоит пойти на любой риск.

Аманда обняла мужа и вернулась на свое место.

Убедившись, что у второго пилота наде- ты наушники, да и вообще он занят, Рэйфорд вытащил собственный мобильный телефон и набрал номер. Дозвонившись до отеля «Дрейк» в Чикаго, он попросил соединить его с супругами Уильямс.

— У нас есть три постояльца с фамилией Уильямс, — ответили на другом конце прово- да. — Но ни одного из них не зовут Кэмерон, Бизон или Хлоя.

Рэйфорд лихорадочно соображал.

— Ну, тогда соедините меня с мистером Катцем, — попросил он.

— Вы имеете в виду Герберта Катца? — уточнил оператор.

— Его самого.

Спустя минуту в трубке прозвучало:

— Никто не отвечает. Не желаете оста- вить сообщение на их автоответчике?

— С удовольствием, — ответил Рэй- форд, — но я еще хотел бы знать наверняка, что у них на ответчике включена лампочка и что портье у входа сразу сообщит им, что для них поступило срочное сообщение.

— Мы это непременно сделаем, сэр. Спа- сибо, что позвонили в наш отель.

Услышав сигнал автоответчика, Рэйфорд быстро заговорил:

— Ребята, вы знаете, кто это звонит. Не тратьте время ни на что! Как можно скорее уезжайте из центра Чикаго! Пожалуйста, доверьтесь мне и сделайте, как я говорю.

* * *

Невозможно даже сосчитать, сколько раз у Бизона случались конфликты с Верной Зи — журналисткой из чикагского офиса. Один раз они сцепились, когда Верна, по его мнению, вышла за рамки приличий и чересчур поспешно переехала в кабинет своей бывшей начальницы, Люсинды Вашингтон, пропавшей во время Вознесения. В другой раз — когда самого Бизона понизили в должности за явное пренебрежение самым важным заданием за всю его жизнь. Верна тогда сделала главой чикагского отделения и принялась командовать своим талантливым сослуживцем. А сейчас, когда он сам стал всем здесь заправлять, у него, конечно, возникало искушение вышвырнуть эту скандалистку из журнала. Однако Верну пришлось оставить — разумеется, при условии, что она будет добросовестно выполнять свои обязанности и не станет совать нос куда не следует.

Когда Бизон вошел в офис в конце рабочего дня, все работники, даже неукротимая Верна, выглядели растерянными и потрясен-

ными. Как обычно случалось в моменты международных кризисов, сотрудники сбились в кучу вокруг телевизора. Двое из них подняли глаза на Бизона, когда он вошел в комнату.

— Что вы об этом думаете, шеф? — спросил один из них, и тогда Уильямса заметили еще несколько человек. Верна Зи прямою направилась к нему.

— Вам прислали несколько срочных сообщений, — сказала она. — До вас весь день пытался дозвониться сам Карпати. А еще вам было срочное сообщение от какого-то Рэйфорда Стила.

Да, поистине эпохальный выбор. Как отреагировать, кому позвонить в первую очередь? Ему оставалось лишь догадываться, как Карпати решил повернуть ход Третьей мировой войны. Что могло понадобиться Рэйфорду, он тоже абсолютно не представлял.

— Мистер Стил оставил свой номер?

— Значит, вы хотите сначала перезвонить ему?

— Вы меня извините, — ответил Бизон, — но мне кажется, я задал вам вопрос.

— Он только сказал, чтобы вы позвонили в номер своей гостиницы.

— Позвонил в номер своей гостиницы?

— Я бы сама сделала это за вас, босс, но я не знала, где вы остановились. А где вы, кстати, остановились?

— Это уж, Верна, не ваше дело.

— Вы правы. Прошу прощения! — воскликнула она и зашагала прочь, на что и рассчитывал Бизон.

— Я на время займу ваш кабинет, — крикнул он ей вслед.

Она застыла на месте и повернулась на сто восемьдесят градусов.

— Это на какое же время?

— На какое понадобится, на такое и займу, — отрезал Уильямс.

Верна метнула на него злобный взгляд.

Бизон вихрем влетел в кабинет Верны и захлопнул за собой дверь. Он набрал номер отеля «Дрейк» и попросил соединить его с собственным номером. Страх, который звучал в голосе Рэйфорда, а тем более само содержание сообщения заставили его побледнеть. Он запросил в справочном бюро номер агентства по продаже «лендроверов», расположенного в Арлингтон-Хайтс, позвонил туда и попросил соединить его с менеджером по продажам, добавив, что дело крайне срочное.

Прошло меньше минуты, и в трубке раздался голос менеджера. Как только Бизон назвал свое имя, собеседник проговорил:

— Надеюсь, что с машиной все...

— Автомобиль в отличном состоянии, сэр. Но мне нужно связаться со своей женой, а она сейчас как раз в нем находится. Мне нужен номер телефона, который там установлен.

— Ну, для этого придется малость покопаться в бумагах...

— Я даже описать вам не могу, насколько это срочно, сэр. Позволю себе только сказать, что, если я не получу номер немедленно, прямо сейчас, у меня скоропостижно разовьется

«покупательское раскаяние» в тяжелой форме и я незамедлительно верну вам машину.

— Одну секундочку!

Через пару минут Бизон уже набирал нужный номер. В трубке раздалось четыре длинных гудка.

— Абонент, номер которого вы набрали, либо покинул автомобиль, либо находится вне зоны действия сигнала. Пожалуйста, перезвоните в другое время...

Бизон с грохотом бросил трубку, снова взял ее и нажал на кнопку «повторный набор номера». Он уже вслушивался в гудки, когда дверь вдруг распахнулась, заставив его вздрогнуть от неожиданности, и Верна Зи возвестила:

— На линии Карпати, он спрашивает вас!

— Я перезвоню ему попозже! — рявкнул Бизон.

— Вы... ему... что?

— Запишите номер!

— Наберите 1—800—УВОЛЕН, — ответила Верна.

Рэйфорд был вне себя от ярости. Ему уже казалось, что он сидит в этом кресле вечно и ничего другого в его жизни просто не было. Он смотрел в темное вечернее небо прямо перед собой; наушники были в нужном положении, левая рука с силой нажимала на

потайную кнопку. Он услышал, как помощник Карпати произнес:

— Ну а что касается...

— Что-что? — переспросил Карпати.

— Я попытался от вашего имени дозвониться до этого распрекрасного Уильямс, а он не соизволил сам подойти к телефону и просто велел девице, которая взяла трубку, записать ваш номер.

В такой ситуации Рэйфорду оставалось лишь одно — сделать над собой титаническое усилие, чтобы не набрать номер Бизона еще раз. Ведь теперь стало ясно, что журналист находится в своем чикагском офисе! Но если кто-нибудь скажет Карпати, что Бизон не смог поговорить с ним, так как у него на линии был Рэйфорд Стил, беды не миновать... Тут он услышал, как Карпати успокаивающим тоном произнес:

— Ну так оставьте ему номер, друг мой, и дело с концом! Я доверяю этому молодому человеку. Он блистательный журналист и не заставил бы меня ждать, не будь на то серьезной причины. Сейчас он наверняка работает над какой-нибудь эпохальной статьей, не правда ли?

* * *

Бизон приказал Верне закрыть дверь с другой стороны и оставить его в покое до тех пор, пока он не закончит телефонный разгово-

вор. Она тяжело вздохнула, покачала головой и хлопнула дверью. Уильямс между тем все нажимал на кнопку повторного набора номера. Голос, который читал автоматическое сообщение, раздражал его больше, чем все, что он когда-либо слышал в своей жизни.

Устройство внутриофисной связи внешне оживило.

— Мне страшно неудобно, что я вас беспокою, — пропела Верна тошнотворно сладеньким голоском, — но вам только что звонил по срочному делу еще один человек. Это Хаим Розенцвейг из Израиля.

Бизон нажал на кнопку громкой связи.

— Боюсь, ему я тоже вынужден перезвонить попозже. Скажите Хаиму, что я перед ним извиняюсь.

— Это передо мной вам надо бы извиниться, — ответила Верна. — Меня сейчас так и подмывает соединить его с вами, что бы вы там ни говорили...

— Я извиняюсь перед вами, Верна, — саркастически произнес Бизон. — А теперь, пожалуйста, оставьте меня в покое!

Телефон в машине все звонил и звонил. Бизон уже несколько раз бросал трубку, услышав начало автоматического сообщения. Тут на линии снова раздался голос Верны.

— Кэмерон, доктор Розенцвейг говорит, что речь идет о жизни и смерти.

Бизон быстро переключился на линию, на которой мигал сигнальный огонек.

— Хаим, мне очень жаль, но я сейчас и сам как раз занят одним совершенно безотлагательным делом. Вы не могли бы мне перезвонить?

— Кэмерон! Пожалуйста, не кладите трубку! Ужасные бомбежки, от которых пострадала ваша страна, не затронули Израиль, но семья рабби Бен-Иегуды похищена и казнена! Его дом сожжен дотла. Я молю Бога, чтобы уцелел хоть сам рабби. Но, увы, никто не знает, где он находится!

Бизон лишился дара речи и опустил голову на грудь.

— Его родные погибли? Вы в этом уверены?

— Убийцы превратили их смерть в публичную расправу, Кэмерон. Я боялся, что рано или поздно это произойдет. Ну почему, почему он во всеуслышание заявил о своих взглядах на то, кто такой Мессия? Одно дело — расходиться с Ционом во мнениях, как делаю я, его доверенный, уважаемый друг. Но религиозные фанатики в нашей стране ненавидят людей, которые считают Мессией Иисуса. Кэмерон, ему нужна ваша помощь. Что мы можем сделать? Дозвониться до Николае мне не удалось.

— Хаим, пожалуйста, сделайте мне одно огромное одолжение: не впутывайте сюда Николае!

— Кэмерон! Николае — самый могущественный человек в мире, и он поклялся помочь мне, помочь Израилю и защитить нас.

Наверняка он сможет заступиться за моего друга и спасти ему жизнь!

— Хаим, я вас умоляю: доверьтесь мне в этом деле. Не привлекайте к нему Николае. А сейчас мне придется положить трубку, я обязательно позвоню вам при первой же возможности. А сейчас у меня самого близкий человек попал в беду!

— Простите, пожалуйста, Кэмерон! Позвоните мне, как только сможете.

Бизон переключился на прежнюю линию и нажал на кнопку перенабора. Когда он услышал, как автомат называет цифры номера, из устройства внутриофисной связи снова раздался голос Верны.

— Вам кто-то звонит, но раз уж вы не хотите, чтобы вас беспокоили...

Телефон Хлои был занят! Бизон со стуком бросил трубку и включил голосовую связь.

— Кто это?

— Но я думала, вы не хотите, чтобы вас беспокоили.

— Верна, у меня нет времени на разговоры с вами!

— Ну, если вам так уж интересно, то это была ваша жена.

— На какой линии?

— На второй, но я ей сказала, что вы, вероятно, сейчас говорите с Карпати или Розенцвейгом.

— Откуда она звонила?

— Не знаю. Она сказала, что будет ждать вашего звонка.

— Она оставила номер?

— Да. Диктую...

Услышав первые две цифры, Бизон понял, что это телефон, установленный в автомобиле. Он выключил внутриофисную связь и с силой нажал на кнопку перенабора. Верна просунула голову в дверь и заявила:

— Как вам известно, я не секретарша, и уж тем более не ваша секретарша!

Никто и никогда еще не вызывал у Бизона такую злость. Он уставился на Верну:

— Сейчас я пройду по этому столу и ногой захлопну дверь. И вам же лучше, если в ней при этом не будет торчать ваша голова!

Телефон в «рейнджровере» продолжал звонить. Верна все еще стояла на прежнем месте. Бизон поднялся с кресла, не отрывая от уха трубку, и поставил ногу на стол, прямо на беспорядочно разбросанные бумаги хозяйки. Увидев это, она выпучила глаза и шмыгнула прочь из дверного проема. Верна успела исчезнуть как раз в момент, когда Бизон со всей силой захлопнул дверь. Раздался звук, похожий на грохот разорвавшейся бомбы, и со стены чуть не посыпалась штукатурка. Женщина пронзительно взвизгнула, и Уильямс почти пожалел о том, что она успела вовремя убрать голову.

— Бизон! — раздался голос Хлои из телефонной трубки

— Хлоя! Где ты?

— Я уезжаю из Чикаго, — ответила она. — Я купила мобильники и приехала в «Дрейк», но там на ресепшн меня ждало сообщение.

— Я в курсе.

— Бизон, у папы в голосе звучало что-то такое, что я не стала даже подниматься в номер, чтобы забрать наши вещи.

— Отлично!

— Но ведь там твой лэптоп, и вся твоя одежда, и туалетные принадлежности, и вообще все, что я привезла из Нью-Йорка...

— Но, судя по тону, которым говорил твой папа, речь шла о чем-то очень серьезном, правда?

— Да. Ох, Бизон, за мной уже гонится полиция! Я же развернулась на 180 градусов и скорость тоже превысила, а еще я даже некоторое время ехала по тротуару.

— Хлоя, послушай меня! Знаешь старую поговорку о том, что проще попросить прощения, чем разрешения?

— Ты хочешь, чтобы я попыталась оторваться от полицейских?

— Весьма возможно, что этим ты спасешь им жизнь! Есть только одна причина, по которой твой отец мог потребовать, чтобы мы уехали из Чикаго как можно быстрее и как можно дальше!

— О'кей, Бизон! Ну, молись за меня!

— Я останусь на линии, Хлоя.

— Но чтобы я могла вести машину, у меня должны быть свободны обе руки!

— Нажми на кнопку громкой связи, а трубку повесь! — скомандовал Бизон.

Но тут раздался звук взрыва, скрип автомобильных шин, громкий вопль, а потом — тишина. Через несколько секунд в офисе

«Глобал комьюнити уикли» погасло электричество. Бизон ощупью нашел дорогу в холл; дверь там освещали аварийные лампы, работавшие от аккумулятора.

— Смотрите, смотрите! — закричал кто-то. Сотрудники начали проталкиваться через передние двери и забираться на крыши собственных машин, чтобы получше разглядеть, что происходит в небе, откуда на Чикаго сейчас сыпались бомбы.

* * *

Рэйфорд с ужасом слушал, как Карпати объявил своим соотечественникам:

— Ответный удар по Чикаго должен быть нанесен уже во время нашего разговора. Благодарю вас за то, что приняли участие в его организации, а также за отказ от использования радиоактивных материалов, что было стратегически правильно. В тех краях у меня много преданных сотрудников, и хотя я все равно потеряю часть из них во время самой бомбардировки, мне бы не хотелось, чтобы кто-то из уцелевших погиб потом от воздействия радиации — ведь эти люди нужны для осуществления моих планов.

— Посмотрим новости? — произнес кто-то из присутствующих.

— Хорошая мысль, — отозвался Карпати.

Рэйфорд был не в силах усидеть на месте. Он не знал, что собирается сказать или

сделать — может, вообще ничего. Но он просто не мог дальше торчать в кабине, не зная, живы ли дорогие ему люди. Он вышел в пассажирский салон, как раз когда включали телевизор и на экране появились первые кадры с изображением Чикаго. Аманда ахнула. Рэй подошел к ней и сел рядом.

— Ты слетаешь в Чикаго ради меня? — прошептал Рэйфорд.

— Если ты полагаешь, что это будет для меня не опасно...

— Радиации там нет.

— Откуда ты знаешь?

— Я тебе потом расскажу. Просто пообещай, что поедешь туда, если я получу у Карпати разрешение на твой вылет из Сан-Франциско.

— Рэйфорд, для тебя я сделаю все, что угодно, и ты это знаешь.

— Любимая, послушай меня. Если ты не сможешь вылететь немедленно — я хочу сказать до того момента, как этот самолет снова поднимется в воздух, ты должна вернуться на борт «кондора». Ты меня понимаешь?

— Понимать-то понимаю, но почему так?

— Сейчас я не могу тебе всего рассказать. Если мне удастся добыть для тебя разрешение, просто отправляйся в Милуоки первым же ближайшим рейсом. Но если самолет не взлетит до того, как мы...

— Что?

— Ты просто обрати на это внимание, Аманда. Если я тебя потеряю, мне этого не пережить.

После новостей из Чикаго на кабельном канале начался рекламный блок. Тут-то Рэйфорд и подошел к Карпати.

— Сэр, вы не могли бы уделить мне минутку?

— Ну конечно, капитан. Какие ужасные новости из Чикаго, правда?

— Да, сэр, ужасные. На самом деле именно об этом я и хотел с вами поговорить. Вы знаете, что там находится моя семья.

— Да, знаю и надеюсь, что все ваши близкие живы, — сказал Карпати.

Рэйфорду захотелось свернуть ему шею, не сходя с места. Он абсолютно точно знал, что человек, с которым он говорит, — Антихрист. Но ему было известно и то, что в один прекрасный день Карпати будет убит, а затем восстанет из мертвых, причем воскресит его сам Сатана. Раньше Рэйфорд никогда не мечтал о том, чтобы сделаться исполнителем грядущего убийства, но сейчас, пожалуй, настал момент, когда он охотно взял бы на себя эту задачу. Он боролся с собой, стараясь сохранить хладнокровие. Ведь любой, кто станет убийцей Антихриста, все равно окажется лишь пешкой во вселенской игре. И гибель, и воскрешение только сделают Карпати еще более могучим и кровожадным, чем прежде.

— Сэр, — продолжал Рэйфорд, — я хотел узнать, нельзя ли моей жене сойти с самолета в Сан-Франциско и вернуться в Чикаго, чтобы выяснить, как там мои близкие.

— Я с удовольствием поручу своим сотрудникам выяснить это для вас, — ответил

Карпати. — Вам нужно лишь дать мне адреса родных.

— Честное слово, мне было бы куда спокойнее, если бы моя жена была там и при необходимости могла им помочь.

— Ну, как угодно, — произнес Карпати, и Рэйфорд с трудом удержался от того, чтобы не вздохнуть с облегчением прямо на глазах своего шефа.

* * *

— Кто может одолжить мне мобильник? — прокричал Бизон, перекрывая оглушительный шум, который стоял на парковке, принадлежащей «Глобал комьюнити уикли».

Женщина, стоявшая рядом с ним, сунула ему в руку телефон, и Бизон с изумлением узнал в ней Верну Зи.

— Мне нужно сделать несколько междугородних звонков, — торопливо проговорил он. — Вы не против, если я оплачу их вам потом?

— Не забивайте себе голову такой ерундой, Кэмерон. Наша маленькая вендетта теперь не имеет никакого значения.

— Я должен одолжить у кого-нибудь автомобиль! — прокричал Уильямс. Но вскоре ему стало ясно, что все сотрудники сейчас стремятся попасть к себе домой, чтобы узнать, живы ли их родные и не пострадали

ли дома от бомбежки. — Может, проедемся до Маунт-Проспект? — спросил он у Верны.

— Ладно, так уж и быть, подвезу вас, — проворчала Верна. — На то, что творится в противоположном конце города, мне даже смотреть не хочется.

— Вы ведь живете в Чикаго, да? — спросил Бизон.

— Жила — минут пять назад, — отозвалась женщина.

— Может быть, вам повезло.

— Кэмерон, если бомба, от которой был тот большой взрыв, была атомной, никому из нас не прожить дольше недели.

— На Маунт-Проспект я знаю одно местечко, где вы могли бы перекантоваться, — произнес Бизон.

— Буду вам очень благодарна за помощь, — ответила Верна.

Она отправилась обратно в редакцию, чтобы собрать свои вещи. Уильямс ждал Верну в автомобиле и делал звонки с ее телефона. Он начал со своего отца, который жил на Западе.

— Я так рад тебя слышать, — сказал старик. — Я уже несколько часов пытаюсь дозвониться в Нью-Йорк.

— Папа, здесь творится бог знает что. Из всего моего имущества уцелело лишь то, что на мне надето, и у меня нет времени на разговоры. Я позвонил только для того, чтобы убедиться, что все целы.

— Мы с твоим братом живы и здоровы, — ответил Бизону отец. — Конечно, он по-

прежнему горюет о погибших жене и детях, но в остальном у нас все нормально.

— Папа, из этой страны нужно сматываться. У тебя ничего не будет по-настоящему нормально, пока ты...

— Кэмерон, давай не будем к этому возвращаться, ладно? Я знаю, какого мнения ты придерживаешься, и если это гарантирует тебе душевный покой...

— Папа! Как раз сейчас оно не гарантирует мне никакого покоя. Меня убивает мысль, что я так поздно узнал истину. Я уже потерял слишком много дорогих и любимых людей. И я не хочу потерять еще и тебя.

Отец захихикал в трубку. Этот смех просто взбесил Бизона.

— Ах ты, «большой мальчик»! Тебе вовсе не грозит меня потерять. Никто даже и не думает нападать на наше захолустье. Даже обидно становится — как будто нами пренебрегают!

— Папа! Сейчас гибнут миллионы людей. Не стоит шутить по этому поводу.

— Ну а как поживает твоя молодая жена? Мы с ней вообще когда-нибудь познакомимся?

— Трудно сказать, папа. Я не знаю точно, где она находится в данный момент, и не могу предсказать, будет ли у вас возможность с ней увидеться.

— Ты что, стесняешься собственного отца?

— Дело, папа, вовсе не в этом. Мне нужно убедиться, что у нее все в порядке, и мы

как-нибудь постараемся выпутаться из своих трудностей. Найди в своих краях хорошую церковь, папа! Найди какого-нибудь понимающего человека, который сможет растолковать тебе, что происходит!

— Вряд ли можно отыскать человека, который лучше тебя разобрался бы в этой проблеме. А ты сейчас как раз собираешься оставить меня с нею один на один!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рэйфорд слышал, как люди Карпати проводят подготовку к радиотрансляции.

— А есть какой-нибудь способ, позволяющий установить, что мы находимся в летящем самолете? — спросил Карпати.

— Нет, — заверил его помощник.

Сам Рэйфорд не дал бы за это руку на отсечение, впрочем, если Карпати не сделает какой-нибудь грандиозный ляп, никто все равно не сможет догадаться, в какой именно точке воздушного пространства находится потентат.

Услышав стук в дверь кабины, Рэйфорд отпустил потайную кнопку и выжидающе обернулся. Перед ним стоял референт Карпати:

— Сделайте все возможное, чтобы устранить помехи и обеспечить качественную связь с Далласом. Минуты через три мы начнем прямую трансляцию через спутник. Необходимо,

чтобы господина потентата можно было услышать в любом уголке планеты.

«Ну да», — подумал Рэйфорд.

* * *

Пока Бизон говорил по телефону с Лореттой, Верна Зи подошла к машине и усе-
лась на водительское место. Она забросила
свою громадную сумку на заднее сиденье
и стала пристегивать ремень безопасности.
Это далось бедняжке с немалым трудом —
так сильно она дрожала.

Бизон отключил телефон.

— Верна, вы как, в порядке? Я сейчас как
раз разговаривал с одной женщиной из на-
шей общины. У нее найдется для вас комна-
та с отдельной ванной.

Мини-пробка, возникшая возле крохот-
ного пятачка парковки, рассосалась сама
собой, когда сотрудники разъехались по до-
мам. Теперь окружающую темноту рассекал
только свет фар автомобиля, в котором сиде-
ли Верна с Бизоном.

— Кэмерон, почему вы для меня это де-
лаете?

— А почему бы и нет? Вы же ведь одол-
жили мне телефон.

— Но я так ужасно к вам относилась...

— А я платил вам той же монетой. Вы уж
простите меня за это, Верна. Сейчас, пожа-
луй, самое неподходящее время для того, что-
бы тупо отстаивать собственную правоту.

Верна уже завела мотор, но по-прежнему продолжала сидеть, закрыв лицо руками.

— Хотите, я сяду за руль? — спросил Уильямс.

— Нет-нет. Просто дайте мне еще минутку.

Бизон сказал ей, что ему необходимо срочно достать автомобиль и попытаться разыскать Хлою.

— Кэмерон! Да вы с ума сошли!

— Откровенно говоря, мне кажется, что вы недалеко от истины.

Она отстегнула ремень безопасности и потянулась к ручке двери.

— Берите мою машину, Кэмерон, и делайте то, что должны сделать.

— Нет, — отрезал Бизон. — Я не против, чтобы вы одолжили мне машину, но сначала давайте устроим ваши дела.

— Но вы, наверное, не можете терять ни минуты?

— В данный момент я могу сделать только одно — положиться на Господа, — ответил Бизон.

Он показал Верне, в каком направлении ехать. Добравшись до границы Маунт-Проспект, она въехала колесом на бордюр перед старым, красивым домом, принадлежащим Лоретте.

Верна не позволила Бизону тратить время на представление и церемонии. Она сказала:

— Все мы знаем, как кого из нас зовут, так что давайте отпустим Кэмерона — ему нужно ехать.

— Я договорилась о машине для вас, — сообщила Лоретта. — Через несколько минут она должна быть здесь.

— Пока я возьму автомобиль Верны, но все равно я вам очень благодарен.

— Можете и телефон взять — на столько, на сколько потребуется, — сказала Бизону женщина, выслушав радужное приветствие Лоретты.

Бизон до упора отодвинул назад водительское кресло и отрегулировал положение зеркала. Затем он попробовал сделать ответный звонок Николае Карпати, набрав номер, с которого тот звонил ему. Трубку снял один из референтов:

— Я передам ему, что вы звонили, мистер Уильямс, но в данный момент он как раз выступает по международному радиовещанию. Вам бы тоже не мешало послушать эту передачу.

И Бизон, мчась по той единственной дороге, которую, по его расчетам, могла выбрать уезжающая из Чикаго Хлоя, на полную катушку врубил радио.

— Дамы и господа, сейчас вы услышите в прямом эфире выступление Потентата Мирового Сообщества Николае Карпати, местонахождение которого не разглашается.

Не вставая с места, Рэйфорд повернулся в своем кресле и приоткрыл дверь кабины, придерживая ее, чтобы она не захлопнулась снова. Самолет летел на автопилоте, командир экипажа вместе со вторым пилотом, не отрываясь, смотрели на то, как Карпати обращается к человечеству. Его, казалось, позабавило, в каких выражениях его представили слушателям. Он подмигнул двоим послам, потом сделал вид, что облизывает палец и приглаживает им брови, как бы прихорашиваясь перед выступлением. Обступившие его люди подавляли смешки. Рэйфорд искренне жалел, что у него нет автомата.

По сигналу помощника Карпати заговорил самым проникновенным голосом:

— Братья и сестры! Все жители стран Мирового Сообщества! Сейчас, когда я обращаюсь к вам, на сердце у меня так тяжело, как не было еще никогда в жизни. Я — человек миролюбивый, и не по собственной воле мне пришлось прибегнуть к оружию, чтобы нанести ответный удар международным террористам, поставившим под угрозу наше дело — дело гармонии и братства. Поверьте, что я вместе с вами скорблю о гибели ваших любимых, родных, друзей, знакомых. И пусть колокол, звонящий в память о миллионах погибших мирных людей, звучит в ушах у наших врагов до самого конца их жизни.

Как вы знаете, большинство из десяти регионов, входящих в Мировое Сообщество, уничтожили 90 процентов своих вооружений. В течение двух последних лет мы прак-

тически все время потратили на демонтаж военной техники, ее упаковку, погрузку на корабли и самолеты, доставку в Новый Вавилон и последующую сборку. Я со своей стороны лишь смиренно молился о том, чтобы полученное оружие никогда больше не пришлось пустить в ход.

Однако мои мудрые советники уговорили меня создать в стратегически важных точках планеты склады для хранения передовой военной техники. Признаюсь, я пошел на это против своей воли, но мои чрезмерно оптимистичные и позитивные представления о человеческой природе оказались ошибочными.

Теперь я рад, что позволил убедить себя в необходимости поддерживать собранные вооружения в состоянии полной боевой готовности. В самом страшном сне мне не могло привидеться, что я должен буду в столь широком масштабе пустить в ход это оружие, обратив его против врага. Должен вам сообщить, что два бывших члена особого исполнительного совета Мирового Сообщества устроили злонамеренный и безрассудный заговор с целью восстать против возглавляемой мною администрации, а другие по недосмотру позволили силам ополчения, локализованным в том же регионе, сделать то же самое. Этими враждебными силами руководил ныне покойный президент Соединенных Штатов Северной Америки Джеральд Фитцхью, а обучило их американское ополчение. Его сторонники также воспользовались ору-

жием, которое наши противники продолжали тайно хранить в Соединенных Штатах Великобритании, а также в ранее независимом государстве Египет.

Притом, что моя репутация активного борца за мир никогда не подвергалась сомнению, я могу с гордостью сообщить вам, что мы нанесли врагу сокрушительный ответный удар. Везде, где использовалось оружие, принадлежащее Мировому Сообществу, его мишенью служили места дислокации вооруженных мятежников. Уверяю вас, что все жертвы среди мирного населения и разрушение крупных густонаселенных городов как в Северной Америке, так и в других странах мира было делом рук повстанцев.

Силы Мирового Сообщества не планируют проводить новые контратаки. Мы будем реагировать лишь по мере необходимости и молиться о том, чтобы наши враги осознали, что у них нет будущего. Они не могут добиться успеха. Они будут уничтожены все до одного.

Я знаю, что в эпоху мировых войн, подобных этой, большинство из нас живут в страхе и горе. Могу вас заверить, что горе ваше я разделяю, но преодолеть страх мне позволяет уверенность в том, что большинство членов Мирового Сообщества совместно, единым фронтом выступают против врагов мирной жизни.

Как только у меня появится уверенность в собственной безопасности, я обращусь к вам по спутниковому телевидению и через

Интернет. Я буду часто общаться с вами, чтобы вы точно знали, что происходит, и поняли, какие колоссальные усилия мы прилагаем ради восстановления нашего мира. Вы можете быть уверены, что, заново отстроив и реорганизовав нашу жизнь, мы будем наслаждаться величайшим процветанием и обретем самый восхитительный дом, какой только может существовать. Так будем же все вместе трудиться ради общей цели!

Пока референты и посланники одобрительно кивали и похлопывали Карпати по спине, Рэйфорд перехватил взгляд Аманды и решительно захлопнул дверь кабины.

* * *

Автомобиль Верны Зи оказался старой импортной развалюхой с четырехцилиндровым двигателем и автоматической коробкой. Он отчаянно тарахтел и дребезжал. Словом, утиль на колесах, да и только. Бизон решил, что выжмет из этого драндулета все, на что он способен, и, случись что, просто выплатит Верне надлежащую компенсацию. Журналист помчался по шоссе Кеннеди и свернул в сторону Иденз-Джанкшн, пытаясь угадать, насколько далеко могла Хлоя уехать от отеля в потоке автомобилей, который уже стал настолько плотным, что продвигаться в нем вперед было практически невозможно.

Он не знал, что она предпочла — поехать по шоссе Лэйк-Шор-Драйв, которое местные жители называли ЛСД, или по шоссе Кеннеди. Впрочем, вскоре выяснилось, что данный вопрос имеет чисто теоретическое значение. Чикаго был охвачен пламенем, и большинство водителей, машины которых заполнили обе стороны шоссе Кеннеди, стояли на мостовой и глазели на чудовищную картину. В этот момент Бизон отдал бы все, что угодно, за то, чтобы сидеть за рулем «рейнджровера».

Когда Бизон на своей развалюхе вырулил на обочину, то сразу убедился, что не он один такой умный. В наступившие тяжелые времена никто не считался ни с правилами вежливости, ни с правилами дорожного движения, и за пределами дороги движение было почти столь же интенсивным, как и на ней. У Бизона не осталось выбора. Он понятия не имел, суждено ли ему пережить все семь лет эпохи Скорби, но мог привести лишь одну серьезную причину, по которой ему стоило бы предпочесть смерть попытке спасти женщину, ставшую любовью всей его жизни.

С тех самых пор, как Бизон уверовал в Христа, он полагал, что отдать свою жизнь, служа Господу, — это большая честь. Вне зависимости от того, что конкретно сделалось причиной смерти Брюса, он считал, что священник пожертвовал собой во имя Божьего дела и таким образом стал мучеником. Конечно, подвергать себя риску погибнуть в автомобильной аварии было не столь альтруистичным поступком. Но в одном Бизон был

твердо уверен: Хлоя на его месте не колебалась бы ни секунды.

Самые большие пробки встречались на подъезде к мостам, там, где заканчивались обочины. Людям, которые пытались объехать затор кругом, в таких местах приходилось лавировать между стоящими машинами, выруливать между ними, а их рассерженные водители еще и старались загородить наглым ловкачам дорогу. Впрочем, Бизон их не винил. Он и сам на их месте вел бы себя точно так же.

Он сохранил в памяти своего мобильного номер телефона, установленного в «рейнджровере», и использовал каждую возможность, чтобы перезвонить. Всякий раз, услышав начало фразы «Абонент, номер которого вы набрали...», он прерывал связь и нажимал на кнопку повторного набора.

Прежде чем начать снижение над Сан-Франциско, Рэйфорд пробрался поближе к Аманде.

— Я собираюсь открыть вот эту дверь и как можно скорее выпроводить тебя из самолета, — сказал он ей. — Я не собираюсь дожидаться ни послеполетной проверки, ни прочей ерунды. В какой бы самолет ты затем ни села, не забывай: главное — чтобы он оторвался от земли раньше, чем мы.

— Но почему, Рэй?

— Просто доверься мне, Аманда. Ты знаешь, что я пекусь о твоём благе. Как только сможешь, позвони мне на универсальный мобильник и дай знать, все ли в порядке у Хлои и Бизона.

* * *

Бизон съехал с магистрали и больше часа пробирался в объезд, пока не добрался до Эванстона. Когда он приехал на Шеридан-роуд, проходящую по берегу озера, то оказалось, что эта трасса перегорожена, но ее при этом никто не охраняет. Все стражи порядка и сотрудники скорой помощи, видимо, были заняты. Бизон прикинул, не сбить ли ему одно из заграждений, но потом все же решил не подвергать автомобиль Верны таким суровым испытаниям. Он вышел из машины и сдвинул заграждение настолько, чтобы можно было проехать на дорогу. Он собирался так и оставить путь свободным, но тут из какой-то квартиры его окликнули:

— Эй! Что это вы делаете?

Бизон посмотрел вверх и помахал рукой в том направлении, откуда раздался голос.

— Пресса! — крикнул Уильямс.

— Ну, тогда все в порядке! Проезжайте!

Чтобы придать своим действиям более законный вид, Бизону даже пришлось выйти из машины, вернуть заграждение на прежнее

место и лишь потом уехать. Проезжая по боковой улице, он заметил полицейскую машину, рядом с которой стояло несколько человек в форме. Но Бизон просто включил аварийные сигналы и продолжил движение. Никто не преградил ему путь. Никто не выразил ни малейшего недовольства. Никто даже не посветил на него фонариком. Бизону показалось, что все просто решили: если уж он имел несчастье забраться настолько глубоко в запретную зону, да еще ведет себя так нагло, значит, он имеет на это право. Ехать по дороге было сейчас настолько легко и комфортно, что Бизону с трудом верилось в реальность происходящего, особенно когда он вспоминал чудовищные пробки, которыми были забиты все подъезды к Шеридан-роуд. Впрочем, вопрос теперь заключался в том, что его ждет на Лэйк-Шор-Драйв.

* * *

«Кондор-216» приземлился в Сан-Франциско на частную взлетно-посадочную полосу, предназначенную для реактивных самолетов. Сказать, что Рэйфорд в этот момент был расстроен, значит ничего не сказать. Перед ним стояла незавидная задача — доставить самого Антихриста туда, куда он пожелает попасть. Только что Карпати, не краснея, нагло солгал самой большой аудитории, которую только собирала радиотранс-

ляция. Рэйфорд совершенно точно знал, что вскоре после их отбытия в Новый Вавилон по Сан-Франциско будет нанесен удар с воздуха и город постигнет такая же судьба, какая постигла Чикаго. Погибнут люди. Торговле и промышленности придет конец. Транспортные центры, включая сам аэропорт, в котором приземлился «кондор», будут разрушены. И первое, в чем Рэйфорд видел сейчас свой долг, — это выдворить Аманду и из самолета, и из аэропорта и отправить ее поближе к Чикаго. Он даже не хотел ждать, пока к «кондору» подкатят трап. Он сам открыл дверь, опустил на взлетно-посадочную полосу выдвижную лестницу и жестом приказал Аманде поспешить. Когда она торопливо проходила мимо Карпати, он сказал ей на прощание несколько слов, и Рэйфорд был счастлив, что она просто поблагодарила его на ходу, не останавливаясь. Наземный персонал махал Рэйфорду руками, требуя, чтобы он поднял лестницу обратно на борт. Но он прокричал:

— У нас здесь один пассажир должен сделать пересадку на другой рейс!

Обняв Аманду, Рэйфорд прошептал:

— Я связался в КДП. Меньше чем через двадцать минут отсюда вылетает рейс на Милуоки. Обязательно постарайся на него попасть.

С этими словами он поцеловал Аманду, и она стала поспешно спускаться по лестнице.

Рэйфорд увидел наземную бригаду, которая дожидалась, пока он втянет лестницу наверх, потому что без этого они не могли

установить трап в правильном положении. Поскольку ему не удалось придумать никакой уважительной причины, которая могла бы оправдать его промедление, он просто перестал обращать на них внимание, прошел обратно в кабину и начал послеполетную проверку.

— Что там творится? — спросил второй пилот. — Хотелось бы поскорее поменяться местами с вашим приятелем.

«Эх, знал бы ты, куда спешишь!» — подумал Рэйфорд, а вслух произнес:

— Где вы собираетесь провести сегодняшний вечер?

— А вам-то какое дело? — отрезал молодой человек.

Рэйфорд только пожал плечами. Он чувствовал себя как тот маленький голландец, который пытался заткнуть пальцем дыру в плотине. Нет, он не в состоянии спасти всех... но, может, ему удастся уберечь хоть кого-то? Тут один из референтов Карпати просунул голову в дверь кабины:

— Капитан Стил, вас вызывает наземная бригада.

— Я с ними все улажу, сэр. Им нужно подождать, пока мы закончим послеполетный контроль. Вы же понимаете, самолет у нас новый, и нам нужно много чего проверить, прежде чем отправиться в полет через Тихий океан.

— Это понятно, но там МакКаллам ждет, когда ему можно будет подняться на борт, а при нем и остальной экипаж в полном со-

ставе. Вот теперь всех ждет по-настоящему классное обслуживание!

Рэйфорд изо всех сил старался, чтобы его голос звучал весело.

— Безопасность прежде всего! — ответил он.

— Хорошо, но только поторопитесь.

И пока старший помощник проверял и перепроверял все, что находилось перед ним в кабине, Рэйфорд связался с КДП, чтобы узнать, как обстоят дела с рейсом, отправляющимся в Милуоки.

— Самолет вышел из графика примерно минут на двадцать. На вас это не должно никак повлиять.

«Но повлияет», — подумал Рэйфорд.

Он зашел в кабину.

— Простите, сэр, а разве мистер Фортунато не присоединится к нам на следующем отрезке пути?

— Да, — сказал один из референтов. — Он покинул Даллас всего на полчаса позже нас, так что долго нам ждать не придется.

«Если это будет зависеть от меня — еще как придется!» — мысленно усмехнулся Рэйфорд.

* * *

В конце концов Бизон все-таки въехал в кирпичную стену. Он знал, что этого не миновать. Автомобиль перепрыгнул через

пару бордюров и, несмотря на все старания водителя, врезался в одно из дорожных заграждений в том месте, где Шеридан-роуд делает резкий поворот, за которым встречается с Лэйк-Шор-Драйв. Вдоль всего Лэйк-Шор-Драйв журналист видел съехавшие на обочину машины, автомобили техпомощи с мигающими фарами и суесящихся вокруг спасателей, которые безуспешно делали ему знаки остановиться. Но Бизон выжимал из автомобильчика Верны Зи все, что можно, заставляя его мчаться с максимальной скоростью, так что никто не рискнул встать у него на пути. Шоссе перед ним было более или менее свободно, но позади все равно раздавались крики:

— Остановитесь! Проезд закрыт!

По радио сказали, что все машины, устремившиеся прочь из этих мест, были вынуждены остановиться из-за пробки, образовавшейся в черте города. В одном сообщении говорилось, что такая ситуация сохраняется с момента, когда взорвалась первая бомба. Бизон жалел, что у него нет времени обследовать все ответвления дороги, ведущие на побережье. На шоссе было множество мест, где «рейнджровер» мог съехать на обочину, попасть в аварию, где в него мог кто-нибудь врезаться. Если Хлоя поняла, что, двигаясь из отеля в сторону шоссе Кеннеди или шоссе Эйзенхауэр, ей придется ехать с черепашной скоростью, она могла сделать попытку выехать на Лэйк-Шор-Драйв. Но когда Бизон свернул на Мичиган-авеню, оказалось, что ехать дальше он сможет, только если убьет

кого-нибудь или если у его автомобиля появятся крылья. Баррикада, перекрывавшая Лэйк-Шор-Драйв и выезд с Мичиган-авеню, выглядела как декорация к фильму «Отверженные». Повсюду стояли машины полиции, пожарных и скорой помощи, строительные и дорожные заграждения, аварийные фонари, а заправляли всем этим бригады срочной техпомощи. Бизон резко остановился, заставив тормоза завизжать, описал дугу и проехал юзом футов пятьдесят, прежде чем у него лопнула шина на правом колесе. Машину так и крутануло, а аварийные рабочие вприпрыжку разбежались перед ней.

Некоторые из них осыпали его ругательствами. К нему подошла женщина-полицейский с пистолетом в руке. Бизон хотел было выйти из машины, но она сказала:

— Сиди где сидишь, приятель!

Одной рукой Уильямс опустил стекло в окне, а другой потянулся к своему журналистскому удостоверению. Но женщина не пожелала взглянуть на документы. Она просунула дуло в окно и прижала его к виску Бизона.

— Держи обе руки так, чтобы я их видела, подонок! — Она открыла дверь, и журналисту пришлось справиться с весьма непростым делом — вылезти из маленького автомобильчика, не хватаясь ни за что руками. Женщина заставила его лечь ничком на мостовую.

К ней подошли еще двое полицейских и начали грубо обыскивать Бизона.

— Огнестрельное оружие, режущие и колющие предметы при себе есть?

Тут Бизон перешел в наступление.

— Ничего такого у меня нет, зато имеются два комплекта удостоверений личности.

Копы вытащили у него из каждого заднего кармана по бумажнику. В одном лежали его собственные бумаги, в другом — документы на имя несуществующего Херба Катца.

— Так, которые из них ваши и в чем вообще дело?

— Я — Кэмерон Уильямс, главный редактор «Глобал комьюнити уикли». Я отчитываюсь непосредственно перед потентатом Карпати. А этими фальшивыми документами я пользуюсь, когда нужно проникнуть в разные малопрятные страны.

Стройный молодой коп взял из рук у женщины-полицейского бумажник с подлинными документами Бизона.

— Ну-ка, дайте мне на них взглянуть, — произнес он с сарказмом. — Если вы и правда отчитываетесь самому Николае Карпати, у вас должен быть допуск уровня А-2... Хмм, мне кажется, я действительно вижу здесь такой допуск!

Все трое полицейских столпились, чтобы поглядеть на необычное удостоверение.

— Вам известно, что за использование поддельных документов с допуском уровня А-2 полагается смертная казнь?

— Да, известно.

— Мы сейчас даже не можем пробить по компьютеру ваши автомобильные номера, потому что вся техника вышла из строя.

— Могу сказать вам сразу, что одолжил эту машину у одной знакомой по фамилии Зи. Можете на всякий случай проверить это, прежде чем сдадите в утиль эту развалюху.

— Вы что, собираетесь бросить машину прямо здесь? Нет, так нельзя!

— А что вы мне прикажете с ней делать? — спросил Бизон. — Ей и раньше была грош цена, а теперь у нее еще и шину спустило, и сегодня вечером поправить дело уже вряд ли удастся.

— Вернее сказать — не «сегодня вечером», а в ближайшие две недели, — произнес один из копов. — Ну, так куда же вы мчались в такой безумной спешке?

— К отелю «Дрейк».

— Да вы что, уважаемый, с луны свалились? Вы разве новости не слушаете? Большая часть Мичиган-авеню превратилась в сплошные головешки.

— И «Дрейк» в том числе?

— Этого я точно не знаю, но вряд ли он сейчас в особенно хорошем состоянии.

— Если я поднимусь пешком вверх вон по тому склону и дойду до Мичиган-авеню, я потом умру от лучевой болезни?

— Ребята из гражданской обороны нам сказали, что радиации нет. Значит, бомбежка — дело рук ополченцев, которые старались сберечь как можно больше человеческих жизней. Но в любом случае, если бы бомбы были атомными, радиационное заражение уже распространилось бы далеко за пределы этого участка.

— И то верно, — согласился Бизон. — Так я могу идти?

— Нет никаких гарантий, что вы пройдете через пропускной пункт, который находится на Мичиган-авеню.

— Но я все-таки попытаю счастье.

— Ваш главный козырь — удостоверение с допуском. Искренне надеюсь, что оно действительно подлинное. Это в ваших же интересах!

* * *

Рэйфорд не мог больше задерживать наземную бригаду. По крайней мере, просто игнорировать ее было уже невозможно. Он втянул внутрь лестницу словно для того, чтобы освободить место для трапа, но не убрал ее полностью, так что она по-прежнему загораживала вход. Поскольку просто стоять и смотреть на все происходящее ему не хотелось, он вернулся в кабину и нашел себе там какое-то занятие.

— Я даже заправляться не желаю, пока самолет Аманды не оторвется от земли!

Прошло целых пятнадцать минут, пока второй пилот, с которым Рэйфорд обычно летал, не занял место своего временного заместителя, а остальные члены экипажа, которые должны были обслуживать пассажиров, не поднялись на борт. Каждый раз, когда наземный персонал по радио сообщал Рэйфор-

ду, что можно начинать дозаправку, он отвечал, что сам еще не готов. Наконец кто-то из рабочих сердито рывкнул в свой передатчик:

— Да что за тягомотина, шеф? А нам-то говорили, что это ВВП-самолет, который надо обслужить побыстрее!

— Вам дали неверную информацию. Это грузовой самолет, к тому же новый. Мы, то есть пилоты, еще только учимся им управлять. К тому же нам пришлось заменить часть экипажа. Так что потерпите немного. С нами больше на связь не выходите, мы сами вас вызовем, когда будет нужно.

Двадцать минут спустя, узнав, что самолет Аманды уже взлетел и держит курс на Милуоки, Рэйфорд испустил вздох облегчения. Теперь он наконец мог заправиться, выполнить все положенные процедуры и настроиться на длительный перелет через Тихий океан.

— Умаялись, да? — хмыкнул МакКаллам, когда его шеф принялся проверять все в кабине.

— Умаялся, — подтвердил Рэйфорд. — У меня был безумно длинный день, Мак. Мне бы хотелось хорошенько вздремнуть, когда возьмем нужный курс.

— Ради бога, капитан. Можете спокойно отдыхать хоть до утра — я обо всем позабочусь. Мне зайти в комнату отдыха и разбудить вас, когда начнем набирать высоту?

— Нет, я как-то опасаюсь совсем уходить из кабины, — сказал Рэйфорд. — Лучше я буду рядом. А вдруг я тебе понадобится?

* * *

Бизона внезапно пронзила мысль о том, на какой риск он пошел. Не потребуется много времени, чтобы Верна Зи поняла: он, по крайней мере в данный момент, является полноправным членом церковной общины Новой Надежды. А ведь Бизон так следил за тем, чтобы не выдвигаться в церкви на первые роли, не произносить публичных речей, не заводить слишком много знакомых! И вот теперь одна из его подчиненных, с которой он к тому же давно враждует, узнала вещи, которые могут его погубить, даже буквально стоять ему жизни.

С телефона Верны Бизон позвонил Лоретте домой.

— Лоретта, — сказал он, — мне нужно поговорить с Верной.

— Она сейчас не в себе, — ответила старушка. — Я надеюсь, вы молитесь за эту девушку?

— Непременно помолюсь, — пообещал Уильямс. — Ну как вы там? Удалось вам найти друг с другом контакт?

— Удалось — насколько этого можно ожидать от двух совершенно незнакомых людей, — вздохнула Лоретта. — Я просто рассказываю ей историю своей жизни. Ведь вы, насколько я понимаю, хотели именно этого.

Бизон хранил молчание. Наконец он сказал:

— Лоретта, вы не могли бы позвать Верну к телефону?

Лоретта передала трубку своей гостье, и Бизон перешел прямо к делу.

— Верна, тебе нужна новая машина, — заявил он.

— Нет, только не это! Кэмерон, что случилось?

— У нее всего-навсего проколота шина, но исправить ситуацию в течение нескольких дней все равно не удастся, и, как мне кажется, твое авто просто не стоит того, чтобы тратить на него силы и время.

— Ну, спасибо большое!

— А если я куплю тебе вместо него другую машину, получше?

— Против этого у меня возражений нет, — пробурчала Верна.

— Честное слово, я так и сделаю. А сейчас я намерен бросить твой автомобиль. В нем остались какие-нибудь нужные тебе вещи, которые следует вынуть?

— Как-то ничего в голову не приходит. Правда, там в бардачке была расческа, которая мне нравилась...

— Верна!

— Конечно, в свете всего произошедшего такое пожелание звучит несколько тривиально.

— В машине не осталось никаких документов, личных вещей, денежных записок, чего-нибудь еще в том же роде?

— Нет. Словом, делай то, что должен сделать. И было бы очень мило с твоей стороны,

если бы в результате этих действий у меня не возникло новых проблем.

— Я могу замолвить словечко местному начальству, чтобы, когда твою машину обнаружат, ее отбуксировали на свалку старых автомобилей и заплатили за доставку ту сумму, которую им дадут за нее на свалке.

— Кэмерон, — прошептала Верна, — эта твоя старушка — с большими причудами.

— У меня сейчас нет времени с тобой дискутировать, Верна. Но прошу: дай ей шанс. Она очень милая. И она дает тебе кров и пристанище.

— Нет-нет, ты меня не понял. Я вовсе не отрицаю, что она замечательная. Я просто имею в виду, что у нее есть некоторые чрезвычайно странные идеи.

Когда Бизон забрался на насыпь, откуда было видно Мичиган-авеню, он выполнил данное Лоретте обещание помолиться за Верну. Правда, какими словами ему следует молиться, он не знал.

«Или она тоже уверует, или я — покойник», — думал он.

Он увидел вдоль Мичиган-авеню десятки разрушенных зданий и понял, что такие же руины стоят на всем протяжении Великолепной мили. В голове у него тут же всплыли воспоминания об Израиле, о том, как на него напала Россия. Бизон представлял себе грохот бомб, чувствовал обжигающий жар пламени. Но в тот самый миг, как удар был нанесен, высшие силы чудесным образом сделали так, что Святая земля не пострадала. Здесь же та-

кого сверхъестественного вмешательства не произошло.

Бизон нажал на телефоне Верны на кнопку повторного набора, забыв, что в последний раз набирал номер Лоретты, а не телефона, установленного в «рейнджровере».

Не услышав обычной фразы «Абонент, номер которого вы набрали...», он застыл на месте, молясь о том, чтобы Хлоя сняла трубку. Услышав голос Лоретты, он в первые секунды просто лишился дара речи.

— Алло! Говорите, я слушаю!

— Извините, Лоретта, — сказал журналист, — я набрал ваш номер по ошибке.

— Я рада, что вы перезвонили, Бизон. Верна как раз сама собиралась вам звонить.

— По какому поводу?

— Пусть лучше она сама все скажет.

— Кэмерон, я позвонила в офис, — раздался в трубке голос Верны. — Несколько человек по-прежнему находятся там и следят за всем происходящим. По их словам, на ваш автоответчик поступило несколько сообщений.

— Кто оставил? Хлоя?

— К сожалению, нет. Одно было от доктора Розенцвейга из Израиля. Другое — от мужчины, который назвался вашим тестем. А третье — от некоей мисс Уайт, которая сказала, что в полночь вы должны заехать за ней на Митчелл-Филд в Милуоки.

«Мисс Уайт? — подумал Бизон. — Это весьма хитроумно со стороны Аманды — держать в тайне, что все мы теперь — одна семья».

— Спасибо, Верна, — произнес он в трубку. — Все понял.

— Камерон, а как вы сумеете заехать за этой женщиной в Милуоки, если у вас нет машины?

— У меня еще есть несколько часов, чтобы решить эту проблему. Иметь в запасе столько времени — это по нашим временам практически роскошь.

— Лоретта предложила мне свою машину на тот случай, если я захочу сесть за руль, — сказала Верна.

— Я надеюсь, что мне ее машина не потребуется, — заявил Бизон. — Но все равно спасибо. Я дам вам знать, если что.

Уильямс ощущал совсем не то, что положено чувствовать журналисту, оказавшемуся в эпицентре хаоса. Ему бы впитывать впечатления, чтобы они накрепко отпечатались в мозгу, задавать вопросы людям, облеченным властью... Но никто из тех, кто попадался Бизону по дороге, видимо, не был ею облечен. Все вокруг просто работали. И Уильямса теперь совершенно не заботило, сумеет ли он «конвертировать» свои впечатления, превратив их в текст журнальной статьи. Его журнал, как и все остальные крупнейшие средства массовой информации, находился под контролем Николае Карпати, а может быть, даже принадлежал ему. И сколько бы Бизон ни старался соблюдать объективность, все равно великий лжец использовал его усилия в своих целях, причем самое скверное заключалось в том, что у Николае это получалось

очень хорошо. Конечно же, так и должно было быть — ведь ложь и являлась его подлинной природой! Бизона мучила мысль о том, что его самого тоже использовали для распространения пропагандистского вранья, которое люди заглатывали, как мороженое.

Но в данный конкретный момент, «здесь и сейчас», его больше всего волновала Хлоя — она, и только она. Бизон впустил в свое сознание мысль о том, что может навсегда потерять ее. Он знал, что вновь увидится с нею в конце эпохи Скорби. Но найдется ли у него воля продолжать свое дело, если он останется без нее? Хлоя стала для Уильямса центром вселенной, вокруг которого вращалось все остальное. За то недолгое время, что они были вместе, он понял, что она превосходит все его ожидания. Раньше он даже надеяться не мог, что его жена будет такой. Конечно, их связывало общее дело, и это помогало не обращать внимания на все мелкое, второстепенное, на то, что часто портит жизнь многим супружеским парам. Но Бизон чувствовал, что его жена никогда не превратится в сварливую, вредную стерву. Хлоя была самоотверженной и любящей. Она доверяла ему и полностью его поддерживала. И Бизон знал, что не остановится, пока не отыщет жену, и не поверит в ее смерть, пока сам в ней доподлинно не убедится.

Бизон набрал номер телефона, установленного в «рейнджровере». Сколько десятков раз он это уже делал? Он жал на кнопки мобильного автоматически, не

задумываясь. Когда он услышал короткие гудки, у него чуть не подогнулись ноги. Может, просто номер не тот? Нужно было заново, пальцем, нажать на все кнопочки с цифрами, а он, дурак, положился на автодозвон, и теперь его, возможно, снова соединили с домом Лоретты. Бизон замер, стоя на обочине дороги, и принялся решительно и аккуратно набирать нужные цифры. Затем прижал телефон к уху. «Номер абонента, которому вы звоните...» Бизон грязно, богохульно выругался и так крепко сжал мобильник Верны, что чуть было не сломал его. Затем сделал шаг и размахнулся, собираясь запустить треклятым аппаратом в стену ближайшего дома. Выбросив руку с телефоном вперед, он довел движение до конца, но пальцы все же не разжал, вовремя сообразив, что тем самым совершил бы величайшую глупость в своей жизни. Потом покачал головой, вспомнив словцо, которое сорвалось с его губ, когда он вновь слышал в трубке ту окаянную запись. «Да, под поверхностным лоском явно сохранилась прежняя суть!»

Он злился на самого себя. Как же он мог в такой ужасающей ситуации набрать неверный номер?

Хотя он знал, что снова услышит ту же самую запись и испытает такую ненависть, какой никогда еще не ощущал, он не смог удержаться от того, чтобы снова не нажать на кнопку автодозвона. Но теперь линия оказалась занята! Что это было — технический сбой? Жестокая шутка со стороны некоей

космической силы? Или кто-то где-то все-таки пытался позвонить с телефона, установленного в «рейнджровере»?

Конечно, не было никаких гарантий, что звонила именно Хлоя. Это мог оказаться кто угодно — полицейский, дорожный рабочий, просто человек, который нашел разбитый «рейнджровер».

Нет-нет, Бизон не позволит себе в это поверить. Хлоя жива! Хлоя пытается до него дозвониться! Но какой именно номер она набирает? В церкви сейчас никого. Насколько известно Бизону, в офисе «Глобал комьюнити уикли» тоже не осталось ни единого человека. Знает ли Хлоя номер Лоретты? Получить ответ на такой вопрос, в принципе, было достаточно легко. Следовало только выбрать, что сейчас лучше сделать: начать обзванивать номера, по которым могла позвонить его жена, или просто продолжать набирать ее номер в надежде, что она снимет трубку в промежутках между своими звонками.

* * *

Старшая стюардесса, которая поднялась на борт вместе с остальной обслуживающей, численность которой составляла две трети от общего количества пассажиров, постучалась в дверь кабины, когда Рэйфорд на малой скорости вел самолет по взлетно-посадочной полосе.

— Капитан, — сказала она, когда он приподнял наушник над правым ухом, — некоторые пассажиры не сели на свои места и не пристегнулись.

— Ну не останавливаться же мне теперь, — ответил Рэйфорд. — Вы не можете сами решить эту проблему?

— Но, сэр, правила нарушает сам мистер Карпати!

— У меня нет права ему приказывать, — ответил Рэйфорд, — да и у вас тоже.

— Но правила, утвержденные Федеральным управлением авиации, требуют, чтобы...

— Если вы еще не заметили, скажу вам: все, что называется «федеральным», теперь не имеет ни малейшего значения. Сейчас копируется только всемирное. А сам Карпати стоит даже выше всемирного! Не хочет он садиться — значит, будет стоять. Я свое объявление сделал, вы тоже дали пассажирам указания, правильно?

— Правильно.

— А теперь давайте пристегнемся, и пусть потентат сам о себе позаботится.

— Ну, раз вы так говорите, капитан... Но если этот самолет такой же мощный, как «Боинг-777», не хотела бы я стоять на ногах, когда вы нажмете на газ...

Но Рэйфорд уже снова надвинул наушники и приготовился к отрыву от земли. Ожидая указаний диспетчера, он исподтишка, скользящим движением опустил руку под сиденье и нажал на секретную кнопку. В пассажирском салоне кто-то спрашивал у Карпати,

не желает ли он сесть в кресло. Рэйфорд заметил, что МакКаллам выжидающе смотрит на него, словно услышав в наушниках что-то такое, чего не слышал его командир. Когда Рэй быстро отпустил потайную кнопку, до него донеслись слова МакКаллама:

— Нам дали «добро», капитан. Можем взлетать.

Теперь Рэйфорд мог не спеша, постепенно набирать скорость, необходимую для взлета. Но ведь всем обычно нравится резкий, эффектный взлет, когда самолет разгоняется очень быстро и отрывается от земли за считанные секунды... Стил рванул рычаг; «кондор» сделал мощный рывок и помчался по взлетно-посадочной полосе с такой скоростью, что обоих летчиков прижало к спинкам кресел.

— Bay! — завопил МакКаллам. — Поддай жару, ковбой!

Рэйфорду сейчас было чем заняться. Он только во второй раз поднимал в воздух новый самолет, и ему, пожалуй, следовало бы концентрироваться на текущих задачах. Однако он не смог удержаться и вновь нажал на потайную кнопку, надеясь услышать, каково пришлось Карпати во время взлета. В его воображении рисовалось, как ненавистный ему человек летит кувырком в заднюю часть самолета, и Рэйфорд жалел лишь о том, что там не оказалось двери, которую он мог бы распахнуть перед ним, нажав на какую-нибудь кнопку прямо в кабине.

— О боже мой! — раздалось в наушниках. — Господин, с вами все в порядке?

Рэйфорд услышал шорох, как будто остальные пассажиры начали отстегивать ремни безопасности, чтобы встать и помочь Карпати. Но поскольку самолет все еще с грохотом мчался по земле, центробежная сила вдавливала людей в кресла.

— Со мной все нормально, — произнес Карпати. — Я сам виноват, поделом мне досталось.

Рэйфорд отключил связь с салоном и сосредоточился на предстоящем взлете. В глубине души он надеялся, что перед первым рывком самолета Карпати наклонялся над каким-нибудь креслом. Тогда бы он здорово об него приложился! «Наверное, это был мой последний шанс хоть в какой-то мере свершить правосудие».

* * *

Никто не обращал на Бизона ни малейшего внимания, но он все равно старался не бросаться в глаза. Он быстро свернул за угол и остановился в тени, вновь и вновь нажимая на кнопку автодозвона. И вот, в коротком промежутке между короткими гудками и моментом, когда начинался новый набор номера, телефон вдруг зазвонил.

— Алло! Хлоя, ты? — заорал Бизон.

Пальцы у него дрожали так сильно, что он чуть было не уронил аппарат. Нажав наконец на кнопку приема звонка, он прокричал:

— Хлоя!

— Нет, Кэмерон, это Верна. Но я только что связывалась с офисом, и мне сказали, что Хлоя звонила вам туда.

— Ей дали номер твоего телефона?

— Нет. Они ведь не знают, что он теперь у вас.

— Я как раз стараюсь дозвониться до нее, Верна, но только линия занята.

— Не прекращайте попыток, Кэмерон. Хлоя не сказала, где она и что с ней. Но теперь вы, по крайней мере, знаете, что она жива!

— И я благодарю за это Бога!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Бизону хотелось запрыгать, закричать, побежать куда-нибудь. Но он не знал, в каком направлении двигаться. Известие о том, что Хлоя жива, было самой прекрасной новостью, которую он слышал в своей жизни. Однако теперь нужно было, чтобы эта новость стала для него еще и руководством к действию. Бизон продолжал нажимать на кнопку автодозвона, и в трубке вновь и вновь раздавался сигнал «занято».

Внезапно телефон опять зазвонил.

— Хлоя!

— Нет, Кэмерон. Вы уж простите меня, но это снова я, Верна.

— Умоляю вас, только не сейчас! Я пытаюсь дозвониться до Хлои!

— Успокойтесь, успокойтесь, большой мальчик! Только что она опять связалась с

офисом «Уикли». Ну а теперь слушайте внимательно! Где вы находитесь в данный момент и где были до этого?

— Я на Мичиган-авеню, рядом с площадью Уотер-Тауэр-Плейс, если можно так назвать то безобразие, которое от нее осталось.

— Как вы туда добрались?

— Ехал по Шеридан-роуд в сторону Лэйк-Шор-Драйв.

— О'кей, — ответила Верна. — Хлоя сказала одному из сотрудников, что она тоже выехала на Лэйк-Шор-Драйв, только другой дорогой.

— Другой дорогой?

— Это все что я знаю, Кэмерон. Вам нужно будет полностью осмотреть и шоссе со стороны озера, и другой выезд на Лэйк-Шор-Драйв — тот, которым она могла воспользоваться.

Не прерывая разговора с Верной, Бизон уже двигался по маршруту, который она описала.

— Не представляю, как она могла выехать на берег озера, если двигалась по Лэйк-Шор-Драйв на юг.

— Да я тоже не знаю, — согласилась Верна. — Может, таким образом она надеялась объехать затор, потом поняла, что это не получится, и развернулась на 180 градусов.

— Скажите всем, кто про нее слышал, что она не должна занимать свой телефон, пока я до нее не дозвонюсь. Нужно, чтобы она по возможности указывала мне, в каком направлении к ней идти.

* * *

Все сомнения, которые оставались у Рэйфорда Стила относительно немислимой, откровенно злой силы, которой располагал Николае Карпати, улетучились через несколько минут после того, как «Кондор-216» покинул международный аэропорт Сан-Франциско. По тайному каналу прослушки он услышал, как один из референтов Карпати спросил:

— Ну что, сэр, вдарим по этому городишке?

— Запускай! — шепотом ответили ему.

И референт просто сказал, видимо, в телефон:

— Огонь!

— Посмотрите в иллюминатор с той стороны, — проговорил Карпати, и в голосе его звучало нескрываемое возбуждение. — Вы только посмотрите!

Рэйфорд испытывал искушение развернуть крылатую громадину так, чтобы ему тоже стало видно. Но зрелище, которое предстало бы перед ним, явно относилось к ряду картин, которые хочется не сохранить в памяти, а вытравить из нее, да побыстрее. Он переглянулся с МакКалламом. В наушниках у них обоих раздались крики людей, находящихся на диспетчерской вышке.

— На помощь! На помощь! Нас атакуют с воздуха!

Потом послышался звук удара, и связь прервалась. Однако Рэйфорд и так понимал, что бомбы, сброшенные на город, могли с легкостью стереть с лица земли и башню диспетчеров, и аэропорт, и много чего еще.

Рэйфорд не знал, сколько он еще выдержит роль личного пилота дьявола.

* * *

Для мужчины, которому чуть за тридцать, Бизон находился в достаточно хорошей физической форме. Но сейчас, когда он мчался по Чикаго-авеню на восток, к озеру, суставы у него ломило, а легкие разрывались. Насколько далеко на юг могла заехать Хлоя, прежде чем свернула в сторону озера? Ей ведь нужно было развернуться в противоположную сторону.

Когда Бизон наконец добрался до Лэйк-Шор-Драйв, там не было видно ни одной машины. Он знал, что с северной стороны, на выезде с Мичиган-авеню, шоссе перегорожено. Наверное, проезд с южного конца был тоже закрыт. Хватая ртом воздух, Уильямс перескочил через ограждение, выбежал на середину дороги, услышал, как щелкает, переключаясь, светофор, совершенно бесполезный при сложившихся обстоятельствах, и ринулся на противоположную сторону. Там он помчался на юг.

Бизон размышлял о том, что его жена жива, но он не знает, в каком она состоянии. Между тем проблема, если предположить, что Хлоя не получила каких-либо опасных для жизни травм, теперь заключалась вот в чем: распечатки личных записей Брюса (или, еще того хуже, сам компьютер) могли попасть не в те руки. В ведь наверняка в этих текстах встречались места, где Брюс со всей ясностью говорил, что считает Николае Карпати Антихристом!

Бизон и сам не знал, откуда у него берутся силы, чтобы передвигать ноги, но продолжал бежать, то нажимая на кнопку перенабора, то поднося телефон к уху. Когда он почувствовал, что не может двигаться дальше, то рухнул на песок и, тяжело дыша, прислонился к внешней стороне ограждения. И тут наконец Хлоя сняла трубку.

Бизон не продумал заранее, что он ей скажет, и теперь, неожиданно для самого себя, разразился самыми общими вопросами.

— У тебя все в порядке? Ты не ранена? Где ты находишься? — Он не говорил о том, что любит ее, что до смерти за нее боялся и теперь очень рад, что она жива. Он как-то без слов предположил, что она это и так знает.

Судя по тому, как звучал ее голос, Хлоя была очень слаба.

— Бизон, — проговорила она, — ты где?

— Я двигаюсь на юг от Лэйк-Шор-Драйв и от Чикаго-авеню.

— Слава Богу, — ответила Хлоя. — Мне кажется, тебе осталось пройти еще около мили.

— Ты ранена?

— Боюсь, что да, Бизон. Не знаю, сколько я пролежала без сознания. Я даже не могу с уверенностью сказать, как я оказалась там, где сейчас нахожусь.

— А если конкретно, где это?

Бизон вскочил на ноги и быстро зашагал прочь. Бежать он был уже не способен, хоть и боялся, что Хлоя истекает кровью.

— Это чрезвычайно странное место, — произнесла она, и Бизон почувствовал, что ее силы идут на убыль. Он знал, что она наверняка по-прежнему в машине, потому что телефон нельзя было извлечь из «рейнджровера». — Подушка безопасности сработала, — добавила Хлоя.

— «Ровер» еще на ходу?

— Понятия не имею, милый.

— Хлоя, теперь ты должна говорить мне все, о чем я буду тебя спрашивать. Ты в помещении или под открытым небом? Тебе удалось удрать от полицейского, который за тобой гнался?

— Бизон, судя по всему, «рейнджровер» застрял между деревом и бетонным пило-стром.

— Что-о?

— Я ехала со скоростью около шестидесяти миль в час, — продолжала она, — когда мне показалось, что я вижу съезд с магистрали.

Я туда свернула и тут же услышала грохот разорвавшейся бомбы.

— Бомбы?

— Да, Бизон. Ты наверняка знаешь, что на Чикаго сбросили бомбу.

«Только одну? — подумал Бизон. — Впрочем, может, это к лучшему, что Хлоя ничего не знает о тех бомбах, которые посыпались вслед за первой».

— Ну, так или иначе, но я увидела, что полицейская машина промчалась мимо меня. Может, она совсем и не за мной гналась. Когда все увидели и слышали взрыв, движение на Лэйк-Шор-Драйв полностью остановилось, и коп в кого-то врезался. Надеюсь, он остался цел. Надеюсь, он не погиб. Иначе я всю жизнь буду чувствовать себя виноватой.

— Ну и куда ты поехала потом, Хлоя?

— В общем то, что показалось мне съездом с главной дороги, оказалось вовсе не съездом. Я не нажала на тормоз, но сняла ногу с педали газа. На несколько секунд «рейнджровер» поднялся в воздух. У меня было такое ощущение, что я пролетела где-то футов сто. Рядом со мной находится какой-то провал. Машина приземлилась на верхушки каких-то деревьев и завалилась на бок. Следующий момент, который остался у меня в памяти, — это как я очнулась и поняла, что я здесь совершенно одна.

— Где — здесь? — рывкнул Бизон. Но, конечно, Хлою нельзя было винить в том, что она не могла выражаться более конкретно.

— Никто меня не видел, Бизон, — сонно проговорила она. — Потом что-то случилось с фарами, и они погасли. Меня зажало на переднем сиденье — я как бы вишу на ремне безопасности. Я могу дотянуться до зеркала заднего вида, но увидела я в него сначала только уезжающие машины, а потом просто пустое шоссе. На нем нет никаких аварийных фонарей и вообще ничего.

— Вокруг тебя нет людей?

— Никого нет. Мне пришлось выключить и снова запустить двигатель, чтобы добраться до телефона и включить его. Я молила небо, чтобы ты пришел за мной, Бизон.

Судя по голосу, она уже начинала засыпать.

— Хлоя, ты только оставайся на линии, не клади трубку. Можешь ничего не говорить, только пусть связь не прерывается, чтобы я точно знал, что я не сбился с пути и двигаюсь в твою сторону.

Темноту, окружавшую Бизона, разрывал только свет далеких аварийных огней, выставленных со стороны центра города, блеск костров, все еще пылавших там и тут, и несколько крохотных огоньков на поверхности озера — лодочных фонарей. В полночь Лэйк-Шор-Драйв никак не освещалась. Все уличные фонари находились дальше к северу, там, где было видно мерцание светофоров. Бизон пробежал вдоль изгиба дороги и искоса бросил взгляд в сторону. Ему показалось, что в слабом свете луны виднеются парапеты, несколько деревьев и

бетонный пилястр наподобие тех, какие образуют подземный проход, ведущий к берегу. Бизон медленно пошел вперед, а затем остановился, чтобы приглядеться. По его ощущению, до того места оставалось около двухсот ярдов.

— Хлоя! — сказал он в телефон.

Ответа не было.

— Хлоя! Ты тут?

Из трубки до него донесся вздох.

— Я тут, Бизон. Но я как-то не очень хорошо себя чувствую.

— Фары включить сумеешь?

— Можно попробовать.

— Давай. Только ни обо что не поранься.

— Чтобы достать до выключателя, я попытаюсь подтянуться вверх на рулевом колесе.

Бизон услышал, как она застонала от боли. И тут он вдруг увидел на изрядном расстоянии от себя вертикальную полосу светящихся фар, которая бросала свет на песок.

— Я вижу тебя, Хлоя! Вешай трубку.

* * *

Почти как в одной детской песенке, Рэйфорд предположил, что МакКаллам думает, что Рэйфорд спит. Стил осел в своем кресле, уронив голову на грудь и ровно дыша. Но наушники по-прежнему оставались у него на голове, а левая рука нажимала на потайную

кнопку. Карпати говорил сейчас тихим голосом, полагая, что так его секреты не дойдут до ушей экипажа.

— Я был так взволнован, меня настолько переполняли всевозможные мысли, что я просто не мог усидеть на месте, — рассказывал потентат. — Надеюсь, мне не придется в наказание за это разгуливать с синяком.

Все его прихлебатели разразились громоподобным хохотом.

«Да, нет ничего смешнее, чем шутка босса», — подумал Рэйфорд.

— Нам нужно так много обсудить, так много сделать, — продолжал Карпати. — Когда наши соотечественники присоединятся к нам в Багдаде, мы сразу возьмемся за работу.

О разрушении аэропорта Сан-Франциско и зоны Залива уже говорили в новостях. Рэйфорд увидел страх в глазах у МакКаллама. Может быть, старый друг почувствовал бы себя более уверенно, если бы знал, что самый главный его босс, Николае Карпати, практически полностью контролировал все происходящее уже на протяжении нескольких последних лет.

Вдруг Рэйфорд услышал голос Леона Фортунато — голос, который невозможно было не узнать.

— Господин потентат, — прошептал подхалим, — нам нужно будет подобрать замену Эрнандезу, Халлидею, а также вашей невесте. Не так ли?

Рэйфорд так и подскочил в своем кресле. Неужели такое возможно? Выходит, они уже уничтожили всех троих? Но чем им помешала Хэтти Дюрхем? Стил чувствовал вину за то, что старшая стюардесса его экипажа теперь является не только сотрудницей Карпати, но и его любовницей, а в недалеком будущем станет матерью его отпрыска. Так что, Николае не собирается на ней жениться? Может, он не хочет ребенка? А ведь он разыгрывал такой восторг перед Рэйфордом и Амандой, когда Хэтти сообщила ему радостную новость...

Карпати хихикнул.

— Нет уж, вы, пожалуйста, не относите мисс Дюрхем в один разряд с нашими покойными друзьями. Эрнандез был просто расходным материалом. В Халлидее мы нуждались лишь временно. Давайте заменим Эрнандеза и не будем беспокоиться о том, кем заменить Халлидея. Он, конечно, сослужил нам определенную службу. Но единственная причина, по которой я попросил вас заменить Хэтти, заключается в том, что ее должность ей просто не подходит. Я, впрочем, знал, что ее секретарские навыки довольно сомнительны. Однако мне был нужен ассистент, и я, вполне естественно, хотел, чтобы им стала именно она. Но я воспользуюсь ее беременностью как предлогом, позволяющим освободить мисс Дюрхем от служебных обязанностей.

— Желаете, чтобы я взялся за это дело и все уладил? — спросил Фортунато.

— Я сам с ней поговорю... если вы имеете в виду именно это, — ответил Карпати. — Взяться вам лучше за другое — за подбор персонала в секретариат.

Стил отчаянно пытался сохранить самообладание. Ему не хотелось чем-то выдать себя перед МакКаллом. Никто не мог знать о том, что у командира самолета есть возможность подслушивать разговоры в салоне. Однако сейчас Рэйфорд услышал то, что ему отнюдь не хотелось бы слышать. Вполне возможно, что обладание этой информацией давало ему какое-то преимущество. Вероятно, она даже могла оказаться полезной для Отряда Скорби. Но человеческая жизнь теперь настолько упала в цене, что всего за несколько часов у Рэйфорда погибли и новый знакомый — Эрнандес, и старый, доверенный друг и наставник — Эрл Халлидей. Рэй пообещал Эрлу известить его жену, если с тем что-нибудь случится, но не ожидал, что ему действительно придется это сделать.

Рэйфорд отключил связь с салоном и щелкнул переключателем. Теперь он мог говорить со старшим помощником и слышать его голос в наушниках.

— Пожалуй, пойду все-таки передохну у себя в берлоге, — сказал Рэй.

МакКаллам кивнул. Рэйфорд вышел из кабины и направился в свою комнату, которая была оснащена и оборудована даже с большей расточительностью, чем его личное пространство на борту номер один Мирового Сообщества.

Рэйфорд снял ботинки, лег на спину и вытянулся во весь рост. Он думал об Эрле. Он думал об Аманде. Он думал о Хлое и Бизоне. И его терзала тревога. Да, все началось с гибели Брюса... Рэйфорд повернулся на бок, уткнулся лицом в ладони и зарыдал. Сколько еще близких людей ему суждено потерять за один сегодняшний день?

«Рейнджровер» застрял. С одной стороны к нему прижимались ствол и нижние ветви большого дерева, с другой — бетонный пилластр.

— Милая, выключи фары! — выкрикнул Бизон. — Сейчас не стоит привлекать к себе внимание.

Колеса машины были плотно прижаты к стене, и Бизон даже удивился, что дерево держало такой вес. Ему пришлось залезть на него, чтобы заглянуть в «рейнджровер» через окно со стороны водителя.

— Ты можешь дотянуться до зажигания? — спросил он.

— Да, мне ведь пришлось выключить двигатель, потому что колеса продолжали крутиться, упираясь в стену.

— Ты просто наполовину поверни ключ и опусти стекло, чтобы я мог тебе помочь.

Хлоя, видимо, висела на ремне безопасности.

— Я не уверена, что в состоянии дотянуться до оконной кнопки с этой стороны.

— Ты можешь отстегнуть ремень так, чтобы ничего себе при этом не сломать и не повредить?

— Бизон, да у меня, кажется, все тело состоит из одних повреждений. Я даже не уверена, что у меня сломано, а что нет.

— Постарайся как-нибудь извернуться и освободиться от этой штуки. Потом встань ногами на переднее окно со стороны пассажира и опусти в нем стекло.

Но Хлоя настолько сильно запуталась в ремне, что могла только сильнее извернуться и наполовину повернуть ключ зажигания. Ухватившись за что-то правой рукой, она подтянулась вверх, чтобы добраться до кнопки, опускающей оконное стекло. Когда окно открылось, Бизон протянул к Хлое обе руки, чтобы поддержать ее.

— Я так о тебе волновался, — проговорил он.

— Я тоже о себе волновалась, — ответила Хлоя. — Кажется, все ушибы и переломы у меня оказались на левой стороне. Вероятно, у меня перелом локтя и вывих запястья. Плечо и колено тоже болят.

— Если вдуматься, это вполне понятно, — сказал Бизон. — Тебе будет больно, если я поддержу тебя вот так? Тогда ты сможешь просунуть здоровую ногу через окно возле пассажирского сиденья.

Бизон лежал поперек боковой стороны «рейнджровера», почти перевернувшегося

кверху днищем, и тянулся вниз, внутрь машины, стараясь просунуть одну руку Хлое под мышку, а другой схватить ее сзади за пояс. Когда девушка отстегнула ремень безопасности, он стал ее поднимать. Хлоя была хрупкой и миниатюрной, но поскольку Бизон не мог сейчас ни на что опереться или за что-нибудь ухватиться, это оказался единственный способ ее не уронить. Она вытянула ступни из-под приборной панели и робко встала. Ноги у нее стояли на передней дверце по стороны пассажира, а голова оказалась рядом с рулем.

— У тебя где-нибудь течет кровь?

— Кажется, нет.

— Хочется верить, что внутреннего кровотечения тоже нет.

— Бизон, будь у меня внутреннее кровотечение, я бы уже давно умерла.

— Значит, если мне удастся вытащить тебя наружу, можно считать, что в общем и целом с тобой все в порядке.

— Мне и правда до смерти хочется выбраться отсюда, Бизон. Можно открыть ту дверь, чтобы ты помог мне вылезти?

— Сначала я хочу задать тебе один вопрос. Значит, вот такой будет наша жизнь после свадьбы? Я стану покупать тебе дорогие машины, а ты — в первый же день превращать их в груды металлолома?

— В обычных обстоятельствах это можно было бы счесть забавной шуткой...

— Прости.

Бизон велел Хлое, чтобы в момент, когда он потянет дверь на себя, девушка толкнула

ее правой рукой, а вес тела перенесла на здоровую ногу. Нижний край двери заскрежетал по бетону. Бак поразился, насколько мало пострадал «рейнджровер» в остальных отношениях, если, конечно, исходить из того, что было видно при таком тусклом освещении.

— В бардачке должен лежать электрический фонарик, — сказал он.

Хлоя передала его мужу. Он осмотрел машину со всех сторон. Шины оказались в порядке. Передняя решетка была слегка повреждена, но тоже ничего серьезного. Бизон выключил фонарик и опустил его к себе в карман. Плача и охая, Хлоя с помощью мужа выбралась из машины.

Когда они вдвоем уселись на боку «рейнджровера» со стороны водительского кресла, Бизон почувствовал, что тяжелый автомобиль, застрявший в неустойчивом положении, закачался.

— Надо спустить тебя отсюда, — сказал Бизон.

— Дай-ка мне на минуточку взглянуть на этот фонарик, — попросила Хлоя. Она посветила им над собой. — Будет проще подняться на два фута вверх, на верхнюю часть пилястра, — заявила она.

— Ты права, — согласился Бизон. — Сумеешь это сделать?

— Думаю, я смогу, — ответила она. — Я вообще стойкий оловянный солдатик.

— В этом я не сомневаюсь.

Хлоя перебралась на то место, откуда можно было дотянуться до верхнего края

пилястра здоровой рукой, и попросила, чтобы Бизон толкал ее вверх, пока она не навалится животом на стену. Когда она в последний раз оттолкнулась правой ногой, «рейнджровер» приподнялся, причем как раз достаточно высоко для того, чтобы высвободиться из плотного переплетения веток. И дерево, и машина вздрогнули и пришли в движение.

— Бизон! Скорее слезай оттуда! Тебя сейчас раздавит!

Тот, распластавшись, лежал на боковой стороне «рейнджровера», который сейчас поворачивался носом вверх, в направлении пилястра, скрипя шинами и оставляя на бетоне огромные царапины. Чем энергичнее Бизон пытался как-то сдвинуться с места, тем быстрее поднимался автомобиль. Бизон понял: нужно сделать так, чтобы его самого не прижало к стене, иначе — смерть. Он ухватился за багажник, который как раз надвинулся на него, и, подтянувшись на руках, оказался на самой верхней точке «рейнджровера». Ветки дерева, вырвавшись из-под автомобиля, хлестнули Бизона по голове, задев ухо. Машина поворачивалась все быстрее и быстрее, и Бизону это было на руку, конечно, при условии, что ему удалось бы не свалиться вниз. Сперва начал двигаться автомобиль, потом — дерево, потом стало казаться, что они подстраиваются друг под друга. Бизон прикинул, что если на «рейнджровер» перестанут давить ветки, то он рухнет на землю с высоты около трех футов. Оставалось только надеяться, что упадет он

на все четыре колеса. К несчастью, надежда оказалась тщетной.

Тяжелая машина, у которой колеса с левой стороны были прижаты к бетону и на которую сбоку пружинисто давили несколько согнутых веток, начала крениться вправо. Бизон закрыл ладонями лицо, чтобы в него не ударили ветки, освободившиеся от веса автомобиля. Распрямляясь, они едва не отбросили его на стену. «Рейнджровер» тем временем завалился на правый бок и чуть не перевернулся. Случись такое, Бизона раздавило бы о ствол дерева. Но как только колеса с одной стороны ударились об землю, машина подпрыгнула и закачалась. Двигаясь по инерции, автомобиль врезался левым боком в бетон, после чего наконец застыл на месте. Теперь расстояние между ним и стеной было меньше дюйма, зато он стоял на неровной почве. Сверху над ним нависали сломанные ветки.

Бизон включил фонарик и осмотрел машину, перенесшую столько испытаний. Но, если не считать помятой передней решетки и царапин, которые с одной стороны оставили ветки, а с другой — бетонная стена, «рейнджровер» выглядел почти как новенький.

Бизон не имел ни малейшего понятия о том, как сложить подушку безопасности, поэтому решил пока просто отрезать ее, а об установке новой подумать позже, если окажется, что машина все еще на ходу. У него болел бок, и он был уверен, что сломал ребро в момент, когда «рейнджровер» наконец-то

упал на землю. Он осторожно слез с автомобиля и остановился под деревом, ветви которого теперь скрывали от него Хлою.

— Бизон! Ты в порядке?

— Не двигайся с места, Хлоя. Я сейчас попробую кое-что сделать.

Он забрался на переднее пассажирское сиденье, потом протиснулся на место водителя и завел мотор. Судя по звуку, работал он идеально. Бизон внимательно посмотрел на приборы, желая удостовериться, что в машине ничего не вытекло и не перегрелось, что в ней достаточно бензина и масла. Когда он попытался поехать прямо вперед, возникло ощущение, что он попал в какую-то колею. Но всего через несколько секунд автомобиль вырвался из объятий дерева и выехал на песок. Бизон резко свернул вправо, а затем поехал задом в сторону ограждения, отделявшего песок от Лэйк-Шор-Драйв. Примерно через четверть мили он нашел в ограждении дыру, через которую можно было въехать на шоссе и там развернуться. После этого Бизон вернулся к месту, где стояла Хлоя. Она старалась не слишком сильно опираться на землю больной ногой и поддерживала правой рукой левое запястье. Бизону показалось, что он еще никогда не видел ее такой красивой.

Он подогнал автомобиль поближе к Хлое, выскочил наружу и обежал вокруг «рейнджровера», чтобы помочь жене забраться в машину. Прежде чем сесть туда самому, он застегнул на Хлое ремень безопасности и схватился за телефон.

— Лоретта, это вы? Хлоя в безопасности. Правда, она немного ушиблась, и мне бы хотелось как можно скорее показать ее врачу. Если бы вы могли обзвонить своих знакомых и найти в общине какого-нибудь доктора, я был бы вам очень благодарен.

Бизон старался вести машину как можно осторожнее, чтобы Хлою не растрясло и боль ее не усилилась. Впрочем, он знал кратчайшую дорогу домой. Добравшись до гигантской баррикады, отделявшей Мичиган-авеню от Лэйк-Шор-Драйв, он свернул налево и переехал через насыпь, которую в прошлый раз преодолел пешком. Он увидел печального покойника — автомобиль Верны и полностью проигнорировал полицейских, с которыми разговаривал еще совсем недавно и которые теперь махали ему руками, требуя остановиться. Набирая скорость, он помчался по Лэйк-Шор-Драйв, обогнул заграждение на Шеридан-роуд, потом взял курс на Демпстер, следуя указаниям Хлои, которая подсказывала ему, как ехать, и вскоре они вновь оказались на северо-западной окраине города.

Когда Бизон подъехал к дому Лоретты, старушка вместе с Верной уже выглядывали на улицу из окна. Лишь теперь, увидев их, он хлопнул себя по лбу и наконец-то вспомнил о важной вещи, которая совершенно вылетела у него из головы. Выскочив из машины, Бизон поспешно обежал ее крутом и бросился к багажнику. Не сразу найдя нужный ключ, он отпер замок и увидел листы-распечатки, рассыпанные в полном беспорядке. Там же

лежал и компьютер, а рядом с ним — телефоны, купленные Хлоей.

— Знаешь, — сказал Бизон жене, которая осторожно, стараясь не делать резких движений, обернулась на его голос, — как только ты окажешься в доме у Лоретты, я, пожалуй, отправлюсь обратно к Карпати.

* * *

Рэйфорд вернулся в кабину. С приближением ночи в салоне становилось все тише. Общий разговор постепенно распался на островки негромкой болтовни. Обслуживающий персонал как следует накормил важных персон, и у Рэйфорда возникло ощущение, что они уже внутренне настроились на то, что перелет будет долгим.

Рэйфорд проснулся, испуганно вздрогнув, и понял, что палец у него соскользнул с потайной кнопки. Он снова нажал на нее, но в наушниках по-прежнему не раздавалось ни звука. Впрочем, он и так уже слышал больше, чем хотел бы.

Рэйфорд решил размять ноги. Когда он проходил через главный салон, направляясь в заднюю часть самолета, чтобы посмотреть там телевизор, на него не обратил внимания никто, кроме Карпати. Одни пассажиры дремали, вокруг других суетился персонал, убирая остатки трапезы с подносов и вытаскивая одеяла и подушки.

Карпати кивнул Рэйфорду, улыбнулся и помахал ему рукой.

«Как такое возможно? — с удивлением подумал Рэйфорд. — Брюс говорил, что до середины эпохи Скорби Сатана все-таки не будет постоянно пребывать с Антихристом. Однако этот человек, безусловно, представляет собой истинное воплощение зла».

Рэйфорд не нашел в себе сил притворяться, невзирая на то, что Карпати, несомненно, прекрасно знал о его вере в Христа. Он просто кивнул ему в ответ и пошел дальше. По телевизору он смотрел новости, которые передавались в прямом эфире со всех концов света. Да, предсказанное в Писании осуществилось. Это был он, всадник Апокалипсиса на Рыжем коне. А за ним следует смертоносный голод и эпидемии, которые продлятся до тех пор, пока не погибнет четверть населения Земли, оставшегося после Вознесения верующих.

В кармане у Рэйфорда завибрировал универсальный мобильник, номер которого знали лишь очень немногие люди помимо тех, кто находился сейчас на борту «кондора». «Спасибо, Господи, за то, что ты послал нам технический прогресс», — пронеслось в голове у Рэйфорда. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь подслушал его разговор, поэтому он отошел в самый хвост самолета и остановился возле иллюминатора. Ночь снаружи была черна, как душа Карпати.

— Рэйфорд Стил слушает, — произнес он.

— Папа!

— Хлоя! Слава Богу! Хлоя, с тобой все хорошо?

— Пап, я тут попала в небольшую аварию. А сейчас я просто хочу сказать тебе, что ты еще раз спас мне жизнь.

— Что ты имеешь в виду?

— Я прослушала сообщение, которое ты оставил мне в «Дрейке», — объяснила Хлоя. — Если бы я замешкалась хоть чуть, хотя бы поднялась к себе в номер, то меня, вероятно, уже не было бы на свете.

— А как дела у Бизона?

— У него все отлично. Он не смог вовремя отзвониться в ответ на звонок ты-знаешь-кого. Поэтому он пытается связаться с ним как раз сейчас.

— Тогда ты, пожалуйста, извини меня, — сказал Рэйфорд, — но я перезвоню тебе позже.

И он зашагал обратно в кабину, стараясь не подавать виду, что торопится. Когда Рэйфорд проходил мимо Фортунато, тот как раз передавал Карпати телефон.

— Это Уильямс из Чикаго, — сказал Фортунато. — Как раз вовремя!

Карпати сделал такое лицо, словно давал Леону понять, что тот придает звонку журналиста слишком много значения. Когда Рэйфорд вошел в каюту, то услышал за спиной возглас Карпати:

— Кэмерон, друг мой! Я волновался о том, что с вами.

Рэйфорд быстро уселся в свое кресло и надел наушники. МакКаллам выжидательно

посмотрел на него, но командир никак на это не прореагировал и закрыл глаза, нажимая на потайную кнопку.

— Мне не терпится узнать, как вы будете освещать события, — говорил тем временем Карпати. — Что творится в Чикаго? Да... да. . разрушения, я понимаю... да. Да, это трагедия...

«До чего же омерзительно», — подумал Рэйфорд.

— Кэмерон, — сказал Карпати, — не могли бы вы прилететь ко мне в Новый Вавилон в ближайшие несколько дней? А, понятно... Израиль? Да, я вижу, что это весьма благоразумно. Беда снова обошла стороной так называемую «Святую землю», не так ли? Необходимо будет осветить несколько встреч на высшем уровне, которые состоятся в Багдаде и Новом Вавилоне. Мне бы хотелось, чтобы за это взялись вы, однако ваш старый друг Стив Планк тоже подходит. Вы можете с ним скооперироваться и проследить за тем, чтобы произошедшие встречи были надлежащим образом отражены во всех наших изданиях...

Рэйфорду до смерти хотелось поговорить сейчас с Бизоном. Он восхищался дерзкой смелостью своего зятя, его способностью настаивать на своем и даже изящно отклонять указания, которые, видимо, давал ему Карпати. Рэйфорд задумался над тем, долго ли последний будет терпеть такое поведение. Во всяком случае на данный момент потентат достаточно уважал Бизона, и, как на-

деялся Рэйфорд, не знал, каким идеалам тот служит на самом деле.

— Да-да, — произнес Карпати, — конечно, я тоже скорблю об этом. Поддерживайте со мной связь и дайте знать, как у вас пойдут дела в Израиле.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Бизон сидел за столом, накрытым для завтрака. Глаза у бедняги помутнели, ребра начинали болеть при малейшем движении, а ухо так и горело. Во всем доме на ногах были пока только он и Лоретта. После того как хозяйке пообещали избавить ее от забот, связанных с погребением Брюса, выдачей тела и устройством поминальной службы, успокоенная старушка засобиралась в офис при церкви. Верна Зи еще посапывала в полуподвале, отделанном под жилую комнату.

— Как приятно чувствовать, что здесь снова появились люди! — мечтательно протянула Лоретта. — Вы все можете остаться у меня настолько, насколько понадобится... или просто насколько захотите.

— Мы вам будем за это очень признательны, — сказал Бизон. — Аманде можно

поспать до полудня, но потом пусть сразу едет в офис к коронеру и улаживает там все формальности. Хлоя мало спала из-за своего фиксатора на локте. Правда, она сейчас как бы мертва для мира, так что я надеюсь, что она подремлет подольше.

Бизон воспользовался обеденным столом, чтобы снова разложить по порядку листы-распечатки, которые рассыпались и совершенно перемешались, лежа в автомобиле. Ему предстояло проделать огромную работу — прочитать все записи Брюса и решить, какие из них будет лучше размножить и раздать людям. Он передвинул сложенные стопками листы на одну половину стола, а на другую выложил пять шикарных мобильных универсального назначения, которые купила Хлоя. К счастью, они были упакованы в пенопласт и благополучно пережили аварию, в которую попал «рейнджровер».

Бизон сам велел жене не скупиться, и она явно последовала его совету. Он не хотел даже строить предположений о том, в какую сумму обошлись все эти телефоны, вместе взятые. Но он и сам ясно видел, что в них есть все полезные функции, какие только можно себе представить. С них можно было даже позвонить в любую точку мира благодаря встроенной спутниковой микросхеме.

Когда Лоретта уехала в церковь, Бизон сначала перерыл все вокруг в поисках батареек, потом быстренько ознакомился с основными правилами пользования,

изложенными в инструкции, и попробовал сделать первый звонок. Вот тут-то ему и представился случай похвалить себя за свою привычку с маниакальным упорством хранить все номера телефонов, которые он когда-либо записывал. Глубоко в бумажнике он нашел листочек именно с тем номером, который был ему сейчас нужен.

Кен Ритц, в прошлом пилот гражданской авиации, а ныне — владелец собственной чартерной авиакомпания, и раньше выручал Бизона из беды. На следующий день после волны исчезновений именно он переправил журналиста в Нью-Йорк из Уокигана, штат Иллинойс, поднявшись в воздух с крохотного полевого аэродрома.

— Мистер Ритц, я знаю, что вы человек занятой и, вероятно, не очень заинтересованы в моем заказе, — сказал Бизон, — но вам также известно, что в моем распоряжении находится большой, жирный банковский счет, и я могу заплатить больше, чем любой другой клиент.

— У меня остался всего один самолет, — сказал Ритц. — Стоит он у меня в Пэлуоки, и в данный момент мы оба свободны — и он, и я. Беру я по два доллара за милю и тысячу долларов за день простоя. Куда вы намерены отправиться?

— В Израиль, — ответил Бизон. — Хотелось бы вылететь туда вечером, чтобы прибыть на место на следующий день. Давайте встретимся в Пэлуоки в семь часов и заключим сделку.

* * *

Рэйфорд наконец-то заснул по-настоящему — отрубился на несколько часов и, если верить МакКалламу, даже храпел.

Когда до Багдада оставалось лететь еще около часа, Леон Фортунато вошел в кабину и опустился на колени рядом с Рэйфордом.

— У нас нет полной уверенности, что в Новом Вавилоне нам будет обеспечена полная безопасность, — произнес он. — А вот того, что мы приземлимся в Багдаде, никто не ожидает. Продолжайте держать связь с нововавилонским диспетчером — пускай себе думают, что мы по-прежнему летим прямо туда. После того как мы возьмем на борт еще троих посланников, можно будет провести несколько часов на земле, а наша служба безопасности тем временем наведет порядок в Новом Вавилоне.

— Это как-то повлияет на ход ваших переговоров? — с наигранным безразличием спросил Рэйфорд.

— Вас это никоим образом не касается. Мы вполне можем провести встречи и в самолете, пока его заправляют. Ведь на это время не обязательно отключать кондиционеры?

— Само собой, нет, — ответил Рэйфорд, стараясь соображать как можно быстрее. — Но я еще далеко не все знаю об этом самолете, мне многое в нем надо освоить. Я останусь у себя в кабине или отведенной мне комнатке и постараюсь не попадаться вам на глаза.

— Да, уж будьте любезны!

* * *

Бизон позвонил Донни Муру, и тот сообщил, что приобрел отдельные детали, причем в каком-то совершенно немыслимом количестве, и теперь занимается тем, что делает из них пять сверхмощных ноутбуков.

— Это позволит вам немножко сэкономить, — заявил Донни. — По моим прикидкам, один такой комп будет стоить лишь чуть-чуть больше двадцати тысяч долларов.

— Я смогу их забрать в воскресенье, когда вернусь из поездки?

— Без проблем, сэр.

Бизон оставил номер своего нового универсального мобильного сотового телефона из «Глобал комьюнити уикли», занимавшим ключевые посты, и попросил, чтобы они держали его в секрете и не сообщали никому, кроме Карпати, Планка и Розенцвейга. Затем он старательно упаковал вещи в большую кожаную сумку с наплечным ремнем, а остаток дня посвятил двум делам: во-первых, расшифровывал записи Брюса, а во-вторых, пытался дозвониться до Розенцвейга. Во время прошлого разговора старик, не тратя много слов, явно пытался донести до собеседника, что доктор Бен-Иегуда жив и прячется где-то в безопасном месте. Бизону оставалось только надеяться, что Розенцвейг последовал его совету и не стал обращаться к Карпати. Сам он не имел никакого представления о том, где скрывается Цион

Бен-Иегуда. Но Хаим, возможно, был более осведомлен, и тогда с ним следовало поговорить как можно скорее — еще до того, как самолет Кена Ритца приземлится в аэропорту Бен-Гурион.

«Господи, сколько еще осталось до момента, когда мне и моим любимым людям придется спрятаться в бомбоубежище, что под храмом?» — думал Бизон.

* * *

В Багдаде принимались серьезнейшие меры безопасности. Рэйфорд получил указание не выходить на связь с тамошним диспетчером, чтобы вражеская авиация не могла получить информацию о том, где находится самолет Карпати. Правда, он был убежден, что после того, как силы Мирового Сообщества нанесли ответные удары по Лондону, Каиру и Северной Америке, в Ирак может отправиться только самоубийца. Но, так или иначе, Рэйфорд сделал то, что ему велели.

Леон Фортунато поговорил по телефону с обоими диспетчерами — и с багдадским, и с нововавилонским. Стил тоже загодя позвонил туда — предупредил, чтобы для него и МакКаллама подготовили внутри терминала место для отдыха, где можно было бы отдохнуть и расслабиться. Хотя Рэйфорд служил в авиации уже много лет, по-прежнему бы-

вали минуты, когда замкнутое пространство самолета вызывало у него легкие приступы клаустрофобии.

Самолет, снижая скорость, медленно подкатился к стоянке, расположенной на самой защищенной и безопасной оконечности Багдадского терминала. Там огромную машину окружило кольцо до зубов вооруженных военнослужащих Мирового Сообщества. Первыми из «кондора» вышли шесть человек обслуживающего персонала — стюарды и стюардессы. Фортунато подождал, пока Рэйфорд и МакКаллам выполняют все пункты послеполетной проверки, и спустился на землю вместе с летчиками.

— Капитан Стил, — сказал Фортунато, — не позже чем через час я доставляю обратно на борт трех оставшихся посланников.

— Когда вам хотелось бы вылететь в Новый Вавилон?

— Полагаю, часа через четыре, не раньше.

— Согласно международным авиационным правилам, я не имею права поднять самолет в воздух, если после предыдущего приземления прошло меньше двадцати четырех часов.

— Чушь какая, — пробормотал Фортунато. — Вы вообще хорошо себя чувствуете?

— Я выжат как лимон.

— Что бы там ни было, вы — единственный человек, имеющий необходимую подготовку для управления этим самолетом. И если мы прикажем вам лететь, то вы полетите.

— Значит, международные авиационные правила — это для вас просто пустой звук?

— Видите ли, Стил, все мыслимые и немыслимые международные правила отныне воплощает в своем лице человек, находящийся у вас на борту. Если он хочет попасть в Новый Вавилон, значит, вы его туда доставите. Понятно?

— А если я откажусь?

— Не глупите!

— Леон, позвольте вам напомнить: раз уж у меня случился перерыв, мне хотелось бы получше осмотреть самолет, ознакомиться со всеми его особенностями...

— Да, знаю, знаю. Только не путайтесь у нас под ногами. И вот еще что: я буду вам крайне признателен, если вы будете называть меня «мистер Фортунато».

— Это для вас очень важно, правда, Леон?

— Не злите меня, Стил!

Когда они вошли в терминал, Рэйфорд заявил:

— А поскольку я — единственный человек, который может управлять этим самолетом, я буду вам крайне признателен, если вы будете называть меня «капитан Стил».

День уже клонился к вечеру, когда Бизон оторвался от своего чтения распечаток, которые его просто заворожили, и, отложив

листы в сторонку, дозвонился-таки до Хаима Розенцвейга.

— Кэмерон! Мне наконец-то удалось лично поговорить с нашим общим другом... не будем упоминать его имя в телефонном разговоре. Беседа была не долгой, но в его голосе звучала такая опустошенность, что это потрясло меня до глубины души. Я получил от него одно весьма странное указание, Кэмерон. В общем, он просто сказал, что вы сами поймете, к кому нужно обратиться, чтобы узнать, где он находится.

— Что я сам пойму?

— Да именно так он и выразился. Как вы полагаете, он имел в виду Н.К.?

— Нет, нет! Хаим, я по-прежнему умоляю вас не вмешивать его в это дело.

— Да я и не вмешиваю, хотя это дается мне ох как нелегко! Кто еще может вступить за нашего друга сейчас, когда речь идет о спасении его жизни? Я схожу с ума от мысли, что с ним может случиться самое худшее. Тогда я буду вечно ощущать вину за то, что не уберег его.

— Я вылетаю к вам. Вы сумеете обеспечить меня машиной?

— В принципе, вы можете воспользоваться автомобилем нашего друга, а также услугами его шофера. Вот только непонятно, стоит ли этому шоферу доверять...

— Вы полагаете, он имеет какое-то отношение к возникшим проблемам?

— Я бы сказал так: мне кажется, он мог бы приложить больше усилий, чтобы доставить нашего друга в безопасное место.

— Тогда его положение, видимо, тоже небезопасно, — сказал Бизон.

— О, надеюсь, что это не так, — ответил Розенцвейг. — В любом случае в аэропорту я вас встречу сам, и мы уж как-нибудь доставим вас туда, куда вам нужно попасть. Могу я приготовить для вас комнату?

— Вы знаете, где я всегда останавливался, — произнес Бизон, — но мне кажется, что на сей раз будет лучше погостить в другом месте.

— Прекрасно, Кэмерон. У меня есть на примете одна недурная гостиница. Меня там знают; от отеля, где вы обычно снимали номер, до нее всего несколько минут езды.

* * *

Рэйфорд потянулся и встал на ноги, не отрывая взгляда от экрана. Программу, которая шла сейчас по телевизору, транслировали во все уголки мира. Ее подготовила телекомпания «Кабельная новостная сеть/ Новостная сеть Мирового Сообщества» из Атланты.

Было ясно, что Карпати полностью подчинил своей воле руководителей всех новостных программ. В каждом эпизоде перед зрителем представляли страшные картины — война, кровопролитие, смерть, раз-

рушения, а ведущий разливался соловьем, рассказывая, как быстро и точно Потентат наносит ответные удары по мятежникам, преодолевая возникший кризис. Источники воды во многих регионах были заражены и загрязнены, электроснабжение прервано, и миллионы людей в одночасье лишились крова над головой.

Рэйфорд заметил, что за стенами терминала происходит какое-то движение. В сторону «Кондора-216» катилась операторская платформа, на которой лежало телевизионное оборудование, в том числе камера. Прошло совсем немного времени, и Си-эн-эн/Джи-си-эн объявила, что сейчас в прямом эфире из неизвестного места будет выступать Потентат Карпати. Рэйфорд покачал головой и направился к столу, стоящему в уголке, отыскал почтовую бумагу авиакомпании «Ближний Восток» и принялся сочинять письмо жене Эрла Халидея.

Рассудок подсказывал Рэйфорду, что ему не в чем себя винить. Ведь было ясно: Халидей включился в разработку «Кондора-216», которую проводили Карпати и его люди, задолго до того, как Рэйфорд хоть что-то об этом узнал. Но у миссис Халидей неизбежно должно было сложиться впечатление, что именно он привел своего старого друга и бывшего босса прямиком к гибели, и не было никакой возможности объяснить вдове, что это не так. Ведь Рэй даже не знал, как именно убили ее мужа. Может быть, уничтожили вообще всех, кто полетел вместе с Эрлом в

Гленвью? Он знал только одно: черное дело сделано, Халлидея на свете больше нет.

Пока Рэйфорд пытался сочинить письмо, для которого, как ни бейся, невозможно было подобрать нужные слова, он почувствовал, что его накрывает огромная, темная волна депрессии. Он скучал по своей жене. Он тосковал по дочери. Он горевал о смерти своего пастора. Он оплакивал утрату друзей и знакомых, старых и новых. Как же получилось, что его жизнь стала такой?

Рэйфорд знал, что он не в ответе за ту участь, которую Николае Карпати уготовил своим врагам. Он не перестанет вершить на земле свой жуткий, мрачный суд из-за того, что Рэйфорд уволится и уйдет от него. Есть сотни пилотов, которые сумеют управлять «кондором»; ведь Рэй и сам освоил сию премудрость за полчаса. Нет, не нужна ему такая работа! Он о ней не просил и вовсе к ней не стремился. Но Рэйфорд отдавал себе отчет в том, что Господь зачем-то направил его именно сюда. Для чего? А канал прослушивания, который Эрл Халлидей встроил в систему внутренней связи? Может, его стоит считать подарком непосредственно от Бога — подарком, который позволит Рэйфорду защитить хоть немногих людей от сатанинской злобы Карпати?

Он знал, что этот неожиданный подарок уже спас его дочь и зятя от верной смерти под бомбами, которые обрушились на Чикаго. И теперь, когда Стил смотрел по телевизору новости с Западного побережья, ему

хотелось найти какой-нибудь способ, чтобы предупредить людей в Сан-Франциско и Лос-Анджелесе о надвигающейся гибели. В душе у Рэйфорда шла тяжкая борьба, и у него не хватало сил ее вынести.

Он закончил краткое письмо с выражением соболезнования, положил руки на стол и уронил на них голову. В горле у него стоял комок, но слезы течь не желали. Рэй знал, что мог бы рыдать по двадцать четыре часа в сутки, с этой самой минуты и до самого конца периода Скорби — до момента, когда Христос вновь сойдет на землю, как обещал Брюс, и свершится то, что покойный наставник называл «Явлением во славе». С какой тоской ожидал Рэйфорд этого дня! Суждено ли ему и его близким дожить до него, или они, подобно Брюсу, станут «мучениками Скорби»? В такие минуты, как сейчас, Рэйфорд мечтал о какой-нибудь быстрой и безболезненной смерти, которая позволила бы ему оказаться на небе, рядом с Христом. Стил понимал, что подобное желание эгоистично. По большому счету, ему не хотелось оставлять тех, кого он любил и кто любил его, но перспектива еще пять лет переносить этот кошмар была для него почти невыносима.

И вот наконец в телевизионный эфир пошло краткое обращение Николае Карпати, потентата Мирового Сообщества. Рэйфорд знал, что его отделяет от шефа всего пара сотен футов, но все равно впился глазами в телеэкран, как и миллионы других людей на земном шаре.

* * *

До того момента, когда Бизону следовало отправляться в аэропорт Пэлуоки, оставалось совсем немного времени. Верна Зи вернулась в офис «Глобал комьюнити уикли» на новом (для нее) подержанном автомобиле. Это была одна из машин, которые остались от исчезнувших членов церковной общины. Кэмерон купил ее для Верны, выполняя свое обещание.

Лоретта сидела в офисе при церкви и отвечала на непрерывные звонки. Люди интересовались поминальной службой по Брюсу, назначенной на воскресенье. Хлоя бродила туда-сюда, прихрамывая и опираясь на трость. В сущности, ей стоило бы взять костыли, но управляться с ними ей пока было все равно не по силам, потому что она вывихнула одно запястье и рука у нее висела на перевязи. Ее соорудила Аманда, чтобы Хлоя могла съездить с Бизоном в аэропорт.

— Хочу прокатиться с тобой вместе, — сказала Хлоя.

— Лапушка, а ты уверена, что способна на такой подвиг? — спросил Бизон.

Голосок у Хлои так и задрожал.

— Бизон, мне очень тяжело это говорить, но в наше время нельзя предсказать, суждено нам еще раз свидеться или нет.

— Да ты у меня, кажется, нюни распустила? — спросил он.

— Бизон! — раздраженно воскликнула Аманда. — Ты растравляешь ей душу. Взять, к примеру, меня: когда мы с Рэйфордом прощались, мне даже не удалось поцеловать его наедине — я вынуждена была это сделать, стоя перед лицом Антихриста. Ты думаешь, у меня в результате прибавилось уверенности в грядущей встрече с мужем?

Бизон был разбит в пух и прах.

— Ну, пойдем, пожалуй, — произнес он.

Он трусцой подбежал к «рейнджроверу», забросил сумку на заднее сиденье и быстро вернулся к Хлое, чтобы помочь ей забраться в машину. Аманда устроилась позади, чтобы потом отвезти Хлою обратно домой.

К удивлению Бизона, телевизор, установленный в автомобиле, благополучно пережил аварию. С места водителя экран было не видно, но Бизон все равно слышал звук передачи, которую смотрели Хлоя и Аманда. Николае Карпати продолжал свою речь. Он, как обычно, говорил подчеркнуто смиренным и кротким тоном:

— Братья и сестры, не стоит тешить себя иллюзиями. Знайте: у нас впереди еще много мрачных дней. Для восстановления разрушенного потребуются колоссальные ресурсы, но благодаря щедрой поддержке со стороны семи лояльных к нам регионов мира, а также содействию верных нам граждан трех остальных территорий мы смогли сформировать самый крупный фонд помощи пострадавшим, который когда-либо существовал в истории человечества. Мы будем направлять помощь

нуждающимся в ней народам из Нового Вавилона и местных штаб-квартир Мирового Сообщества. Это будет происходить под моим личным надзором. Мятежники создали хаос своими безрассудными действиями. В таких условиях всевозможные аферисты и мародеры, скорее всего, сведут на нет все усилия местных властей, предпринимаемые с целью восстановить утраченное и позаботиться о людях, сорванных бедой со своих мест. Усилия, быстро и великодушно предпринятые под покровительством Мирового Сообщества, помогут многим его лояльным членам по возможности как можно быстрее восстановить на своих территориях прежний высокий уровень жизни.

Продолжайте сопротивляться бунтовщикам и мятежникам. Продолжайте поддерживать Мировое Сообщество. И помните: хотя я не стремился занять тот пост, который сейчас занимаю, я принял его со всей серьезностью и с решимостью посвятить свою жизнь служению всему человечеству, всем моим братьям и сестрам. Я благодарю вас за поддержку. Мы должны во всем поддерживать друг друга, выбираясь из трясины в стремлении достичь уровня более высокого, чем тот, которого каждый из нас мог бы достичь без помощи всех остальных.

Бизон покачал головой.

— Да, Карпати явно говорит людям то, что они хотят от него услышать, правда? — сказал он.

Хлоя и Аманда ничего не ответили.

Рэйфорд сообщил своему старшему помощнику, что он был готов к тому, чтобы в любой момент вылететь в Новый Вавилон. По прикидкам Стила, у них еще оставалось несколько свободных часов.

— Но ты все равно не исчезай, будь в пределах досягаемости, — попросил он МакКаллама.

Сам Рэйфорд снова поднялся на борт под предлогом того, что ему нужно получше изучить новые технические «примочки», которыми был оснащен самолет. Он первым делом прошел в служебное помещение пилотов, попутно заметив, как Карпати и его референты здороваются и переговариваются с семерыми посланниками, лояльными Мировому Сообществу

Затем, переходя из своего служебного помещения в кабину, Рэйфорд заметил, что Фортунато поднял на него глаза и что-то прошептал Карпати. Тот явно согласился с Леоном, и все участники встречи переместились ближе к хвосту самолета, в отсек, находящийся в центре салона.

— Это будет удобнее, — произнес Властелин. — К тому же там имеется превосходный стол для переговоров.

Рэйфорд закрыл и запер за собой дверь кабины. Вытащив списки предполетной и послеполетной проверок, он закрепил их на планшете, добавив к ним еще пару чистых

листов бумаги. Теперь любому, кто решил бы внезапно постучаться в кабину, показалось, пилот занят делом. Затем Рэйфорд уселся в кресло, надел наушники и нажал на потайную кнопку под сиденьем.

В тот момент как раз высказывался посланник с Ближнего Востока.

— Господин, доктор Розенцвейг передает вам привет с выражением самой сердечной преданности. Он попросил меня изложить вам одно срочное личное дело, которое заставило его к вам обратиться.

— Это вопрос конфиденциальный? — спросил Карпати.

— Мне кажется, нет, сэр. Речь идет о рабби Ционе Бен-Иегуде.

— Это тот ученый, который произвел такой фурор своим спорным заявлением?

— Он самый, — сказал ближневосточный посланник. — Его жену и детей убили, судя по всему, религиозные фанатики, а сам доктор Бен-Иегуда сейчас где-то скрывается.

— А чего он ждал? — буркнул Николае.

Рэйфорд невольно содрогнулся. Такое случалось с ним всегда, когда голос Карпати становился мрачным.

— Я абсолютно с вами согласен, Властелин, — подхватил посланник. — Ума не приложу, как эти фанатики упустили его самого.

— Итак, чего же хочет от меня Розенцвейг?

— Он хочет, чтобы вы заступились за доктора Бен-Иегуду.

— Заступился? Но перед кем?

— Полагаю, перед фанатиками, — ответил посланник, рассмеявшись.

Рэйфорд услышал знакомый смех Карпати, к которому присоединились и все остальные.

— Ну-ну, джентльмены, успокойтесь! — воскликнул Карпати. — Пожалуй, первым делом я выполню просьбу доктора Розенцвейга и поговорю непосредственно с руководителем группировки этих фанатиков. Я скажу, что гарантирую ему свое благословение и поддержку и даже обещаю выделить кое-какие технические средства, которые помогут ему добраться до намеченной жертвы и как можно скорее уничтожить ее.

Посланник ответил:

— Но если серьезно, господин: что мне ответить доктору Розенцвейгу?

— Некоторое время избегайте его. Сделайте так, чтобы ему было трудно до вас дозвониться. Потом скажите, что вы никак не можете выбрать подходящий момент для того, чтобы обсудить эту тему со мной. И наконец, можете ему сообщить, что я предпочел занять в этом вопросе нейтральную позицию.

— Прекрасно, сэр.

Но позиция Карпати была отнюдь не нейтральной. Затронутая тема, видимо, начала его вдохновлять — чем дальше, тем больше. Услышав скрип кожаного сиденья, Рэйфорд мысленно так и увидел, как Карпати наклонился вперед, чтобы серьезным тоном заявить своим прихвостням:

— Позвольте мне кое-что сказать вам, джентльмены. Такой человек, как доктор Бен-Иегуда, гораздо опаснее для нашего дела, чем старый дурак вроде Розенцвейга. Розенцвейг — блестящий ученый, но в мирских делах он не разбирается. А вот Бен-Иегуда — нечто больше, чем просто ученый. Он обладает способностью влиять на людей, и это было бы неплохо, служи он нашему делу. Но он забивает своим соотечественникам головы чепухой, болтает о том, что Мессия, дескать, уже приходил на землю. Я не в состоянии постичь, как может разумный человек воспринимать текст Библии в буквальном смысле и интерпретировать содержащиеся в ней пророчества подобным образом. Но в Израиле и в окружающих его странах у Бен-Иегуды появились десятки тысяч последователей, новообращенных, и все это — благодаря его проповедям на стадионе Тедди Коллека и на других столь же масштабных площадках. Люди способны уверовать во что угодно. А уверовав, они становятся опасными. Дни Бен-Иегуды сочтены, и не мне препятствовать его гибели. А теперь перейдем к делам.

Карпати стал вкратце рассказывать о своих ближайших планах, а Рэйфорд в это время прикрепил к планшету два листка бумаги и принялся делать заметки.

— Мы должны действовать быстро, — сказал потентат, — пока люди еще уязвимы и податливы после перенесенных потрясе-

ний. Они будут ждать от Мирового Сообщества помощи, и мы им ее предоставим. Но только сначала они сами должны будут помочь нам. Прежде чем начать восстановление Вавилона, мы аккумулялировали огромное количество денежных средств. Сейчас нам потребуется еще больше денег, чтобы осуществить наш план. Его цель — поднять уровень жизни в странах Третьего мира, сделать так, чтобы все страны на земном шаре оказались в одинаковом положении. Как я уже говорил вам, джентльмены, прошлым вечером я был настолько возбужден, в голове у меня теснилось столько мыслей, что я даже не мог заставить себя сесть в кресло перед вылетом из Сан-Франциско. Когда самолет помчался по взлетной полосе, меня чуть не швырнуло туда, вон в ту комнату. И вот о чем я думал в тот момент. Вы все хорошо потрудились для создания единой всемирной валюты. Мы близко подошли к «безналичному» обществу; в окончательном достижении этой цели нам может помочь лишь администрация Мирового Сообщества. Когда вы вернетесь во вверенные вам регионы, я бы хотел, чтобы все вы одновременно сообщили, что отныне на все электронные денежные переводы нужно платить налог в десять центов. Когда мы полностью откажемся от наличных, то, как вы понимаете, любые операции с деньгами станут электронными. По моей оценке, это будет давать нам более полутора триллионов долларов ежегодно.

Кроме того, я ввожу налог в один доллар на каждый баррель нефти плюс к этому налог в десять центов на каждый галлон перекачанного бензина. Мои советники по экономике утверждают, что так мы получим полтриллиона долларов каждый год. Вы знаете, что со временем Мировое Сообщество должно ввести в каждом регионе мира налог на валовой национальный продукт. Так вот, время для него пришло! Сейчас, когда мятежники из Египта, Великобритании и Северной Америки потерпели военное поражение, их нужно наказать еще и 50-процентным налогом на ВВП. Все остальные страны должны будут платить только 30 процентов.

Не надо так смотреть на меня, джентльмены. Вы же понимаете: все, что вы заплатите, вернется вам сторицей. Мы создаем новое мировое Сообщество. Боль — часть этого процесса. Разрушения и смерть, принесенные войной, перейдут в прекрасную утопию, подобно которой мир еще никогда не видел. И вы будете стоять на переднем крае. Все происходящее пойдет на пользу вашим странам и регионам, и в особенности вам лично.

Вот что еще я замыслил. Как вы знаете, наши разведывательные источники быстро убедились в том, что удар по Нью-Йорку был спланирован американским ополчением, которым втайне руководил президент Фитцхью. Это лишь подкрепило мое ранее принятое решение лишить его всякой реальной

исполнительной власти. Сейчас мы знаем, что Фитцхью поиб по время нашего ответного удара по Вашингтону. Те немногие, кто сохранил верность покойному президенту, теперь, вероятно, обратятся против мятежников и поймут, что те — просто дураки и неудачники.

Как вам известно, второе по величине месторождение нефти, уступающее лишь нефтяным запасам Саудовской Аравии, было обнаружено на Аляске. Пока в Северной Америке сохраняется вакуум власти, Мировое Сообщество будет собственником этого гигантского месторождения. Много лет назад его законсервировали под давлением зеленых; однако я уже приказал направить в те края бригады рабочих, которые проложат несколько шестнадцатидюймовых трубопроводов. По ним нефть потечет через Канаду в сторону морских путей, откуда ее можно будет доставлять в мировые торговые центры. Права на добычу нефти в Саудовской Аравии, Кувейте, Ираке, Иране и на остальной территории Ближнего Востока у нас уже есть. Это обеспечивает нам контроль над двумя третями мировых нефтяных запасов.

Мы постепенно, но неуклонно будем поднимать цену на нефть, благодаря чему получим финансовые средства, которые позволят нам внедрить систему соцобеспечения в «непривилегированных» странах и сделать мир полем, на котором все играют по одинаковым правилам. За счет одной

только нефти мы будем получать около одного триллиона долларов в год.

Скоро я назначу новых руководителей, которые заменят троих посланников из регионов, которые выступили против нас. Благодаря этому под властью администрации Мирового Сообщества объединятся все десять регионов. И если сейчас вы считаетесь посланниками, представляющими интересы своих территорий в Мировом Сообществе, то в дальнейшем я буду относиться к вам как к суверенным главам ваших собственных королевств. Каждый из вас по-прежнему будет отчитываться непосредственно передо мной. Я буду утверждать ваши бюджеты, получать собранные вами налоги и выдавать вам субсидии. Некоторые люди примутся критиковать подобный порядок вещей, утверждая, что доходы всех стран и регионов полностью зависят от Мирового Сообщества и что мы таким образом упрочиваем свою власть над судьбами ваших народов. Но вы-то прекрасно все понимаете! Вы знаете, что ваша лояльность будет вознаграждена, что в мире станет лучше жить и что человечеству предназначено создать утопическое общество, основанное на мире и братстве.

Я уверен, вы все согласитесь с тем, что мир уже сыт по горло распрями неутомонной прессы. Эти писаки критикуют даже меня, хотя уж я-то точно не получаю никакой личной выгоды от тяжкого груза ответственности, который свалился на мои плечи, и руководствуюсь лишь чисто альтруистическими

мотивами. Но Мировому Сообществу удалось приобрести все основные печатные издания, тем самым положив конец подобным явлениям. И если нас критикуют за то, что мы угрожаем свободе слова или свободе прессы, я хочу напомнить, что эти свободы при отсутствии контроля над ними приводят к таким проявлениям, которые сковывают творческую инициативу любого политического лидера. И если оппозиционные издатели были необходимы для того, чтобы не дать злобным диктаторам прийти к власти, то в наше время их существование — просто анахронизм.

Рэйфорд ощутил какое-то покалывание в спинном хребте. Он чуть не обернулся — настолько острым было ощущение, что за дверью кабины кто-то стоит. Наконец это чувство стало таким сильным и зловещим, что он снял наушники, поднялся на ноги и выглянул в глазок. Никого! Может, Бог хочет тем самым что-то сказать ему? Рэйфорд вспомнил, что похожее чувство страха охватило его, когда Бизон рассказывал о том, как Карпати в одиночку загипнотизировал всех, кто был с ним в комнате. Всех, кроме самого Бизона.

Рэйфорд откинулся на спинку кресла и надел наушники. Когда он снова нажал на потайную кнопку и услышал голос Карпати, ему показалось, что это говорит другой человек. Николае говорил очень мягко, очень серьезно, очень монотонно. Все цветистые выражения и характерные интонации исчезли из его речи.

— Я намерен сообщить вам кое-что важное и хочу, чтобы вы очень внимательно выслушали меня и все как следует поняли. Мы должны получить над промышленностью и бизнесом такую же власть, какую имеем сейчас над всеми средствами массовой информации. Нам нет необходимости скупать все предприятия или как-то иначе приобретать на них право собственности. Дело совсем не в ней. Контроль — вот что имеет значение. В следующие несколько месяцев все мы объявим о единодушном принятии ряда решений, которые позволят нам контролировать бизнес, образование, здравоохранение и даже способ, которым в ваших королевствах выбирают руководителей государства. Демократия и процедура голосования будут отменены. Они неэффективны и не соответствуют интересам народа. А люди, увидев, что мы даем им взамен, быстро поймут, что мы правы. Каждый из вас может вернуться к своим подданным и честно сказать им, что это ваша собственная мысль, она пришла в голову вам самим, вы искали поддержки у моих коллег и у меня и вы ее получили. В публичном выступлении я с колебаниями и неохотой приму ваше предложение, и в результате выиграем мы все.

Рэйфорд вслушивался в долгую паузу. У него даже возникло подозрение, не сломалось ли его подслушивающее устройство. Он несколько раз отпускал кнопку и нажимал на нее, но в конце концов пришел к выводу, что в салоне просто все молчат. Так, значит,

это и есть контроль над психикой, который наблюдал когда-то Бизон!

Наконец заговорил Леон Фортунато.

— Господин Карпати, — почтительно начал он. — Я понимаю, что я — всего лишь ваш референт, а не член этого августейшего Сообщества. Но нельзя ли мне высказать одно предложение?

— Конечно можно, Леон, — ответил Карпати, судя по голосу, приятно удивленный. — Вы занимаете высокое положение, вы облечены доверием, и все мы ценим ваш вклад в наше дело.

— Мне просто подумалось, сэр, — сказал Фортунато, — что вы и ваши коллеги, присутствующие здесь, могли бы хоть временно отказать от общенародного голосования как от неэффективной меры, не соответствующей интересам большинства людей.

— О, мистер Фортунато, — возразил Карпати, — я даже не знаю, что сказать. Но как, по-вашему, отреагируют на такое спорное предложение граждане?

Тут все остальные разом заговорили, будучи даже не в силах не перебивать друг друга. Рэйфорд слышал, как участники встречи бурно соглашались с Фортунато и призывали Карпати обдумать предложенный им вариант. Один повторил слова потентата о том, насколько оздоровилась пресса, когда ею завладело Мировое Сообщество, а потом добавил: пока Карпати и Сообщество стоят у власти и все контролируют, им нет нужды приобре-

тать в собственность предприятия промышленности и бизнеса.

— Благодарю вас за активное участие в обсуждении, джентльмены. Оно показалось мне чрезвычайно вдохновляющим. Я принял близко к сердцу все, о чем сейчас шла речь. Вскоре я сообщу вам о том, как будут реализовываться ваши предложения.

Встреча продолжалась еще пару часов. Все свелось в основном к тому, что так называемые «короли», словно попутай, высказывали Карпати все, что он им внушил, причем каждому из посланников эти идеи явно казались новыми и свежими. А ведь их не только проговорил сам Карпати, сами посланники повторяли их друг другу так, словно никогда не слышали их раньше.

— Ну а теперь, джентльмены, — сказал Карпати в завершение, — пройдет несколько часов, и мы окажемся в Новом Вавилоне, где мне предстоит встреча с тремя новыми правителями. Я бы хотел, чтобы вы осознали неизбежное. Мы не можем сделать вид, что мир, каким мы его знали, не был разрушен после начала мировой войны. Она и сейчас не закончилась. Будут происходить новые столкновения. Противник будет наносить нам новые удары изподтишка. Нам волей-неволей придется пустить в ход свои запасы оружия, хотя мне, как все вы знаете, очень не хочется этого делать. К сотням тысяч погибших, жизни которых уже унесла война, добавятся еще много тысяч людей. Несмотря на все наши усилия и превосходные идеи,

которыми вы поделились со мною сегодня, мы должны смириться с тем фактом, что нам еще долго придется вести трудную, тяжелую битву.

В такие времена на переднем крае всегда появляются оппортунисты. Противник воспользуется тем, что наши миротворческие силы не могут одновременно находиться везде. Это приведет к голоду, бедности и болезням.

Однако здесь тоже есть нечто позитивное. Восстановление разрушенного будет стоить невыносимо дорого, и чем меньше окажется людей, которых нужно кормить и которым придется поднимать уровень жизни, тем быстрее и эффективнее мы сумеем решить поставленные задачи. Когда численность населения снизится, а затем стабилизируется, нам будет важно избежать его взрывного роста в последующие мирные годы. Приняв соответствующие законы об абортах, разрешении самоубийств и сокращении дорогостоящей медицинской помощи инвалидам и психически больным, мы сможем успешно контролировать численность населения во всем мире.

Рэйфорду оставалось только молиться.

«Господи, — подумал он, — я хотел бы стать Тебе более послушным слугой. Разве для меня не может найтись какая-то другая роль? Разве Ты не мог бы как-нибудь использовать меня для активного противостояния этому злу? Я могу лишь полагаться на Твою волю. Прошу Тебя, пусть мои близкие

останутся целы и невредимы, пока Ты не придешь во славе. Я знаю, что Ты давно простил мне долгие годы неверия и равнодушия, но они все равно тяжким грузом лежат у меня на совести. Благодарю Тебя за то, что помог мне обрести истину. Благодарю Тебя за то, что Ты послал мне Брюса Барнса. И еще за то, что Ты пребываешь с нами во время нынешней последней битвы».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Бизон всегда отличался способностью спать крепко, даже если не имел возможности спать долго. Так, в прошлую ночь он мог бы потратить на сон не меньше, а то и больше половины суток, учитывая, какой тяжелый день ему пришлось пережить. Однако для полноценного отдыха ему вполне хватило семи часов с небольшим, а все потому, что если уж он, как говорится, «отключался», то накрепко, капитально. О том, что Хлоя спала плохо, урывками, он узнал только утром от нее же самой. Ночью он даже и не заметил, как она ворочалась, металась и вздрагивала от боли.

В момент, когда Кен Ритц посадил свой «леарджет» в Истоне, штат Пенсильвания (по его словам, это понадобилось, чтобы дозаправить бак перед вылетом в Тель-Авив), Бизон чувствовал бодрость и свежесть. Уильямс и

его пилот — долговязый, обветренный, бывалый летчик лет под шестьдесят — словно продолжили давний разговор, прерванный в прошлый раз на полуслове. Ритц был говорун, отличный рассказчик, человек уверенный в себе, интересный и сам интересующийся многим. О том, что думает Бизон насчет исчезновений и хода мировой войны, пилот расспрашивал с таким же пылом и энтузиазмом, с каким делился собственными мыслями.

— Ну, что новенького случилось у молодого перспективного журналиста со времени нашей последней встречи? С тех пор ведь прошло уже почти два года, — начал Ритц.

Бизон рассказал о событиях, произошедших в его жизни. Он помнил, что при первом знакомстве летчик разговаривал с ним прямо и откровенно. В тот раз Ритц без обиняков признался, что причины загадочного исчезновения людей понятны ему столь же мало, как и всем остальным, но что грешит он на космических пришельцев. Бизону тогда показалось, что из уст деловитого, трезвомыслящего пилота подобная идея звучит совершенно нелепо. Правда, в то время он и сам еще не пришел ни к каким определенным выводам, и любая теория, в сущности, была ничем не хуже всякой другой. К тому же Ритц многое порассказал Бизону о том, с какими странными явлениями ему приходилось сталкиваться во время полетов, и в свете этого его вера во вмешательство инопланетян представлялась вполне объяснимой.

Это придало Бизону смелости поведать Ритц свою историю, даже не пытаясь себя в чем-то оправдать. Рассказ не вызвал у летчика особо бурной реакции — во всяком случае, негативной. Он спокойно выслушал собеседника, а когда тот закончил, просто кивнул.

— Ну что, — спросил Бизон, — я сейчас кажусь вам таким же ненормальным, каким вы мне показались, когда излагали версию насчет пришельцев из космоса?

— На самом деле нет, — ответил Ритц. — Вы удивитесь, насколько много людей вроде вас я встретил с момента нашей прошлой беседы. Уж не знаю, что все это значит, но начинаю думать, что у вашей теории гораздо больше сторонников, чем у моей.

— Скажу вам одну вещь, — продолжал Бизон, — если я прав, то я, как и раньше, в беде, в большой беде. Нам всем предстоит пройти через поистине ужасные вещи. Но люди, которые не веруют в Христа, в будущем попадут в такую беду, какую они даже представить себе не могут.

— Я не могу вообразить себе ситуацию, которая была бы еще хуже, чем та, в которой мы оказались сейчас.

— Я знаю, что вы имеете в виду, — произнес Бизон. — Я уже привык оправдываться, пытаюсь убедить других, что я ничего не преувеличиваю и что я вовсе не стал занудным религиозным фанатиком. Но сейчас позвольте мне действительно проявить занудство и настоятельно вас попросить: обдумайте и проверьте для себя то, что я сказал. Но только

учтите, что времени для этого у вас остается немного.

— Но ведь все, что вы сейчас изложили, относится к определенной системе религиозных взглядов, — проговорил Ритц. — Если то, что вы сказали, — правда, значит, конец уже недалек. У нас осталось всего несколько лет.

— Так оно и есть.

— Но тогда, если все равно придется отбросить копыта, лучше не откладывать это в долгий ящик!

— Я бы и сам не смог сказать лучше, — засмеялся Бизон.

После дозаправки в Истоне Ритц начал перелет через Атлантику. Пока они мчались над океаном, пилот не один час промучил Бизона вопросами, каждый из которых начинался со слов «а что будет, если...». Он уже не уставал повторять, что он не ученый какой-нибудь и даже не студент и что его самого удивляют те вещи из наставлений Брюса, которые сейчас удается вспомнить.

— Потерять такого друга — это, наверное, ужасно больно, — сказал Ритц.

— О да! Вы даже не представляете насколько!

* * *

Когда «кондор» наконец прибыл в Новый Вавилон, Леон Фортунато проинструктировал всех людей на борту, когда следует выходить и где встать перед началом съемки.

— Мистер Фортунато, — сказал Рэйфорд, стараясь, по крайней мере, в присутствии посторонних выполнять пожелание Леона, — наверное, совсем не обязательно, чтобы мы с МакКалламом были на этой фотографии?.

— Обязательно, если вы, конечно, не хотите пойти против воли самого Властелина, — отрезал Фортунато. — Пожалуйста, сделайте то, что вам было сказано.

В Новом Вавилоне самолет несколько минут простоял на земле, прежде чем двери открылись и внутрь позвали подконтрольных Карпати журналистов. Рэйфорд сидел у себя в кабине, подслушивая по внутренней связи, что делается в пассажирском салоне.

— И помните, — сказал Карпати, — чтоб никаких улыбок! Сегодня горестный, скорбный день. Так что, пожалуйста, сделайте надлежащее выражение лица.

Рэйфорда поразило, что после недавних событий кому-то еще надо напоминать о необходимости сдерживать улыбку.

Затем раздался голос Фортунато:

— Господин, вас, кажется, ждет сюрприз.

— Вы знаете, что я не люблю сюрпризов, — ответил Карпати.

— Кажется, в общей толпе вас ожидает и ваша невеста.

— Это абсолютно неуместно.

— Желаете, чтобы я ее удалил?

— Нет-нет, я не уверен, как она отреагирует. Скандал нам совершенно ни к чему. Надеюсь лишь на то, что она знает, как ей следует

себя вести. Впрочем, вам известно, что тактичность не входит в число ее достоинств.

Фортунаато оставил реплику без ответа, и Рэйфорд подумал, что с его стороны это было весьма учтиво.

Тут в дверь кабины постучали.

— Первыми идут командир экипажа и второй пилот, — крикнул Фортунаато. — Вперед, на выход!

На ходу застегивая форменный китель и надевая фуражку, Рэйфорд переступил порог кабины. Рысцой спустившись по ступенькам трапа, они с МакКалламом примкнули к правому ряду встречающих, выстроившихся в ломаную шеренгу в форме латинской буквы V. Две ее стороны должны были загородить с боков потентата, которому предстояло выйти из самолета последним.

Вслед за пилотами спустился обслуживающий персонал. Эти члены экипажа явно нервничали и чувствовали себя не в своей тарелке. Тем не менее у них хватило выдержки не захихикать, а просто опустить глаза и пройти напрямиком на свои места. Затем Фортунаато и еще два референта Карпати проводили вниз семерых послов. Рэйфорд обернулся, чтобы посмотреть, как потентат появится на верхней ступени трапа.

Рэйфорд подумал, что в ситуациях такого рода Карпати со стороны всегда казался выше ростом, чем на самом деле. Он выглядел так, словно только что побрился и помыл голову, хотя Рэйфорд не понимал, когда он мог выкроить на это время. Костюм, рубаш-

ка и галстук были безупречны, а изысканные аксессуары только подчеркивали впечатление скромной элегантности. На один короткий миг Карпати остановился, опустив правую руку в карман, а в левой держа тонкую кожаную папку. «Вечно у него такой вид, словно он чрезвычайно занят делами», — подумал Рэйфорд.

Рэйфорда поразило, насколько точно Карпати удалось найти именно ту позу и то выражение лица, которые были сейчас необходимы. Он казался озабоченным, печальным, но вместе с тем целеустремленным и уверенным в себе. Когда вокруг засверкали вспышки и зажужжали телекамеры, он решительным шагом спустился по трапу и подошел к стойке с микрофонами. Все логотипы каналов, стоящие на них, были переделаны; теперь каждый включал в себя буквы Джи-си-эн — «Сеть Мирового Сообщества».

И тут единственный человек, которого потентат сейчас не контролировал, воспользовался моментом, чтобы прорвать мыльный пузырь благопристойности, окруживший Карпати. Хэтти Дюрхем пробилась сквозь толпу и побежала прямо к жениху. Телохранители, которые преградили было ей путь, быстро поняли, кто она, и пропустили ее. Она вела себя так, что для полноты картины ей оставалось лишь завизжать от восторга. И тут, впервые на памяти Рэйфорда, Карпати смутился и стушевался. Казалось, он колеблется, решая, что хуже: резко отмахнуться

от молодой женщины и отогнать ее от себя или пригласить ее встать рядом.

Он избрал второй вариант, но было ясно, что таким образом он просто держит ее на коротком поводке. Хэтти потянулась к нему, чтобы поцеловать, и он в ответ нагнулся и провел щекой по ее губам. Когда же она попыталась влить ему влажный и страстный поцелуй прямо в губы, он поймал ее за ухо, подтянул его к своему рту и что-то строго прошептал. Казалось, бедняжку поразило то, что она услышала. Чуть не плача, она собралась отойти прочь, но он схватил ее за запястье и удержал рядом с собой, возле микрофонов.

— Как хорошо вновь оказаться там, где чувствуешь себя как дома! — произнес он. — Как это замечательно — воссоединиться с теми, кого любишь! Мою невесту, как и меня самого, захлестнуло горе, вызванное ужасными событиями, которые произошли сравнительно недавно, всего несколько часов назад. Мы живем в трудное время, но все же никогда еще перед нами не открывались более широкие горизонты, не вставали более великие задачи, а наше будущее не выглядело столь блистательным.

Быть может, в свете произошедшей трагедии, свидетелями которой стали мы все, мои слова покажутся неуместным, но я тем не менее скажу: нам всем суждено достичь процветания, если мы сумеем сохранить единство. Мы выстоим против натиска любых врагов

мирной жизни и с радостью примем в свой круг любого друга Мирового Сообщества.

Толпа, и в том числе журналисты, зааплодировала, сохраняя, впрочем, подобающий серьезный вид. У Рэйфорда разболелся живот, ему до смерти хотелось попасть в свою квартиру и созвониться с женой, как только в Штатах, где она находится, наступит день.

* * *

— Да не беспокойтесь вы обо мне, дружище, — сказал Кен Ритц Бизону, когда тот помог ему выбраться из «леарджета». — Я загоню свою малышку в ангар и подыщу себе местечко, где можно перекантоваться несколько дней. Да, давненько мне хотелось совершить вояж в эту страну! И до чего же приятно оказаться в местах, где не видно никаких руин и разрушений! Ну, как со мной связаться вы знаете. Когда решите, что пора лететь назад, просто оставьте для меня сообщение в здешнем аэропорту. Я буду часто туда заглядывать.

Бизон поблагодарил пилота, схватил свою сумку, накинул ее на плечо и направился к терминалу. Там, за окном из зеркального стекла, он увидел почти до неведомости хрупкого, маленького старичка с развевающимися волосами, который восторженно махал ему рукой. Это был Хаим Розенцвейг. Ах, до чего же Бизон мечтал о

том, чтобы Хаим уверовал в Христа! Бизон по-настоящему полюбил старого ученого. Впрочем, когда они встретились первый раз, Уильямс не склонен был употреблять слово «любовь», описывая свое отношение к другому мужчине. С того времени минуло всего несколько лет, но оно уже казалось далеким-далеким прошлым. Бизон успел стать самым молодым ведущим автором в истории «Глобал уикли», да и вообще, что греха таить, в истории международной журналистики, после чего без тени смущения развернул кампанию за то, чтобы его журнал объявил доктора Розенцвейга «Человеком года».

Бизон познакомился со старым ученым как раз перед назначением на высокую должность, после того, как Розенцвейг получил за свое изобретение, которое он, впрочем, предпочитал называть открытием, международную премию, величина которой исчислялась огромной денежной суммой. Хаим изобрел агрикультурный состав — концентрат, благодаря которому растения могли произрастать где угодно, «хоть на бетоне», как сказал кто-то, не особенно, впрочем, преувеличив действительность.

И хотя эти слова так и не получили буквального подтверждения, пески израильских пустынь вскоре расцвели, словно оранжереи. Цветы, зерновые, бобовые культуры — чего там только не было! Крохотная страна теперь использовала каждый квадратный дюйм своей территории для земледелия, и в результате

Израиль неожиданно для всех превратился в богатейшее государство мира.

Иностранные правительства спали и видели, как бы им заполучить формулу чудесного состава. Ведь она, несомненно, являлась решением всех экономических проблем! Израиль, ранее столь уязвимый, не защищенный от врагов никакими естественными преградами, сделался мировой державой. Его уважали, его боялись, ему завидовали.

Розенцвейг стал героем дня, а также «Человеком года» согласно рейтингу «Глобал уики».

Общение с ним доставило Уильямсу больше удовольствия, чем встречи с любыми влиятельными политиками, у которых ему когда-либо приходилось брать интервью. Перед ним сидел блистательный ученый, который, однако, был скромн, непритязателен, по-детски наивен и добр. Словом, это был человек незабываемый. А к Бизону он отнесся чисто по-отечески.

Другие страны настолько сильно хотели завладеть формулой Розенцвейга, что велели своим высокопоставленным политикам и дипломатам изо всех сил обхаживать старого ученого. У него стремилось получить аудиенцию столько важных сановников, что Хаиму даже пришлось забросить науку — главное дело его жизни. По возрасту Розенцвейг перевалил за пенсионный рубеж, но, глядя на него, становилось ясно : этот человек чувствует себя в лаборатории или в учебной аудитории куда уютнее, чем на дипломатическом

приеме. Любимец Израиля стал кумиром всех правительств мира, и все они засылали к нему представителей.

Как признался Бизону Хаим, у каждого просителя, который к нему являлся, была задняя мысль, которую он даже не особенно пытался скрывать.

— Я изо всех сил старался быть спокойным и дипломатичным, — признался ему ученый, — но только из-за того, что представлял теперь свою родную страну. Я ведь почти заболел, — добавил он, — когда все мои визитеры принялись убеждать меня, что я лично стану самым богатым человеком в мире, если только соизволю предоставить им право пользования своим открытием.

Израильское государство еще пуще самого Хаима стремилось сохранить его открытие в тайне. Правительство столь решительно заявило, что не продаст никому секрет состава и не предоставит прав на его использование, что другие страны стали грозить войной, а Россия даже перешла от слов к делу и напала на Израиль. В ту ночь, когда в небе завывали моторы вражеских военных самолетов, Бизон находился в Хайфе. Однако бомбы, падавшие с неба во время страшного авианалета, чудесным образом не причинили стране никакого вреда — в Израиле не было ни разрушений, ни жертв. Увидев это, Бизон уверовал в Бога — правда, тогда еще не в Христа. Бизон просто не мог иначе объяснить то, что ни один человек и ни одно здание в стране не

пострадали, хотя на нее обрушились бомбы, ракеты и огневая мощь русского флота.

Та страшная ночь, когда Уильямс почувствовал себя на грани между жизнью и смертью, сделалась для него отправной точкой духовного пути. Бизон стал искать истину, но найти ее ему было суждено лишь после того, как по планете прокатилась волна исчезновений и он встретился со Стилами — Рэйфордом и Хлоей.

Хаим Розенцвейг был первым человеком, из уст которого Бизон услышал имя Николае Карпати. Тогда он задал старику вопрос: произвел ли на него впечатление кто-нибудь из эмиссаров, подсланных с целью заполучить секрет состава? По словам Розенцвейга, ему по-настоящему понравился лишь один молодой человек, приехавший из маленькой страны Румынии, политик средней руки. Хаима покорили его пацифизм, бескорыстие, благородство побуждений — ведь во время беседы Карпати упирал на то, что открытие старого ученого может изменить мир и спасти от голодной смерти множество людей. В ушах у Бизона все еще звучал голос Розенцвейга: «Когда-нибудь вы с ним обязательно встретитесь. Уверен, вы понравитесь друг другу».

Бизон уже не помнил, было ли когда-нибудь время, когда он не подозревал о существовании Николае Карпати, хотя впервые услышал про него от Розенцвейга, то есть не так уж давно. Через считанные дни после массовых исчезновений человек, внезапно

занявший пост президента Румынии, стал приглашенным спикером Организации Объединенных Наций. Его краткое обращение к членам ООН было таким убедительным, впечатляющим, ярким, что ему аплодировали стоя — все, даже представители прессы, даже сам Бизон. Конечно, мир тогда был потрясен и напуган недавними загадочными событиями; подобный момент как нельзя лучше подходил для появления на авансцене истории такого мессии, предлагающего новый международный план действий во имя мира, гармонии, братства.

Взять в свои руки власть Карпати якобы заставили против его воли. Он сместил прежнего Генерального Секретаря ООН, реорганизовал эту организацию, в которую отныне входили представители десяти международных территориальных объединений, переименовал ее в Мировое Сообщество, а штаб-квартиру перенес в Вавилон, который перестроил, добавив к его названию слово «Новый». Затем Карпати принялся разоружать все страны, находящиеся на земном шаре.

Для того чтобы осуществить все эти замыслы, просто личной харизмы было уже недостаточно. Но у Карпати имелся в запасе еще один козырь. Он связался с Розенцвейгом, убедил и старика, и правительство его страны, что новый мир можно построить, если Мировое Сообщество и лично его руководитель получают возможность торговать формулой состава в обмен на соблюдение

предложенных ими международных правил разоружения. Карпати подписал обязательство не менее семи лет защищать Израиль от врагов, а Израиль взамен стал выдавать лицензии на использование формулы, что позволяло вырвать у любой страны мира необходимые обещания и обязательства. Теперь в России, в мерзлой сибирской тундре, тоже заколосился хлеб. Нищие африканские страны превратились в житницы, производящие продукты питания и для внутреннего потребления, и на экспорт.

Благодаря обладанию секретом Розенцвейга Карпати приобрел такую власть, что весь остальной мир по доброй воле упал перед ним на колени. Лицемерно прикрываясь лозунгом борьбы за мир, политик потребовал, чтобы страны — члены Мирового Сообщества уничтожили девяносто процентов своих вооружений, а оставшиеся десять переправили в его штаб-квартиру. Никто даже понять не успел, что произошло, а Николае Карпати, который теперь именовался Великим Потентатом Мирового Сообщества, тем временем уже стал наиболее хорошо вооруженным пацифистом в истории человечества. Определенную огневую мощь сохранили лишь те немногие страны, которые относились к нему с подозрением. Египет, новое государство под названием Соединенные Штаты Великобритании, да еще превосходно организованная подпольная группа американского ополчения сохранили достаточно военной силы, чтобы стать для Карпати помехой, раздражителем, причиной и предлогом его гневного мщения.

Короче говоря, поднятый ими мятеж и грубо несоразмерная реакция на него и сделались слагаемыми Третьей мировой войны, предсказанной в Библии.

Ирония судьбы заключалась в том, что мягкосердечный и простодушный Хаим Розенцвейг, который всегда переживал в первую очередь за других, а не за себя, откровенно и неприкрыто стал приверженцем Николае Карпати. Человек, который в глазах Бизона и его близких являлся не кем иным, как Антихристом, играл на добром, великодушном ботанике, как на скрипке. Внешне потентат использовал Розенцвейга для решения многих дипломатических проблем и даже делал вид, что Хаим стал членом его избранного «ближнего круга». Впрочем, всем остальным было ясно, что ученого там просто терпели и высмеивали. Карпати же творил, что хотел. И все-таки Розенцвейг по-прежнему почти боготворил его. Как-то раз он даже намекнул Бизону на то, что если кому-либо удалось воплотить в себе качества долгожданного еврейского Мессии, так именно самому Николае.

Это случилось перед тем, как один из младших протеже Розенцвейга, рабби Цион Бен-Иегуда, объявил всему миру о завершении своего знаменитого исследования. Его санкционировало правительство страны с целью выяснить, каким именно должен быть грядущий Мессия Израиля, что за качества он должен иметь как личность.

Рабби, тщательно изучивший древние рукописи, в том числе Ветхий и Новый Завет, пришел к заключению, что лишь Иисус Христос обладал всеми качествами, предсказанными в пророчествах и необходимыми для того, чтобы считать человека Мессией. К великому его сожалению, в момент, когда произошло Вознесение верующих, рабби Бен-Иегуда еще не успел принять Христа и посвятить ему свою жизнь. Это придавало особый вес его утверждению, что именно Иисус был Мессией. У рабби, которому было где-то лет сорок пять, осталась семья — жена, с которой он прожил шесть лет, и двое приемных детей — мальчик и девочка подросткового возраста. Бен-Иегуда потряс весь мир, в особенности свою собственную страну, сначала долго скрывая результаты своих трехлетних исследований, а затем сообщив их на весь мир в прямом эфире, который транслировался во все страны планеты. После того как он открыто и ясно высказал то, во что верил, он стал публичной персоной.

Хотя Иегуда был учеником, протеже, да и просто коллегой доктора Розенцвейга, последний, как ни странно, считал его неверующим евреем, человеком, не практикующим иудаизм. Короче говоря, старик не соглашался с выводами относительно Христа, которые сделал его младший товарищ, и чаще всего просто избегал затрагивать эту тему.

Однако Хаим остался таким же преданным другом Бен-Иегуды, так же пылко защищал его от любых нападок. А затем Цион,

которого поддерживали два странных, наделенных сверхчеловеческими силами проповедника, объявившиеся возле Стены Плача, начал проповедовать открытую им истину по всему миру — сначала на стадионе имени Тедди Коллека, а потом и на других подобных площадках. И с того самого момента, как он начал открытую проповедь, всем и каждому стало ясно: рабби непременно пострадает за свои убеждения, и теперь это лишь вопрос времени.

Бизон знал, что одна из причин, по которым Цион был еще жив, заключалась в том, что оба таинственных проповедника, Мойше и Эли, реагировали на каждое покушение на его жизнь как на попытку убить их самих. Многие загадочным образом погибли от огня, пытаясь напасть на них. Практически все теперь были в курсе, что рабби — «их человек», и лишь благодаря этому он избегал смерти.

Но его безопасности, кажется, пришел конец, и именно поэтому Бизон и прилетел в Израиль. Он был убежден, что за ужасной трагедией, которая случилась с семьей рабби, стоит Карпати. В новостях говорили, что в ясный солнечный день, когда дети только что вернулись из еврейской школы, в дом Бен-Иегуды вломились головорезы с черными капюшонами на голове. Они застрелили двоих вооруженных охранников, выволокли миссис Бен-Иегуда с подростками на улицу, отрубили всем троим головы и оставили лежать в луже собственной крови.

Убийцы скрылись в фургоне без номеров, описание которого составить не удалось. Как только водитель Бен-Иегуды узнал о произошедшем, он помчался в университет, где у рабби был офис, и перевез своего шефа в безопасное место. Куда именно — никто не знал. Вернувшись обратно, шофер уверял и власти, и прессу, что местонахождение рабби ему неизвестно. Шофер настаивал на том, что видел его в последний раз еще до гибели семьи и что может лишь надеяться, что бывший босс пришлет ему о себе весточку.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

До приезда в Новый Вавилон Рэйфорд думал, что успел достаточно хорошо выспаться, отдыхая урывками во время долгого перелета. Однако он даже не подозревал о том, как тяжело ударили по его телу и психике то напряжение, которое он перенес, и пережитое чувство ужаса и отвращения, которые ему пришлось испытать. В квартире, принадлежащей ему и Аманде, было настолько комфортно, насколько это возможно при наличии кондиционера в таком климате, как иракский.

Рэйфорд разделся до трусов и опустился на край постели. Упершись локтями в колени, он сидел, опустив плечи и шумно дыша. Лишь теперь он осознал, насколько измотан. Он наконец-то получил весточку из дома. Он узнал, что Аманда в безопасности, Хлоя — в заботливых руках врачей, а Бизон, как обыч-

но, в очередной поездке. Рэйфорд пока не мог решить, что ему думать о Верне Зи, которая невольно стала угрозой, нависшей над новым домом Отряда Скорби — домом Лоретты. Но в этом вопросе Рэй просто решил довериться Бизону... и Богу.

Он откинулся на спину и вытянулся на кровати поверх покрывала. Он сцепил руки на затылке и уставился в потолок. Ох, как бы ему хотелось хоть мельком бросить взгляд на драгоценные архивы Брюса, хранящиеся в компьютере! Постепенно проваливаясь в спокойный, здоровый сон, он все пытался сообразить: как быть, что сделать, чтобы вернуться к воскресенью в Чикаго? Ну должен же найтись какой-то способ попасть на поминальную службу! И Рэй, погружаясь в дремоту, попросил Бога о помощи.

* * *

У Бизона всегда становилось тепло на сердце, когда при встречах с Хаймом Розенцвейгом он видел приветственную улыбку, расцветающую на губах старика. Но сейчас на морщинистом лице ученого не выражалось даже намек на радость. Когда Бизон размашистой походкой устремился к Розенцвейгу, тот только раскрыл ему объятия и хрипло воскликнул: «Кэмерон! Кэмерон!»

Бизон наклонился, чтобы обнять своего миниатюрного, хрупкого друга. Розенцвейг сцепил руки у него за спиной и прижал его

к себе, словно маленького ребенка. Затем он уткнулся Бизону лицом в шею и горько заплакал. Бизон чуть не потерял равновесие; тяжелая сумка на плече тянула его в одну сторону, а Хаим — в другую. Он боялся, что сейчас качнется, сделает неверное движение и просто рухнет на старика. Он изо всех сил старался устоять на ногах, поддерживая Розенцвейга, который все никак не мог выплакаться.

Наконец Хаим разжал свои объятия и потащил Бизона в сторону кресел, выстроившихся в ряд. Тут Бизон заметил его шофера — высокого, смуглого мужчину, который стоял примерно в десяти футах от них. Судя по выражению лица, он был крайне смущен и переживал за своего босса.

Хаим кивнул в его сторону.

— Ты ведь помнишь моего Андре? — спросил ученый.

— А как же, — отозвался Бизон и кивнул шоферу. — Привет! Как жизнь молодая?

Андре ответил ему на иврите. Английским он не владел вообще — не мог ни говорить на нем, ни понимать чужую речь. А для Бизона столь же непонятным был иврит.

Розенцвейг что-то сказал Андре, и тот поспешно ушел.

— Сейчас он подгонит машину поближе, — пояснил Хаим.

— Я сумею пробыть здесь от силы несколько дней, — признался Бизон. — Что вы

можете мне сообщить? Вам известно, где находится Цион?

— О нет, нет! Ах, Кэмерон, это так ужасно... Какая страшная гибель семьи! И как теперь запятнано имя Циона!

— Но вы получили от него весточку?

— Он один раз мне позвонил. Он сказал, что вы сами поймете, откуда начинать его искать. Но вы слышали последнюю новость, Кэмерон?

— Никоим образом.

— Власти пытаются сделать Циона подозреваемым в деле об убийстве его семьи!

— Да ну, чушь собачья! Ни один человек на такое не клюнет! Ни один факт не дает почвы для подобных предположений. Да и зачем ему было это делать?

— Разумеется, мы-то с вами знаем, что он никогда бы не совершил столь ужасного злодеяния. Но когда силы зла стремятся кого-нибудь уничтожить, они не останавливаются ни перед чем. Вы, конечно, слышали о том, что случилось с его шофером?

— Нет.

Розенцвейг покачал головой и уронил ее на грудь.

— Что? — переспросил Бизон. — Неужели его... тоже?

— Боюсь, что так. Ему подложили бомбу в машину. Тело едва удалось опознать.

— Хаим! Вы уверены, что вам самому ничто не угрожает? Ваш-то шофер — умеет ли он...

— Вести машину так, чтобы улизнуть от убийц, уйти от погони? Находить бомбы, заложенные в автомобиль? Защищать себя и меня? Да, умеет. Андре — человек весьма подготовленный. Признаюсь, от этого мне не становится менее страшно, но все-таки я чувствую, что защищен настолько, насколько это возможно.

— Но вы дружите с доктором Бен-Иегудой! Те, кто разыскивает его, попытаются проследить за вами в надежде, что вы приведете их к нему.

— А следовательно, вам тоже не стоит показываться на людях в моем обществе, — подхватил Розенцвейг.

— Ну, для таких предосторожностей время все равно упущено, — отрезал Бизон.

— Совершенно не обязательно. Андре меня заверил, что по дороге в аэропорт слежки за нами не было. Я бы не удивился, если бы кто-нибудь засек нас уже здесь. Но на данный момент мне представляется, что за нами никто не наблюдает.

— Отлично! На таможне я предъявил фальшивый паспорт. Вы называли мою фамилию в гостинице, когда заказывали номер?

— К несчастью, да, Кэмерон. Простите меня, ради бога. Я и свое имя им сообщил — на всякий случай.

Бизон сдержал улыбку, которую вызвала у него милая наивность старика.

— Ну что ж, друг мой, мы воспользуемся этими обстоятельствами, чтобы не дать врагам сесть нам на хвост, правда?

— Ох, Кэмерон, боюсь, я не очень хорошо разбираюсь в таких вещах...

— А вы просто попросите, чтобы Андре отвез вас прямиком в тот самый отель. Скажите там, что у меня изменились планы и я не смогу въехать в номер до воскресенья.

— Кэмерон! И как вам только удается так быстро все придумывать?

— Не будем терять время. И больше нас действительно не должны видеть вместе. Я улечу из Израиля самое позднее в субботу вечером. Вот телефонный номер, по которому вы сможете со мной связаться.

— А он не прослушивается?

— Это спутниковый телефон, изготовленный по новейшей технологии. Прослушать его невозможно. Вы только не вписывайте в телефонной книжке мое имя рядом с номером и больше никому его не давайте.

— Кэмерон, с чего вы начнете поиски Циона?

— У меня есть пара мыслишек насчет этого, — ответил Бизон. — И я хочу, чтобы вы знали: если мне представится возможность вывезти его из страны, то я обязательно это сделаю.

— Превосходно! Если бы я молился Богу, я помолился бы за вас.

— Хаим, скоро настанет день, когда вам просто придется стать одним из тех, кто молится Богу.

Розенцвейг сменил тему:

— И еще кое-что, Кэмерон. Я позвонил Карпати и попросил передать ему, что нам

требуется его помощь для спасения нашего друга.

— Лучше бы вы этого не делали, Хаим. В отличие от вас, я не настолько доверяю Николае.

— Я это давно чувствовал, Бизон, — ответил Розенцвейг. — Но мне кажется, вам нужно просто узнать его получше.

«Да, Хаим, если бы вы только знали...» — подумал Бизон, а вслух произнес:

— Я постараюсь связаться с вами, как только получу какую-то информацию. Звоните мне исключительно при крайней необходимости.

Розенцвейг еще раз с чувством обнял его и поспешно ушел. Бизон воспользовался общественным таксофоном, чтобы позвонить в отель «Царь Давид», где заказал на имя Херба Катца номер на две недели.

— Какую фирму вы представляете? — спросил гостиничный администратор.

Бизон на мгновение задумался.

— «Жнецы Интернешнл», — заявил он, решив, что это отличный эпитет, который подходит и к Брюсу Барнсу, и Циону Бен-Иегуде.

* * *

Рэйфорд резко открыл глаза. В остальном теле у него не шевельнулся ни один мускул. Он понятия не имел, сколько именно

проспал, но теперь его сон что-то нарушило. Поняв, что его разбудил звонок телефона на прикроватном столике, Рэй так и подскочил. Потянувшись к телефонному аппарату, он понял: сам-то он проснулся, а вот рука у него еще спит и никак не желает выполнять то, что нужно хозяину. В конце концов ему удалось кое-как ухватить трубку непослушными пальцами.

— Стил слушает, — пробормотал он с каким-то булькающим звуком в горле.

— Капитан Стил, это вы? У вас все в порядке? — раздался голос Хэтти Дюрхем.

Рэйфорд перекатился на бок и прижал трубку подбородком. Опираясь на локоть, пилот произнес:

— Спасибо, у меня все нормально. Как дела у тебя, Хэтти?

— Не очень. Я бы хотела увидеться, если можно.

Несмотря на задернутые занавески, сверкающие лучи жаркого послеполуденного солнца все равно прорывались в комнату.

— А когда? — спросил Рэйфорд.

— Может, поужинаем вместе сегодня вечером? Например, часиков в шесть?

Мозг Рэйфорда лихорадочно заработал. Знает ли она, что уже не играет в администрации той роли, что раньше? И хочет ли он сам, чтобы его видели с нею на людях, пока Аманда в отъезде?

— Неужели это так срочно, Хэтти? Аманда сейчас в Штатах, она вернется примерно через неделю...

— Нет-нет, Рэйфорд, мне действительно необходимо поговорить именно с тобой. У Николае сейчас встречи, они продлятся до полуночи, им даже ужин доставят из ресторана прямо в зал переговоров. Он мне сказал, что абсолютно не возражает против нашего разговора. Я знаю, ты хочешь вести себя, как порядочный человек и все такое. Но я же тебе не любовное свидание назначаю! Давай просто где-нибудь поужинаем, выберем такое место, чтобы всем сразу стало ясно: это просто беседа старых друзей. Ладно?

— Ну, наверное, — ответил Рэйфорд, которому уже стало любопытно, о чем же пойдет речь.

— Тогда мой шофер заедет за тобой в шесть.

— Хэтти, только сделай мне одно одолжение. Если ты согласишься, что наша встреча не должна быть похожа на романтическое свидание, не одевайся слишком нарядно.

— Капитан Стил! — тут Хэтти неожиданно заговорила строгим, официальным тоном. — Меньше всего мне сейчас хочется поставить себя в ложное положение.

* * *

Бизон разместился в своем номере на третьем этаже отеля «Царь Давид». Повинуясь какому-то интуитивному импульсу, он набрал номер редакции «Глобал комьюнити

Ист Коуст дейли таймс», расположенной в Бостоне, и попросил к телефону Стива Планка. В «Глобал уикли» он был когда-то начальником Бизона. Сейчас казалось, что с того времени минула целая вечность. Когда Николае стал Генеральным Секретарем ООН, Стив неожиданно для всех уволился, чтобы занять место его пресс-секретаря, а немного времени спустя перешел на нынешнюю, весьма доходную должность.

Бизон нисколько не удивился, когда оказалось, что Планка нет в офисе. Он ведь находился в Новом Вавилоне по приказу Карпати и, несомненно, придавал этой поездке особое значение.

Затем Бизон принял душ и лег ненадолго вздремнуть.

* * *

Рэйфорд чувствовал, что не отказался бы поспать еще несколько часов. Он никоим образом не собирался тратить много времени на беседу с Хэтти Дюрхем. Оделся он в целом по-будничному, лишь минимально соблюдая уровень, необходимый для такого заведения, как «Глобал бистро», куда частенько заходил Николае со своей невестой.

Разумеется, пока Хэтти не сказала Рэйфорду, что ее сняли с должности, тот никак не мог показать ей, что уже знает об этом. Нужно было подождать, пока она выговорится,

изолюет душу, выплеснет наружу свои переживания, свой страх. Тут Рэйфорд ничего не имел против. Он был просто обязан выслушать ее, потому что ощущал вину за то, где она сейчас оказалась — и в географическом, и в житейском смысле. Он уже и не помнил, что когда-то, давным-давно, он испытывал к ней плотское вожделение.

Конечно, Рэйфорд никогда не позволил бы перейти от замыслов к действию, но ведь в ночь Вознесения он думал именно о Хэтти! Почему он был настолько слеп и глух, почему настолько утратил контакт с реальностью? Успешный профессионал, отец дочери-студентки и двенадцатилетнего сына, проживший двадцать лет в счастливом браке, мечтает о старшей стюардессе из своего экипажа, да еще оправдывает себя тем, что законная жена, дескать, свихнулась на религии! Рэй покачал головой. Ирэн, эта милая миниатюрная женщина, чью любовь он давно воспринимал как нечто само собой разумеющееся, — именно она раньше всех остальных постигла самое важное — Истину с большой буквы!

Стил всегда регулярно ходил в церковь и считал себя христианином. Но церковь для него была просто местом, где можно «людей посмотреть и себя показать», завязать знакомства, продемонстрировать свою респектабельность. Если проповедники начинали требовать от людей слишком многого или трактовать Слово Божие чересчур буквально, это действовало ему на нервы. Когда Ирэн

нашла новую, менее многочисленную церковную общину, члены которой, как казалось Рэйфорду, были более агрессивны в проявлении своей веры, он начал находить предлоги для того, чтобы не появляться там. А после того, как жена принялась заводить разговоры о спасении души и втором пришествии Христа, Рэй окончательно пришел к выводу, что у нее, как говорится, «крыша поехала». Ему казалось, что скоро она заставит его ходить вместе ней по квартирам, раздавая душевспасительную литературу...

Вот это он и считал оправданием для приятного, хотя и чисто воображаемого флирта с Хэтти Дюрхем. Она была на пятнадцать лет младше его и выглядела сногшибательно. Они несколько раз обедали вдвоем, иногда вместе заглядывали в бар, и язык тела явно выдавал, что их тянет друг к другу. Но Рэйфорд, несмотря ни на что, к ней даже ни разу не прикоснулся. Хэтти вполне могла взять его за руку, пробегая мимо, или даже положить ладонь ему на плечо, разговаривая с ним в кабине. Но он как-то удерживался на краю, и дальше их отношения не заходили. В ту ночь, когда полностью загруженный «Боинг-747» на автопилоте летел над Атлантикой, Рэй уже совсем было собрался с духом и решился предложить девушке что-нибудь конкретное. И как ни стыдно ему было сейчас в этом сознаться даже самому себе, но он действительно был близок к тому, чтобы сделать следующий, дерзкий, решительный шаг к сексуальной связи.

Однако слова, которые он собирался произнести, так и не сорвались с его губ. Когда он вышел из кабины, чтобы разыскать Хэтти, она привела его в совершеннейшее замешательство, сообщив о том, что четвертая часть пассажиров в самолете бесследно исчезла, притом, что все вещи и одежда остались на месте. В четыре утра пассажирский салон обычно напоминал темную, негромко гудящую спальню. Но когда люди осознали, что произошло, он превратился в подобие улья со взбудораженными пчелами. Именно в ту ночь Рэйфорд и сказал Хэтти, что не лучше ее понимает, что произошло. Но на самом-то деле он хорошо, даже слишком хорошо все понял. Ирэн была права. Христос вернулся, чтобы вознести на небо верующих в Него, а Рэйфорд, Хэтти и еще три четверти пассажиров остались там, где и были.

Тогда Рэй еще не был знаком с журналистом по фамилии Уильямс и не знал, что тот летит первым классом у него на борту. Он не знал, да и не мог знать, что Бизон и Хэтти успели переброситься друг с другом парой слов, что журналист воспользовался своим компьютером и попытался по Интернету связаться с разными знакомыми, желая выяснить, все ли у них в порядке. Лишь позднее ему предстояло узнать, что Бизон познакомил красивую стюардессу с новой знаменитостью — международным лидером Николае Карпати.

Сам Рэйфорд познакомился с Бизоном уже в Нью-Йорке. Он приехал туда, чтобы из-

виниться перед Хэтти за свое неподобающее поведение и открыть ей подлинную причину исчезновений. У Бизона была своя цель — он намеревался познакомиться девушку с Карпати и взять интервью сначала у него, а потом у Рэя как у командира самолета, на котором летала Хэтти. Бизон стремился лишь к тому, чтобы сопоставить разные мнения об исчезновениях и написать на их основе статью.

Рэйфорд серьезно и сосредоточенно пытался убедить его в своей правоте. В тот вечер Бизон впервые в жизни увидел Хлою. Как же много случилось за такое короткое время! Прошло меньше двух лет, а Хэтти уже стала личным референтом и любовницей Николае Карпати, Антихриста. Рэйфорд, Бизон и Хлоя уверовали в Христа. И всех троих мучила мысль об ужасной помолвке мисс Дюрхем.

«Может быть, сегодня, — подумал Рэйфорд, — мне удастся как-то повлиять на Хэтти».

* * *

Бизон всегда умел просыпаться в тот момент, который сам себе назначил. Этот природный дар подводил его крайне редко. Вот и теперь он сказал себе, что хочет встать и отправиться в путь в шесть часов вечера. Он проснулся вовремя, хотя и менее отдохнувшим, чем надеялся, но был полон энтузиазма

и готовности взяться за дело. Таксисту он сказал: «Будьте добры, к Стене Плача».

Через несколько минут Бизон уже добрался до места. Там, неподалеку от Стены, за кованой железной оградой, стояли два человека — два свидетеля, явление которых было пророчески предсказано в Писании.

Эти люди называли себя Моше и Эли. Они и впрямь выглядели словно пришельцы из другого времени и пространства. Они носили рваные хламиды из какой-то ткани, похожей на мешковину. Темные, задубелые ноги были босы. В отросших, нечесаных темных бородах и шевелюрах у обоих блестела седина. Тела — мускулистые, с длинными, сильными руками и ногами. От них шел запах дыма, который чувствовал каждый, кто осмеливался подойти к ним вплотную. Все люди, которые отваживались напасть на них, погибли не своей смертью. Некоторые пытались расстрелять их из автоматов, но пули словно натыкались на невидимую стену, а убийцы запертво падали на месте. Других испепелял огонь, изошедший у свидетелей изо рта.

Они почти непрерывно проповедовали на языке Библии, с теми интонациями, с которыми ее обыкновенно читают верующие евреи. Но то, что они говорили, для благочестивых иудеев звучало кощунственно. Ведь Моше и Эли учили вере в Христа, в Христа распятого, и провозглашали его Мессией, Сыном Божьим.

Лишь один-единственный раз люди видели их вдали от Стены Плача. Это случилось

на стадионе имени Тедди Коллека. Свидетели появились там на трибуне вместе с рабби по имени Цион Бен-Иегуда, который недавно обратился в христианство. В выпусках новостей, которые показали во всех странах мира, можно было увидеть их — двух странных бородатых мужчин, которые говорили в унисон, без микрофонов, но так, что каждое их слово можно было четко слышать даже в задних рядах. «Приидите и внимайте избранному слуге Бога Высочайшего! — кричали они. — Он будет в числе первых среди тех 144 000 праведников, которые должны изойти и из Израиля, и из многих других стран, дабы проповедовать Евангелие Христово по всему миру! Тех же, кто восстанет на него, ждет верная смерть, как и всех, кто восставал на нас до назначенного срока!»

Но свидетели не остались ни на трибуне, ни вообще на стадионе. Они не стали дожидаться большого евангельского шоу, которое началось тогда на стадионе имени Тедди Коллека. Когда встреча закончилась, они незаметно исчезли и вновь оказались у Стены Плача. А то, что произошло на огромном стадионе, десятки раз показывали по телевидению почти во всех странах мира, и в результате десятки тысяч людей обратились к вере в Христа.

Как и предупреждали свидетели, враги рабби Бен-Иегуды в течение следующих полутора лет действительно попытались «восстать на него». Все остальные, казалось, поняли, что к чему, и отказались от своих намерений. На три-четыре недели покушения

на жизнь Бен-Иегуды прекратились, и это время стало для нестигаемого раввина приятной передышкой. Но сейчас он оказался в бегах, а его семья и шофер погибли от рук убийц.

Когда Бизон в прошлый раз приходил к Стене Плача, желая увидеть и услышать обоих свидетелей, он по странному совпадению явился сюда именно в сопровождении Бен-Иегуды. В тот вечер они с рабби ушли, а затем снова вернулись, решив подойти к решетке и заговорить с Моше и Эли, хотя все, кто отваживался приблизиться к ним на столь близкое расстояние, раньше погибали. Слова свидетелей Бизон понял так хорошо, словно оба говорили на его родном языке, хотя, прослушав позднее магнитофонную запись, убедился, что они держали речь на древнееврейском. Рабби Бен-Иегуда обратился к ним, цитируя слова Никодима, сказанные во время его знаменитой ночной встречи с Иисусом, а свидетели в ответ издавали реплики Христа. Та ночь стала самой страшной в жизни Бизона.

И вот он снова оказался в том же самом месте, но уже один. Сейчас перед ним стояла цель найти Бен-Иегуду. Недаром же тот сказал Хаиму Розенцвейгу, что Бизон якобы узнает, откуда начать поиск! Что ж, лучшей отправной точки, чем Стена Плача, журналист и представить себе не мог.

Перед свидетелями, как обычно, стояла огромная толпа. Впрочем, зеваки были достаточно осмотрительны, чтобы оставаться

на почтительном расстоянии от Моше и Эли. На них никак не подействовали даже гнев и ненависть всемогущего Николае Карпати. А ведь он не раз, в том числе прилюдно, задавал вопрос: не найдется ли человек, который сумел бы избавить его от этих зануд? В ответ военные руководители извиняющимся тоном сообщали, что нет на свете такого оружия, которое могло бы повредить Моше и Эли. А сами они постоянно говорили о том, как глупо и безрассудно пытаться нанести им вред, «пока не пришел положенный срок».

Брюс Барнс объяснил Отряду Скорби, что в надлежащее время Бог действительно сделает своих свидетелей уязвимыми, и на них будет совершено нападение. С того дня, по прикидкам Бизона, прошло больше полутора лет, но ему до сих пор было страшно даже подумать об этом.

Вечером, когда Бизон вновь пришел к Стене Плача, Моше и Эли делали то же самое, чем непрерывно занимались со времени подписания договора между Израилем и Карпати: они пророчили, что грядет день гнева Божьего. Кроме того, они провозглашали Иисуса Христа «Богом Всемогущим, Отцом Предвечным и Князем Миротворцев». «Да не назовет себя никто другой правителем мира! Всякий, кто притязает на такое, есть не Христос, а Антихрист, коему суждена верная смерть! Беда каждому, кто проповедует иное! Один Иисус — истинный Бог, создатель неба и земли!»

Проповедь свидетелей всегда пугала Бизона и приводила его в волнение. Окинув взглядом толпу, он увидел в ней людей, принадлежавших к разным расам и культурам. Он по собственному опыту знал, что многие из собравшихся не понимают по-древнееврейски, но, подобно ему, слышат проповедь Моше и Эли на своем родном языке.

Бизон стал пробираться сквозь толпу (в ней было примерно человек триста). Преодолев уже где-то четверть пути, он встал на цыпочки, чтобы посмотреть на свидетелей. Те вдруг прекратили проповедь и двинулись в сторону решетки. Собравшиеся все как один стали отступать в противоположную сторону в страхе за свою жизнь. Теперь обоих проповедников отделяли от кованой ограды всего несколько дюймов, а зрители находились от них на расстоянии в пятьдесят футов.

Бизону показалось, что свидетели явно его заметили. Оба они смотрели ему прямо в глаза. Он не мог пошевелиться. Не делая ни единого движения, ни единого жеста, Эли начал проповедовать:

— Имеющий уши да слышит! Не бойся, ибо я знаю, что ты ищешь Иисуса, распятого за нас. Нет его здесь; ибо он вознесся, как и было сказано.

Верующие в толпе забормотали «аминь» и принялись на разные лады выражать свое согласие. Бизон чувствовал, что какая-то сила приковала его к месту. Тут Моше выступил вперед и сказал, обращаясь прямо к нему:

— Не бойся, ибо мне ведомо, кого ты ищешь. Его здесь нет.

Эли заговорил снова:

— Иди же быстро и скажи ученикам Его, что Христос восстал из мертвых!

Моше подхватил, по-прежнему глядя на Бизона:

— Воистину идет он в Галилею впереди тебя. Там ты узришь Его. Смотри же, сказал я тебе!

Проповедники неподвижно стояли и молча смотрели на Бизона. Это продолжалось так долго, словно они обратились в камень. Люди в толпе занервничали и стали понемногу разбредаться. Некоторые оставались, чтобы дожидаться момента, когда свидетели заговорят снова, но те хранили молчание. Вскоре Бизон остался совсем один, по-прежнему не трогаясь с места, где простоял последние несколько минут. Уильямс не мог оторвать взгляда от глаз Моше. Ни он, ни Эли ничего не делали, просто стояли и смотрели на него. Бизон начал потихоньку подходить к ним, сократив расстояние примерно до двадцати футов. Свидетели не шевелились. Казалось, они даже не дышат. Бизон не заметил ни малейшего подрагивания, ни малейшего движения. В гаснущем свете сумерек он пристально вглядывался в их лица. Ни один из них не открыл рта, не шевельнул губами, но Бизон ясно слышал слова, произнесенные на его родном языке:

— Имеющий уши да слышит!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Через устройство двусторонней связи Рэйфорда вызвали ко входной двери кондоминиума, возле которой его ожидал шофер Хэтти Дюрхем. Водитель проводил Рэйфорда к длинному белому «мерседесу» и распахнул заднюю дверцу. В машине было достаточно просторно, чтобы Рэй смог расположиться рядом с Хэтти, но он предпочел сесть напротив. Молодая женщина выполнила его просьбу не наряжаться, но даже в будничной одежде она выглядела очаровательно. Рэйфорд решил не говорить ей об этом.

По лицу было видно, что она огорчена.

— Я тебе очень признательна за то, что согласился со мной встретиться.

— Да ну, не стоит благодарности. Что стряслось?

Хэтти бросила беглый взгляд на шофера.

— Давай поговорим за обедом, — сказала она. — Ты ничего не имеешь против «Бистро»?

* * *

Солнце опускалось за горизонт, а Бизон все стоял перед свидетелями как прикованный. Он огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что рядом больше никого нет.

— И это все, что я могу узнать? Так он, значит, в Галилее?

И свидетели вновь произнесли, не шевельнув губами:

— Имеющий уши да слышит!

Галилея! Неужели она еще существует? Но откуда начать поиски и когда их начать? Конечно, ночь для этого не слишком удачное время — разгуливать в темноте по незнакомым местам Уильямс не собирался И всего-то ему было нужно — узнать, в какую сторону идти, что взять за отправную точку. Повернувшись на каблуках, Бизон обвел взглядом окрестности, высматривая такси, и действительно увидел несколько машин. Тогда он снова обратился к свидетелям:

— Если я вернусь сюда позже, этим же вечером, я смогу узнать от вас больше?

Моше попятился прочь от решетки и сел прямо на мостовую, привалившись спиной к стене. Эли сделал энергичный жест и громко произнес:

— Птицы небесные имеют гнезда, но Сын Человеческий не имеет, где главу преклонить!

— Я не понимаю вас, — сказал Бизон. — Скажите еще что-нибудь.

— Имеющий уши...

Бизон был разочарован.

— Я вернусь сюда в полночь. Умоляю вас: помогите!

Эли тоже стал отступать от ограды.

— Знайте же, что я всегда пребуду с вами, даже до конца времен.

Бизон уехал, по-прежнему намереваясь вернуться обратно. Однако последнее таинственное обещание как-то странно воодушевило его. Это были слова Христа. Может быть, устами свидетелей с ним напрямую говорил сам Иисус? Какая удивительная, несказанная честь! Бизон взял такси и отправился назад, в отель «Царь Давид», пребывая в полной уверенности, что ему вскоре предстоит вновь встретиться с Ционом Бен-Иегудой.

В «Глобал бистро» Рэйфорда и Хэтти бурно и темпераментно приветствовал метрдотель. Молодую женщину он, конечно, узнал, а вот спутника ее — нет.

— Вы сядете за свой обычный столик, мадам?

— Нет, спасибо, Джеффри. Но прятаться в укромном уголке нам бы тоже не хотелось.

Их провели к столу, накрытому на четверых. К нему тут же поспешили младшие официанты и унесли два лишних прибора. Официант выдвинул стул для Хэтти, а Рэйфорду жестом указал место рядом с ней. Однако тот по-прежнему переживал по поводу того, как это выглядит со стороны, и поэтому уселся прямо напротив девушки, хотя и понимал, что в таком шумном месте им теперь придется почти кричать, чтобы расслышать друг друга. Официант с растерянным видом замялся, но в конце концов вернул второй прибор обратно, поставив его перед пилотом.

У Хэтти и ее бывшего босса в прошлом было несколько слегка двусмысленных эпизодов. Раз пять-шесть им случалось поужинать в ресторане один на один, тайком от остального экипажа, причем каждый из них двоих, казалось, размышлял: а что думает другой насчет их общего будущего? Девушка, конечно, вела себя более кокетливо, чем Рэйфорд, но ведь он ни разу ей в этом не воспрепятствовал...

По всем телевизорам, там и тут расставленным в зале «Бистро», шли новости в режиме нон-стоп — непрерывные сообщения о военных действиях в разных уголках земного шара. Хэтти сделала знак метрдотелю, и тот опрометью кинулся к ней.

— Мне кажется, господину потентату вряд ли понравится, что у вас непрерывно

крутят эту программу. Ведь руководители приходят сюда немного расслабиться, а тут им приходится непрерывно слушать разные мрачные сообщения...

— Боюсь, мадам, все телестанции сейчас передают то же самое.

— Но разве нет какого-нибудь музыкального канала?

— Я немедленно выясню.

И через пару минут все телевизоры в «Глобал бистро» уже показывали музыкальные видеоклипы. Несколько посетителей встретили это аплодисментами, но сама Хэтти, как почувствовал Рэйфорд, едва заметила произошедшую перемену.

В прошлом, когда они подходили к той грани, за которой воображаемый роман уже переходит в реальный, Рэйфорд выходил из положения очень просто: напоминал девушке о том, что пора сделать заказ, а потом уговаривал ее поесть получше. Тогда она ничего вокруг не видела, кроме него одного, и такое поведение казалось ей лестным и обольстительным. Но сейчас все было как раз наоборот.

Хэтти изучала меню с таким видом, словно завтра ей предстояло сдавать серьезный экзамен на знание перечисленных там блюд. Эта двадцатидевятилетняя женщина, беременная в первый раз, была так же красива, как и раньше. Срок у нее был еще достаточно маленький, и со стороны ее интересное положение было совсем не заметно. Она сказала о нем Рэйфорду и Аманде во вре-

меня их последней встречи. Тогда Хэтти была взбудоражена, взволнована. Она гордилась своим новым кольцом с бриллиантом. Ее тянуло поговорить о надвигающейся свадьбе. В разговоре с Амандой она выразилась так: «Николае намерен сделать меня порядочной женщиной».

То самое вызывающе роскошное обручальное кольцо и сейчас красовалось на руке у Хэтти, только на сей раз бриллиантом внутрь, так что на виду оставался один ободок. Бедняжка явно не походила на счастливую женщину, и Рэйфорд задавался вопросом: не оттого ли ей так плохо, что Николае холодно вел себя с ней в аэропорту? Он хотел спросить ее об этом, но инициатором встречи все-таки была мисс Дюрхем, а значит, она и так должна была скоро высказать все, что собиралась.

Хотя название у ресторана было, так сказать, «с французским акцентом», к его созданию приложила руку и сама Хэтти, а набор блюд оказался вполне интернациональным — впрочем, с явным креном в сторону американской кухни. Хэтти заказала на удивление много еды. Сам он ограничился сэндвичем. Хэтти болтала о пустяках, пока не съела все, включая десерт. Рэйфорд знал, что принято говорить в таких случаях: дескать, она сейчас ест за двоих и т. д. и т. п. Но все же ему казалось, что ее неожиданный аппетит — просто признак нервозности, да еще неосознанная попытка отодвинуть разговор о том, что было для нее действительно важно.

— Мне даже не верится, что с нашего последнего совместного полета уже прошло почти два года, — сказал Рэйфорд, пытаясь пустить пробный шар.

Хэтти выпрямилась, сложила руки на коленях и наклонилась всем телом вперед:

— Рэйфорд, это были самые безумные годы моей жизни.

Он посмотрел на нее выжидающе, не понимая, что она этим хочет сказать — имеет ли она в виду, что эти годы были безумно хорошими или, наоборот, безумно плохими.

— Перед тобой открылись новые горизонты, — произнес он.

— Ты только подумай, Рэйфорд! Я хотела в жизни лишь одного — стать стюардессой. Все девчонки из нашей команды чирлидеров из Мэйн-Ист-Хай-Скул мечтали об этом. Мы все подали заявки, но добиться цели удалось только мне. Как же я была горда! Но работа в авиации быстро утратила для меня всю привлекательность. В полете я половину времени пыталась вспомнить, куда мы летим, к какому часу прибудем в пункт назначения и когда вернемся обратно. Правда, мне нравились люди, с которыми я общалась, мне нравилось свободно путешествовать по свету, бывать в разных интересных местах. Знаешь, у меня пару раз случались серьезные отношения с парнями, но эти романы ничем не кончались. А когда я наконец пробилась, проложила себе дорогу на те самолеты и те маршру-

ты, которые меня привлекали, то по уши влюбилась в одного из своих пилотов. Но и здесь у меня ничего не вышло!

— Хэтти, давай не будем затрагивать эту тему. Ты знаешь, какие чувства я тогда испытывал.

— Я знаю, Рэйфорд, и прошу меня извинить. Та история тоже закончилась ничем, хоть я и надеялась на что-то большее. Я выслушала твои объяснения и оправдания, и речь сейчас идет совсем не об этом.

— Это как раз хорошо. Ты ведь знаешь: я снова женат и счастлив в браке.

— Завидую тебе, Рэйфорд.

— Я-то думал, что вы с Николае собираетесь пожениться.

— Я тоже так думала. Сейчас я уже не так уверена в этом... как и в том, насколько сильно мне самой хочется выйти за него замуж.

— Если ты именно об этом собиралась поговорить, я с радостью тебя выслушаю. В сердечных делах я не знаток, так что вряд ли смогу дать дельный совет, зато, если тебе нужен внимательный слушатель, я весь к твоим услугам.

Хэтти дождалась, пока уберут тарелки, и сказала официанту:

— Мы побудем здесь еще немного.

— Я включу это в ваш счет, — заявил тот.

Он усмехнулся, явно в восторге от собственной шутки. Рэйфорд с трудом выдавил из себя улыбку.

Когда официант удалился, Хэтти, видимо, почувствовала себя достаточно свободно, чтобы продолжить свой рассказ.

— Рэйфорд, ты, может быть, этого не знаешь, но я действительно была когда-то неравнодушна к Бизону Уильямсу. Ты же помнишь, в ту ночь он был у нас в самолете.

— Конечно, помню.

— У меня к нему не было тогда романтических чувств, потому что я по-прежнему была влюблена в тебя. Но он был такой милый и такой остроумный, и у него была такая важная-преважная работа... К тому же и разница в возрасте у нас с ним меньше.

— Ну и?..

— Словом, если сказать правду, то, когда ты меня бросил...

— Хэтти, я тебя никогда не бросал. Бросать там было некого и некому. Мы ведь никогда не были парой.

— Ой ли?

— Ну хорошо, — сказал он. — В чем-то ты права. Но ты должна признать, что никто из нас никогда не брал на себя никаких обязательств перед другим и не заговаривал о том, что нас что-то связывает.

— Да, но ведь существует масса сигналов определенного свойства!

— Это я признаю. Но говорить, что я тебя якобы бросил, все равно неправильно.

— То, что между нами произошло, ты можешь называть как хочешь, но я-то все равно чувствовала себя брошенной, понимаешь?

Так или иначе, Бизон Уильямс показался мне привлекательнее, чем прежде. Наверняка он думал, что я просто использую его, чтобы он познакомил меня со знаменитостью, что он вскоре и сделал. Я была так благодарна Бизону за то, что он свел меня с Николае!

— Ты уж прости меня, Хэтти, но эта новость слегка устарела.

— Знаю, но я подвожу к определенному пункту, так что потерпи. Когда я познакомилась с Николае, он меня просто потряс. Он был старше Бизона лишь настолько, насколько Бизон был старше меня, но казался настолько взрослее! Николае объездил весь мир, он был политиком, настоящим лидером. Он успел стать самым знаменитым человеком на свете! Я знала, что он многое повидал. Я чувствовала себя совсем как школьница, чуть ли не хихикала от смущения, и даже вообразить себе не могла, что произвела на него хоть какое-то впечатление. Когда он начал проявлять ко мне интерес, я думала, тут замешано только физическое влечение. И признаюсь, я мгновенно согласилась бы переспать с ним и нисколько не стала бы жалеть. Мы вступили в связь, и я влюбилась, но Бог свидетель... ох, Рэйфорд, прости, я не должна тебе об этом рассказывать! Я совершенно не ожидала, что он отнесется ко мне по-настоящему серьезно. Я знала, что нашему роману не суждено быть долгим, и решила просто наслаждаться отношениями, пока они есть.

Но тем временем я дошла до того, что стала уже бояться: а вдруг он уйдет? Я говорила себе, что нельзя терять головы. Все так и так должно было скоро кончиться, и я вполне серьезно верила, что готова к такому финалу. Но тут Николае меня по-настоящему потряс. Он назначил меня своим личным помощником! У меня не было ни опыта, ни необходимых навыков. Я знаю, что для него это был просто способ сделать так, чтобы после работы я всегда была в его распоряжении. Я ничего не имела против, хоть и боялась того, во что может превратиться моя жизнь, если он станет еще более занятым. Мои худшие опасения оправдались. Конечно, он по-прежнему остается все таким же очаровательным, приятным, динамичным, могущественным — словом, самым потрясающим человеком, какого я видела в своей жизни. Однако для него я стала именно тем, кем никогда не хотела становиться. Ты знаешь, что он обычно работает как минимум по восемнадцать часов в сутки, а иногда — даже по двадцать? Я для него ничего не значу, и мне это известно.

Обычно я принимала участие в обсуждении некоторых вопросов. По своему обыкновению, он иногда даже использовал какие-то мои идеи. Но что я знаю о международной политике? Я могла бы просто ляпнуть какую-нибудь глупость, потому что знаний-то у меня маловато, и тогда он бы или посмеялся надо мной, или вообще стал бы смотреть на меня как на пустое место. Затем он пришел

к тому, что вообще перестал интересоваться моим мнением. Мне разрешали заниматься всякой чепухой — например, помогать в создании этого ресторана, быть контактным лицом для больших групп, которые совершали тур по новым штаб-квартирам Мирового Сообщества. Но сейчас я — просто манекен в витрине. Кольцо он мне подарил только после того, как я забеременела, и до сих пор не спросил, выйду ли я за него замуж. Мне кажется, он считает, что это само собой разумеется.

— Но разве, принимая кольцо, ты не подразумевала тем самым, что станешь его женой?

— О, Рэйфорд! Все было совсем не так романтично. Он просто попросил меня закрыть глаза и вытянуть руку, а после надел кольцо мне на палец. Я не знала, что сказать, а он просто улыбался.

— Ты говоришь, что не чувствуешь, что между вами существуют некие взаимные обязательства?

— Я вообще больше ничего не чувствую. И мне кажется, он тоже никогда не испытывал ко мне ничего, кроме физического влечения.

— Ну а весь этот внешний блеск? Богатство, атрибуты высокого статуса? Собственный автомобиль с шофером? Насколько я понимаю, у тебя есть свой счет в банке...

— Да-да, все это у меня есть. — У Хэтти был усталый вид. Она продолжала: — Честно говоря, с богатством и статусом у меня

получилось то же самое, что и с работой в авиации. Они превратились в повседневную рутину, от которой быстро устаешь. Разумеется, некоторое время я упивалась властью, блеском, роскошью. Но я чувствую себя не в своей тарелке. Я никого здесь не знаю. Люди относятся ко мне почтительно и с уважением лишь потому, что им известно, с кем я живу. Но ведь они по-настоящему не знают и самого Николае! И я тоже его не знаю. Уж лучше бы он злился на меня, лишь бы не игнорировал! На днях я у него спросила, можно ли мне на какое-то время вернуться в Штаты, чтобы повидаться с друзьями и родными. Николае воспринял мой вопрос с раздражением. Он сказал, что его даже задавать не стоило. «Просто предупреди меня, когда поедешь, и сама все организуй. У меня слишком много забот, чтобы еще переживать из-за такой ерунды, как твои пустячные планы». Я для него — просто мебель, Рэйфорд.

Тот выжидал подходящей минуты, чтобы вставить слово. Ему столько хотелось ей сказать!

— А вы много разговариваете друг с другом?

— Что ты имеешь в виду? Мы вообще не разговариваем. Мы теперь просто сосуществуем.

Рэйфорд осторожно проговорил:

— Мне просто интересно, насколько много он знает об отношениях Бизона и Хлои.

— О, об этом можешь не беспокоиться. Он, конечно, догадлив, и с большими связями, и у него повсюду имеются соглядатаи. Но, как мне кажется, он вообще не имеет представления о том, что связывает тебя с Бизоном. Я никогда при нем не упоминала про то, что Бизон женился на твоей дочери. Не упоминала и не упомяну.

— Почему?

— Я считаю, Николае не нужно этого знать, вот и все. Понимаешь, Рэйфорд, он по каким-то причинам полностью доверяет одному и тому же человеку в некоторых вещах, а в других не доверяет совершенно.

— Я заметил.

— Заметил? Но что именно? — спросила Хэтти.

— Ну, во-первых, то, что меня не посвятили в планы создания «Кондора-216», — ответил Рэйфорд.

— Да-да, — отозвалась она. — Кстати, он же включил в название самолета номер своего офисного комплекса! Остроумно, правда?

— Мне просто казалось неестественным, что я работаю у него пилотом и он вдруг ошарашивает меня этим новым самолетом.

— Если бы ты жил вместе с Николае, это бы тебя не удивляло. Я оставалась не у дел по нескольку месяцев. Рэйфорд, ты можешь представить себе — в момент начала войны обо мне вообще никто не вспомнил?!

— Он тебе не позвонил?

— Я даже не знала, жив он или уже мертв. Я слышала его выступление в новостях, как и все остальные. Но он не позвонил даже после этого! Ни один из референт не вышел со мной на связь. Ни один помощник не послал мне письмо по электронной почте. Я сама звонила всем, кому могла. Я поговорила с каждым человеком из нашей организации, которого знала. Я даже добралась до Леона Фортунато. Он мне сказал так: он, дескать, передаст Николае, что я звонила. Можешь себе представить? Он ему передаст, что я звонила...

— Значит, когда ты увидела его на аэродроме...

— ...я устроила ему проверку! И не собираюсь этого отрицать. Встреча с ним обрадовала меня не так сильно, как я старалась показать. Я просто решила дать ему еще один шанс. Разве не было видно с первого взгляда, что я испортила ему эффектный выход?

— У меня сложилось такое впечатление, — признался Рэйфорд. Он говорил безразлично-индифферентным тоном, хотя и начал уже сомневаться, так ли уж разумно будет с его стороны выдерживать эту роль и дальше.

— Когда я попыталась его поцеловать, Николае прошептал мне, что это неприлично и что я должна вести себя по-взрослому. Но он хотя бы бросил несколько реплик, в которых назвал меня своей невестой. Он сказал, что меня, как и его самого, переполняет горе. Только ведь я достаточно хорошо его знаю,

чтобы понять, что горем тут и не пахнет. Это у него было просто на лице написано. Он такие вещи любит, он ими просто упивается! И что бы он там ни говорил, он сейчас держит в руках все нити событий. На словах он, конечно, ратует за мир, но в душе надеется, что враги нападут на него и тем самым дадут повод нанести ответный удар. Услышав про жертвы и разрушения, я была так напугана, так расстроена! А он вернулся сюда, в свой новодельный дворец, и стал притворяться, что скорбит вместе со всеми, пострадавшими от войны. Но если понаблюдать за ним в приватной обстановке, возникает ощущение, что он внутренне торжествует и радуется. Он не может насытиться происходящим. Он потирает руки, строит планы, разрабатывает стратегические планы. Он сколачивает себе новую команду. Как раз сейчас у них встреча. И кто знает, что они там еще напридумывают!

— А ты-то сама что собираешься делать, Хэтти? Такая жизнь не для тебя.

— Да он даже не хочет, чтобы я появлялась на службе.

Рэйфорд знал, о чем шла речь, но все же не подал виду.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— А то, что меня в прямом смысле уволили, и кто же? Мой собственный жених! Он спросил, можно ли ему встречаться со мной в моей квартире.

— В твоей квартире?

— Мы и вместе, по сути, больше не живем. Просто моя комната выходит в тот же

коридор, что и его, и раз в сто лет он навещает меня посреди ночи — надо думать, выкраивает время между встречами. Впрочем, я уже давно являюсь для него просто весьма дорогостоящей девушкой-соседкой.

— Так чего же он хотел?

— Мне казалось, я знаю это. Я думала, что мы достаточно много времени провели в разлуке и он просто хочет, чтобы все теперь было как обычно. Но он заявил, что берет на мою должность другого человека.

— Это значит, что вы расстаетесь?

— Нет. Он по-прежнему хочет, чтобы я была рядом с ним. Хочет, чтобы я носила его ребенка. Он только считает, что должность, которую я занимала, оказалась мне не по плечу. В ответ я ему сказала: «Николае, она была мне не по плечу еще в тот момент, когда меня на нее назначили. Я не гожусь в секретарши. Мне нравилось заниматься связями с общественностью и работать с людьми, но сделать меня личным помощником — это была ошибка».

— Я всегда думал, что ты справляешься.

— Что ж, спасибо, Рэйфорд. Но в одном отношении я испытала облегчение, когда лишилась этой работы.

— Только в одном?

— Да. Куда бы она меня завела? Я спросила у него, как он видит наше общее будущее. Он имел наглость переспросить: «Наше?» Я ответила: «Да! Наше! У меня на руке твое кольцо, а под сердцем — твой ребенок. Когда мы узаконим наши отношения?»

Бизон вздрогнул и проснулся. Он только что видел сон. Вокруг стояла темнота. Он включил маленькую лампу и, щурясь, посмотрел на часы. До встречи с Моше и Эли, назначенной на двенадцать ночи, оставалось еще несколько часов. Но о чем же был тот сон? Ах да, ему приснилось, что он — Иосиф, муж Марии. Он слышал, как ангел Господень сказал: «Встань, беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе».

Бизон пришел в замешательство. Он никогда не получал через сон никаких посланий — от Бога в том числе. Он всегда полагал, что сны — это просто результат работы мозга, в основе которой лежат дневные впечатления. Ну конечно, он сейчас находится на Святой земле, думает о Боге, об Иисусе, общается с двумя свидетелями, пытается ускользнуть от Антихриста и его приспешников. Вполне понятно, почему ему приснился сон, в котором отразилась библейская легенда. А может, Господь хочет сказать ему, что он найдет Циона Бен-Иегуду, но не там, куда его, судя по всему, направляют свидетели? Они всегда выражаются так неопределенно и обтекаемо... Нужно было задать им прямой вопрос. Да разве можно от него ожидать, что он поймет все эти намеки на Библию, если ему подобные вещи совсем еще в новинку?

Бизон хотел было поспать до половины двенадцатого, а потом взять такси и доехать

до Стены Плача. Но заснуть снова оказалось очень трудно, потому что в голове у него непрерывно прокручивался таинственный сон. Единственное, чего Бизон не собирался делать, особенно учитывая известие о том, что война исходит из Каира, — это отправляться в Египет. Отсюда до Каира было не более двухсот миль — просто рукой подать. И без того слишком близко... даже если Карпати не применил против египетской столицы ядерное оружие.

Вот так Бизон и лежал в темноте, гадая о том о сем.

* * *

Рэйфорд был растерян. Давняя дружба связывала его с Хэтти. Но что он мог ей сказать теперь? Было ясно, что она мучается, пребывает в недоумении и не знает, на что решиться. Но нельзя же вот так, напрямик, выложить ей, что ее любовник — Антихрист, а Рэйфорду с друзьями это известно! По сути, у него сейчас было лишь одно желание: обратиться к Хэтти с мольбой о том, чтобы она приняла в свою душу Христа. Но разве он этого уже не сделал? Разве он не растолковал ей в свое время все то, что ему довелось узнать после волны исчезновений, которые, как он сейчас понимал, были не чем иным, как Вознесением верующих?

Да, Хэтти знала истину. Ну, по крайней мере, она знала то, что считал истиной Рэйфорд. В нью-йоркском ресторане он рассказывал ей, Бизону и Хлое о самом сокровенном. Правда, он пребывал в убеждении, что от подобных разговоров дочь придет в полное замешательство и жутко смутится. Он также считал, что высокомерный эрудит Бизон Уильямс просто терпит его и совершенно не принимает всерьез. Рэйфорд был потрясен, когда выяснилось, что именно пыл и энтузиазм, с которыми он говорил, значительно приблизили Хлою к личному, осознанному решению стать последовательницей Христа. На Бизона их беседа тоже оказала огромное влияние.

Сейчас Рэйфорд решил избрать новую линию поведения.

— Позволь тебе кое-что сказать, Хэтти. Ты должна знать, что все мы — Бизон, Хлоя и я — очень за тебя переживаем.

— Я понимаю, но...

— Нет, не думаю, что ты это понимаешь, — перебил ее Рэйфорд. — Нас всех волновало, так ли уж хороши перемены, произошедшие в твоей жизни, и каждый из нас в определенном смысле ощущает ответственность за то, что ты бросила свою работу, оставила близких и уехала — сначала в Нью-Йорк, а потом в Новый Вавилон. И ради чего?

Хэтти неподвижно смотрела на него:

— Но ведь вы даже не давали о себе знать...

— Мы чувствовали себя не вправе высказываться на сей счет. Ты взрослый человек,

и это твоя жизнь. Я сознавал, что из-за моего нелепого поведения тебе разонравилось работать в авиации. Бизон винит себя за то, что познакомил тебя с Николае. Да Хлоя часто задается вопросом: могла ли она сказать или сделать нечто такое, что заставило бы тебя передумать?

— Но почему? — спросила Хэтти. — И откуда вы все знали, что я здесь несчастлива?

Рэйфорд замялся. В самом деле, откуда они это знали?

— Мы просто инстинктивно чувствовали, что обстоятельства против тебя.

— А мне кажется, я не давала вам вообще никаких поводов думать, что вы правы, — я всегда старалась производить совсем другое впечатление, когда встречалась с тобой или с Бизоном в обществе Николае.

— Что верно, то верно.

— А вообще, Рэйфорд, может, это тебя очень удивит, но я никогда не предполагала, что мне суждено забеременеть, не будучи замужем.

— Почему это должно меня так уж удивить?

— Потому что я не могу сказать, что придерживалась особенно строгой морали. Я имею в виду, что готова была вступить с тобой в связь. Просто хочу сказать, что воспитали-то меня совсем в других правилах и я уж никак не планировала рожать ребенка вне брака.

— А теперь?

— Теперь ничего не изменилось, Рэйфорд. — Голос у Хэтти стал тихим и глуховатым.

тым. Что она устала, было понятно и раньше, но теперь по ее речи чувствовалось, что она совершенно разбита и вообще чуть жива. — Я не собираюсь использовать свою беременность как способ заставить Николае Карпати жениться на мне. Да его все равно не заставишь. Никто не может принудить его ни к чему. Если бы я стала на него давить, он, наверное, велел бы мне сделать аборт.

— О нет! — воскликнул Рэйфорд. — Ты ведь не станешь размышлять об этом всерьез, правда?

— Не стану размышлять всерьез? Да я каждый день об этом думаю!

Рэйфорд поморщился, как от боли, и потер лоб. Почему он ожидает, что Хэтти будет жить как верующая, если она ею не является? Он не имел никакого права заранее предполагать, что в подобных делах они с ней стоят на одних позициях.

— Хэтти, не могла бы ты сделать мне одолжение по одному очень важному поводу?

— Может быть.

— Ты не могла бы максимально тщательно все обдумать, прежде чем предпринимать какие-то действия? Может тебе стоит сначала посоветоваться с родными, с друзьями?

— Рэйфорд, да у меня и друзей-то никаких не осталось.

— Хлоя, Бизон и я по-прежнему считаем тебя нашим другом. И мне кажется, что Аманда тоже с тобой подружится, если узнает тебя как следует

Хэтти фыркнула.

— У меня такое ощущение, что чем лучше Аманда узнает меня, тем меньше я ей нравлюсь.

— Твои слова только доказывают, как плохо ты ее знаешь, — сказал Рэйфорд. — Она относится к тому типу людей, которым человек вовсе не должен нравиться, чтобы они его полюбили. Если ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду.

Хэтти приподняла брови.

— Как интересно ты сейчас выразился, — произнесла она. — Мне кажется, родители иногда именно так относятся к своим детям. Мой папа как-то раз сказал мне об этом, когда у меня был период подросткового бунтарства. Он заявил: «Хэтти, я тебя очень люблю, и это здорово, хотя ты мне совершенно не нравишься». Это меня очень отрезвило, Рэйфорд. Ты сам-то понимаешь о чем я?

— Ну конечно, — ответил он. — Тебе действительно следовало бы познакомиться с Амандой. Она стала бы для тебя чем-то вроде второй матери.

— Мне и одной более чем достаточно, — отрезала Хэтти. — Не забывай: именно моя мамочка осчастливила меня именем, которое больше подходит женщине на два поколения старше меня.

Рэйфорд улыбнулся: его и самого всегда занимал вопрос о том, почему Хэтти так называли.

— Во всяком случае, ты говорила, что Николае не возражает против твоей поездки в Штаты?

— Ну да... Но мы ее обсуждали еще до того, как разразилась война.

— Знаешь, Хэтти, несколько аэропортов в Северной Америке все еще принимают рейсы из-за границы. И насколько я знаю, осталось еще несколько крупных городов, которые не поразила ни одна ядерная боеголовка. Радиоактивные осадки выпали только в Лондоне. Думаю, теперь туда долго не стоит соваться. Но даже разрушение Каира не сопровождалось радиацией.

— Думаешь, он по-прежнему готов отпустить меня в США?

— Не могу сказать наверняка, но сам я постараюсь вернуться в Штаты в воскресенье — Аманду проведу, на поминальной службе побываю...

— Да как же ты туда доберешься?

— Пассажирским рейсом. Лично мне кажется, для «Кондора-216» станет просто унижением, если на нем будут кататься более мелкие ВВП-персоны — даже наберись их целая дюжина! Как бы то ни было, потенциал...

— Ох, Рэйфорд, умоляю: не называй его так!

— А что, тебе это слово кажется таким же смешным, как и мне?

— И всегда казалось. Он такой блестящий, значительный человек, но титул у него

дурацкий. Когда его так называют, он кажется просто каким-то шутом гороховым.

— Видишь ли, я недостаточно близко с ним знаком, чтобы называть его просто Николае, а фамилия у него такая, что можно язык сломать.

— Кажется, большинство ваших церковников считает его Антихристом?

Рэйфорд вздрогнул. Он не ждал от нее подобных слов. Насколько серьезно она говорит? Подумав, он решил, что время для откровенности еще не настало.

— Антихристом? — переспросил он.

— Читать-то я умею, — пояснила Хэтти. — Честно говоря, мне нравится то, что пишет Бизон. Я прочла кое-какие его вещицы в «Уикли». Однажды он сделал обзор всевозможных теорий, рассказал, что думают разные люди, и получилось, что существует довольно большая группа, по мнению которой Николае, вполне возможно, Антихрист.

— Я тоже слышал такое, — отозвался Рэйфорд.

— Тогда ты можешь его так и называть — Антихрист, или, для краткости, просто А. Х., — заявила Хэтти.

— Не смешно, — ответил Рэйфорд.

— Я знаю, — согласилась она. — Извини меня. Я все равно не въезжаю во все эти истории о вселенской войне добра со злом. И кроме того, если человек просто смотрит мне в лицо, мне этого недостаточно, чтобы понять, Антихрист он или нет.

«Да, последние два года он, наверное, смотрел тебе в лицо чаще, чем кто-либо еще», — подумал Рэйфорд, а вслух произнес:

— Словом, Хэтти, мне кажется, что тебе нужно спросить у... как бы мне назвать его за неимением лучшего титула... Великого Потентата Мирового Сообщества Николае Карпати, осталось ли в силе его разрешение ненадолго съездить домой. Я вылетаю в субботу утром. Рейс без посадок, прибытие в Милуоки в тот же день около полудня по чикагскому времени. Насколько я понял, в большом доме, который принадлежит одной женщине из нашей общины, места хватит на всех. Ты можешь остаться у нас.

— Нет, Рэйфорд, не могу. Моя мать живет в Денвере. Этот город пока не пострадал, правда?

— Насколько я знаю, нет. Я уверен, мы сможем забронировать тебе билет до Денвера.

Рэйфорд был разочарован. Ситуация давала ему шанс как-то повлиять на Хэтти, но сделать так, чтобы она оказалась в районе Чикаго, не представлялось возможным.

— Я не собираюсь ни о чем спрашивать Николае, — заявила она.

— Ты не хочешь ехать?

— Нет-нет, я хочу. Хочу и поеду. Я просто оставляю ему сообщение о своем отъезде. Ведь в прошлый раз он велел мне именно это сделать — дать ему знать. Он сказал мне, что я — взрослый человек и должна сама принимать решения насчет того, что касается

лично меня. Ведь у него-то голова занята более важными делами! Возможно, мы увидимся в самолете, летящем в Милуоки. А вообще-то, если я не дам тебе знать, что планы у меня изменились, может, договоримся, что мой шофер заедет за тобой в субботу утром? Кстати, как ты думаешь: если мы будем сидеть рядом, Аманда нормально это воспримет?

— Я надеюсь, ты сейчас не шутишь, — сказал Рэйфорд, — потому что, если ты действительно хочешь поговорить со мной во время перелета, я предупрежу ее об этом заранее.

— Ну и ну! Насколько я помню, твоя первая жена не была такой собственницей.

— Она бы тоже ею стала, узнай она истинную цену моей порядочности.

— Или насколько порядочной женщиной была я.

— Ну, может быть...

— Приступай к делу, Рэйфорд, и обговори все с женой. Если она потребует, чтобы я сидела отдельно, я это пойму. Кто знает? Может, мы вообще окажемся по разные стороны от прохода.

Рэйфорд терпеливо усмехнулся. Как минимум на это он и надеялся.

ГЛАВА 10

В тот вечер, выходя из гостиницы «Царь Давид», Бизон, повинувшись внезапно возникшему импульсу, прихватил с собой дорожную сумку. Там лежал маленький диктофон, ультракомпактный ноутбук (который предстояло вскоре заменить на компьютер), камера, великолепный мобильник, туалетные принадлежности и две смены одежды.

Бизон оставил ключ на конторке портье и взял такси до Стены Плача. Когда он спросил у таксиста, говорит ли тот по-английски, шофер слегка развел большой и указательный пальцы и виновато улыбнулся.

— Какое расстояние отсюда до Галилеи? — спросил Бизон.

Водитель снял ногу с педали газа.

— Вы хотите в Галилею? Стена Плача — в Иерусалиме.

Бизон нетерпеливо взмахнул рукой.

— Да я знаю. Сейчас — Стена Плача. Галилея — потом.

Машина помчалась к Стене Плача.

— Галилея сейчас — где Тивериадское озеро, — проговорил шофер. — 120 километров — примерно.

В этот час ночи возле Стены Плача, да и вообще на Храмовом холме практически никого не было. Недавно восстановленный храм был великолепно освещен и напоминал собственное голографическое изображение в каком-нибудь трехмерном шоу. Он словно парил над горизонтом. Брюс говорил Бизону, что настанет день, когда Карпати воссядет в его стенах и провозгласит себя Богом. Как журналист до мозга костей, Бизон начинал невольно мечтал о том, чтобы стать очевидцем этого события.

Он не сразу разглядел обоих свидетелей. Небольшая группка матросов, прогуливаясь, двигалась мимо кованной железной изгороди, установленной с того конца Стены, где Моше и Эли имели обыкновение стоять и проповедовать. Моряки болтали по-английски; один из них показал на что-то пальцем.

— Кажется, это они — вон там, глядите! — сказал он. Остальные повернулись вслед за ним и уставились в темноту.

Перехватив их взгляды, Бизон тоже посмотрел за решетку, в сторону каменного строения. Две таинственные фигуры сидели возле него, прислонившись к стене спинами, подогнув под себя ноги и упершись под-

бородками в колени. Они были совершенно неподвижны и, казалось, спали. Глазeya на них, моряки на цыпочках подошли поближе. Тем не менее они сохраняли дистанцию как минимум в сто футов — видимо, уже успели наслушаться разных историй. Нет, они отнюдь не собирались будить Моше и Эли, как в зоопарке посетители для развлечения будят спящих зверей. Ведь по ту сторону решетки находились отнюдь не животные. Эти два загадочных существа были весьма опасны; о них ходили слухи, что они способны запросто поджарить человека, который имел неосторожность обращаться с ними легкомысленно. Бизон не хотел привлечь к себе внимание, смело подойдя к решетке. Он решил выждать, пока морякам не наскучит их развлечение и они не уйдут восвояси.

Когда молодые люди удалились, Эли и Моше подняли головы и в упор посмотрели на Бизона. Какая-то сила так и потянула его к ним. Он направился прямо к решетке. Свидетели поднялись на ноги. Теперь их разделяло около двадцати футов.

— Мне требуются пояснения, — прошептал он. — Не могли бы вы побольше рассказать о том, где находится мой друг?

— Имеющий уши...

— Это я знаю, — ответил Бизон, — но я...

— И ты дерзаешь прерывать служителей Бога Высочайшего? — спросил Эли.

— Простите меня, — сказал Бизон. Он хотел было объяснить, в чем его проблема, но теперь решил хранить молчание.

Тут заговорил Моше:

— Сначала ты должен пообщаться с человеком, который тебя любит.

Бизон подождал, не добавит ли он еще чего-нибудь. Свидетели стояли и молчали. Журналист в замешательстве развел руками. Он почувствовал, что в наплечной сумке у него что-то вибрирует, и понял, что это мобильник. И что ему сейчас предлагается делать? Если ему нельзя даже прерывать служителей Бога Высочайшего, то как же он решится ответить на звонок во время беседы с ними? Бизон чувствовал, что находится в идиотском положении. Он сделал пару шагов прочь от ограды, схватил телефон, щелчком откинул крышку его и произнес:

— Бизон слушает.

— Бизон! Это Хлоя! У вас там сейчас где-то двенадцать ночи, да?

— Да, Хлоя, но я как раз сейчас...

— Дорогой, я тебя разбудила?

— Нет, я не спал, а кроме того...

— Бизон, ты просто скажи мне, что ты не в «Царе Давиде».

— Я снял там номер, но...

— Ведь в данный момент тебя там нет, правда?

— Нет, я сейчас...

— Милый, не знаю даже, как тебе и сказать, но у меня возникло ощущение, что сегодня ночью тебе не следует оставаться в этой гостинице. Если честно, то у меня вообще предчувствие, что тебе вообще нельзя ночевать в Иерусалиме. Насчет завтрашнего дня я

ничего сказать не могу. Конечно, я не очень-то разбираюсь во всяких там предчувствиях, но это ощущение настолько сильное...

— Хлоя, я обязательно тебе перезвоню попозже, ладно?

Хлоя заколебалась:

— Ну ладно, ладно, но ты не можешь тратить время на разговоры со мной в то время, как...

— Милая, я сегодня ночью не останусь в «Царе Давиде» и в Иерусалиме тоже. О'кей?

— Это меня как-то успокаивает, Бизон, но мне все же хотелось бы поговорить о...

— Лапушка, я тебе перезвоню позднее, хорошо?

Бизон понятия не имел, что ему думать о новых формах того явления, которое Брюс именовал «хождением в духе». Свидетели намекали, что он найдет в Галилее то, что ищет, — в Галилее, которая и сама-то уже не существовала. Море Галилейское теперь называлось Тивериадским озером. Недавний сон, если ему вообще стоило придавать хоть какое-то значение, указывал Бизону на то, что по какой-то причине ему нужно будет поехать в Египет. И вот теперь Моше и Эли требуют от него, чтобы он услышал и понял их как человек, имеющий уши! Бизону жалел, что он не Иоанн Богослов, и намеревался попросить у них объяснения. И откуда они только узнали, что ему перво-наперво следует поговорить с Хлоей? Он достаточно долго наблюдал за обоими, чтобы понять: их всегда окружает атмосфера чуда. Един-

ственное, чего бы ему хотелось, — это чтобы они выражались более понятно. Ведь он прибыл в Израиль с опасной миссией! Если они в силах помочь ему, он охотно примет их помощь.

Бизон бросил сумку на землю и перешагнул через нее, показывая этим жестом, что согласен отбросить абсолютно все и просто слушать. Моше и Эли склонились друг к другу. Казалось, они перешептываются. Потом свидетели пошли к решетке. Бизон тоже двинулся было им навстречу, как в прошлый раз, когда он посетил их в обществе рабби Циона Бен-Иегуды. Но каждый из свидетелей поднял вверх руку, и журналист остановился, не дойдя до решетки несколько футов. Тут оба загадочных проповедника вдруг принялись кричать во весь голос. В первый момент Бизон вздрогнул, попятился и споткнулся о собственную сумку. Эли и Моше кричали по очереди, цитируя стихи, знакомые Бизону по «Деяниям апостолов» и проповедям Брюса.

Они возглашали:

— И рек Господь: случится в последние дни, что...

Бизон знал, что этот пассаж в библейском тексте имеет продолжение, но свидетели остановились и уставились на него. Неужели он, которому только недавно исполнилось тридцать два, уже должен считать себя стариком? Значит, он — один из тех старцев, которым дано было видеть вещие сны? Они об этом знают? Может, они тем самым хотят

сказать ему, что в его сне действительно содержится истина?

Тем временем они продолжали:

— И в слугах моих....

Бизона вдохновляли, побуждали, подталкивали к тому, чтобы он поспешил взяться за поставленную задачу. Но с чего же ему начать? И почему свидетели просто не могут сказать ему все напрямик?

Тут Бизон с удивлением заметил, что по эту сторону решетки он уже не один. На крик свидетелей рядом собралась небольшая толпа. Он не хотел дольше ждать, поднял сумку с земли и направился к ограде.

Люди вокруг настойчиво предупреждали его, что приближаться к решетке нельзя. Со всех сторон звучали предостережения на разных языках, несколько человек даже обратились к нему по-английски:

— Сынок, ты пожалеешь об этом!

Бизон подошел к свидетелям на расстояние нескольких футов. Он прошептал:

— Я могу лишь предположить, что под словом «Галилея» следует разуместь Тивериадское озеро. — Но как объяснить пришельцам из библейских времен, что географические представления той эпохи давно устарели? — Так я найду своего друга в Галилее, на Галилейском море или где-то еще?

— Имеющий уши да слышит...

Бизон проявил достаточно осмотрительности, чтобы не прерывать их и никак не проявлять разочарования.

— Как мне туда добраться? — спросил он.

Эли мягко произнес:

— С тобой все будет хорошо, если ты вернешься к толпе людской.

«Ах, значит, нужно вернуться к толпе людской?» — подумал Бизон. Он отступил назад и снова слился с массой зевак.

— С тобой все нормально, сынок? — спросил его кто-то. — Они тебе не причинили вреда?

Бизон отрицательно покачал головой.

Моше начал громко возглашать:

— Когда же Иоанн был ввергнут в узилище, Иисус пришел в Галелею, неся благую весть о Царствии Божиим и говорил: «Время пришло, и Царствие Божие близко. Покайтесь и уверуйте».

— И проходя мимо Моря Галилейского, Он увидел, как Петр-Симон и брат его Андрей забрасывают сети в море; ибо рыбаками были они. Тогда говорил им Иисус: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков».

— И оставили они сети свои и пошли за Ним.

Бизон еще не вполне понимал, что ему делать с тем, что он узнал, но чувствовал, что уже получил от свидетелей все, что они могли дать ему этой ночью. Хотя они по-прежнему продолжали свою проповедь и перед ними собиралось все больше людей, которые появлялись словно из ниоткуда, Бизон решил «дать задний ход». Он дотащил свою сумку до такси и забрался на заднее сиденье маленького автомобильчика.

— А можно ли сейчас, в этот час ночи, достать лодку, чтобы проплыть вверх по течению реки Иордан до Тивериадского озера? — спросил он у водителя.

— Вообще-то, сэр, если сказать вам правду, туда гораздо проще добраться другим путем. Но моторные лодки действительно ходят по реке на север, а некоторые даже отплывают ночью. Конечно, те, что для туристов, курсируют только, пока светло, но за сходную цену все равно можно найти человека, который отвезет вас куда надо в любое время — хоть ночи, хоть дня.

— Я так и думал, — ответил Бизон.

Вскоре он уже торговался с лодочником по имени Майкл, который отказался назвать ему свою фамилию.

— Днем я могу посадить в это корыто двадцать туристов, а гребем мы впятером — четверо крепких парней и я сам, и все за счет мышечной силы, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Так вы, значит, на веслах ходите?

— Да, сэр, совсем как в Библии. Лодка деревянная. Борта мы обшиваем деревом и пенькой, и лучше этого еще никто ничего не придумал. Рабочий день у меня длинный и утомительный. И если приходится идти вверх по реке, одними веслами, конечно, не обойтись.

Когда лодка после полуночи взяла курс на север, на ней были только Майкл, двойной забортный мотор и Бизон. Тем не менее у последнего возникло смутное ощущение, что с

него сейчас содрали деньги за двадцать туристов, да еще за четверых гребцов в придачу.

В начале поездки Бизон стоял на носу, с удовольствием ощущая, как свежий, бодрящий ветер ерошит ему волосы. Но вскоре ему пришлось застегнуть свою кожаную куртку до горла и спрятать руки в карманы. Прошло совсем немного времени, и он перебрался поближе к Майклу, который вел длинную, грубо сработанную деревянную лодку. В эту ночь на реке Иордан было совсем мало других судов.

Перекрикивая свист ветра и плеск воды, Майкл обратился к Бизону:

— Так, значит, вы точно не знаете, чего ищете и где конкретно находится то, что вам нужно?

Пристань, от которой они отчалили, находилась в окрестностях Иерихона, и Майкл сказал, что им придется проплыть против течения больше ста километров.

— Чтобы дойти до места, где Иордан впадает в Тивериадское озеро, может понадобиться почти три часа или около того, — добавил он.

— Для меня все это — темный лес, — признался Бизон. — Я просто рассчитываю, что пойму, куда именно мне нужно, когда доберусь до места.

Майкл покачал головой:

— Тивериадское озеро — это вам не какой-нибудь мелкий пруд. Ваш друг — или друзья — могут оказаться в любом месте на его берегу или вообще на другом его конце.

Бизон кивнул и сел, прижав подбородок к груди, чтобы было теплее. Он размышлял и молился.

«Господи, — мысленно произнес он, — Ты никогда не говорил со мною вслух, и я не жду, что Ты начнешь это делать сейчас. Но если бы Ты дал мне больше указаний, это пошло бы мне на пользу. Я не знаю, Тобой ли был послан тот сон, следует ли мне на обратном пути проехать через Египет или сделать что-то другое. Я не знаю, суждено ли мне найти Бен-Иегуду в обществе каких-нибудь рыбаков и вообще на верный ли путь я ступил, отправившись к древнему Галилейскому морю. Мне всегда нравилось чувствовать себя независимым, самодостаточным и изобретательным, но сейчас, признаюсь, я просто исчерпался. Циона наверняка ищет масса людей, и я отчаянно хочу, чтобы мне удалось найти его первым».

Суденышко как раз проплывало по излучине реки, когда моторы вдруг отрывисто фыркнули и фонари, расположенные на носу и на корме, погасли. «Вот и ответ на мою молитву», — пронеслось в голове у Бизона.

— Что, Майкл, поломка?

Бизона поразила внезапно наступившая тишина; лодку стало сносить течением. Видимо, она держала курс прямо к берегу.

— Нет никакой поломки, мистер Катц. Поскольку глаза у вас еще не привыкли к темноте, вы не видите, что у меня в руках весьма внушительный ствол и нацелен он вам в голову. Мне бы хотелось, чтобы вы остались

сидеть на месте и ответили мне на несколько вопросов.

Бизона охватило странное спокойствие. Даже ему, чья жизнь была полна таинственных и необычайных событий, все происходящее сейчас казалось чересчур уж фантастичным, из ряда вон выходящим.

— Я не собираюсь причинять вам никакого вреда, Майкл, — проговорил он. — Вам не зачем меня бояться.

— В данный момент бояться следует отнюдь не мне, сэр, — ответил лодочник. — За последние двое суток я дважды разрядил этот ствол в голову людям, которых считал врагами Божьими.

Бизон чуть не лишился дара речи.

— Я могу уверить вас лишь в одном, Майкл: уж я-то никоим образом не являюсь врагом Божьим. А вы, значит, намекаете, что вы — Его слуга?

— Воистину так. Вопрос лишь в том, можно ли сказать то же самое и о вас, мистер Катц? А если да, то чем вы это докажете?

— Судя по всему, — произнес Бизон, — нам надо представить друг другу твердые гарантии того, что мы воюем на одной стороне.

— Собственно говоря, обстоятельства требуют этого только от вас. Людей, которые поднимаются вверх по течению, чтобы найти того, кого я хотел бы от них оградить, ждет смерть. И если вы окажетесь третьим, кого мне придется сегодня отправить на тот свет, этой ночью я все равно усну сном младенца.

— И чем же вы оправдываете подобное душегубство? — поинтересовался Бизон.

— Не те это были люди, и искали они того, кого искать бы не следовало. От вас мне нужно узнать вот что: ваше настоящее имя, имя человека, которого вы ищете, причину, по которой вы его ищете, и ваши дальнейшие действия после того, как вы его найдете.

— Но, Майкл, пока я не уверен, что вы на моей стороне, я ни за что не рискну открыть вам подобную информацию.

— Даже если вам придется умереть ради того, чтобы защитить своего друга?

— Надеюсь, что до такого не дойдет, но в общем-то да.

Глаза у Бизона уже привыкли к темноте. Майкл осторожно вел лодку, направляя ее таким образом, что если бы моторы вдруг отказали, то, плывя по течению, она просто мягко уткнулась бы у берега в нанос из грязи и камней.

— Ваш ответ вызывает у меня уважение, — заметил Майкл. — Но я без колебаний пополню вами список мертвых врагов, если вы не сумеете убедить меня в том, что у вас есть веские причины находиться там, где вы сейчас находитесь.

— Так испытайте меня, — сказал Бизон. — Что именно может убедить вас в том, что я не блефую, а меня — в том, что мы с вами имеем в виду одного и того же человека?

— Превосходно, — произнес Майкл. — А теперь сыграем в «да или нет». Тот, кого вы ищете, молод?

Бизон быстро ответил:

— По сравнению с вами, нет.

Лодочник продолжал:

— Человек, которого вы ищете, — женского пола?

— Нет.

— Человек, которого вы ищете, — врач?

— Нет.

— Он гой?

— Нет.

— Он необразован?

— Нет, образован.

— Он — билингва?

— Нет.

Бизон услышал, как в руках у Майкла лязгнул затвор. Журналист поспешно добавил: «Сказать, что он билингва, будет недостаточно. К нему больше подходит слово «мультилингва».

Майкл сделал шаг вперед и ткнул стволом Бизону в горло. Тот поморщился и зажмурил глаза.

— Человек, которого вы ищете, — это рабби, доктор Цион Бен-Иегуда.

Бизон ничего не ответил. Дуло еще плотнее надавило ему на шею. Лодочник продолжал:

— Если бы вы стремились его убить, а я был бы его соратником, то убил бы вас. Если бы вы стремились его спасти, а я стоял бы на стороне тех, кто его захватил, я тоже убил бы вас.

— Но в последнем случае, — вставил Бизон, — ваши слова о том, что вы служите Богу, оказались бы ложью.

— Совершенно верно. Ну и что бы тогда со мною случилось?

— Вы можете меня убить, но в итоге вас все равно ждет проигрыш.

— А откуда нам это знать?

Бизону было нечего терять.

— Все это давно предсказано. Господь победит.

— Если это так, а я окажусь вашим братом, вы можете назвать мне свое настоящее имя.

Бизон колебался.

— Если же выяснится, что я — ваш враг, — продолжал Майкл, — я все равно вас убью.

Бизону было нечего возразить на такие слова.

— Меня зовут Кэмерон Уильямс. Я — друг доктора Бен-Иегуды.

— Так вы — тот американец, о котором он говорил?

— Вероятно, да.

— А теперь последняя проверка, если не возражаете.

— Кажется, у меня все равно нет выбора!

— Вы правы. Быстро перечислите мне шесть пророчеств относительно Мессии, которые осуществились в лице Иисуса Христа, если верить свидетелям, проповедующим у Стены Плача.

Бизон испустил глубокий вздох облегчения и улыбнулся:

— Майкл, вы мой брат во Христе. В Иисусе Христе исполнились все пророчества, касающиеся Мессии. Я могу перечислить вам

те шесть из них, которые связаны исключительно с вашей культурой. Мессия должен быть потомком Авраама, потомком Исаака, потомкам Иакова, происходить из колена Иудина, быть наследником престола Давидова и родиться в Вифлееме.

Оружие снова звякнуло — это лодочник положил его на палубу и простер к Бизону руки, чтобы обнять его, как брата. Майкл сжал журналиста в крепких медвежьих объятиях, смеясь и плача одновременно.

— А кто сказал вам, где искать Бен-Циона?

— Моше и Эли.

— Это мои наставники, — заявил Майкл. — Я — один из тех, кто уверовал, слушая их проповеди и проповеди рабби.

— И вы действительно убили тех других людей, искавших его?

— Я бы не стал называть свои действия убийством. Когда их тела вынесет в Мертвое море, они всплывут на поверхность, и их постепенно разъест солью. Лучше пусть это произойдет с их, а не с его телом.

— Так вы, значит, последователь Евангелия?

— Подобно апостолу Павлу, как говорит доктор Бен-Иегуда. Он утверждает, что нас 144 000 во всем мире и у каждого такая же задача, как у Моше и Эли, — проповедовать Христа как единственного Сына предвечного Отца.

— Вы можете поверить, что вы явились передо мной как почти немедленный ответ на мою молитву? — спросил Бизон.

— Это меня нисколько не удивляет, — ответил Майкл. — Поймите, я могу сказать о вас то же самое!

Бизон был совершенно измотан. Он был рад, что Майкл снова вернулся на корму и отвлекся на управление лодкой. Бизон отвернулся и расплакался. Как же добр Господь! Лодочник на время оставил пассажира наедине со своими мыслями, но затем вновь обратился к нему, чтобы сообщить хорошую весть.

— А знаете, нам вовсе не нужно плыть до самого Тивериадского озера.

— Не нужно? — переспросил Бизон, подвигаясь поближе к Майклу.

— Вы уже исполнили повеление Божье, когда отправились в сторону Галилеи, — заявил Майкл. — Примерно на полпути между Иерихоном и Тивериадским озером нам предстоит выйти на восточный берег реки. Затем мы пройдем по суше примерно пять километров до того места, где мы с соратниками прячем доктора Бен-Иегуду.

— Как же вам удалось ускользнуть от агрессивных фанатиков?

— План бегства был разработан у нас еще с того момента, как рабби прочел первую проповедь на стадионе имени Коллека. Много месяцев мы полагали, что охранять его семью нет необходимости. Ведь фанатиков интересовал только он сам! При первых признаках нападения или какой-то другой опасности мы должны были отправить в офис к Циону маленький автомобиль — настолько малень-

кий, что всем казалось, будто в нем может уместиться только водитель. Рабби лежал бы на полу под задним сиденьем, накрывшись одеялом. Его доставили бы к лодке, на которой мы с вами сейчас плывем, и я перевез бы его вверх по реке.

— А как же слухи о том, что шофер Бен-Иегуды причастен к убийству его семьи?

Майкл затряс головой:

— Жизнь оправдала этого человека самым решительным и убедительным образом. Вы согласны?

— А он тоже был верующим?

— Как ни печально, нет. Но его отличали преданность и доброжелательность. Мы считали, что он непременно уверует, что и это лишь вопрос времени. К несчастью, мы ошиблись. Кстати сказать, доктор Бен-Иегуда не знает о смерти своего шофера.

— Но о гибели семьи ему, конечно же, известно?

— Да, и вы сами можете себе представить, каким ужасным потрясением стала для него эта весть. Когда мы перенесли его в лодку, он остался лежать в позе эмбриона, накрывшись одеялом, что в определенном смысле пошло нам на пользу: ведь так нам было легче скрыть его присутствие, пока мы не добрались до места высадки на берег. На протяжении всего пути я слышал его громкий плач, который не могло заглушить даже тарахтение моторов. Он до сих пор стоит у меня в ушах.

— Лишь Бог может его утешить, — сказал Бизон.

— И я молюсь об этом, — ответил Майкл. — Должен вам признаться, период утешения пока еще не начинался. Рабби до сих пор не в силах говорить. Он все плачет и плачет без конца.

— Что вы планируете для него сделать? — спросил Бизон.

— Он должен покинуть страну. Пока он здесь, за его жизнь нельзя дать и ломаного гроша. Враги многократно превосходят нас числом. Конечно, он нигде не будет в полной безопасности, но за пределами Израиля у него есть хоть какой-то шанс выжить.

— И куда вы с друзьями собираетесь его переправить?

— Я с друзьями?!

— Ну да, а кто же еще?

— Вы, мой дорогой!

— Я? — переспросил Бизон.

— Господь обратился к вам через двоих свидетелей. Он заверил нас, что к нам явится избавитель. Он будет знаком с рабби, с обоими свидетелями и будет знать пророчества о Мессии. А самое главное, он будет знать Господа Христа. Выходит, это не кто иной, как вы, друг мой!

Бизон чуть не свалился за борт. Да, ему и раньше приходилось ощущать Божье покровительство и испытывать волнующее чувство служения Господу. Но никогда еще у него не было столь непосредственного и острого ощущения того, что он является слугой Божьим. Бизона охватило доходящее до стыда смирение. Внезапно он осознал, насколько он недостойный, недисциплинированный,

непоследовательный человек. И что он сделал после того, как в недавнем прошлом обрел веру, получив столь великое благословение свыше? Да, конечно, он старался проявлять послушание и поделиться истиной с другими людьми. Но все равно он наверняка не был достоин того, чтобы стать орудием Господа.

— Я должен чем-то помочь Циону, но каких именно действий вы от меня ждете?

— Сами не знаем. Мы предполагали, что вы тайно переправите его за границу.

— Это будет нелегко.

— Давайте взглянем правде в лицо, мистер Уильямс. Вам ведь было нелегко найти рабби, да? Вы чуть не добились того, чтобы вас угрохали.

— Имеете в виду, что это вы намеревались меня уgroхать?

— Я лишь надеялся, что мне не придется так поступить. Все обстоятельства были против того, что именно вы являетесь человеком, посланным спасти Циона, но я все равно молился об этом.

— Здесь где-нибудь имеется аэропорт, где мог бы сесть реактивный «леарджет»?

— Да, есть одна взлетная полоса к западу от Иерихона, возле Аль-Бираха.

— Чтобы туда попасть, нужно спуститься обратно, вниз по Иордану?

— Да, и путь туда будет, конечно, легче, чем вверх по реке. Но, знаете, ведь этот аэропорт обслуживает Иерусалим! Большинство рейсов в Израиль и из Израиля начинаются или заканчиваются в тель-авивском аэропорту Бен-Гурион, но в окрестностях Иеру-

салима воздушное сообщение тоже очень оживленное.

— Рабби наверняка входит в число наиболее узнаваемых людей в Израиле, — произнес Бизон. — Во имя всего святого, каким же образом я смогу провести его через пост таможни?

Майкл улыбнулся в темноте:

— Сверхъестественным, каким же еще?

Бизон попросил у Майкла одеяло. Лодочник достал его из отсека рядом с кормой, и тот закутался в него с головой.

— Сколько еще нам плыть? — спросил он.

— Примерно минут двадцать, — ответил Майкл.

— Мне необходимо сказать одну вещь, которая может показаться вам странной, — начал Бизон.

— Еще более странной, чем то, что случилось сегодня ночью?

Бизон ответил коротким смешком.

— Это, конечно, вряд ли. Не исключена возможность, что через вещий сон Бог дал мне указание вылететь в Америку не из Израиля, а с территории Египта.

— Как вы сказали — «не исключена возможность»?

— Ну, я еще не очень привык общаться с Богом подобным способом, поэтому не могу сказать наверняка.

— Ох, не стал бы я спорить со сном, если возникает ощущение, что он исходит от Господа, — проговорил Майкл.

— Но какой в этом смысл?

— Смысл есть, и его гораздо больше, чем в намерении тайно вывезти через международный аэропорт человека, за которым охотятся религиозные фанатики.

— Но Каир был разрушен. В какой аэропорт сейчас направляют самолеты, которые раньше прилетали туда?

— В Александрию, — ответил Майкл. — Но ведь вам все равно нужно будет как-то выбраться из Израиля.

— Найдите мне где-нибудь маленький аэродромчик, и мы сможем вылететь оттуда, не проходя таможенный контроль.

— Но как это совместить с вашими планами покинуть Ближний Восток через Египет?

— Я совершенно не представляю, что думать на сей счет. Возможно, мой сон значит только то, что мне нужно избрать какой-то маршрут, отличный от обычного.

— Ясно одно, — сказал Майкл. — В путь нужно отправляться под покровом темноты — если не сегодняшней ночью, то, значит, завтрашней.

— Сегодняшней ночью я не смог бы этого сделать, даже если бы надо мной разверзлись небеса и Бог направил свой перст в лицо мое.

Майкл улыбнулся:

— Друг мой, если бы я прошел через то же, через что прошли вы, если бы видел, что Бог откликается на мои молитвы, как Он откликался на ваши, я бы не стал искушать Его, ставя перед ним столь элементарную задачу.

— Скажем просто, что я прошу Господа дать мне еще один день для передышки.

Я должен связаться со своим пилотом, а там уж мы все вместе станем ломать головы над тем, откуда нам лучше всего вылететь в Штаты.

— Есть одна важная вещь, которую вам следует знать, — сказал Майкл.

— Всего лишь одна?

— Нет, конечно, но зато действительно очень важная. Мне кажется, доктору Бен-Иегуде не очень-то захочется бежать.

— А какой у него есть выбор?

— В том-то все и дело: возможно, он и не желает, чтобы у него был выбор. Не исключено, что после гибели жены и детей он не видит причин для того, чтобы продолжать свою деятельность и даже для того, чтобы жить дальше.

— Чепуха! Он нужен миру! Его служение не должно прекратиться.

— Меня-то в этом убеждать не надо, мистер Уильямс! Я просто говорю, что вам придется серьезно убеждать его, если вы хотите склонить его к бегству в Соединенные Штаты. Мне вообще-то кажется, что там он будет в большей безопасности, чем в любой другой стране... если для него теперь вообще возможна такая вещь, как безопасность.

— Вам в ботинки зальется меньше воды, если станете на носу и выпрыгнете из лодки, как только услышите, как днище скрежещет по песку, — объяснил Майкл. Он взял курс на восток, и суденышко помчалось к бере-

гу. Буквально за секунду до столкновения с сушей, — во всяком случае, так показалось Бизону, — лодочник выключил двигатели и вытащил их из воды. Он подскочил к Бизону и изготовился.

— Постарайтесь зашвырнуть сумку как можно дальше, а потом прыгайте вместе со мной, да следите за тем, чтобы не оказаться на пути у лодки!

Суденышко заскользило по дну реки, и Бизон честно выполнил все указания Майкла. Однако, сделав скачок, он упал на бок и покатился кувырком. Лодка прошла на волосок от него. Бизон приподнялся и сел, весь покрытый мокрым песком.

— Помогите мне, пожалуйста! — попросил Майкл.

Он ухватился за свое маленькое судно и теперь вытаскивал его на сушу. Завершив это дело, Бизон отряхнулся, с удовольствием отметил, что ботинки у него промокли не так уж сильно, и двинулся вслед за своим новым другом. Из вещей у него была одна лишь сумка, а лодочник нес только свое ружье. Зато у него было одно преимущество: он знал, куда они направляются.

— Теперь я должен вас попросить вести себя как можно тише, — прошептал Майкл, пробираясь вместе с Бизоном через невысокие кусты. — Места здесь, конечно, безлюдные, но искушать судьбу все равно не следует.

Постоянно живя в комфорте, Бизон совершенно позабыл о том, насколько это мно-

го — пять километров. Почва была влажная и неровная. Ветки били его по лицу. Он то и дело перекидывал сумку с одного плеча на другое, но так и не мог найти достаточно удобного положения. Конечно, он был в хорошей спортивной форме, но путь оказался по-настоящему трудным. Да, это вам не бег трусцой, езда на велосипеде или тренировка на беговой дорожке! Тут требовалось прокладывать себе путь по заросшему песчаному берегу, да еще неведомо куда.

Он боялся предстоящей встречи с доктором Бен-Иегудой. С одной стороны, Бизону, конечно, хотелось вновь встретиться со своим другом и братом во Христе. Но как подобрать слова, говоря с человеком, который потерял свою семью? Никакие избитые фразы, никакие соболезнования здесь не помогут. Мало кто в состоянии заплатить за свои убеждения более высокую цену, и только небо могло утешить рабби в такой горе.

Спустя полчаса они с Майклом завидели вдалеке тайное убежище. Лодочник приложил палец к губам и пригнулся к земле. Он переложил в сторону вязанку сухих веток, а затем оба они двинулись дальше. Впереди, в двадцати ярдах, посреди небольшого леса, находился вход в подземное укрытие. Заметить его мог лишь человек, заранее знающий, где оно находится.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Когда Бизон вошел в укрытие, то в первый момент его поразило отсутствие нормальных кроватей и подушек.

«Так вот что имели в виду свидетели, когда цитировали евангельский стих о том, что Сын Человеческий не имеет где голову преклонить!» — подумал Бизон.

Кроме него и лодочника, в землянке находилось еще три молодых человека, которые, судя по внешности, вполне могли оказаться братьями Майкла. Вид у них был запущенный, мрачный и какой-то отчаявшийся; укрытие оказалось настолько тесным, что им едва-едва хватало места, чтобы разместиться в нем стоя. Бизон заметил, что из тайника на уровне земли отлично видна тропа, по которой только что пришли он и Майкл. Это объясняло, почему последний никак не дал знать

о своем приближении, не подал никакого сигнала, говорящего о том, что они идут.

Бизона представили всем присутствующим, но из четверых по-английски понимал лишь Майкл. Он прищурился и огляделся, ища, где же Цион. Уильямс слышал его голос, но самого рабби не видел. Наконец в землянке зажгли тусклую электрическую лампочку. В уголке, привалившись спиной к стене, сидел человек, входящий в число 144 000 свидетелей, предсказанных в библейском пророчестве. Среди них он являлся одним из первых и уж наверняка самым знаменитым.

Рабби сидел, подтянув колени к груди и обхватив их руками. На нем была нарядная белая рубашка с закатанными рукавами и темные брюки, явно от вечернего костюма. Штанины высоко задрались на его согнутых длинных ногах, так что между носками и краями штанов виднелась голая кожа. Обуви на Цione не было.

Как же молодо он сейчас выглядел! Бизон знал его энергичным, полным сил человеком средних лет. Но сейчас, когда рабби сидел у стены, сотрясаясь от рыданий, он казался просто по-детски юным. Он не поднял глаз на вошедших и никак не дал понять, что знаком с Бизоном.

Тот шепнул, что ему хотелось бы на минутку остаться вдвоем с Ционом. Майкл со товарищи выбрались через отверстие наружу и встали у близлежащего кустарника. Оружие они, впрочем, держали наготове.

Бизон пригнулся к земле и вплотную придвинулся к доктору Бен-Иегуде.

— Цион, — сказал он, — Бог любит вас.

Он произнес эти слова — и тут же сам им удивился.

«Легко ли сейчас Циону поверить в то, что Бог его действительно любит?» — подумал Бизон. И что это его вдруг потянуло на банальности? Да вообще, какое право он имеет говорить от лица Бога?

— Что именно ты твердо знаешь? — спросил Бизон, сам не понимая, о чем идет речь.

— Я знаю, что Искупитель мой жив, — ответил Цион высоким, скрипучим голосом, который еле вырвался из сдавленного рыданиями горла. Он говорил с таким сильным еврейским акцентом, что Бизон с трудом разбирал английские слова.

— Что еще ты знаешь? — продолжал Бизон. Произнося эту фразу, он и сам столько же слушал, сколько и говорил.

— Знаю, что Тот, кто начал вершить во мне благое дело, доведет его до конца со всей стойкостью.

«Слава Господу!» — подумал Бизон.

Он осел на пол и притулился рядышком с рабби, прислонившись спиной к стене землянки. Он-то пришел, чтобы спасти рабби, оказать ему помощь. А теперь он и сам получил помощь свыше. Лишь Бог мог породить в душе человеческой столь непоколебимую уверенность в час столь великого горя.

— Ваши жена и дети были верующими...

— ...и ныне видят лик Божий, — закончил за него Цион.

Бизон беспокоился, Бизон думал: быть может, горе, столь незаслуженно свалившееся на рабби, потрясло его настолько, что в нем пошатнулась вера? А вдруг он окажется настолько слабым и хрупким, что не сумеет продолжить свое дело? Но нет, Цион, несомненно, будет скорбеть, горевать и печалиться. Но не так, как язычники, не имеющие надежды.

— Кэмерон, друг мой, — с трудом проговорил Цион, — вы привезли с собой Библию?

— Да, но только не в книжной форме, сэр. Все Писание у меня введено в компьютер.

— Я потерял не только близких.

— Что, простите?

— Я лишился библиотеки. Мои священные книги! Все сгорело! Все пропало! Больше их я в этой жизни любил только свою семью.

— Вы ничего не взяли с собой из офиса?

— Для маскировки я сделал такой смешной грим — приклеил длинные пейсы, как у ортодоксального еврея, и даже фальшивую бородку. В руках я ничего не хотел нести, чтобы не быть похожим на штатного преподавателя.

— А никто не может переправить вам книги, оставшиеся в офисе?

— Только с риском для собственной жизни. Я ведь прохожу по делу об убийстве моей семьи как главный подозреваемый.

— Но это же бред!

— Мы с вами оба это знаем, друг мой, но ведь люди верят в то, что им часто повторяют. Да и в любом случае — разве можно куда-то переслать эти книги, не наведя врагов на мой собственный след?

Бизон покопался в сумке и извлек оттуда свой ноутбук.

— Я не уверен, конечно, надолго ли хватит заряда в аккумуляторе, — сказал он и включил экран с задней подсветкой.

— А у вас, случайно, нет Ветхого Завета на еврейском? — спросил Цион.

— Нет, но такие программы вполне доступны.

— По крайней мере, сейчас, — добавил Цион, по-прежнему подавляя рыдания. — Мои последние исследования привели меня к мысли, что наша религиозная свобода будет сокращаться с пугающей скоростью.

— Что вы хотели бы посмотреть, сэр?

Бизону сначала показалось, что Цион не расслышал его вопрос. Потом он решил, что рабби уже ответил и это он сам не расслышал ответ. Компьютер заработал вовсю, и на экране появилось меню с оглавлением книг Ветхого Завета. Бизон украдкой взглянул на своего друга. Тот явно пытался что-то сказать, но слова не шли у него из горла.

— Меня иногда утешают псалмы, — произнес Бизон.

Цион кивнул, прикрывая рот ладонью. Грудь у него колыхалась, и он был больше не в силах сдерживать рыдания. Он привалился к Бизону и разразился слезами.

— Радость Господа — сила моя, — все стонал и стонал он. — Радость Господа — сила моя.

«Радость! — подумал Бизон. — Да разве она мыслима в таком месте, в такое время?» Сейчас во главе угла стояло выживание. Конечно, слово «радость» следовало сейчас понимать не в том смысле, который оно раньше имело в жизни Бизона. Он-то привык отождествлять радость и счастье. А Цион Бен-Иегуда вовсе не хотел сказать, что он счастлив. Вероятно, счастья ему уже не знать никогда. Радость, о которой шла речь, являлась глубоким неизменным покоем, уверенностью в беспредельной власти Господа. И для того чтобы его испытывать, совсем не требовалось одобрять происходящее. Достаточно было просто верить, что Бог знает, что делает.

Правда, от этого жизнь не становилась проще. Бизон прекрасно знал: прежде чем произойдет поворот к лучшему, дела в мире должны пойти еще хуже. И тот человек, у которого в настоящий момент вера не окажется тверже скалы, не укрепит в ней уже никогда. Сидя в сырой землянке, затерянной посреди неведомой глуши, он яснее, чем когда-либо раньше, осознал, что верует в единственного едиnorodного Сына

Божественного Отца. Поддерживая своего согбенного, почти сломленного брата, рыдающего на его коленях, Бизон ощутил такую же близость Господа, как и в день, когда ему впервые открылся Христос.

Цион наконец успокоился и потянулся к компьютеру. С минуту он неумело потыкал пальцами в клавиши, а потом попросил Бизона помочь.

— Вы просто выведете на экран псалмы, — сказал рабби.

Бизон так и сделал, и Цион стал прокручивать текст, двигая по нему курсором. Одну руку он держал на мышке, а другой прикрывал рот, когда вновь накатывали приступы плача.

— Попросите остальных, чтобы они присоединились к нам для молитвы, — прошептал рабби.

Спустя несколько минут шестеро мужчин уже стояли кружком на коленях. Цион кратко обратился к ним по-еврейски. Майкл тихонько переводил его слова, шепча Бизону на ухо.

— Друзья мои, братья во Христе! Хотя моя душа изранена, я должен помолиться. Я молюсь Богу Авраама, Исаака и Иакова. Хвалю Тебя, потому что Ты — единственный истинный Бог, Господь, который превыше всех иных богов. Ты восседаешь высоко на небесах, и нет другого, подобного Тебе. Ты не изменен, и нет в тебе ни следа перемен.

Тут Цион не выдержал, снова разрыдался и попросил остальных помолиться за него.

Бизону никогда раньше не приходилось слышать общей молитвы на иностранном языке. Слыша, с каким горячим пылом проносят слова молитвы эти свидетели, он невольно пал ниц. Уткнувшись лицом в ладони, Уильямс чувствовал, как земляной пол холодит ему тыльную сторону рук. Он не знал, что происходит с Ционом, но чувствовал себя так, словно заново родился, полный умиротворения. Внезапно в хор молящихся влился и голос рабби. Майкл нагнулся и прошептал Бизону на ухо:

— Если Бог за нас, кто может выстоять против нас?

Бизон не мог определить, сколько он пролежал на земле. Постепенно молитвы превратились в стенания и перешли в возгласы, которые, видимо, представляли собой еврейский эквивалент восклицаний «аминь» и «аллилуйя». Приподнявшись на полу, Бизон встал на колени, чувствуя, как ноет все его затекшее тело. Цион посмотрел на него. Лицо у рабби было по-прежнему мокрым от пролитых слез, но плакать он все-таки перестал.

— Кажется, я наконец-то смогу поспать, — произнес он.

— Вот и отлично, раз так, — обрадовался Бизон. — Сегодня ночью мы в любом случае никуда не поедem. Я должен все организовать в расчете на завтрашний вечер, на время после заката.

— Вы собирались позвонить своему другу, — напомнил Майкл.

— Вы в курсе того, который сейчас час? — спросил Бизон.

Лодочник взглянул на часы, улыбнулся, покачал головой и просто ответил:

— Ох!

— Александрия? — прокричал Кен Ритц в телефонную трубку, когда Бизон созвонился с ним на следующее утро. — Ну конечно, мне достаточно легко туда добраться. Это же большой аэропорт! Вы когда там будете?

Бизон успел искупаться и постирать сменную одежду в узеньком притоке Иордана и теперь вытирался полотенцем. Один из телохранителей Бен-Иегуды, говорящий только на иврите, хлопотал поблизости. Он уже приготовил завтрак и теперь просушивал белье и носки Цiona над маленьким костерком.

— Мы выезжаем отсюда сегодня вечером, как только небо окончательно потемнеет, — ответил Бизон. — Приплюсуйте к этому столько времени, сколько требуется, чтобы деревянная лодка с двумя забортными моторами и шестью гребцами добралась до Александрии.

Ритц рассмеялся.

— Я, кажется, говорил вам, что впервые в этих краях, — сказал он, — но в одном я твердо уверен: если вы рассчитываете добраться до Александрии по воде, не перетаскивая лодку до моря посуху, — значит, вы сами себя обманываете.

В полдень все шестеро мужчин вышли из землянки. Они были уверены, что никто не проследил за ними, когда они добирались в это глухое, труднодоступное место. А значит,

пока их не видно с воздуха, можно было немного расслабиться.

Наивность Бизона показалась Майклу далеко не такой забавной, как Кену Ритцу. Лодочнику представлялось, что в такое время мало что может вызвать у человека улыбку, а смеяться, по его мнению, было и вовсе не над чем. Он прислонился спиной к дереву.

— По всему Израилю там и тут разбросаны маленькие аэропорты, — проговорил он. — Почему вы так твердо решили, что вылететь нужно именно из Египта?

— Ну, понимаете, это все мой сон...ох, да я и сам не знаю, мне подобные вещи настолько в новинку! Я стараюсь проявлять практическую сметку, слушаться свидетелей, подчиняться указаниям Господа. А как, собственно, мне предлагается реагировать на то, что мне тогда приснилось?

— Я стал верующим не так давно, как вы, друг мой, — произнес Майкл. — Но я не дерзнул бы ослушаться сна, значение которого мне кажется настолько ясным.

— Может, оказавшись в Египте, мы получим какое-то преимущество, которого у нас не будет в Израиле, — предположил Бизон.

— Ума не приложу, в чем оно может заключаться, — ответил Майкл. — Ведь для того, чтобы легально перебраться из Израиля на египетскую территорию, вам все равно нужно будет где-то пройти через таможню.

— Насколько это реально, учитывая особенности моего гостя?

— Вы имеете в виду — особенности вашего контрабандного груза?

Майкл явно хотел пошутить, но даже тень улыбки не озарила его лицо, когда он произносил эти слова.

— Мне просто интересно, — сказал Бизон, — насколько старательно таможенники и пограничники будут искать доктора Бен-Иегуду.

— Ах, вам это интересно? А мне вот, представьте, нет. Мы либо избежим необходимости пересекать границу, либо будем ждать некоего сверхъестественного вмешательства.

— Буду рад любым вариантам, какие вы предложите, — ответил Бизон.

* * *

Рэйфорд говорил по телефону с Амандой. Она посвятила его во все подробности событий, происходящих у них в Америке.

— Мне тебя не хватает, как никогда, — признался он ей.

— Когда ты настоял, чтобы я вернулась сюда, это была совершенно правильная мысль, — сказала она. — Сейчас, когда Бизон в отлучке, а Хлоя еще не совсем здорова, я чувствую, что нужна здесь.

— Ненаглядная моя, ты и там, конечно, нужна, но я все равно считаю дни, оставшиеся до нашей встречи.

Рэйфорд рассказал жене о своем разговоре с Хэтти, о планах слетать в Штаты.

— Я тебе доверяю, Рэйфорд. Судя по ее словам, ей сейчас нелегко. Мы будем молиться за нее. Чего бы я только не дала, чтобы эта девушка получила от кого-нибудь правильные наставления!

Он согласился с Амандой.

— Ах, если бы она только смогла заехать к нам на обратном пути! Может, когда Брюс будет разбирать какую-нибудь главу из Евангелия...

Тут Рэйфорд осекся поняв, что сказал.

— Ох, Рэй...

— Слишком уж недавно все это произошло, — произнес он. — Остается лишь надеяться, что Бог пошлет нам какого-нибудь другого наставника. Хотя, конечно, второго Брюса на свете уже не будет никогда.

— О да, — согласилась Аманда. — И нам вряд ли удастся помочь Хэтти достаточно быстро, даже если она сюда приедет.

* * *

День уже клонился к вечеру, когда Бизону позвонил Кен Ритц:

— Вы по-прежнему хотите встретиться со мной в Александрии?

— Мы это как раз обсуждаем, Кен. Я вам перезвоню.

— Вы умеете водить машины с ручной коробкой передач? — спросил у него Майкл.

— Само собой.

— А если это будет древний драндулет?

— Древние драндулеты — это и есть самые занятные авто на свете!

— Только не такие древние, как мой, — заметил Майкл. — У меня есть старый школьный автобус, от которого несет рыбой и краской. Я пользуюсь им, когда занимаюсь обоими своими профессиями. Он уже дышит на ладан, но если нам удастся переправить вас к южному устью Иордана, вы, быть может, сумеете перебраться на нем через границу и попасть на Синайский полуостров. Я вам дам запас бензина и воды. Знаете, иногда эта таратайка даже пьет больше воды, чем жрет топлива!

— И насколько же велик ваш автобус?

— Совсем невелик — где-то на двадцать пассажиромест.

— Привод на четыре колеса?

— Нет, к сожалению.

— Масла ест много?

— Боюсь, что да... хотя воды на него уходит еще больше.

— А что находится там, на Синае?

— Вы разве не знаете?

— Я знаю, что там пустыня.

— Тогда вам известно все, что необходимо. Вы позавидуете двигателю моего автомобиля — он-то получит воды столько, сколько ему потребуется.

— Так что вы предлагаете?

— Я честь по чести продаю вам автобус. Вы получаете на него все документы. Если

вас остановят, нити приведут ко мне, но тут окажется, что я-то его вам продал!

— Продолжайте, продолжайте!

— Доктора Бен-Иегуду спрячем под задними сиденьями. Если вам удастся переправить его через границу на Синайский полуостров, вы доберетесь на автобусе до Эль-Ариша. Он находится менее чем в пятидесяти километрах к западу от сектора Газа, на правом берегу Средиземного моря.

— И что, вы там встретите нас на своей деревянной лодке и перевезете в Америку?

Этой фразой Бизон наконец добился-таки того, что лицо Майкла озарила бледная улыбка.

— Там есть аэродром, а египтянам вряд ли захочется ловить беглеца, который объявлен в розыск в Израиле. Если они даже сделают вид, что их волнует этот вопрос, их можно будет подкупить.

Один из телохранителей, видимо, уловил в потоке английской речи название приморского города. Бизону показалось, что он по-еврейски попросил Майкла разъяснить свой план. Парень что-то очень серьезно говорил лодочнику, после чего тот снова повернулся к Бизону:

— Мой товарищ справедливо заметил, что мы сильно рискуем. Не исключено, что Израиль назначил за поимку рабби огромную награду. Если вы не сумеете предложить египтянам цену более высокую, они, возможно, предпочтут продать Циона обратно на родину.

— А откуда я узнаю, сколько им предложить?

— Вам придется действовать наугад. Продолжайте набавлять цену, пока не сумеете ее перебить.

— А вы какую сумму предполагаете?

— Не менее миллиона долларов.

— Миллион долларов? Вы думаете, такие деньги есть у каждого американца?

— А у вас их разве нет?

— Нет! Причем даже тот, у кого они есть, не стал бы носить их с собой наличными.

— Может, у вас хоть половина найдется?

Бизон отрицательно покачал головой и пошел прочь. Он соскользнул обратно в землянку. Цион последовал за ним.

— Что вас так огорчило, друг мой? — спросил рабби.

— Мне надо вытащить вас отсюда, — признался Бизон, — а я понятия не имею, как это сделать.

— Вы молились Господу?

— Я молюсь Ему постоянно.

— Уж как-нибудь Бог проложит нам путь!

— Как раз сейчас складывается такое впечатление, что это невозможно.

— Яхве — Господь невозможного, — заявил Цион.

Наступала ночь. Бизон чувствовал себя так, словно тщательно оделся для выхода, когда идти-то и некуда. Он одолжил у Майкла карту и стал тщательно рассматривал ее,

изучая территории, расположенные к северу и к югу вдоль водных путей, отделяющих Израиль от Иордании. Эх, если бы от реки Иордан или Тивериадского озера можно было добраться до Средиземного моря по воде!

Бизон с решительным видом снова скатал карту и отдал ее Майклу.

— Вы знаете, — произнес он, размышляя, — у меня ведь есть при себе два комплекта документов. Я нахожусь в Израиле под именем Херба Катца, американского бизнесмена. Но у меня с собой и мое собственное удостоверение личности.

— И что из этого следует?

— А вот что: может, я пересеку границу как Херб Катц, а рабби — как Кэмерон Уильямс?

— Мистер Уильямс, вы забываете, что даже такие древние, пыльные страны, как наша, теперь компьютеризированы. Если вы въехали в Израиль, назвавшись Хербом Катцем, значит, в компьютере нет записи о том, что здесь находится Кэмерон Уильямс. А если его тут нет, как он сможет отсюда уехать?

— Ну ладно, давайте я пройду таможеню как Кэмерон Уильямс, а рабби — как Херб Катц. И хотя запись о моем пребывании здесь в компьютере отсутствует, я могу показать им, какого уровня у меня допуск, объяснить, насколько я близок к Карпати, и потребовать, чтобы мне не задавали никаких вопросов. Такой подход часто срабатывает.

— Какой-то ничтожный шанс на успех, конечно, имеется, но Цион Бен-Иегуда говорит не так, как американские евреи.

— Да, но...

— И он ни в малейшей степени не похож ни на вас, ни на вашу фотографию.

У Бизона просто руки опустились.

— Мы ведь согласны друг с другом в том, что его нужно вывезти отсюда, правда?

— Само собой, — ответил Майкл.

— Так что же вы предлагаете? Я уже исчерпал варианты.

Доктор Бен-Иегуда подобрался к ним поближе. Ему явно не хотелось оставаться в низенькой землянке, даже стоя.

— Майкл, — сказал он, — я даже сказать не могу, насколько я благодарен вам за самопожертвование и защиту. Мне также дороги ваше доброе отношение и ваши молитвы. Мне очень трудно перенести все, что происходит. Какая-то часть меня очень хочет умереть и вновь встретиться с женой и детьми. Лишь благодать Господня поддерживает меня сейчас. Только Он удерживает меня от желания любой ценой отомстить за их смерть. Я предвижу, что меня ожидают долгие одинокие дни и ночи, полные мрачного отчаяния. Вера моя неизменна и непоколебима, и за нее мне остается лишь благодарить Бога. Я чувствую, что мой долг — попытаться служить ему даже в горе. Не знаю, почему он мне это позволяет. Мне неведомо также, насколько долго он позволит мне проповедовать Евангелие Христово и учить ему людей. Но что-то в самой глубине души подсказывает мне: Господь не стал бы уникальным образом готовить меня на протяжении всей жизни, не дал бы мне второй шанс, не повелел бы мне провозгласить

Иисуса Мессией перед всем миром, если бы не хотел использовать меня для чего-то большего.

Я ранен в самое сердце. У меня такое ощущение, словно в груди у меня зияет огромная дыра. Я не могу даже представить себе, чтобы ее когда-нибудь что-нибудь сможет заполнить. Я молюсь о том, чтобы Бог облегчил мою боль. Я молюсь о том, чтобы меня оставили ненависть и мысли о мести. Но больше всего я молюсь о том, чтобы мне были посланы мир и вдохновение и я смог бы заново построить свою жизнь из тех обломков, которые от нее остались. Я знаю, что в этой стране моя жизнь сейчас не стоит ни гроша. Весть, которую я принес, разгневала всех, кроме верующих, и теперь, когда против меня выдвинули ложные обвинения, я должен бежать за границу. Если Николае Карпати возьмется за меня всерьез, я стану беглецом в любой стране. Но мне все равно нет смысла оставаться здесь. Я же не могу все время прятаться, мне нужна какая-то отдушина, которая позволила бы мне выполнять свою миссию!

Стоя между Ционом и Уильямсом, Майкл положил им обоим руки на плечи.

— Цион, друг мой, вы знаете, что мои товарищи и я сам рискуем всем ради того, чтобы вас защитить. Мы любим вас как духовного отца и предпочтем умереть прежде, чем нам придется увидеть вашу смерть. Разумеется, мы согласны с тем, что вы должны уехать. Иногда мне кажется так: ну отчего Богу не послать сейчас ангела своего, чтобы он умчал вас куда-нибудь за границу Израиля?

Поскольку вас терзало горе, мы не решались расспрашивать вас о том, каковы ваши собственные мысли и намерения. Но если Бог вам что-то сказал, нам необходимо это услышать, причем именно сейчас.

— Небо темнеет, и если мы не желаем прождать еще двадцать четыре часа, нам пора отправляться в дорогу. Что мы будем делать? Куда нам податься? Лично я бы охотно попробовал провести вас через таможню, прорвавшись через границу силой оружия, но мы с вами все знаем, насколько это безрассудно.

Бизон взглянул на доктора Бен-Иегуду, который просто склонил голову и снова начал молиться в слух:

— О Боже, Ты один помощь мне...

В то же мгновение Бизон задрожал, как в лихорадке, и упал на колени. Он чувствовал: Господь внушает ему мысль о том, что ответ находится у него прямо перед глазами. В душе у него эхом зазвучали фразы, которые, как ему показалось, могли исходить только от Бога:

— Я рек. Я все предуготовил. Не поддавайся колебаниям.

Бизона охватило чувство глубочайшего смирения. Одновременно его захлестнула волна вдохновенной отваги. Однако он по-прежнему не понимал, что ему следует делать! Раз Бог повелел им ехать через Египет, следовало повиноваться Ему. Но об этом ли шла сейчас речь? И что именно было предуготовлено?

Майкл и Цион теперь стояли на коленях рядом с Бизоном. Они сдвинулись вместе и

касались друг друга плечами. Никто из них не говорил ни слова. Почувствовав присутствие Духа Святого, Бизон разрыдался. Рабби и лодочника тоже сильно трясло. Вдруг Майкл произнес:

— Слава Господня будет вам стражем.

Тут в сознание Бизона хлынули слова. Ему было очень трудно выговорить их из-за переполнявших его чувств, но он все же выдал из себя:

— Ты дал мне воду живую, да не жажду более.

Что это означало? Может, Бог хотел сказать ему, что он не умрет от жажды, оказавшись в песках Синай?

Цион Бен-Иегуда ничком упал на пол со стонами и рыданиями.

— О Боже мой, Боже, Боже...

Майкл поднял лицо к небу и произнес:

— Реки, Господь, ибо слышат рабы Твои, внимают словам Господа. Имеющий уши да слышит...

Тут подхватил Цион:

— И поклялся Господь воинств, говоря: «Что Я помыслил, то грядет неминуемо, и чему Я назначил быть, то устоит».

Дух Святой обрушился на Бизона с сокрушительной силой. Внезапно тот понял, что должен сделать. Все фрагменты головоломки были налицо! И он сам, и все остальные ждали какого-то чудесного вмешательства свыше. Суть же заключалась в том, что, если Бог хочет вывести Циона Бен-Иегуду из Израиля, это случится, а если не хочет, то не случится.

Господь через сон велел Бизону избрать другой путь — через Египет. Через Майла им был обеспечен транспорт. А теперь Бог пообещал, что слава его будет для них надежным стражем.

— Аминь, — воскликнул Бизон, — и еще раз аминь! — Он встал и сказал: — Нам пора, джентльмены! Отправимся в путь.

На лице у доктора Бен-Иегуды выразилось удивление.

— Господь говорил с вами?

Бизон бросил на него ответный взгляд:

— А с вами он разве не говорил, Цион?

— О да, конечно! Я просто хотел удостовериться, что мы мыслим одинаково.

— Если у меня тоже есть право голоса, — заметил Майкл, — значит, решение принято единогласно. Давайте отправляться.

Товарищи Майкла стаскивали лодку с берега, готовясь к отплытию. Бизон закинул в нее свою сумку, а Цион забрался на борт. Когда лодочник запустил моторы и они поплыли обратно, вниз по Иордану, Бизон вручил Циону документы, на которых стояло собственное имя журналиста и красовалась его фотография. Рабби удивленно посмотрел на него:

— Я не ощутил свыше никакого повеления на то, чтобы воспользоваться этими бумагами.

— А я ощутил совершенно определенное повеление не держать их при себе, — парировал Бизон. — Я въехал в Израиль как Херб Катц, значит, и покинуть его должен как Херб

Катц. Я попрошу вас вернуть мне эти бумаги, когда мы окажемся на Синае.

— До чего же все это волнующе, правда? — сказал Цион. — Мы уверенно рассуждаем о том, что сделаем, когда будем на Синае, абсолютно не представляя, как нам туда пробраться.

Переложив управление лодкой на одного из своих друзей, Майкл подсел к Бизону и Циону.

— У рабби есть немного наличных, несколько кредитных карточек и его собственные документы. Если их при нем найдут, его арестуют и, вероятно, казнят. Следует ли нам хранить для него эти бумаги?

Цион вытащил свой бумажник, открыл в него и при свете луны стал исследовать его содержимое. Вынув банкноты, он сложил их пополам и засунул к себе в карман. Кредитки же он начал одну за другой выбрасывать в Иордан. Со стороны это походило на детскую игру. В воду полетело практически все содержимое бумажника — различные удостоверения, всевозможные документы, скопившиеся у рабби за много лет. Затем он вытащил маленький чехольчик для фотографий и замер, хватая ртом воздух. Повернув фотографии так, чтобы на них упал лунный свет, он заплакал, не скрывая слез.

— Майкл, я должен вас попросить, чтобы вы со временем переслали их мне.

— Непременно.

Старый бумажник Цион тоже закинул в воду.

— А теперь, — сказал Майкл, — мне кажется, вам пора вернуть мистеру Уильямсу его документы.

Цион полез за ними в карман.

— Погодите минутку, — остановил его Бизон. — Мы разве не попытаемся раздобыть для рабби какое-нибудь поддельное удостоверение личности, если уж он не будет пользоваться моим?

— Вообще-то, — вздохнул Цион, — Майкл, кажется, верно сказал. Я — человек, который лишился всего, включая собственную личность.

Бизон взял свое удостоверение и начал копаться у себя в сумке, подыскивая, куда бы его там спрятать.

— Ерундой вы занимаетесь, — заметил Майкл. — Ни на теле, ни среди вещей у вас не останется такого места, которое в случае чего не обыщут и не найдут спрятанный там лишний комплект документов.

— Ну хорошо, — сказал Бизон. — Тогда я их тоже отправлю прямо в реку.

Майкл протянул к нему руку.

— Мне все равно не суждена долгая жизнь, брат, — сказал он. — То, что мне дано было стать одним из свидетелей, предсказанных в Писании, — это для меня великая честь и благодать. Однако мне назначено проповедовать в Израиле, где истинного Мессию ненавидят. Мои дни все равно сочтены, и тут уже не важно, поймают меня с вашими бумагами или нет.

Бизон поблагодарил его и покачал головой:

— Тем не менее я никак не пойму, каким образом мы переправим Циона за границу, не имея на него хоть каких-нибудь документов — подлинных или поддельных.

— Мы ведь уже молились об этом Господу, — ответил Цион. — Я тоже не знаю, каким образом Бог собирается это сделать. Я просто знаю, что такое намерение у Него есть.

Практичность и находчивость Бизона вступили в противоречие с его верой.

— Но разве мы, по крайней мере, не должны сделать все, что зависит от нас?

— А что от нас зависит, Кэмерон? — спросил у него рабби. — Сейчас, когда у нас исчерпались и мысли, и планы, и варианты выбора, остается надеяться лишь на Бога.

Бизон поджал губы и отвернулся. Он хотел бы обладать такой же твердой верой, как у рабби. Но рваться вперед, очертя голову и рискуя тем, что пограничники дознаются, кто такой Цион, — это все-таки выглядело совершеннейшим безумием!

* * *

— Извини, пожалуйста, что я звоню так поздно, — произнесла Хлоя. — Но, папа, я попыталась дозвониться Бизону на мобильный...

— Я бы на твоем месте не стал так беспокоился, милая. Ты же знаешь: он всегда находит способ улизнуть от опасности, ловко вильнув хвостом.

— Ох, папа! На самом деле он каждый раз находит способ навлечь на свою голову кучу проблем. Я знаю, что в гостинице «Царь Давид» он жил под вымышленным именем, и меня сейчас так и тянет позвонить туда. Но он обещал мне, что там его не будет всю ночь.

— Тогда я бы на твоём месте лучше подождал, Хлоя. Ты знаешь, что Бизона мало волнует, что на дворе — ночь или день. Если сбор материалов для статьи или какая-нибудь проделка должны занять у него целую ночь — значит, целую ночь они и займут.

— Спасибо, ты меня очень утешил.

— Стараюсь!

— Но я все равно не пойму, почему он не носит с собой мобильный постоянно. Ты ведь свой телефон держишь в кармане, правда?

— Обычно да. Но его аппарат может просто лежать в сумке.

— Значит, если сумка осталась в отеле, а сам Бизон где-то разгуливает, то я в пролете?

— Боюсь, что так, кисуля.

— Как бы мне хотелось, чтобы Бизон взял телефон с собой, даже если он оставил сумку!

— Постарайся взять себя в руки и не волноваться. Бизон обязательно найдется, уж ты мне поверь.

* * *

Когда лодка причалила к берегу в устье Иордана, Майкл и его товарищи окинули взглядами горизонт, а затем с небрежным

видом подошли к его крохотному автомобильчику и с трудом погрузились в него. Лодочник привез их к своему дому. Маленькая пристройка возле него служила гаражом. Она, однако, была слишком тесна для автобуса, который стоял позади скромного строения, как бы подавляя все вокруг своими размерами.

В доме зажегся свет. Заплакал младенец. Жена Майкла выбежала ему навстречу, одетая в халат, и порывисто обняла мужа. Она стала что-то торопливо говорить ему по-еврейски. Тот бросил извиняющийся взгляд на Бизона.

— Наверное, мне надо чаще выходить на связь с близкими, — сказал лодочник, пожимая плечами.

Бизон похлопал себя по карману, пытаясь нащупать телефон. Его там не было. Тогда он покопался в сумке и нашел аппарат. Ему самому ведь тоже следовало бы почаще выходить на связь с Хлоей, но сейчас все же важнее было связаться с Кеном Ритцем.

Пока Бизон говорил по телефону, он не переставал следить за всем, что происходило вокруг. Майкл с друзьями молча взялись за работу. В двигатель и радиатор старого, дребезжащего школьного автобуса залили масло и воду. Один из мужчин наполнил бензобак бензином из канистр, сложенных возле боковой стены дома. Жена Майкла принесла стопку одеял и корзину одежды для Циона.

Бизон закончил разговор с Ритцем, который согласился встретить их в

Эль-Арише на Синае, и направился к автобусу. По дороге туда Бизону нужно было разминуться с женой Майкла. Она остановилась, застенчиво глядя на него. Он тоже замедлил шаг. Он догадывался, что женщина не понимает по-английски, но ему все равно хотелось как-то выразить ей свою признательность

— Вы по-английски говорите? — спросил Бизон. В ответ она на мгновение прикрыла глаза и отрицательно покачала головой — Я, это... просто хотел вас поблагодарить, — произнес он. — Ну, в общем, спасибо вам за все, вот.

Бизон протянул к ней руки, а потом сложил ладони под подбородком, надеясь, что она поймет его жест.

Жена Майкла была совсем маленькой, хрупкой и темноглазой. В выражении ее лица и глаз читались печаль и страх. Казалось, она осознает, что находится на стороне добра, но знает, что дни ее сочтены. Ее мужа вскоре должны были разоблачить, и ждать этого оставалось уже недолго. Ведь он не только признал истинного Мессию, но и взял под свою защиту государственного преступника! Бизон чувствовал, что жена лодочника наверняка задается вопросом: скоро ли наступит день, когда сама она погибнет вместе с детьми, подобно семье Циона Бен-Иегуды, а Майкл отдаст жизнь во имя своего дела? И от того, что дело это было славным и достойным, ожидание, вероятно, не становилось менее мучительным.

Обычаи, принятые в местной среде, не позволяли прикасаться к постороннему человеку. Поэтому Бизон вздрогнул от удивления, когда жена Майкла подошла к нему. До ее лица оставалось всего два фута. Женщина заглянула ему в глаза, затем сказала что-то по-еврейски. Бизон разобрал всего два слова: «Йешуа Хамашиах».

Когда он, не прощаясь, скользнул в темноту и добрался до автобуса, Цион уже успел улечься под задними сиденьями. Запасы еды, воды, масла и бензина тоже были на месте.

К машине подошел Майкл, а следом за ним шли трое его друзей. Лодочник обнял Бизона и расцеловал его в обе щеки.

— Иди с Богом, — сказал он, передавая ему документы на автобус.

Бизон обменялся рукопожатиями и с ним, и с остальными. Те ничего не сказали ему на прощание, зная, что он все равно их не поймет.

Бизон забрался в кабину, захлопнул дверь и поудобнее устроился в скрипучем кресле водителя. Майкл снаружи сделал ему знак опустить стекло в окне.

— Дави его, дави! — сказал лодочник.

— Что давить? — спросил Бизон.

— Да дроссель, что же еще!

Бизон нажал на педаль и отпустил ее, поворачивая ключ зажигания. Двигатель взревел. Майкл поднял обе руки, как бы призывая Бизона сохранять спокойствие. Через несколько секунд старый драндулет

запрыгал, затрясся, закачался и рванул вперед. Он словно радовался тому, что вырвался из окружения низеньких, маленьких лачужек и оказался на открытой дороге. Теперь Бизону оставалось просто следовать указаниям, полученным от Майкла, и добраться до границы, а там положиться на Бога. Его охватило необыкновенное ощущение свободы, вызванное уже тем, что он снова сидел за рулем и вел машину, пусть даже такую развальноху. Для него снова началось путешествие, которое куда-нибудь да должно было привести. На рассвете он мог оказаться где угодно: под арестом, в тюрьме, в пустыне, в воздухе или на небесах.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Очень скоро Бизон понял, что имел в виду Майкл, когда говорил, что нужно «давить» или «душить» дроссель. Каждый раз, когда Бизон переключал передачу, мотор почти глохнул. Когда дело доходило до полной остановки, водитель должен был держать левую ногу на сцеплении, правую пятку — на тормозе и чрезвычайно осторожно работать мыском правой ступни.

Вместе с бумагами, обеспечивавшими права на эту древнюю развалюху, Майкл вручил Бизону и грубую, приблизительную карту местности.

— Египетско-израильскую границу можно пересечь на автомобиле в четырех разных местах, — сказал на прощание лодочник. — Два наиболее доступных находятся в окрестностях Рафаха, что в секторе Газа. Но там всегда курсирует много патрулей.

Вам лучше взять курс на юг и ехать прямо от Иерусалима через Хеврон в сторону Беершебы. Я бы посоветовал ехать от Беершебы на юго-восток, хотя так придется сделать небольшой крюк. Когда проедете две трети пути от Беершебы до Иерихона, увидите ответвление шоссе, ведущее на юг. По нему вы доберетесь до северного края пустыни Негев. Оттуда уже меньше пятидесяти километров до границы. Когда вы подъедете к ней ближе, чем на десять километров, можно будет либо развернуться на северо-запад, либо ехать по-прежнему прямо на запад. Ума не приложу, в каком месте будет легче пробраться через границу. Я бы рекомендовал выбрать южный отрезок, потому что так вы сможете ехать по северо-западному маршруту, который приведет вас напрямик в Эль-Ариш. Если выберете северный переход, вам придется вернуться на главную дорогу, соединяющую Рафиях и Эль-Ариш, которая лучше всего охраняется и где движение самое оживленное.

Другой информации Бизону и не требовалось. Он выбрал для себя самый южный пункт перехода и молился теперь лишь о том, чтобы автобус никто не остановил, пока они не доберутся до границы.

Пока громыхающий автобус не отъехал от Иерусалима достаточно далеко, доктор Бен-Иегуда, не высовываясь, лежал на полу под сиденьями. Только почувствовав себя в безопасности, Цион поднялся на ноги и подсел к Бизону.

— Вы устали? — спросил он. — Может, я поведу машину, а вы отдохнете?

— Вы что, шутите?

— Пройдет не один месяц, прежде чем я смогу над чем-нибудь шутить, — грустно ответил Цион.

— Но не всерьез же вы говорите о том, что хотите сесть за руль, правда? А если нас остановят? Что нам тогда с вами делать — местами поменяться?

— Да я же просто предложил...

— Большое спасибо, но это исключено. Я себя отлично чувствую, и отдохнул я прекрасно. Кроме того, я до смерти напуган. Это тоже придает бодрости.

Бизон резко повернул автобус, и Цион по инерции качнулся вперед. Уцепившись за металлический шест рядом с креслом шофера, он крутанулся вокруг него и врезался в Бизона, толкнув его влево.

— Я же сказал вам, Цион: я не сплю! Вы постоянно пытаетесь как-то встряхнуть меня, разбудить, а в этом нет никакой необходимости.

И Бизон взглянул на рабби, чтобы определить, удалось ли вызвать у него улыбку. Оказалось, что Цион старается вести себя вежливо. После многословных извинений он уселся позади Бизона. Уцепившись за решетку, отделяющую место водителя от переднего пассажирского сиденья, рабби склонил голову и положил подбородок на руки.

— Скажите мне, когда нужно будет снова нырнуть под сиденья.

— Когда я пойму, что это пора сделать, вас уже наверняка заметят.

— Мне кажется, я не смогу долго ехать, лежа на полу, — признался Бен-Иегуда. — Давайте просто оба будем настороже.

Ох, как трудно было Бизону заставить старую развалюху ехать больше семидесяти километров в час! Он опасался, что путь до границы займет у них всю ночь. Впрочем, возможно, это было бы и к лучшему. Чем позднее час и чем темнее вокруг, тем лучше! Автобус катился по дороге, а Бизон следил за колеей и старался не сделать ничего такого, что могло бы привлечь к ним внимание. Глянув в зеркало заднего вида, он заметил, что Цион обмяк и прикорнул в кресле, повернувшись на бок. Бизону почудилось, что рабби произнес какие-то слова.

— Простите, вы, кажется, что-то сказали? — переспросил он.

— Извините меня, Кэмерон. Я просто молился.

Чуть позднее Бизон услышал, что рабби поет, еще позднее — что плачет.

Было уже за полночь. Бизон сверился с картой и отметил про себя, что они проезжают сейчас через Хайхеул — маленький городок, расположенный чуть севернее Хеврона.

— На улицах Хеврона в это время суток могут оказаться туристы? — спросил Бизон.

Цион наклонился вперед:

— Нет. Но все равно это людные места. Я буду на чеку. Кэмерон, есть одна вещь, о которой я хотел бы с вами поговорить.

— Я готов поговорить о чем угодно.

— Мне хотелось бы, чтобы вы знали: я глубоко благодарен вам за то, что вы потратили свое время и рискнули жизнью ради того, чтобы найти меня.

— Всякий нормальный друг сделал бы для вас ничуть не меньше, Цион. Я почувствовал глубокую духовную связь с вами с того самого дня, когда вы в первый раз взяли меня к Стене Плача. А потом нам еще пришлось вместе бежать после той телепередачи...

— Да, это правда, мы прошли через совершенно невероятные испытания, — согласился Цион. — Именно поэтому я понимал: если доктор Розенцвейг подскажет вам нужное направление, укажет на свидетелей у Стены Плача, то вы меня отыщете. Я не рискнул открыть ему сведения о том, где я нахожусь. Даже мой шофер знал только то, что было необходимо, чтобы доставить меня в Иерихон, к Майклу и другим братьям. Все, произошедшее с моей семьей настолько потрясло моего водителя, что он обливался слезами. Мы с ним были рядом много лет подряд. Майкл пообещал держать его в курсе дел, но я предпочел бы сам позвонить ему. Может быть, после перехода границы я смогу воспользоваться вашим мобильным, который защищен от прослушивания.

Бизон не мог подобрать слов. Он лучше Майкла знал, что Циона ждут новые дурные

вести, и спрашивал себя: отчего именно он должен принести их рабби? Но доктор Бен-Иегуда, с его тонкой интуицией, сразу же заподозрил, что Бизон что-то скрывает.

— Что с вами? — спросил Цион. — Вы полагаете, сейчас уже поздно ему звонить?

— Да, сейчас действительно поздно, — ответил Бизон.

— Но, будь он на моем месте, я был бы счастлив получить от него весточку в любое время дня или ночи.

— Я уверен, что он... э-э-э... испытывает такие же чувства.

Бизон бросил взгляд в зеркало заднего вида, и Цион уставился на своего спутника; казалось, он начал о чем-то догадываться.

— Не позвонить ли ему прямо сейчас? — спросил он. — Можно воспользоваться вашим телефоном?

— Цион, все, что у меня есть, в вашем распоряжении. Вы это знаете. Но я не стал бы звонить ему сейчас, нет-нет, не стал бы.

Услышав ответ Циона, Бизон понял, что тот все понял. Голос его звучал глухо, в нем отдавалась боль, которой предстояло мучить его до конца жизни.

— Кэмерон, моего шофера звали Хаим. Он работал у меня с тех пор, как я начал преподавать в университете. Он не был образованным человеком, зато очень хорошо разбирался в мирских делах. Мы много говорили с ним о моих открытиях. Кроме моих учеников, лишь он и моя жена знали, что я собирался сказать во время той телепередачи. Он был

близок к тому, чтобы уверовать, Кэмерон. Так близок!.. Но его больше нет с нами, да?

Бизон собирался просто покачать головой, но не смог этого сделать. Он нашел себе другое занятие — стал высматривать дорожные знаки, говорящие о том, что они подъезжают к Хеврону. Однако рабби, разумеется, не собирался прекращать разговор.

— Кэмерон, мы с вами слишком близкие люди, и мы вместе прошли через слишком тяжкие испытания, чтобы вы сейчас могли держать от меня что-то в секрете. Вам ведь явно сказали, что случилось с Хаимом. Вы должны понять: горе мое столь велико, что уже не возрастет, даже если я услышу новые дурные вести, и не уменьшится, если я не услышу их. Мы, те, кто верует в Христа, никогда не должны бояться правды, какой бы горькой она ни была.

— Хаим мертв, — сказал Бизон.

Цион склонил голову.

— Он столько раз слышал мои проповеди. Он был знаком с Евангелием. Иногда я на него даже давил. Он на меня не обижался — знал ведь, что я к нему привязан, забочусь о нем. Мне сейчас остается только молиться и надеяться, что после того, как он доставил меня к Майклу, ему хватило времени увидеться со своей семьей. Скажите мне, как все произошло?

— В машину подложили бомбу.

— Что ж, значит, он умер мгновенно, — заключил рабби. — Может, он даже и не

понял, что именно с ним случилось. Наверное, он не мучился.

— Цион, я вам так сочувствую! Майкл думал, что вы не сможете перенести это известие.

— Он меня недооценивает, но я благодарен ему за заботу. Я тревожусь обо всех, кто со мною как-то связан. Если покажется, что человек может хоть что-то знать о моем местонахождении, он может пострадать, и выход для него лишь один — бегство. И подобных людей так много! Я никогда себе не прощу, если все они заплатят столь высокую цену за то, что были просто со мной знакомы. Откровенно говоря, меня беспокоит судьба Хаима Розенцвейга.

— В данный момент я не стал бы так уж переживать из-за него, — ответил Бизон — Он по-прежнему тесно связан с Карпати. Как ни смешно, но пока это служит ему защитой.

Бизон осторожно проехал через Хеврон. Всю дорогу до Беершебы они молчали. В предутренние часы, когда они находились примерно на десять километров южнее Беершебы, Бизон обратил внимание на приборы. Показания масляного манометра были еще в норме, но перегреть мотор Бизону хотелось меньше всего.

— Цион, я сейчас должен подлить воды в радиатор, — сказал он. Рабби не ответил; он, казалось, дремал.

Бизон съехал с дороги далеко на обочину, покрытую гравием, нашел тряпку и вылез из кабины. Подняв и откинув капот, журналист

осторожно открыл крышку радиатора. От него уже всюду валил пар, но Уильямс все-таки успел вовремя вылить туда пару литров воды.

Во время возни с машиной Бизон заметил, что за ним медленно следует автомобиль миротворческих сил Мирового Сообщества. Он сделал глубокий вдох и постарался напустить на себя самый обычный и невозмутимый вид.

Он вытер руки и бросил тряпицу в канистру с водой, отметив про себя, что полицейская машина опередила автобус где-то футов на сто и теперь медленно дала задний ход. Стараясь не выглядеть подозрительно, Бизон закинул канистру в автобус и вернулся закрыть капот. Но не успел он это сделать, как в глаза ему ударил свет фар. Бизон услышал, как миротворец что-то сказал по-еврейски в мегафон.

Бизон поднял вверх обе руки и закричал:
— Говорите по-английски!

Миротворец с сильным акцентом рявкнул:

— Пожалуйста, не садитесь в машину, оставайтесь снаружи!

Бизон повернулся было, чтобы опустить капот, но полицейский снова окрикнул его:

— Не двигайтесь с места!

Бизон пожал плечами и застыл в неуклюжей позе, свесив руки по бокам. Офицер что-то говорил в передатчик. В конце концов молодой человек вышел из машины.

— Доброго вечера вам, сэр, — произнес он.

— Спасибо, — ответил Бизон. — У меня просто двигатель малость перегрелся, и больше ничего.

Офицер был смуглым и стройным. На нем красовалась кричаще-яркая униформа Мирового Сообщества. Бизон искренне пожалел о том, что при нем нет собственного паспорта и других документов. Ничто не обращало сотрудников Мирового Сообщества в бегство быстрее, чем допуск уровня 2-А, который был у Бизона.

— Вы один? — спросил полицейский.

— Меня зовут Херб Катц, — сообщил Бизон.

— Я спросил, вы один или нет?

— Я — американский бизнесмен, здесь нахожусь по своим делам.

— Ваши документы, будьте добры.

Бизон вытащил бумажник и свой поддельный паспорт. Молодой человек принялся изучать их при свете фонарика, потом посветил ему в лицо. Бизону показалось, что в этом не было никакой необходимости; яркий луч почти ослепил его, но он предпочел промолчать.

— Мистер Катц, вы можете мне сказать, откуда вы взяли эту машину?

— Я купил ее сегодня вечером. Как раз незадолго до полуночи.

— А у кого вы ее купили?

— У меня на руках документы. Мне самому это имя не выговорить. Я — американец.

— Сэр, судя по номерам, машина принадлежала жителю Иерихона.

Продолжая строить из себя дурачка, Бизон произнес:

— Ну да, так и есть! Я ее купил именно там, в Иерихоне.

— И вы утверждаете, что приобрели ее незадолго до полуночи?

— Да, сэр.

— Вы знаете, что в этой стране проводится полицейская операция?

— Да что вы говорите! — воскликнул Бизон.

— Как выяснилось, владелец этого автобуса как раз около часа назад был задержан в связи с тем, что оказывал помощь и поддержку лицу, подозреваемому в убийстве.

— Да неужели? — удивился Бизон. — А я с ним еще по реке на лодке сплавал. Он ведь проводит лодочные туры по реке. Я сказал ему, что мне нужна машина, чтобы проехать из Израиля в Египет, а оттуда вылететь домой, в Америку. Он сказал, что у него, дескать, как раз имеется один драндулет — вот этот самый.

Полицейский двинулся к автобусу.

— Мне нужно посмотреть документы на ваше транспортное средство, — сказал он.

— Я их вам сейчас достану, — проговорил Бизон, забегая вперед перед ним и запрыгивая в автобус. Он сгреб все бумаги и спустился по ступенькам, размахивая ими. Офицер попятился и снова оказался в лучах фар своей собственной машины.

— Бумаги вроде бы в порядке, но уж слишком подозрительно, что вы купили автобус всего за несколько часов до ареста его прежнего владельца.

— Не понимаю, каким образом моя покупка связана с тем, что этот парень натворил, — развел руками Бизон.

— У нас есть основания полагать, что человек, продавший вам это транспортное средство, давал приют убийце. У него обнаружили документы подозреваемого, а также удостоверение личности одного американца. Нам потребуется совсем немного времени, чтобы заставить его рассказать, где он прятал предполагаемого преступника. — Тут полицейский глянул в свои собственные записи. — А вы знакомы с американским гражданином по имени Кэмерон Уильямс?

— Что-то не помню, чтобы у меня был друг с похожим именем. Я сам-то из Чикаго!

— И вы сегодня вылетаете на родину через Египет?

— Совершенно верно.

— Но почему?

— Почему? — переспросил Бизон.

— С какой стати вам лететь именно из Египта? Отчего не из Иерусалима или Тель-Авива?

— Сегодня ночью оттуда нет рейсов, а я хочу побыстрее попасть домой. Я зафрахтовал самолет.

— Но отчего вы просто не наняли машину, чтобы добраться до Египта?

— Если вы повнимательнее прочтете документы на покупку машины и счет, то поймете: я заплатил за этот драндулет меньше, чем с меня содрал бы таксист.

— Один момент, сэр! — с этими словами полицейский вернулся к своей машине и несколько минут просидел там, говоря с кем-то по рации.

Вскоре он вновь вынырнул наружу.

— Значит, вы утверждаете, что никогда не слышали о Кэмероне Уильямсе. В данный момент мы выясняем, не сделал ли вас продавец автобуса частью своего преступного плана.

— Преступного плана? — переспросил Бизон.

— Нам не потребуется много времени, чтобы выяснить, где он спрятал подозреваемого. Сказать нам всю правду — в его же собственных интересах! В конце концов, у него жена и дети...

Тут Бизон в первый раз в своей жизни испытал искушение убить человека. Журналист понимал, что полицейский — всего лишь пешка в великой вселенской игре, в войне между добром и злом. Однако он играл на стороне зла. Интересно, оправдало бы небо такое убийство или нет? Ведь Майкл чувствовал себя оправданным, убив людей, которые собирались убить Циона? Полицейский прислушался к кваканью, доносящемуся из рации, и поспешил обратно к своей машине. Через секунду он вернулся к Бизону.

— Наши методы сработали, — заявил он. — Мы вырвали у него сведения о том, где

находится укрытие. Это где-то между Иерихоном и Тивериадским озером, в стороне от берега Иордана. Однако под угрозой пытки и даже смерти арестованный продолжает клясться, что вы сами — всего лишь пассажир, которому он продал свое транспортное средство.

Бизон облегченно вздохнул. То, что он и Майкл сообщили полицейским одинаковые версии, могло показаться кому-то простым совпадением. Но в глазах самого Бизона это было чудо, подобное тому, что он видел возле Стены Плача.

— Тем не менее, — продолжал офицер, — в целях безопасности меня попросили обыскать ваш автобус, чтобы убедиться, нет ли в нем каких-либо следов беглеца.

— Но вы говорили...

— Не бойтесь, сэр. Вы вне подозрений. Но может быть, вас использовали, чтобы вывезти из страны какие-либо свидетельства преступления без вашего ведома. Нам нужно просто проверить автомашину на предмет улик, которые могут вывести нас на подозреваемого. Буду крайне благодарен, если вы постоите в сторонке, пока я буду производить обыск.

— А разве вам не требуется для этого ордер, мое разрешение или еще что-нибудь?

Полицейский повернулся к Бизону, и вид у стража порядка был уже угрожающий.

— Сэр, вы были очень любезны и оказали нам посильную помощь. Но только, по-

жалуйста, не совершайте ошибку: не думайте, что перед вами представитель местных правоохранительных органов. Взгляните на мой автомобиль, на мою форму и убедитесь, что я представляю силы Мирового Сообщества. На нас не распространяются никакие правила и конвенции. Я могу конфисковать ваш автомобиль, и мне для этого не потребуется даже ваша подпись. А теперь стойте и ждите здесь.

В голове у Бизона пронесся целый вихрь мыслей. Может, попробовать разоружить полицейского и уехать на его машине вместе с Ционом? Он знал, что этот план нелеп, но бездействие было настолько мучительно! А что Цион — кинется ли он на офицера, попытается ли его убить? Бизон прислушивался к шагам офицера, который медленно проследовал в заднюю часть автобуса, а потом снова в переднюю. По окнам скакал луч его фонарика.

Полицейский вернулся к Бизону:

— Вы чего вообще от нас ожидали? Вы что, думали, я вам позволю удрать с этой штукой? Вы рассчитывали, что я разрешу вам перегнать вашу развалюху через границу в Египет, где вы просто ее бросите? Вы, наверное, собирались оставить свой автобус в аэропорту, чтобы утилизацией пришлось заниматься местным властям?

Бизон был совершенно ошарашен. Так вот что волновало полицейского! Но разве он не увидел в автобусе Циона Бен-Иегуду?

А может, Бог сверхъестественным образом лишил миротворца зрения?

— Я... ну, м-м-м... действительно об этом думал. Да, я понимал, что там есть много мест-ных, которые стараются заработать на туристах — помогают им довести до места багаж и всякое такое... И я, в общем, решил, что им очень захочется занять такой вот автобус.

— Вы, наверное, очень состоятельный американец, сэр. Я понимаю, что вашему автобусу цена невелика. Но ведь для мелкого египетского торговца это все равно весьма значительная сумма, разве не так?

— Можете сказать, что я просто не умею считать деньги, — рассмеялся Бизон.

— Благодарю за содействие, мистер Катц.

— Всегда к вашим услугам. И спасибо вам.

Полицейский снова забрался в свою машину и поехал в сторону Беершебы. У Бизона подгибались колени и тряслись пальцы. Он захлопнул крышку капота и прислонился к автобусу сбоку.

— Цион, во имя всего святого, как вам это удалось? Цион! Это я! Теперь можете выходить, где бы вы ни спрятались. Цион, да где же вы?

Бизон встал на сиденье и осмотрел багажные полки. Никого! Он лег на пол и заглянул под сиденья. Ничего, кроме его собственной сумки, стопки сложенной одежды, запаса еды, воды, масла и бензина. Если бы Бизон не понимал всю суть ситуации, он мог бы подумать, что Цион Бен-Иегуда вознесся на небо вслед за другими верующими.

Но что же теперь делать? Пока Бизон разговаривал с миротворцем, мимо не проезжало никаких машин. Может, рискнуть и покричать прямо в темноту? Но когда именно Цион вышел из автобуса? Не желая привлечь внимание случайных людей, которые могли оказаться поблизости, Бизон просто забрался обратно в автобус, запустил двигатель и съехал вниз по обочине. Примерно через двести ярдов он попытался сделать разворот, но оказалось, что вместо этого придется выполнить слишком сложный маневр. Бизон съехал с другой обочины, поднимая за собой облака пыли, освещенные красным светом задних фар.

— Ну, Цион, появитесь! Не собираетесь же вы пройти весь путь до Египта пешком!

Бизону показалось, что он слышит гудок. Он проехал еще пару сотен ярдов на север, затем вновь развернулся. На сей раз свет фар выхватил из тьмы маленькую фигурку его друга, который выглянул вдалеке из небольшой рощицы и несмело, как бы таясь, махал ему рукой. Бизон медленно подъехал к нему и открыл дверь автобуса. Цион Бен-Иегуда запрыгнул внутрь и улегся на пол рядом с Бизоном. Рабби тяжело дышал.

— Если вас когда-нибудь интересовало, что имеется в виду, когда говорят «Пути Господни неисповедимы», — сказал Цион, — то ответ перед вами.

— Ради всего святого, что стряслось? — спросил у него Бизон. — Я-то уже подумал, что все кончено.

— Я тоже! — ответил Цион. — Я вздремнул и практически не осознавал, что вы что-то делаете с мотором. Когда вы открыли капот, я вдруг понял, что мне необходимо облегчиться. Пока я мочился, вы как раз лили воду в двигатель. Я стоял примерно в пятнадцати футах от дороги, когда подъехала полицейская машина. Я не знал, что вы делаете, но понял: в автобусе мне сейчас быть нельзя. Вот я и пошел сюда, молясь о том, чтобы вы нашли какой-нибудь способ выпутаться из сложного положения.

— Вы слышали мой разговор с полицейским?

— Нет. О чем шла речь?

— Вы не поверите, Цион! — И пока они ехали в сторону границы, Бизон рассказал другу обо всем, что произошло.

Пока старый автобус катился в темноте, Цион вроде бы расхрабрился. Он расположился на переднем сиденье, позади Бизона. Он не прятался, не старался пригнаться. Он только наклонялся вперед и серьезным тоном говорил Бизону на ухо слабым, дрожащим голосом:

— Кэмерон, я начинаю сходить с ума, когда начинаю думать о том, кто позаботится о погребении моей семьи.

Бизон нерешительно промолвил:

— Не знаю, как сформулировать вопрос, сэр... но что обычно делают в подобных случаях? Я имею в виду, когда нечто похожее совершает какая-нибудь псевдоофициальная группировка.

— Вот это меня и беспокоит. Ведь никто никогда не видит, что происходит с телами. Хоронят ли их? Сжигают ли их? Я не знаю. Но уже одна мысль об этом меня уже страшно тревожит.

— Цион, я далек от того, чтобы давать вам какие-то духовные советы. Вы сами — человек слова и глубокой веры...

Рабби перебил его:

— Не говорите чепухи, мой молодой друг! Если вы не ученый, это еще не значит, что ваша вера является менее зрелой. Ведь вы обрели ее раньше, чем я!

— И все же я не знаю, что еще я могу подсказать человеку, если у него произошла такая страшная личная трагедия. Если бы мне пришлось пережить несчастье, хоть немного сопоставимое с вашим, я бы не смог проявить даже доли той стойкости, которую проявляете вы.

— Кэмерон, не забывайте, что я полностью отдался своим эмоциям. Случившееся потрясло все мое существо, в этом нет сомнений. Сейчас наступают худшие дни моей жизни.

— Откровенно говоря, Цион, я боялся, что именно это с вами и случится. Но вы хотя бы способны плакать... Слезы могут принести огромное облегчение. Мне становится страшно за людей, которые сталкиваются с тяжкими переживаниями и при этом не могут выплакаться.

В ответ Цион промолчал, откинувшись на спинку кресла. Бизон мысленно молился за

него. Наконец рабби снова наклонился вперед.

— Слезы — это наследство, полученное мною от предков, — произнес он. — Целые столетия, полные слез.

— Мне хотелось бы сделать для вас что-то конкретное, осязаемое, осязаемое, — сказал Бизон.

— Осязаемое? Осязаемое? Что может быть еще более осязаемым? Вы вдохнули в меня такую бодрость, что я даже не могу вам это описать... Кто на вашем месте мог бы сделать такое для человека, с которым едва знаком?

— Мне кажется, я знаю вас уже целую вечность.

— И Бог наделил вас удивительными возможностями, которыми не располагают даже самые близкие мои друзья.

Тут Цион, казалось, глубоко задумался. В конце концов он сказал:

— Кэмерон, вы можете сделать нечто такое, что меня несколько утешит.

— Все, что вам угодно.

— Расскажите мне о той маленькой общине верующих, которую вы посещаете в Америке. Как вы их называете? «Сокровенная группа», если не ошибаюсь?

— Отряд Скорби.

— Замечательно! Я люблю слушать такие истории. Я побывал в разных концах света. Я проповедовал там, надеясь, что стану орудием, с помощью которого Бог обра-

тит 144 000 иудеев — своих грядущих свидетелей, появление которых было предсказано в Писании. И повсюду, куда бы я ни приехал, я слышал удивительные рассказы о тайных встречах и прочих подобных вещах. Расскажите мне о вашем Отряде Скорби!

И Бизон решил начать сначала. Он рассказал о том, как летел на самолете, где сам был простым пассажиром, Хэтти Дюрхем — стюардессой, а Рэйфорд Стил — пилотом.

Продолжая говорить, он все поглядывал в зеркало заднего вида, чтобы понять, слушает ли Цион его рассказ или просто пережидает его, как затянувшуюся болтовню. Бизона всегда удивляло, как это его мысли могут бежать по двум тропинкам одновременно. Он был вполне способен рассказывать какую-нибудь историю и в то же время думать о том, какие чувства испытывает его собеседник. Бизон говорил о том, как Рэйфорд рассказал ему о своих духовных поисках, как они встретились с Хлоей и вместе вернулись из Нью-Йорка в Чикаго. Это случилось в день, когда она вместе с отцом молилась о том, чтобы их просветил Христос. Потом Бизон описал, как они познакомились с Брюсом Барнсом, как священник сначала дал ему совет, а потом стал его духовным наставником.

Не прекращая говорить, Бизон старался совладать со страхом, который внушал ему предстоящий переход границы, а также размышлял над тем, удастся ли ему закончить

свой рассказ. Цион еще не знал о смерти Брюса Барнса. Рабби не был лично знаком с пастором, но переписывался с ним и надеялся, что в один прекрасный день они смогут вместе провести богослужение.

Бизон довел свой рассказ до момента, который на несколько дней предшествовал тому, как члены Отряда Скорби вновь собрались в Чикаго перед началом войны. Он чувствовал, что по мере приближения к границе Цион начинает все больше нервничать. Теперь рабби стал двигаться более торопливо, говорить быстрее, перебивать чаще и задавать больше вопросов.

— Значит, пастор Брюс много лет носил сан священника, а в Бога не веровал?

— Да. Печальная, тяжелая история. Ему даже трудно было о ней говорить.

— Не могу дождаться момента, когда мы с ним встретимся! — воскликнул Цион. — Я, конечно, и дальше стану горевать о гибели своей семьи, и родины мне будет не хватать не меньше, чем родной матери. Но возможность возносить молитвы и читать Святое Писание вместе с Отрядом Скорби станет бальзамом на мои раны.

Бизон сделал глубокий вдох. Он хотел прекратить разговор, сосредоточиться на дороге, на приближающейся границе. Но, имея дело с Ционом, он не мог не быть вполне честным.

— Вы увидите с Брюсом Барнсом, когда Христос придет во Славе, — произнес он.

А потом бросил взгляд в зеркало. Сомнений не было: Цион его услышал и понял. Рабби склонил голову.

— Когда это случилось? — спросил он.

Бизон ответил.

— А как он умер?

Бизон рассказал все, что знал сам.

— Наверное, нам уже никогда не удастся выяснить, что именно стало причиной смерти — вирус, которым заразился Брюс, или взрыв бомбы. По словам Рэйфорда, на теле не было видно никаких травм.

— Вероятно, Господь спас его от бомбежки, забрав к себе еще раньше.

Бизон пришел к мысли, что Бог предназначил рабби Бен-Иегуду к тому, чтобы стать для Отряда Скорби духовным учителем и представлять его членов в Святом Писании. Но высказать эту мысль он не решился. Беглец, тайно покинувший родину, никоим образом не мог стать новым пастором церкви Новой Надежды, тем более что его взял себе на заметку сам Николае Карпати. Да и самому Циону идея Бизона показалась бы просто безумной. Разве Бог не мог подыскать более простой способ для того, чтобы дать рабби возможность помогать Отряду Скорби, не отнимая у Циона жену и детей?

Несмотря на нервозность, страх, на то, что езда по незнакомой, опасной местности на далеко не идеальном автомобиле действовала на него отвлекающе, Бизон вдруг с полной ясностью увидел общую картину событий и все взаимосвязи между ними. Нет, он

бы не сказал, что ему явилось какое-то видение. Это было просто внезапное осознание возможностей, заложенных в ситуации. Вот теперь Бизон понял, в чем заключается главное предназначение тайного укрытия, расположенного под зданием церкви! Он мысленно увидел, как Цион сидит там, имея под рукой все, что ему требуется, и в том числе один из великолепных компьютеров, над которыми сейчас трудится Донни Мур.

Бизон пришел в волнение от одной мысли об этом. Ведь он мог добыть для рабби любое программное обеспечение, какое только понадобится! У Циона появятся все версии Библии, на любом языке, со всеми примечаниями, комментариями и словарями, какие будут необходимы. И ему отныне не придется волноваться о том, как бы не потерять какую-то ценную книгу! Все тексты окажутся в одном месте — на массивном жестком диске.

Любопытно, какую хитрость придумает Донни, чтобы дать Циону возможность тайно вести вещание через Интернет? Неужели рабби и правда сможет передавать свои наставления, проповеди и беседы о Библии на миллионы компьютеров и телеприемников, разбросанных по всему миру? Наверняка существует какая-то технология, которая позволит сделать это так, чтобы его не засекли. Ведь даже производители мобильных создали чипы, которые позволяют звонящему за считанные секунды перепрыгивать с одной частоты на другую, чтобы разговор никто не

прослушал. Должен же быть способ передачи сообщений по Интернету, не позволяющий вычислить, где находится отправитель!

Вдалеке, рядом с двумя одноэтажными зданиями, расположенными по обе стороны дороги, Бизон увидел грузовики и патрульные машины Мирового Сообщества. Видимо, эти здания стояли на выезде с израильской территории, а дальше на шоссе находился въезд на Синай. Жара начинала усиливаться, но пока еще еле заметно, и Бизон был уверен, что если ехать медленно, а потом дать автобусу некоторое время постоять и остыть на пограничном пункте, драндулет благополучно переживет все испытания. Бензина в баке пока хватало, да и уровень масла был вполне приемлемый.

Бизон был взволнован, выбит из колеи. У него голова шла кругом от мысли, что он может заполучить для своей общины такого необыкновенного пастыря, как Цион Бен-Иегуда. Это стало бы более серьезным достижением, чем все, что ему удалось совершить до сих пор. Но открывшаяся радостная перспектива одновременно заставляла Бизона вспомнить и о том, что он, в сущности, тоже мог бы распространять по Интернету правду о событиях, происходящих в мире. Долго ли он еще будет притворяться попутчиком Николае Карпати, а то и вовсе его лояльным подчиненным? Бизон уже начинал терять объективность даже как профессионал. В его исполнении журналистика перерождалась в пропаган-

ду, в классический «новояз» из знаменитого романа Джорджа Оруэлла «1984».

Ох, до чего же Бизону не хотелось видеть знаки на границе! Он бы предпочел посидеть с желтым блокнотом в руках, со вкусом перебирая собственные мысли и потрясая рабби описанием возможностей, которые перед ним теперь открывались. Но этого-то Бизон как раз сейчас и не мог сделать. Все внимание пограничников неминуемо должно было сосредоточиться сейчас на его колымаге и на единственном, но столь уязвимом пассажире. Все машины, подъехавшие к границе раньше, давно укатили прочь, а в зеркале заднего вида не отражалось ни одного автомобиля.

Цион лежал на полу под сиденьями. Бизон остановился возле двух пограничников, стоящих возле опущенного шлагбаума. Они были одеты в униформу, на головах красовались шлемы. Тот, что оказался со стороны водителя, знаками велел Бизону открыть окно, а затем обратился к нему по-еврейски.

— По-английски, по-английски, пожалуйста! — ответил Бизон.

— Паспорт, виза, личное удостоверение, документы на автомобиль, грузы, подлежащие декларации, а также любые предметы, которые вы хотели бы показать нам перед проведением досмотра, — все это следует либо передать через окно, либо упомянуть на словах, прежде чем мы откроем шлагбаум.

Бизон привстал и взял с переднего сиденья все документы на автобус. Затем прило-

жил к ним поддельный паспорт, визу и личное удостоверение. Снова уселся за руль и передал бумаги пограничникам.

— Я также везу с собой продукты, бензин, масло и воду.

— Еще что-нибудь есть?

— Еще что-нибудь? — повторил Бизон.

— Ну да, что-нибудь такое, что нам необходимо увидеть, сэр! Вас допросят внутри здания, а автобус ваш досмотрят вон там.

И пограничник указал на задворки дома, стоящего с правой стороны дороги.

— Да-да, у меня есть кое-какая одежда и несколько одеял.

— И все?

— Да, больше у меня нет никакого багажа.

— Прекрасно, сэр. Когда шлагбаум поднимется, подгоните свой автобус с правой стороны, а потом приходите ко мне в здание, которое стоит слева.

Бизон медленно проехал под шлагбаумом. Цион протянул к нему руку из-за спинки кресла и схватил за локоть. Бизон решил, что рабби таким образом подбадривает его и на всякий случай с ним прощается.

— Цион, — прошептал он, — ваша единственная надежда заключается в том, чтобы забиться как можно дальше в заднюю часть автобуса. Вы сможете это сделать?

— Я попытаюсь.

— Цион, перед самым нашим отъездом жена Майкла сказала мне что-то, но я ее не понял. Она говорила по-еврейски. Последние

слова звучали примерно как «Йешуа Хамаших».

— «Йешуа Хамаших» означает «Иисус Мессия», — ответил Цион дрожащим голосом. — Она просила Господа благословить вашу поездку во имя Йешуа Хамаших.

— А я точно так же благославляю вас, брат мой, — произнес Бизон.

— Кэмерон, друг мой, я вас скоро увижу. Если не в этой жизни, то в царстве вечном.

Пограничники направились к автобусу, явно не понимая, почему водитель задерживается. Бизон выключил двигатель и открыл дверь как раз в момент, когда молодой солдат подошел к автобусу. Он схватил канистру с водой и толкнул его плечом.

— У меня небольшие проблемы с радиатором, — сказал Бизон. — Вы в радиаторах что-нибудь понимаете?

Сбитый с толку пограничник удивленно поднял брови и проследовал за Бизоном к передней части автобуса. Он поднял капот, и они вдвоем подлили туда воды. Пограничник постарше, который обратился к Бизону возле шлагбаума, проговорил:

— Ну давайте, пошли, пошли!

— Я с вами совершенно согласен, — ответил Бизон, чувствуя, как звенит каждый нерв у него внутри. Он со страшным грохотом опустил крышку капота. Тот пограничник, что был помоложе, двинулся к двери, но Бизон проскочил вперед него, извинился, поставил одну ногу на ступеньки и забросил в автобус канистру с водой. У него промелькнула мысль:

а не «помочь» ли солдатику обыскивать автобус? Ведь можно встать рядом с ним, демонстрируя одеяла, емкости с бензином, маслом, водой... Но Бизон и так уже подошел к пограничнику на опасно близкое расстояние. Это могло показаться подозрительным. Поэтому он отступил от автобуса и просто сказал:

— Большое вам спасибо за помощь. Честно говоря, я в моторах не очень хорошо разбираюсь. Моя стихия — бизнес. Я из Америки, знаете ли!

Молодой солдат посмотрел ему в глаза и кивнул. Бизон молился о том, чтобы он просто проследовал за ним в здание, стоящее на другой стороне пограничного перехода. Пограничник постарше, который все это время стоял и ждал, глядя на него, теперь махнул ему рукой, давая понять, что нужно перейти через дорогу. У Бизона не осталось выбора. Ему пришлось оставить рабби Циона Бен-Иегуду, самого узнаваемого израильтянина из всех, объявленных в розыск, в руках двоих пограничников.

Бизон поспешно направился в административное здание. Он испытывал мучительную растерянность и смущение, но проявлять это было никак нельзя. Ему хотелось обернуться, чтобы посмотреть: а вдруг Циона уже вытаскивают из автобуса? Спастись от преследователей пешком, как он сделал это чуть раньше, рабби сейчас никак не мог. Бежать ему было некуда, спрятаться негде. С обеих сторон дорогу окаймляли изгороди из колючей проволоки. Тому, кто въехал в во-

рота, волей-неволей приходилось двигаться напрямик либо в одну сторону, либо в другую, без всяких там обходов и объездов.

Первый пограничник разложил перед собой бумаги Бизона.

— Через какой пункт перехода границы вы прибыли на территорию Израиля?

— Через Тель-Авив, — сообщил ему Бизон. — Это все должно значиться вот здесь...

— Конечно-конечно, я просто вас проверяю. Ну что ж, кажется, ваши документы в порядке, мистер Катц, — добавил он, ставя штамп и визу в паспорт Бизона. — Значит, вы — представитель фирмы, которая называется...

— «Жнецы интернэшнл», — подсказал тот.

— Когда собираетесь покинуть Ближний Восток?

— Сегодня вечером... разумеется, если мой пилот встретит меня в Эль-Арише.

— А что вы думаете делать с автомобилем?

— Я надеялся продать его по дешевке в аэропорту.

— Это не проблема — конечно, в зависимости от того, что именно вы понимаете под дешевизной.

И тут Бизон просто примерз к стулу: пограничник вдруг повернул голову и бросил взгляд ему через плечо, прямо на шоссе. На что он смотрел? Его воображение рисовало только одну картину: закованный в наручники Цион, которого тащат через дорогу.

Бизон ощутил острые угрызения совести. Какой же он дурак, что не попытался устроить для рабби в автобусе хотя бы плохонький тайник! Безумие, чистейшее безумие... Выходит, он привез своего друга прямо на смерть? Мысль о том, что сейчас ему придется потерять еще одного брата во Христе, пронзила Бизона острой болью.

Но тут пограничник спокойно уставился в компьютер.

— Здесь говорится, что сегодня утром вас задержали возле Беершебы. Так ли это?

— Задержали — это слишком сильно сказано. Я остановился чтобы подлить воду в радиатор, и тут ко мне подошел офицер миротворческих сил Мирового Сообщества и расспросил кое о чем.

— Он сообщил вам о том, что предыдущей владелец вашего транспортного средства был арестован в связи с бегством Циона Бен-Иегуды?

— Сообщил.

— В таком случае вам будет интересно посмотреть вот этот сюжет.

Пограничник повернулся и нацелил пульт дистанционного управления на стоящий в углу телевизор. «Телевизионная сеть Мирового Сообщества» сообщала, что некий Майкл Шорош арестован по обвинению в укрывательстве лица, скрывающегося от правосудия.

— По словам представителей Мирового Сообщества, Бен-Иегуда, который в прошлом являлся духовным лицом и всеми

уважаемым ученым, стал фанатичным радикальным фундаменталистом. Судя по проповеди, произнесенной им неделю назад, он слишком близко к сердцу принял один пассаж из Нового Завета. Впоследствии соседи видели, как Бен-Иегуда зверски убил всю свою семью.

Бизон в ужасе смотрел на экран. Но там уже показывали, как Цион выступает на многотысячном митинге на огромном стадионе, до отказа заполненном людьми. Это происходило в Ларнаке, на острове Кипр.

— Обратите внимание на следующее! — призвал ведущий новостей, когда фрагмент закончился. — Как было установлено, человек, стоящий на платформе позади доктора Бен-Иегуды, — не кто иной, как Майкл Шорш. Сегодня, вскоре после полуночи, миротворческие силы проникли в его жилище в Иерихоне и обнаружили там личные фотографии, на которых изображена семья беглого рабби. Кроме того, в доме найдено удостоверение личности на имя Циона Бен-Иегуды, а также документы американского журналиста Кэмерона Уильямса. Какое отношение последний имеет к данному делу, пока не установлено.

Бизон мысленно молился о том, чтобы в телевизоре не показали его лицо. Он вздрогнул, заметив, что его собеседник смотрит ему через плечо в сторону двери. Извернувшись, он увидел, как в комнату, глядя прямо на него, вошел молодой пограничник. Юноша закрыл за собой дверь, прислонился к ней спиной,

скрестив руки на груди, и стал смотреть новости вместе с остальными. Теперь там показывали, как Бен-Иегуда читает Евангелие от Матфея. Бизону раньше уже приходилось слышать проповеди Циона, посвященные отрывку. Сейчас стихи, конечно, были вырваны из контекста: «Кто отречется от меня пред людьми. Отрекусь от того и Я пред Отцем моим Небесным.

Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня».

Репортер мрачно-торжественным тоном произнес:

— А несколько дней спустя рабби средь бела дня убил своих жену и детей.

— Ну не фи́га себе! — воскликнул пограничник постарше.

— Да, вот так оно и бывает, — ответил Бизон, стараясь, чтобы изменившийся голос не выдал его чувства.

Человек, сидящий за столом, сложил стопкой документы Бизона и, следуя за его взглядом, посмотрел на своего молодого подчиненного.

— Ну как, Анис, все в порядке с этим автобусом?

Мозг Бизона бешено заработал. Что покажется со стороны более подозрительным — совсем не поворачиваться сейчас к молодому человеку или, наоборот, повернуться и посмотреть на него? Он повернулся. Неподвижный юноша в ответ один лишь раз скупно кивнул начальнику, по-прежнему стоя перед дверью со скрещенными руками.

— Все там в порядке. Одежда да съестные припасы, и больше ничего.

У Бизона перехватило дыхание. Человек, сидящий за столом, подтолкнул к нему его бумаги.

— Счастливого пути, — сказал пограничник.

Вместе с выдохом у Бизона из горла чуть не вырвалось рыдание.

— Спасибо, — сказал он.

Он уже направился было к двери, но, как выяснилось, старший пограничник еще не сказал всего, что хотел.

— Благодарю вас за визит в Израиль! — добавил он.

Бизон едва не закричал. Он обернулся и кивнул.

— Э-э-э... Да ладно, ладно. Не стоит благодарности.

Идя к двери, он буквально заставлял себя переставлять ноги. Пока он шел, Анис не сдвинулся с места. Оказавшись с юношей лицом к лицу, Бизон остановился. Он чувствовал, что старший пограничник смотрит на них.

— Извините... — начал Бизон.

— Меня зовут Анис, — сказал молодой человек.

— Хорошо, Анис. Очень приятно. Извините, пожалуйста, мне нужно пройти.

Анис наконец отступил в сторону, и Бизон нетвердой походкой вышел из комнаты. Когда он складывал документы и засовывал их себе в карман, руки у него дрожали. Журналист забрался в трясучий старый автобус и включил зажигание. Если Цион нашел, где спрятаться, то его теперь отыскать? Старый драндулет тронулся с места. Разогнавшись, Бизон включил третью передачу. Журналист крикнул:

— Друг мой! Если вы еще здесь, внутри, то не шевелитесь, пока вдалеке не исчезнут огни погранзаставы. Но после этого вы должны рассказать мне обо всем, что тут произошло!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Рэйфорду уже надоело, что его постоянно будит звонок телефона. Правда, из обитателей Нового Вавилона ему мало кто звонил, если не считать Карпати и Фортунато. А те обычно проявляли достаточно такта, чтобы не беспокоить человека посреди ночи. Значит, решил Рэйфорд, звонок сулит какие-то новости — либо хорошие, либо плохие. Один шанс из двух... Что ж, по нынешним временам и это неплохо!

Он снял трубку.

— Стил на проводе, — произнес он.

Это оказалась Аманда.

— Ой, прости, Рэйфорд! Я знаю, что у вас глубокая ночь. Мне так совестно, что я тебя разбудила! Просто мы тут все немного разволновались и хотим узнать, известно ли тебе что-нибудь.

— О чем именно?

— Короче говоря, мы с Хлоей сейчас как раз просматривали те самые листы с распечатками записей Брюса. Мы тебе об этом говорили?

— Ага.

— Нам позвонила из церкви Лоретта и сказала чрезвычайно странную вещь. По ее словам, она была там одна и работала — ей нужно было сделать несколько звонков. И тут ее вдруг охватило непреодолимое желание помолиться за Бизона!

— За Бизона?

— Да. Лоретта говорит, это чувство настолько захлестнуло ее, что она быстро встала с кресла. Сначала она подумала, что просто бредит, но какая-то сила заставила ее упасть на колени. И вот, стоя так на полу, она поняла, что она вовсе не сошла с ума, а на полном серьезе молится за Бизона.

— Милая, я знаю только одно — Бизон в Израиле. Думаю, он пытается разыскать Циона Бен-Иегуду. А тебе ведь известно, что случилось с его семьей...

— Да, нам известно, — подтвердила Аманда. — Словом, Бизон снова умудрился впутаться в неприятности.

— Но у него имеется способ из них выпутаться, — ответил Рэйфорд.

— Тогда что ты скажешь о предчувствии Лоретты?

— Я бы не назвал это предчувствием. Мы ведь все в наше время возносим молитвы Богу, разве не так?

Аманду, судя по голосу, такой ответ раздосадовал.

— Рэйфорд, это была не фантазия и не придурь. Ты ведь знаешь, как жестко Лоретта всегда относится к фантазиям! Но тут она была настолько потрясена, что закрыла офис и отправилась домой.

— Даже не дождавшись девяти вечера? Она что, совсем, значит, разленилась?

— Да ну тебя, Рэй! Она сегодня туда пошла только где-то около полудня. Ты ведь знаешь, что она часто остается в офисе до девяти. Люди ведь в любое время могут позвонить.

— Да-да, я знаю. Извини.

— Она хочет с тобой поговорить.

— Со мной?

— Да. Ты-то сам хочешь поговорить с ней?

— Конечно, дай ей трубку.

Рэйфорд понятия не имел, что сказать Лоретте. Да, вот Брюс нашел бы нужные слова в такой ситуации...

Судя по голосу, Лоретта действительно пережила шок.

— Капитан Стил, мне так неловко, что приходится беспокоить вас в столь поздний час! У вас, наверное, около трех часов ночи?

— Да, мэм, но это как раз не страшно.

— Нет, очень даже страшно! Мы совершенно не вправе прерывать ваш здоровый отдых. Однако, сэр, Господь велел мне молиться за того мальчика! Я знаю это, и все тут.

— Тогда я рад, что вы меня разбудили.

— Вы считаете, я сумасшедшая?

— Я всегда считал, что вы сумасшедшая, Лоретта. Именно за это мы все вас и любим.

— Вы надо мной смеетесь, капитан Стил! Но если серьезно — у меня что, действительно шарики за ролики зашли?

— Нет, мэм. Видимо, Господь порою действует напрямую, поразительным, необычным образом. И если уж Он велел вам помолиться за Бизона, не забудьте потом спросить у нашего друга, что происходило в тот момент в его жизни.

— В этом как раз вся загвоздка, мистер Стил. У меня возникло совершенно непреодолимое ощущение, что Бизон в большой беде. Надеюсь лишь на то, что он выбрался из ситуации живым. Мы все надеемся, что он вовремя сможет прибыть на воскресную службу. Вы ведь тоже приедете, правда?

— Если будет на то воля Божья, — произнес Рэйфорд и невольно вздрогнул: ведь именно эта фраза всегда казалась ему такой глупой, когда ее произносили старые друзья Ирэн.

— Мы бы хотели, чтобы в воскресенье все снова были вместе, — сказала Лоретта.

— Для меня это сейчас тоже самое главное, мэм. Кстати, Лоретта, вы не могли бы оказать мне одну любезность?

— Да как же я могу отказать вам после того, как подняла вас с постели посреди ночи? Скажите, о чем речь, и я сразу все сделаю.

— Если Господь вдруг внушит вам мысль помолиться и за меня, вы будете молиться со всем пылом, с каким только можете?

— Ну конечно, буду. Вы это прекрасно знаете. Я надеюсь, что вы сейчас говорите серьезно, а не просто подшучиваете надо мной.

— Я еще никогда не был более серьезен.

* * *

Когда огни погранзаставы исчезли у него за спиной, Бизон съехал с дороги, остановил автобус, повернулся на сиденье в полоборота и тяжело вздохнул. Он с трудом заставил свой голос зазвучать достаточно громко:

— Цион, вы еще здесь, в автобусе? Ну, выходите, где бы вы ни были.

Из задней части салона раздался взволнованный голос Циона:

— Я здесь, Кэмерон. Хвала Господу Богу Всемогущему, творцу небес и земли!

И рабби медленно выполз из-под сидений. Бизон кинулся по проходу ему навстречу и обнялся с ним.

— Ну, рассказывайте! — потребовал он.

— Я же вам говорил, что Господь найдет какой-нибудь способ, — начал Цион. — Я не знаю, кто такой молодой Анис — ангел или человек, но послал его нам сам Бог, это точно.

— Анис?

— Да, Анис. Он прошелся по проходу между сиденьями, направляя свет фонарика туда-сюда. Потом встал на колени и посветил под сиденьями. Луч ударил мне прямо в глаза. Я молился о том, чтобы Бог лишил юношу зрения. Но Господь не стал его ослеплять. Анис подошел прямо к месту, где я прятался, и опустился на пол, опершись на локти и колени. Одной рукой он держал фонарик, продолжая светить мне в лицо, а другой потянулся ко мне и ухватил за рубашку. Он подтащил меня к себе. Я думал, что сердце у меня разорвется. Воображение уже рисовало мне, как молодой офицер тащит меня в административное здание, словно зверь добычу.

Сквозь стиснутые зубы он хрипло прошептал мне на иврите: «Искренне желаю вам оказаться тем человеком, за которого я вас принимаю, иначе вы — мертвец!» Что я мог поделать? Прятаться было уже негде. Не оставалось ни малейшего смысла притворяться, что я — это не я. И тогда я сказал юноше: «Молодой человек, меня зовут Цион Бен-Иегуда».

По-прежнему держа меня за рубашку и слепя мне глаза фонариком, он произнес: «Рабби Бен-Иегуда, меня зовут Анис. Молитесь пылко, как никогда раньше! Молитесь о том, чтобы начальство поверило моему докладу. И пусть Бог благословит и охранит вас». И Бог свидетель, Кэмерон: после этих слов молодой человек встал и вышел из

автобуса. А я так и остался лежать, где лежал, и со слезами хвалил Господа, пока вы меня не позвали.

Добавить к этому было нечего. Цион неуклюже перебрался на сиденье в середине салона. Бизон опять сел за баранку и поехал прочь от пограничного перехода на египетскую территорию.

Полчаса спустя Бизон с Ционом добрались до въезда на Синайский полуостров. На сей раз Бог помог Бен-Иегуде проскользнуть в нужном направлении, используя обычную человеческую халатность. Единственный шлагбаум находился по ту сторону синайской границы. Когда Бизону велели остановиться, в автобус немедленно забрался пограничник и лающим голосом начал выкрикивать какие-то приказы на своем языке.

— А можно по-английски? — спросил его Бизон.

— Я и есть говорить по-английски, джентльмены! — ответил тот. Бизон оглянулся на Циона.

— Всего несколько минут, и вы сможете идти обратно спать, старина, — сказал пограничник. — Вы должны идти вон тот дом, и вас сначала оформлять. Я обыскать ваш автобус, пока вы быть там, а потом вы ехать свой путь.

Бизон, несколько расхраб्रившийся после предыдущего чуда, взглянул на Циона и пожал плечами. Он ждал, пока Цион отодвинулся и пропустил пограничника, чтобы

тот мог начать досмотр. Однако рабби сделал Бизону знак идти дальше. Тот торопливо выскочил из автобуса и вошел в здание. Когда все бумаги были оформлены, офицер спросил:

— С израильской стороны у вас не было проблем на пропускном пункте?

Бизон с трудом сдержал улыбку.

«Не было проблем? — подумал он. — Какие могут быть проблемы, если Бог на вашей стороне!» Вслух же ответил:

— Нет, сэр.

Бизон никак не мог совладать с собой и все смотрел через плечо офицера, высматривая, где же Цион. Куда он делся? Может, Бог сделал его невидимым?

Все прошло гораздо проще и легче, чем в прошлый раз. Судя по всему, египтяне уже привыкли, не задумываясь, штамповать паспорта всем, кого их ближайшие соседи пропустили через свою границу. Ведь на египетский пропускной пункт нельзя было попасть, не пройдя через израильский, так что, если израильтяне не вставляли человеку палки в колеса, дальше уже все шло довольно гладко. Бизону поставили штампы на все документы, сложили их стопкой и вернули обратно, задав всего несколько вопросов.

— До Эль-Ариша всего сто километров, — сообщил офицер. — Но оттуда, конечно, в ближайшее время не будет никаких пассажирских рейсов.

— Я знаю, — ответил Бизон. — Просто у меня особая договоренность с пилотом.

— Что ж, очень хорошо, мистер Катц. Всего наилучшего!

«Всего наилучшего — это как раз по мне!» — подумал Бизон.

Он развернулся и поспешил к автобусу. Никаких признаков Циона он там не обнаружил. Прежний пограничник по-прежнему был в салоне. Когда Бизон начал забираться в автобус, Цион вышел из-за него и взошел по ступенькам прямо перед ним. Так, вместе, они и вошли внутрь. Офицер в тот момент копался в сумке Бизона.

— Шикарный у вас снаряжение, мистер Катц, — заявил пограничник.

— Спасибо.

Цион прошел мимо офицера, вернулся на то место, где сидел, когда они прибыли на заставу, и вытянулся в кресле.

— А на какую фирму вы работаете? — поинтересовался пограничник.

— «Жнецы Интернэшнл», — ответил Бизон. Цион так и подскочил на сиденье. Бизон чуть не рассмеялся: рабби наверняка оценил его выдумку.

Пограничник закрыл сумку.

— Вы, значит, оба уже оформить бумаги и готовы следовать дальше?

— Да, все улажено, — ответил журналист.

Офицер бросил взгляд в заднюю часть салона. Цион захрапел, притворяясь спящим. Пограничник повернулся к Бизону и негромко произнес:

— Можете проезжать.

Бизон сделал над собой колоссальное усилие, чтобы не сорваться с места и не отъехать от заставы слишком быстро, но все равно отпустил сцепление, как только пограничник отошел с дороги. Вскоре старая развалюха снова выехала на шоссе.

— Ну, Цион, выкладывайте: где вы спрятались на этот раз?

Рабби подобрался и сел прямо.

— Как вам понравился мой храп?

Бизон рассмеялся:

— Весьма впечатляюще! Где вы находились в то время, когда пограничник думал, что вы оформляете документы вместе с мной?

— Я просто стоял за автобусом. Выйдя из него, вы пошли в одну сторону, а я тоже вышел, но пошел в другую.

— Да вы шутите!

— Я не знал, что мне делать, Кэмерон. Офицер вел себя так дружелюбно, и к тому же он меня видел. Конечно, я не собирался заходить в административное здание, поскольку документов у меня не было. А когда вы вернулись, я сообразил, что выбрал правильный момент.

— Вопрос сейчас заключается вот в следующем: сколько времени пройдет, прежде чем тот офицер проговорится, что видел в автобусе двух человек, а не одного? — задумчиво произнес Бизон.

Цион осторожно прошел по салону, пробираясь к сиденью за спиной у Бизона.

— Да, — согласился рабби. — Но сначала ему придется убедить своих коллег в том, что ему это не померещилось. А может, и вовсе ничего не всплывет. Но если такое все же случится, за нами быстро пошлют погоню.

— Я верю в то, что Господь нас избавит от беды — ведь Он пообещал это сделать, — ответил Бизон. — Но думаю также, что нам нужно как можно лучше подготовиться ко всем возможным вариантам.

Он съехал на край дороги, подлил воды в радиатор, добавил в двигатель чуть ли не два литра масла и наполнил бензобак.

— Такое ощущение, что мы попали в какую-то из книг Нового Завета, — заметил Цион.

Бизон отозвался:

— Догнать этот старый автобус они, вероятно, сумеют. Но если мы сможем добраться на нем до Эль-Ариша, то сядем там на самолет и успеем перелететь через Средиземное море, прежде чем они успеют понять, что мы от них удрали.

В течение следующих двух часов дорожное полотно, по которому они ехали, становилось все хуже, а жара усиливалась. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, Бизон заметил, что Цион тоже смотрит назад.

— О чем мы вообще беспокоимся, Кэмерон! Бог не позволил бы нам забраться так далеко, чтобы под конец нас схватили. Разве не так?

— Это вы у меня спрашиваете? Откуда мне знать! Со мной ведь никогда не случилось ничего подобного, пока я не встретил вас!

Еще с полчаса они ехали молча. Наконец Цион заговорил. Бизону показалось, что, судя по голосу, рабби испытывает такой же упадок сил, как тогда, когда Бизон впервые увидел его в укрытии у Майкла.

— Кэмерон, вы знаете, что до сих пор я заставлял себя есть усилием воли и это у меня не очень-то хорошо получалось.

— Так поешьте чего-нибудь! Здесь ведь полно всякой снеди!

— Думаю, что так и поступлю. Боль, которую я ощущаю в сердце, настолько сильна, что я, вероятно, уже никогда ничего не стану делать для собственного удовольствия. Раньше я любил поесть. Еще не познав Христа, я уже понимал, что пищу посылает нам Бог. Он хочет, чтобы мы вкушали ее себе на радость. Сейчас я голоден, но есть буду лишь для того, чтобы поддержать в себе жизнь и силы.

— Вы не обязаны объяснять мне это, Цион. Я только об одном молюсь: чтобы в промежутке от нынешнего дня до Судного та глубокая рана, которую вам нанесли, стала болеть хоть немножко меньше.

— А вам принести что-нибудь поесть?

Бизон отрицательно покачал головой, однако потом передумал.

— Еды, богатой природными волокнами и сахарами? — переспросил он.

Бизон не знал, что ждет их впереди, но доводить себя до физического изнеможения ему в любом случае не хотелось.

Цион фыркнул:

— Природные сахара и волокна, говорите вы? Перед вами еда из Израиля, Кэмерон! Вы сейчас точно охарактеризовали наш обычный рацион.

Рабби подтолкнул к нему несколько упаковок инжира. По вкусу тот напоминал фруктовые мюсли. Пока Бизон не начал есть, он даже не понимал, насколько голоден. Он вдруг ощутил прилив сил и мысленно понадеялся, что Цион чувствует то же самое... особенно когда увидел, что далеко позади, у самого горизонта, появились желтые огни фар.

Вопрос сейчас заключался в одном: что лучше — попытаться оторваться от полицейской машины или изобразить невинность и дать ей спокойно проехать мимо? Может, она вовсе и не за ними гонится... Тут журналист покачал головой. Да о чем же он думает? Нет, это наверняка их Ватерлоо! Бизон был уверен, что Бог поможет им и на сей раз, но не хотел проявлять наивность, думая, что полицейский автомобиль стал бы ехать за ними от самой границы, если бы у людей, которые там сидят, не было на них совершенно определенных видов.

— Цион, вам лучше будет сейчас все убрать и спрятаться.

Рабби посмотрел назад.

— Ну вот, новые волнения, — пробормотал он. — Господи, разве у нас сегодня было не достаточно переживаний для одного дня? Кэмерон, я уберу большую часть еды, но возьму с собой «в постельку» немного пожевать.

— Устраивайтесь поудобнее! Судя по машинам, которые я видел на границе, автомобили у них небольшие и маломощные. Если я прибавлю скорость, им еще долго не удастся нас изловить.

— А что будет, когда им это удастся? — спросил Цион уже из-под задних сидений.

— Я как раз пытаюсь придумать, как нам выпутаться.

— Я буду молиться, — сказал Цион.

Бизон чуть не рассмеялся.

— Сегодня вечером ваши молитвы кончились тем, что мы получили многочисленные увечья, — ответил он.

Сзади ничего не ответили. Бизон выжимал из автобуса все, на что была способна эта развалюха. Он ехал со скоростью больше восьмидесяти километров в час. Старый рыдван дребезжал, дрожал и подпрыгивал, его металлические детали издавали громкий протестующий лязг. Бизон понимал: если он увидел патрульную машину пограничников, значит, ее водитель его теперь тоже видит, так что не было никакого смысла выключать фары автобуса, пытаясь создать впечатление, что он съехал с дороги.

Казалось, ему удалось оторваться. Точно оценить расстояние в темноте было трудно,

но полицейская машина, кажется, ехала не так уж быстро. Фары у нее горели. Бизон был уверен, что она гонится за автобусом, но все равно прибавлял ходу.

Сзади раздались слова:

— Кэмерон, я имею право знать, что вы задумали. Каков ваш план? Что вы будете делать, если они нас нагонят, а это наверняка произойдет?

— Хорошо, я скажу вам одну вещь: я не собираюсь возвращаться обратно на границу. Я даже не уверен, что дам притащить меня туда силой.

— Откуда вы знаете, что им нужно от нас?

— Если там сидит человек, который обыскивал автобус, становится совершенно ясно, что им нужно, правда?

— Полагаю, да.

— Я буду отвечать ему через окно и настою на том, чтобы с нами разбирались уже в аэропорту. Ведь нет никакого смысла в том, чтобы ехать обратно до границы!

— Но если он примет иное решение?

— Видимо, тогда мне придется совершить акт гражданского неповиновения, — усмехнулся Бизон.

— А если он заставит вас съехать с дороги на обочину?

— Я любой ценой постараюсь не ударяться о полицейскую машину, но все равно не останавлиюсь, а если меня заставят остановиться, то не поверну обратно.

— Я восхищаюсь вашей решимостью, Кэмерон. Я буду молиться, а вы поступайте так, как подсказывает вам Бог.

— Вы знаете, что так я и буду делать.

По прикидкам Бизона, до аэропорта, находящегося в окрестностях Эль-Ариша, оставалось еще километров тридцать. Если автобус даже и выдержит скорость под шестьдесят километров в час, они доберутся туда не раньше чем через полчаса. Пограничная машина наверняка догонит их намного быстрее. Тем не менее до аэропорта было значительно ближе, чем до границы, и офицер наверняка уразумеет, что отконвоировать их в Аль-Ариш намного разумнее, чем тащить обратно на заставу.

— Цион, мне нужна ваша помощь.

— Готов сделать все, что потребуется.

— Не вставайте, лежите вниз, чтобы вас не было видно, но отыщите в моей сумке телефон и передайте его мне.

Когда Цион подполз к Бизону с телефоном в руках, тот спросил:

— Сэр, сколько вам лет?

— У представителей моей культуры такой вопрос считается невежливым, — ответил Цион.

— Как будто меня сейчас волнуют проблемы этикета!

— Мне сорок шесть лет, Кэмерон. А почему вы об этом спросили?

— Судя по вашему виду, вы в неплохой форме.

— Спасибо. Я старался ее поддерживать — ходил заниматься в спортзал.

— Правда? В самом деле?

— Это вас удивляет? Ну, тогда вас удивило бы и то, сколько ученых делают то же самое. Конечно, многие из нас спортом не занимаются, но...

— Я просто хотел убедиться, что при необходимости вы сможете быстро бежать.

— Надеюсь, что подобной необходимости не возникнет. А впрочем, да, бегать я умею. Я не могу развить такую скорость, как в молодости, но для своего возраста я на редкость вынослив.

— Это все, что я хотел знать.

— Напомните мне, чтобы вас тоже как-нибудь помучил некорректными вопросами личного характера, — отозвался рабби.

— Цион, я говорю серьезно. Я совсем не хотел вас обидеть.

Бизон на удивление расстрогался. Рабби захихикал:

— Ох, друг мой, вы только подумайте, о чем мы говорим! Это как же нужно теперь постараться, чтобы меня обидеть?

— Цион, вам лучше снова спрятаться туда, где вы были. Только скажите мне, сколько еще бензина у нас осталось.

— Это вы мне скажите, Кэмерон. Ведь соответствующий индикатор находится справа перед вами!

— Да нет, я имею в виду — в запасных канистрах!

— Сейчас проверю. Но если за нами гонятся, у нас наверняка не будет времени заправляться. Что вы задумали?

— И почему вы задаете мне столько вопросов?

— Потому что я — ученый и всегда им останусь. Кроме того, ситуация касается нас обоих. Разве не так?

— Хорошо, тогда позвольте дать вам небольшую подсказку. Пока вы будете постукивать по бокам канистры с бензином, чтобы определить, сколько в них осталось, я намереваюсь проверить, как работает прикуриватель на приборной панели.

— Кэмерон, но ведь прикуриватели в старых автомобилях выходят из строя в первую очередь.

— Будем надеяться, что этого не случилось.

Его телефон внезапно зазвонил. Бизон вздрогнул от неожиданности и откинул крышку.

— Бизон слушает.

— Бизон! Это Хлоя!

— Хлоя! Честное слово, я не могу сейчас с тобой разговаривать. Поверь мне. Не задавай никаких вопросов! В данный конкретный момент со мной все в порядке, но ты попроси всех, чтобы они молились за меня, причем прямо сейчас. И как-нибудь, в Интернете или другим способом, найди телефонный номер аэропорта в городке Эль-Арише, что находится к югу от сектора Газа, на Синае, на побережье Средиземного

моря. Свяжить с Кеном Ритцем — он там как раз должен меня ждать. Скажи ему, чтобы он позвонил мне на этот номер.

— Но, Бизон...

— Хлоя, это вопрос жизни и смерти!

— Позвони мне, как только окажешься в безопасности!

— Обещаю!

Бизон захлопнул крышку телефона и услышал, как Цион сказал ему в спину:

— Кэмерон! Вы намерены взорвать этот автобус?

— Вы действительно ученый, так? — спросил Бизон.

— Я только надеюсь, что вы подождете, пока мы доберемся до аэропорта. Я, конечно, понимаю — автобус, охваченный пламенем, довезет нас туда быстрее, но в этом случае ваш друг-летчик сможет доставить в Штаты лишь наши бранные останки.

* * *

— Да ладно, все в порядке, Хлоя, — сказал Рэйфорд. — Я уже давно оставил попытки заснуть. Сажу вот тут, читаю.

Хлоя рассказала отцу про странный разговор с Бизоном.

— Не трать время на возню с Интернетом, — посоветовал Рэйфорд. — У меня есть справочник, где указаны все эти номера. Подожди, не бросай трубку.

— Папа, — сказала дочь, — от тебя туда все равно ближе. Позвони Кену Ритцу и попроси его, чтобы он перезвонил Бизону.

— Меня так и подмывает самому слетать туда! Да, будь мой самолет достаточно маленьким...

— Нет, папа, нам совсем ни к чему, чтобы вы с Бизоном одновременно подвергли свою жизнь опасности.

— Хлоя, мы это делаем каждый день.

— Пожалуйста, поспеши, папа.

* * *

Бизону показалось, что машина пограничного патруля отстает от них уже меньше чем на полмили. Он вдавил в пол педаль газа, и автобус накренился на ходу. Руль в руках у Бизона дрожал и подпрыгивал. Приборы показывали, что в данный момент все о'кей, но он понимал, что перегрев радиатора — это только вопрос времени.

— Мне кажется, бензина у нас осталось литров восемь, — сообщил Цион.

— Этого более чем достаточно.

— Согласен с вами, Кэмерон. Этого более чем достаточно для того, чтобы мы с вами оба удостоились мученических венцов.

Бизон старался вести автобус как можно осторожнее, но это мало что давало. Каждый толчок старого драндулета отдавался ему в спину и бедра. Патрульная машина была все

ближе и ближе; разрыв составлял теперь меньше четверти мили.

Цион сзади выкрикнул:

— Кэмерон, становится совершенно ясно, что мы не успеем приехать в аэропорт раньше их. Вы согласны со мной?

— Да! Ну и что дальше?

— Но тогда нет никакого смысла гнать эту колымагу на пределе ее возможностей. Было бы умнее побереечь воду, масло и бензин, чтобы мы с гарантией могли добраться до аэропорта. Если автобус сломается, не доехав туда, никакая решимость нам уже не поможет.

Бизону ничего не смог возразить. Он сразу же сбавил скорость примерно до пятидесяти километров в час и почувствовал, что действительно выиграл несколько миль. Правда, патрульная машина тоже сократила разрыв и теперь висела прямо у них на хвосте.

Завывала сирена, а в зеркале заднего вида мигал прожектор. Бизон в ответ только помахал рукой и продолжал движение. Вскоре желтые мигающие огни, прожектор, сирена и гудок патрульной машины соединились в одну впечатляющую симфонию. Но Бизон оставил все это без внимания.

Наконец полицейская машина поехала с ним рядом, «нос в нос». Бизон глянул на нее и увидел того самого пограничника, который осматривал автобус.

— Пристегните ремень, Цион! — проорал он. — Погоня началась!

— Да-а, если бы он у меня еще был, этот ремень!

Бизон продолжал ехать с умеренной скоростью, сопровождаемый полицейской машиной. Пограничник знаками давал ему понять, что нужно свернуть на обочину. В ответ Бизон только помахал ему рукой. Тогда полицейские обогнали автобус спереди, сбавили скорость и снова стали указывать в сторону обочины. Поскольку Бизон не проявил ни малейшей готовности подчиниться их приказу, они еще сильнее замедлили ход, так что ему пришлось объехать вокруг них. Правда, скорости он не прибавил, и патрульный автомобиль, который теперь оказался от него с другой стороны, поехал быстрее, чтобы не дать автобусу ускользнуть. Бизон дал им проехать вперед и снова оказался позади них. Когда они остановились, он тоже замедлил ход.

Пограничник выскочил из машины, а Бизон подал назад и объехал вокруг него. Он успел описать стофутовую дугу, прежде чем его преследователь снова запрыгнул за руль и быстро догнал его. На сей раз полицейский поехал бок о бок с автобусом, показывая Бизону пистолет. Тот открыл окно.

— Если я остановлюсь, этот автобус больше не заведется! — прокричал он. — Езжайте вслед за мной в Эль-Ариш!

— Нет! — раздалось в ответ. — Это вы езжайте со мной на границу!

— Но до аэропорта гораздо ближе, а до границы мой автобус вряд ли дотянет!

— Тогда выходите из него! Поедете в моей машине!

— Увидимся в аэропорту!

— Нет!

Но Бизон уже опустил оконное стекло. Когда полицейский навел на его окно оружие, он быстро пригнулся, но продолжал ехать.

Тут у него зазвонил телефон. Бизон откинул крышку мобильного.

— Слушаю вас!

— Это Ритц. Как у вас дела?

— Кен, вы уже прошли таможеню?

— Да! Я готов вылететь в любой момент, когда вы будете готовы.

— А повеселиться вы тоже готовы?

— Наконец-то вы об этом спросили! Да я уже целую вечность не веселился.

— Но вам одновременно придется рискнуть своей жизнью и нарушить закон, — предупредил Бизон.

— И это все? Я даже разочарован.

— Кен, расскажите мне, где вы находитесь, — сказал Бизон.

— Такое впечатление, что сегодня вечером тут нет ни одного самолета, кроме моего. Я стою как раз возле ангара, в конце взлетно-посадочной полосы. То есть, конечно, не я, а мой самолет. Сам-то я сейчас говорю с вами из маленького терминала в аэропорту.

— Но вы уже прошли все формальности и готовы к тому, чтобы покинуть Египет?

— Да, тут у меня никаких проблем.

— А что вы сказали таможене по поводу предполагаемых пассажиров и груза?

— Я так понял, что вы хотите, чтобы я не упоминал ни о ком, кроме вас.

— Превосходно, Кен! Спасибо вам огромное! А кто я такой, как по-вашему?

— Вы — именно тот человек, которым я вас и назвал, мистер Катц.

— Кен, это великолепно. Не кладите трубку одну секунду.

Пограничник теперь выскочил на своей машине прямо перед автобусом и резко нажал на тормоза. Чтобы избежать столкновения, Бизону пришлось почти съехать с дороги, а когда он вернулся на нее, автобус мотнуло, и он чуть не перевернулся.

— Я нечаянно перекатился по полу обратно к вам! — воскликнул Цион.

— Приятной поездки! — ответил Бизон. — Я не останавлиюсь и назад тоже не поверну.

Пограничник выключил и мигающие желтые огни, и прожектор. Сирена теперь тоже молчала. Полицейская машина нагнала автобус и ударилась об него сзади. Потом еще и еще раз.

— Но он ведь не захочет повредить свою таратайку, правда? — спросил Бизон.

— Я бы за это не поручился, — ответил Цион.

— А я готов поручиться, — отрезал журналист и вдарил по тормозам, так что Циона швырнуло вперед, и он невольно вскрикнул. Бизон услышал, как позади тоже взвизгнули тормоза и увидел, как полицейская машина

съехала с дороги на гравий. Бизон резко нажал на педаль газа. Автобус остановился. Пытаясь снова завести мотор, он увидел, как полицейская машина, все еще оставаясь на обочине, подъехала к нему с правой стороны. Двигатель завелся, и Бизон отпустил сцепление. Тут он схватил свой мобильник.

— Кен, вы все еще на проводе?

— Ну да. Что у вас там творится?

— Вы мне не поверите!

— За вами гонятся, что ли?

— Гонятся — это еще слабо сказано, Ритц!

Мне кажется, у нас вряд ли будет время на таможенные формальности. Мне нужно только понять, как добраться до вашего самолета. Вы должны запустить двигатели, открыть дверь и спустить трап.

— Да, вижу, нас явно ждет что-то веселенькое! — ответил Ритц.

— Вы даже не представляете себе, насколько, — сообщил Бизон.

Пилот быстро рассказал ему, где находятся полоса, терминал, а также точно объяснил, где сейчас он сам.

— Мы будем там в ближайшие десять минут, — сказал Бизон. — Если мне удастся удержать наш драндулет на ходу, я постараюсь подъехать как можно ближе к полосе и к вашему самолету.

Полицейская машина обогнала их на шоссе, описала дугу и снова встала с автобусом нос к носу. Бизон свернул влево, но преследователь отрезал ему дорогу. Избежать столкновения было невозможно. От силы удара

патрульный автомобиль вылетел на дорогу, и капот у него открылся. Бизон почувствовал, что старенький автобус тоже поврежден. Показания индикатора температуры все росли и росли.

— Кто это там за вами гонится? — поинтересовался Ритц.

— Египетский пограничный патруль, — ответил Бизон.

— Тогда вы можете попросить, чтобы они вышли на связь со своими коллегами, которые находятся здесь, поблизости. Тут скоро будет блокпост на дороге.

— Я только что врезался в патрульную машину. А сквозь этот блокпост можно проскочить на большой скорости?

— Вам придется проверить это на опыте. Если вы действительно так близко, как говорите, я лучше пойду к самолету.

— Прикуриватель работает! — прокричал Бизон Циону.

— Не уверен, что мне хотелось это услышать от вас!

Помятая полицейская машина тем временем продолжала преследование. Вдалеке Бизон увидел огни взлетной полосы.

— Цион, подойдите-ка сюда. Нам необходимо выработать стратегию действий.

— Стратегию? Да это же полное безумие!

— Интересно, а если мы все-таки прорвемся, вы скажете то же самое?

— Чистейшее безумие, вот как Бог свят! Но вы просто скажите мне, что делать,

Кэмерон, и я сделаю все необходимое. Нет, нынешней ночью нас ничто не остановит!

Судя по всему, пограничник, преследовавший их, успел не только связаться по радиации с находящимся впереди блокпостом, но и вызвать подкрепление. Бизон увидел, что к ним приближаются две пары фар.

— Вы когда-нибудь слышали выражение «идти на таран»? — поинтересовался Бизон.

— Нет, — ответил Цион, — но смысл его мне в общем понятен. Вы собираетесь бросить им вызов?

— Вам не кажется, что они могут потерять больше, чем мы?

— Кажется. Я держусь крепко. Делайте то, что должны сделать!

Бизон вдавил в пол педаль газа. Автобус мелко дрожал. Из двигателя валил пар.

— Вот что мы сейчас сделаем, Цион! Слушайте меня внимательно!

— Сосредоточьтесь на дороге, Кэмерон! После расскажете!

— Никакого «после» уже не будет! Если эти машины не уступят нам дорогу, столкновения не миновать. Думаю, так или иначе, но мы все равно сумеем проложить себе путь. Когда доберемся до блокпоста, который находится в аэропорту, нам придется быстро принять решение. От вас требуется следующее: быстренько слейте бензин из канистр вон в то большое, широкое ведро для воды. Я тем временем разогрею прикуриватель и буду держать его наготове. Если на подъезде к КПП станет ясно, что мы сможем прое-

хоть через него с разгона, я просто не стану останавливаться и постараюсь подобраться как можно ближе к взлетной полосе. Самолет должен стоять с открытой дверью справа от нас, примерно в ста ярдах от терминала. Если же КПП у них такое, что через него не прорвешься, я попытаюсь объехать его кругом. Если же и это невозможно, резко выверну руль влево и вдарю по тормозам. В результате задний конец автобуса крутанется вокруг здания КПП, и все незакрепленные предметы соскользнут к задней двери. Ведро с бензином вы должны поставить в проходе, где-то в восьми футах от двери, и бросить в него прикуриватель по моему сигналу. Нужно, чтобы бензин загорелся до того, как произойдет столкновение.

— Я вас не понимаю! Как же мы сами сумеем уцелеть?

— Если КПП окажется непреодолимой преградой, такой маневр — наша единственная надежда! Когда задняя дверь автобуса распахнется и из нее брызнет горящий бензин, нам нужно будет очень крепко за что-нибудь ухватиться, чтобы нас не швырнуло прямо в огонь. Пока охрана будет бороться с пожаром, мы выпрыгнем прямо через переднюю дверь и побежим к самолету. Поняли, Цион?

— Понять-то я понял, но оптимизма мне все это не внушает!

— Держись! — рывкнул Бизон, когда совсем близко к ним из аэропорта подкатили две машины. Цион вцепился одной рукой в

металлический шест, стоящий за спиной у Бизона, а другой обхватил его поперек груди, словно живой ремень безопасности.

Не проявляя ни малейших колебаний, свидетельствующих о готовности притормозить или свернуть в сторону, Бизон мчался прямо на две пары фар. В последний момент он зажмурился в полной уверенности, что сейчас случится грандиозная авария. Когда же он снова открыл глаза, дорога перед ним была пуста. Бизон окинул взглядом сначала одно, потом другое ответвление шоссе, оставшиеся у него за спиной. Обе полицейских машины съехали с дороги. Одна из них остановилась, другая нет. Машина пограничного патруля по-прежнему следовала за автобусом, и Бизон слышал хлопки выстрелов.

Менее чем в одной миле впереди них виднелся маленький аэропорт. Вход туда обрамляла высокая ограда из сетки и колючей проволоки, а внутри засел заградительный отряд — с полдюжины машин и несколько вооруженных солдат. Бизону стало ясно, что сквозь такое заграждение нельзя ни промчаться на полном ходу, ни объехать вокруг него.

Когда Цион потащил канистры и ведро с бензином в заднюю часть автобуса, журналист нажал на прикуриватель.

— У меня здесь все расплескивается! — прокричал рабби.

— Постарайтесь, чтобы не расплескалось!

Автомобиль с пограничником по-прежнему следовал за автобусом. Бизон взял курс на открытые ворота с виднеющимся в них грандиозным заграждением, и тут прикуриватель щелкнул и выскочил. Бизон схватил его и швырнул назад Циону. Но проклятая железзяка подпрыгнула и закатилась под сиденье.

— Нет, только не это! — воскликнул Бизон.

— Я его поймал! — ответил Цион.

Взглянув в зеркало заднего вида, Бизон увидел, как рабби вылез из-под сиденья с прикуривателем в руках, бросил его в ведро и рванулся по проходу вперед.

В задней части салона взвилось пламя.

— Держитесь крепче! — проорал Бизон, резко сворачивая влево и ударяя по тормозам.

Автобус крутануло с такой силой, что он чуть не перевернулся. Задней частью он ударился по составленным вместе машинам. Дверь его распахнулась настежь, горящий бензин разбрызгался во все стороны.

Бизон с Ционом выпрыгнули наружу и бросились бежать, огибая заграждение с левой стороны. Тем временем одни солдаты обстреливали автобус, а другие с воплями разбегались, уворачиваясь от брызг горящего бензина. Цион явно прихрамывал. Бизон подхватил своего друга под руку и потащил его вдоль затененной стороны терминала, рядом с которой находилась взлетная полоса.

Там уже стоял готовый к старту «леарджет». Никогда еще ни один самолет ни казался Бизону таким прекрасным оазисом безопасности. На бегу он дважды оглянулся. Кажется, беглецов и правда никто не заметил. В такую удачу даже трудно было поверить. Тем не менее это невероятное везение полностью гармонировало со всеми остальными событиями необыкновенной ночи.

Когда до самолета оставалось каких-то пятьдесят футов, Бизон услышал выстрелы. Оглянувшись, он увидел, что за ними, стреляя из крупнокалиберных пистолетов, мчится человек шесть пограничников. Добежав до трапа, Бизон ухватил Циона сзади за пояс и закинул его внутрь самолета. Когда Бизон сам нырнул вслед за ним, его правый каблук прошила пуля. Боль пронизала ему ногу, пока он захлопывал дверь, а Ритц уже начинал разгон по взлетной полосе.

Бизон с Ционом медленно пробрались поближе к кабине пилота.

— Вот паразиты! Обстреляли мой самолет! — бормотал Ритц. — Нет, я просто сойду с ума.

Самолет взмыл вверх стремительно, как ракета, и стал быстро набирать высоту.

— Следующая остановка — аэропорт Пэлуоки, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки! — объявил Ритц.

Бизон лежал на полу, не в силах пошевелиться. Ему страсть как хотелось выглянуть

из иллюминатора, но он не решался это сделать. Цион уткнулся лицом в ладони. Он плакал и, кажется, молился.

Ритц обернулся к пассажирам:

— Ну, Уильямс, вы там явно натворили дел. Из-за чего хоть каша заварилась?

— Этого, знаете, и за неделю не расскажешь, — пыхтя, ответил Бизон.

— Ну ладно, — согласился Ритц. — что бы у вас ни произошло, веселье получилось что надо!

Час спустя Бизон с Ционом сидели в откидных креслах, оценивая, насколько тяжелы полученные увечья.

— Это всего-навсего вывих, — заверил рабби. — У меня нога застряла под сиденьем еще во время первого столкновения. Я испугался сначала, что она сломана... Но такой ерундовый вывих быстро заживет.

Бизон медленно стянул правый ботинок, поднял его повыше и повернул таким образом, чтобы Циону было видно сквозное пулевое отверстие от пятки до щиколотки. Журналист стянул окровавленный носок.

— Вы только посмотрите на это, — промолвил он с улыбкой. — Мне даже шов не придется накладывать.

Цион обработал ему ногу, воспользовавшись аптечкой Кена Ритца, и отыскал эластичный бинт, который наложил себе на лодыжку.

Наконец они снова откинулись на спинки кресел, подняв повыше свои раненные конечности, и переглянулись.

— Вы устали так же сильно, как и я? — спросил Бизон.

— Я готов заснуть прямо сейчас, — ответил рабби, — но если мы не прочитаем молитву, это будет с нашей стороны непозволительной халатностью, не правда ли?

Бизон наклонился вперед и нагнул голову. Последним, что он услышал, с облегчением проваливаясь в глубокий сон, были красивые переливы знакомого голоса, благодарящего Бога за то, что «слава Господа была нашим стражем».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Бизон проснулся примерно десять часов спустя и с удовольствием отметил, что Бен-Иегуда еще спит. Он проверил эластичный бинт на ноге у Циона. Щиколотка распухла, но с виду вывих казался не слишком серьезным. Что до раненой ноги самого Бизона, то она еще слишком болела при всяком прикосновении, чтобы на нее можно было надеть ботинок. Прихрамывая, Бизон двинулся вперед, к кабине пилота.

— Как дела, командир?

— Теперь намного лучше, поскольку мы уже находимся в воздушном пространстве США. Я ведь мог только гадать о том, какую вы там кашу заварили со своим другом. Кто знает, может, за нами вдогонку даже истребитель могли послать?

— Вряд ли на нас стали бы тратить столько сил, да еще сейчас, в разгар Третьей мировой войны, — заверил его Бизон.

— А куда подевался весь ваш багаж?

Бизон повернулся вокруг своей оси, обводя взглядом салон самолета. Но что он, в сущности, мог высмотреть? Он же не привез с собой абсолютно ничего! Все вещи остались в кожаной сумке, которая уже успела превратиться в угольки.

— Ох, я ведь еще обещал перезвонить жене! — воскликнул Бизон.

— Рад вам сообщить, что я успел поговорить с вашими близкими, — ответил Ритц. — У них просто камень с души свалился, когда они услышали, что вы уже летите домой.

— А про то, что я ранен, и про нового пассажира вы им ничего не сказали?

— Да что же вы, Уильямс, совсем меня за идиота держите? Мы с вами оба знаем: рана у вас такая, что из-за нее даже волноваться не стоит. Так что любой нормальной жене лучше сначала увидеть ее, а уж потом про нее услышать. Что касается дополнительного пассажира, то я понятия не имею, кто он такой. Я ведь не в курсе, знают ли ваши родичи, что вы собираетесь привезти его нынче к себе на обед. Поэтому о вашем приятеле я тоже не сказал ни слова.

— Славный вы парень, Ритц, — сказал Бизон, похлопывая его по плечу.

— Благодарю за комплимент, но, надеюсь, вы понимаете: сверх оговоренной платы вы мне еще и «боевые» должны.

— За этим дело не станет.

Готовясь к вылету из Египета, Ритц еще несколько дней назад тщательно оформил все выездные бумаги и на самолет, и на пассажира. Поэтому сейчас он значился в списках и легко миновал североамериканскую радиолокационную сеть. О том, что на борту у него нежданно-негаданно появился третий человек, пилот никому не дал знать. А поскольку в аэропорту Пэлуюки не было принято проверять документы у путешественников, прибывших из-за границы, никто там просто не обратил внимания на небольшую группку, которая состояла из трех человек: пилота-американца лет пятидесяти с небольшим, израильского раввина лет сорока с хвостиком и американского журналиста слегка за тридцать. Из всей тройцы только Ритц мог идти, не хромя.

Еще в самолете Бизон наконец-то дозвонился до Хлои. Судя по голосу, жена с удовольствием оторвала ему башку за то, что он целую ночь не давал о себе знать, и мешало ей лишь то, что она была слишком счастлива снова услышать его голос.

— Поверь мне, детка, — сказал журналист, — когда я расскажу тебе обо всем, что с нами произошло, ты поймешь, почему так получилось.

Он убедил Хлою, что о Ционе можно рассказывать только членам Отряда Скорби и Лоретте.

— Верне ничего не говори. Ты можешь одна приехать в Пэлуоки?

— Я еще не настолько хорошо себя чувствую, чтобы самой сесть за руль, — отвечала Хлоя. — Но меня может довезти Аманда. А Верна уже не у нас. Она перебралась к каким-то своим друзьям.

— Тут возможны проблемы, — ответил Бизон. — Я сделался уязвимым перед худшей представительницей своей профессии.

— Это нужно будет обсудить.

Со стороны все выглядело так, словно Цион Бен-Иегуда подпадает под действие какой-то серьезной международной программы по защите свидетелей. В дом к Лоретте его провели тайком, под покровом ночи. Аманда и Хлоя, который уже слышали от Рэйфорда о том, что случилось с близкими Циона, поздоровались с ним тепло и сочувственно. Однако складывалось впечатление, что они не знают, что ему сказать. Лоретта приготовила для всех легкую закуску, которая уже ждала на столе.

— Я старый человек, мне трудно вникать в разные сложности, — предупредила она, — но сейчас я быстро схватила суть ситуации. Видимо, чем меньше я буду знать о вашем друге, тем лучше. Я права?

В ответе Циона прозвучала осторожность:

— Я глубоко благодарен вам за радушный прием.

Вскоре Лоретта отправилась спать, заверив, что ей очень приятно принимать всех у себя, поскольку она рассматривает это как служение Господу.

Бизон, Цион и Хлоя, хромая, двинулись в гостиную, а за ними с хихиканьем следовала Аманда.

— Жаль, что здесь нет Рэйфорда, — сказала она. — Я чувствую себя как единственный трезвенник в машине, набитой пьяными. Любая работа, для которой требуется иметь две ноги, теперь будет доставаться мне.

Хлоя со всегдашней своей прямоотой наклонилась вперед и обеими руками пожала руку Циона.

— Доктор Бен-Иегуда, мы очень много слышали о вас. То, что вы сейчас с нами, мы считаем благословением Божиим. Страшно представить, как сильно вы, наверное, должны сейчас страдать.

Рабби глубоко вдохнул, а затем сделал медленный выдох. Губы у него дрожали.

— Даже сказать не могу, как я благодарен Богу за то, что Он привел меня сюда, а вам — за то, что вы так радушно меня приняли. Да, признаюсь, мое сердце разбито. После гибели родных Господь показал мне силу десницы своей настолько явственно, что теперь у меня нет ни малейшей возможности не замечать Его присутствия. Но порой я все равно задаю себе вопрос, как мне жить дальше. Я не хочу задумываться о том, как мои близкие приняли смерть, о том, кто именно совершил это злодеяние и как конкретно все произошло.

Я знаю: моей жене и детям сейчас хорошо, им ничто не угрожает. Но мне трудно даже представить себе, какой ужас и боль они должны были пережить, прежде чем Господь принял к себе их души! Я должен молиться о том, чтобы ожесточение и ненависть оставили меня. А хуже всего, что меня мучает страшное чувство вины. Ведь это я навлек гибель на свою семью! Не знаю, что еще я мог сделать, чтобы их уберечь. Но я не мог отказаться служить Господу, причем именно на том пути, который Он сам для меня избрал.

Аманда, как и Бизон, положила руку на плечо Циона, и они все втроем стали со слезами молиться, бережно касаясь друг друга.

Они проговорили до глубокой ночи. Бизон объяснял, что на Циона теперь откроют охоту во всех странах — охоту, которая, весьма вероятно, даже получила одобрение со стороны Карпати.

— А много людей знает о существовании потайного убежища под зданием церкви?

— Хотите верьте, хотите нет, — заявила Хлоя, — но даже Лоретта, пока не прочла распечатки из компьютера Брюса, считала, что там находятся просто какие-то инженерные коммуникации.

— Как же Брюс сумел от нее все утаить? Ведь когда копали котлован, Лоретта каждый день бывала в церкви!

— Тебе нужно обязательно почитать его записи, Бизон. Если коротко, у нее просто сложилось впечатление, что работы произ-

водят, чтобы установить новый резервуар для воды и все такое прочее. Правда, все остальные в общине думали точно так же.

Два часа спустя Бизон и Хлоя уже лежали в постели, но сон к ним не шел.

— Я знала, что нам нелегко придется, — сказала она, — но даже не догадывалась насколько.

— Ты, наверное, жалеешь, что связалась с таким типом, как я?

— Ну, скажем так: зато с тобой не соскучишься.

Потом Хлоя рассказала мужу про Верну Зи.

— Она решила, что мы здесь все какие-то чокнутые, юродивые.

— Что ж, разве она не права? Вопрос заключается в том, насколько сильно Верна может мне навредить. Отныне она точно знает, что я собой представляю, и если это дойдет до кого-нибудь из сотрудников «Уикли», они моментально настучат на меня Карпати. И что тогда?

Хлоя рассказала Бизону, что они с Амандой и Лореттой уговорили Верну никому не выдавать его секрет — по крайней мере, пока.

— Да зачем ей его хранить? — спросил Бизон. — Мы друг друга всегда терпеть не могли. Грызлись, как кошка с собакой. И в тот вечер мы не обменялись любезностями лишь по одной причине — потому что на

фоне Третьей мировой войны наши раздоры показались мелкими, незначительными.

— Они и без всякой войны были такими, — заявила Хлоя. — Верна призналась, что ты всегда внушал ей страх и зависть. Ведь ей всегда хотелось быть именно таким человеком, как ты! Она даже призналась, что в плане журналистики совершенно не может с тобой сравниться.

— Это не внушает мне особой уверенности в том, что она действительно сохранит мою тайну.

— Будь ты тогда здесь, ты гордился бы нами, Бизон. Лоретта поведала Верне историю своей жизни, рассказала о том, как Господь во время Вознесения забрал к себе все ее многочисленное семейство. Потом и я внесла свою лепту — рассказала о том, как мы с тобой встретились во время исчезновений, как ты, я и папа уверовали в Господа.

— Наверное, Верне мы показались просто существами с другой планеты, — заметил Бизон. — Может, именно поэтому она и съехала отсюда?

— Нет. Мне кажется, ей так просто было удобнее.

— То, что она услышала от вас, вызвало у нее в душе какой-то отклик?

— Да, вызвало, на самом деле. Один раз я отвела ее в сторонку и сказала, что сейчас важнее всего, как она будет отныне относиться к Христу. А еще я объяснила ей, что вопрос жизни и смерти для нас заключается в том, сумеет ли она утаить от твоих коллег и

начальников, что мы принадлежим к общине Новой Надежды. Она усмехнулась: «От его начальников? Да у него всего один начальник — сам Карпати!» Но только, Бизон, она добавила еще кое-что очень интересное. По ее словам, она, конечно, восхищается Карпати, одобряет все, что он сделал для Америки и для планеты в целом, но ей... э-э-э... ужасно не нравится, что он поставил новостные программы под жесткий контроль.

— Хлоя, главное в том, добилась ли ты от нее обещания держать язык за зубами.

— Она хотела поторговаться. Рассчитывала на какое-то повышение, помощь в карьере. Я ей сказала, что ты никогда не пойдешь на такое, и она ответила, что так и предполагала. Я спросила, может ли она мне пообещать, что хотя бы никому ничего не расскажет, пока не поговорит лично с тобой. А потом... ты морально готов это услышать? Я пригласила ее на поминальную службу по Брюсу, которая назначена на воскресенье.

— И она придет?

— Сказала, что придет. Я предупредила, что лучше приезжать пораньше. Церковь будет битком набита.

— Да, наверняка. Насколько чуждым ей все это покажется, как ты думаешь?

— По ее собственным словам, за всю свою жизнь она бывала в церкви раз десять — на свадьбах, похоронах и так далее. Отец у нее был доморощенным атеистом. Родители матери, судя по всему, принадлежали к какой-то фундаменталистской секте,

из которой она вышла, когда выросла. Верна говорит, что у них в доме даже речь никогда не заходила о походе в церковь.

— И религия даже никогда не вызывала у нее любопытство? Она никогда не искала в жизни какого-то более глубокого смысла?

— Нет. На самом деле она сама признается, что много лет была довольно циничным и скверным человеком. Но ей кажется, что именно это и помогало ей стать идеальным журналистом.

— Она всегда вызывала у меня нервную дрожь, — ответил Бизон. — Я был таким же циничным, как и все остальные, но надеюсь, что это во мне уравнивалось чувством юмора и равнодушным отношением к людям.

— О да, в этом ты совершенно прав, — поддразнила его Хлоя. — Вот потому-то мне всегда хотелось занять от тебя ребенка... и даже сейчас хочется.

Бизон не знал, что ему говорить и что думать. Они уже раньше обсуждали вопрос о ребенке. Желание принести в мир новую жизнь в самый разгар эпохи Скорби казалось на первый взгляд совершенно безответственным. Но супруги все же договорились между собой, что будут размышлять об этой возможности, молиться и искать в Писании указания на то, какое решение им принять.

— Ты хочешь поговорить об этом прямо сейчас? — спросил Бизон.

Она отрицательно покачала головой:

— Нет. Слишком уж я устала. Но давай не будем полностью отсекаать такую возможность.

— Ты знаешь, Хлоя, что я и не собирался этого делать, — ответил Бизон. — А еще я должен тебе сказать, что наши биологические часы сейчас находятся в противофазе. Я ведь всю дорогу отсыпался!

— Бизон, я по тебе так соскучилась! Ты не можешь просто полежать со мной рядом, пока я не засну?

— Конечно, могу. А потом пойду поброжу по церкви, посмотрю, как Брюс обустроил секретное убежище.

— А мне кажется, что первым делом ты должен дочитать до конца его материалы, — сказал Хлоя. — Мы отметили там некоторые фрагменты. Попросим папу прочитать их во время поминальной службы! Конечно, на это может уйти целый день, но тексты действительно изумительные. Вот погоди — сам их увидишь, тогда поймешь.

— Да, этого я действительно жду с нетерпением.

* * *

Рэйфорда Стила мучила совесть. Упаковав все вещи и приготовившись к отъезду, он сидел и читал «Глобал комьюнити интернешнл дейли». Он ждал, когда шофер Хэтти

Дюрхем оповестит его, что стоит перед домом.

Рэйфорд тосковал по Аманде. Во многих отношениях они по-прежнему были чужими друг для друга, и он понимал, что лет за пять до Явления во Славе или даже того меньше у них бы ни за что не нашлось времени, чтобы познакомиться друг с другом и вступить в союз на всю жизнь, подобный тому, который объединял Рэйфорда с первой женой. С другой стороны, он испытывал чувство вины из-за того, что они с Амандой были во многих отношениях ближе друг к другу, чем он когда-либо был с Ирэн.

Он знал, что это его вина. Сначала он не понимал веру жены и не разделял ее, а потом стало слишком поздно. Ирэн была такой нежной, такой преданной! Рэйфорд видывал и более неудачные браки, чем его собственный, и менее верных мужей. Но все равно он часто жалел о том, что не сделался для Ирэн таким мужем, каким мог бы. Она заслуживала лучшего.

Аманда стала для него даром Божьим. Он вспоминал, что поначалу она ему даже совершенно не понравилась. Статная, крупная женщина чуть старше его, она так перенервничала при первой встрече с ним, что невольно произвела впечатление болтливой трещотки. Она не давала Рэйфорду и Хлое вставить ни единого слова и все продолжала сбивчиво говорить, перебивая саму себя, отвечая на собственные вопросы.

Отца и дочь встреча с нею слегка ошарашила, даже поразила, но Рэйфорд никогда и в мыслях не имел, что Аманда может стать для него предметом какого-либо романтического интереса. Рэйфорда и Хлою глубоко впечатлило то, насколько сильно Ирэн очаровала Аманду за их короткую встречу. Казалось, новая знакомая смогла уловить самую суть личности Ирэн, ее сердце и душу. Она описывала ее так точно, словно была знакома с ней много лет.

Хлоя поначалу заподозрила, что у Аманды имеются какие-то планы на Рэйфорда. Ведь, потеряв семью во время Вознесения церкви, женщина оказалась в нужде и одиночестве. Но Рэйфорд всегда ощущал со стороны Аманды лишь искреннее желание донести до него, как много значила для нее Ирэн. Тем не менее под влиянием подозрений, которые питала Хлоя, он тоже насторожился. Он не сделал ни малейшей попытки продолжить знакомство с Амандой и внимательно следил за тем, не начнет ли она делать ему какие-то авансы. Однако их не последовало.

Это возбудило в Рэйфорде любопытство. Он наблюдал со стороны, как Аманда осваивается в общине Новой Надежды. К нему она относилась с сердечной теплой, но без всяких неуместных оттенков и, как ему самому показалось, без малейшей навязчивости. Даже Хлое в конце концов пришлось признать, что их новая знакомая ни с кем не флиртует и не заигрывает.

Аманда быстро стала известна всей общине как отличная служительница церкви. В этом заключался ее духовный дар. Она с головой ушла в церковную работу. Она готовила еду, делала уборку, ездила на машине по разным надобностям, преподавала, встречала гостей общины, обслуживала заседания разных советов и комитетов — словом, делала все, что требовалось. Работая по профессии полный день, она посвящала все свое свободное время церковной жизни. «Я всегда жила по принципу «все или ничего, — признавалась она. — И когда я уверовала, то тоже от него не отступила!»

Со времени первой встречи, когда она стремилась лишь к одному — рассказать про Ирэн, Рэйфорд с Амандой практически не общались. Тем не менее, наблюдая за нею издали, он начал ею по-настоящему восхищаться. Стил видел, какая она мягкая, уравновешенная, как умеет поддерживать окружающих людей. И когда Рэйфорд впервые поймал себя на мысли, что ему хочется провести с нею время, в этом его намерении еще не было ни малейшего оттенка влюбленности. Аманда просто нравилась ему как человек. Ему нравились ее улыбка, внешность, ее отношение к людям и к жизни.

Как-то раз он попал на одно из занятий воскресной школы, которое вела Аманда. Оказалось, что преподает она увлекательно и сама быстро усваивает новое. На следующей неделе Рэйфорд увидел ее в классе на

занятии, которое вел он сам, — уже в качестве ученицы. Аманда была мила и любезна. Оба они в шутку говорили, что им надо будет как-нибудь провести урок вдвоем. Но этому плану суждено было осуществиться лишь после их двойного свидания с участием Бизона и Хлои. Затем прошло совсем немного времени, и тут выяснилось, что Рэйфорд с Амандой до безумия влюблены друг в друга. И вот в их семье сыграли двойную свадьбу, которая навсегда осталась для Рэйфорда одним из островков счастья в этот тяжелый период его жизни, который пришелся на самую мрачную эпоху в истории человечества.

Рэйфорд рвался назад, в Штаты, чтобы повидаться с женой. Впрочем, его привлекала и возможность какое-то время пообщаться в самолете с Хэтти. Он понимал, что привести ее к Христу — не его задача, что это может только Дух Святой. Однако в душе Рэйфорду все равно казалось, что любую представившуюся возможность перетянуть Хэтти на сторону истины нужно все же использовать по максимуму.

В это субботнее утро Рэйфорда мучила одна неразрешенная проблема. Все его существо бунтовало против того, что он вынужден служить пилотом у потентата. То, что Рэйфорд успел прочесть и изучить под заботливым руководством Брюса Барнса, доказывало, что Николае Карпати — действительно не кто иной, как Антихрист

собственной персоной. Должность, которую занимал Стил, обеспечивала его братьям по вере некоторые преимущества. Кроме того, Карпати и сам прекрасно знал о том, каких убеждений придерживается его подчиненный. Зато Николае не знал другого: один из его доверенных сотрудников, Кэмерон Уильямс, уверовал в Христа почти одновременно с Рэйфордом и, более того, являлся ныне зятем Стила.

«Сколько это может еще продолжаться?» — спрашивал себя Рэй. Не ставит ли он под угрозу жизни Бизона и Хлои, жизнь своей жены, да и свою собственную? Он знал, что наступит день, когда люди, которых Брюс называл «святыми скорби», станут смертельными врагами Антихриста. Если верить предсказаниям Барнса, то для того, чтобы иметь право продавать и покупать, гражданам Мирового Сообщества потребуется иметь на себе знак Зверя. Никто не мог точно сказать, что конкретно должен представлять собой этот знак, но в Библии имеется краткое указание, что речь идет о метке на лбу или на руке. Подделать ее будет невозможно, а считывать ее станут каким-то особым способом. Те, на ком ее поставят, уже никогда не смогут от нее избавиться. Их ожидает вечная погибель. Тем же, кто отказался от знака Зверя, придется жить, скрываясь, и в Мировом Сообществе никто не даст за их жизнь даже ломаного гроша.

На данный момент возникало ощущение, что Рэйфорд произвел на Карпати довольно

сильное впечатление и чем-то заинтересовал его. Возможно, тот даже полагал, что, удерживая Рэйфорда в своем окружении, сохраняет таким образом определенную связь с оппозицией. Но что произойдет, если Карпати обнаружит, что Бизон тоже к нему нелоялен, а Рэйфорд все время об этом знал? А самое главное — как Рэйфорд оправдывается перед самим собой? Ведь, если вдуматься, возможность шпионить за Карпати и подслушивать его разговоры оказалась для него важнее, чем тот факт, что он служит злу.

Рэйфорд бросил взгляд на наручные часы и быстро пробежал глазами остаток страницы. Хэтти с шофером должны были подъехать к дому через считанные минуты. У него возникло ощущение сенсорной перегрузки. Любое из потрясений, которые он пережил со дня начала войны, в более спокойные времена могло бы довести нормального человека до психушки. Но Стиллу, казалось, все было нипочем. Самые отталкивающие, самые чудовищные зверства стали частью повседневной жизни. Разразилась Третья мировая война. Рэйфорд узнал о смерти одного из своих самых дорогих друзей, услышал, как Николае Карпати отдает приказ о разрушении крупнейших городов, а затем во время телетрансляции на весь мир выражает горе и отчаяние.

Рэйфорд потряс головой. Он выполнял свою работу, пилотировал новый самолет, трижды произвел посадку с Карпати на борту. Затем пообедал со старой знакомой,

улегся спать, несколько раз поговорил по телефону, встал с постели, прочел газету и теперь готовился радостно отправиться домой, к своей семье. Что за безумие охватило весь мир? Впрочем, разве могли в нем сохранить-ся остатки нормальности, если он буквально валился в тартарары?

В газетах писали про Израиль, про то, как один раввин потряс свой народ и весь остальной мир, а заодно чуть не сокрушил основы национальной религии и культуры. Сначала он пришел к убеждению, что Иисус был Мессией, а потом лишился рассудка. Рэйфорд, разумеется, знал правду об этом отважном святом и с нетерпением ожидал встречи с ним.

Он был в курсе того, что Бизон каким-то образом помог Бен-Иегуде выбраться за пределы Израиля, но не имел представления, как именно это произошло. Рэйфорду не терпелось узнать подробности. А может, им всем следует готовиться к той участи, которая постигла Циона — к мученической смерти родных? Или даже к собственной гибели? Стил знал, что это так, но пытался отогнать от себя мучительную мысль. Контраст между простой, обыденной жизнью пилота гражданской авиации, которую он вел два года назад, и пинг-понгом международной политики, куда он оказался вовлечен сейчас, был слишком силен. Переварить его Рэйфорду было не под силу.

Зазвонил телефон. Машина прибыла.

Бизона удивило то, что он увидел в церкви. Брюс хорошо потрудился, маскируя укрытие, — настолько хорошо, что журналист даже не сразу смог его найти.

Оставшись один, Бизон спустился вниз по лестнице. Затем он пересек общинный холл, прошел через узкий коридор, миновал умывальни и котельную. После этого Уильямс оказался в конце неосвещенного прохода, где было темно даже в полдень. Но где же вход? Бизон ощупал стену. Ничего! Он вернулся в котельную и щелкнул выключателем. Наверху на печи лежал электрический фонарик. Именно им Бизон и воспользовался, чтобы отыскать в одном из бетонных блоков, из которых состояла стена, выемку размером с ладонь. Упершись в нее рукой и ощущая, как в правую пятку жалом вонзается боль от свежей раны, он изо всех сил надавил на это место, и одна из секций стены слегка сдвинулась, открыв узкий проход. Бизон вошел внутрь и закрыл его за собой. Луч фонарика высветил надпись, находящуюся впереди, шестью ступеньками ниже: «Опасно! Высокое напряжение. Вход только для персонала по особому разрешению».

Бизон усмехнулся. Если бы он не знал, что на самом деле здесь находится, надпись его наверняка отпугнула бы. Он спустился по ступенькам и повернул налево. Еще несколько ступеней вниз — и вот перед ним огромная

стальная дверь. На ней он увидел такой же знак, что и на лестничной площадке, оставшейся позади. В день свадьбы Бизона Брюс показал ему, как открыть эту дверь, которая показалась бы непосвященному человеку запертой на ключ.

Бизон сжал круглую дверную ручку и попробовал провернуть ее сначала вправо, потом влево, затем вдавил внутрь где-то на четверть дюйма, после чего выдвинул на полдюйма вперед. Она вроде бы освободилась от какого-то зажима, но ни вправо, ни влево вертеться по-прежнему не желала. Тогда Бизон покрутил ее в обе стороны, предварительно вдавив внутрь — таков был секретный способ, который показал ему Брюс. Дверь распахнулась, и журналист оказался прямо перед каким-то большим предметом, с виду похожим на бокс для автоматических выключателей. Но даже для такой большой церкви, как храм общины Новой Надежды, такое количество выключателей все же не требовалось! Рама этого огромного ящика была просто-напросто очередной дверью. Она легко открылась. За ней-то и находилось потайное укрытие.

За несколько месяцев, которые прошли с момента, когда Бизон побывал здесь в прошлый раз, Брюс успел проделать просто колоссальную работу. Бизон не мог понять, где только пастор брал время, чтобы, выполнив все свои обычные обязанности, еще спускаться сюда и обустраивать подполье. Про укрытие никто не знал, даже Лоретта,

так что ремесленные навыки, которыми обладал Брюс, видимо, пришлось очень кстати. В укрытии имелись вентиляция, кондиционер, освещение, потолочное покрытие. Стены были обшиты панелями, пол настелен. Здесь присутствовали все предметы первой необходимости. Квадратное помещение размером двадцать четыре на двадцать четыре фута Брюс поделил на три комнаты. В одной из них стояла настоящая ванна с душем, другая представляла собой спальню с четырьмя двухъярусными кроватями, а третья, побольше, сочетала в себе маленькую кухню, кабинет и гостиную.

Бизон удивился тому, что у него вроде бы не возникло ни малейшего чувства клаустрофобии. Правда, он понимал: если в укрытии окажется больше двух человек, то, учитывая, насколько глубоко под землей оно находится, ощущение тесноты у них возникнет очень скоро.

Да, пастор явно не поскупился, когда оборудовал убежище. Все там было новехонькое. Бизон обнаружил в нем морозилку, холодильник, микроволновку, кухонную плиту и духовой шкаф. Казалось, Брюс использовал для хранения разных запасов каждый свободный дюйм площади. «Но не забыл ли он про связь с внешним миром?» — подумал Бизон.

Бизон обследовал пол вдоль ковра и заглянул за диван. Там обнаружился блок телефонных гнезд. Он нашел, где проводка уходит в стену, и постарался определить, в

каком месте она должна выйти из нее в коридоре.

Бизон выключил свет, закрыл дверь, замаскированную под бокс для выключателей, запер металлическую дверь, взбежал вверх по ступенькам и задвинул за собой бетонную секцию стены. Оказавшись в темном конце коридора, Бизон включил фонарик и увидел участок проводки, которая уходила в потолок.

Он вернулся в общинный холл и выглянул из окна. По положению фонарей на парковке можно было заключить, что проводка выходит из здания на уровне потолка и тянется вверх, на шпиль колокольни.

Брюс как-то говорил Бизону, что отремонтированная им колокольня — это единственное, что осталось от старой церкви, здание которой снесли тридцать лет тому назад. В прошлом там действительно были колокола, которые звоном созывали народ в храм. Они висели на своем месте и сейчас, но веревки, который когда-то проходили через дверь до закутка, где стоял звонарь, были обрезаны. Значит, колокольня играла чисто декоративную роль. А может, и нет?

Вытащив из подсобки стремянку, Бизон отнес ее в помещение для звонаря и открыл дверь. Просунувшись в люк и приподнявшись над уровнем потолка, он обнаружил кованую лестницу, ведущую в колокольню. Бизон подобрался совсем близко к старинным колоколам, покрытым копотью, пылью и паутиной. Когда он дотянулся до открытого пространства, то почувствовал, как по во-

лосам у него пробежал паук. Бизон чудом не потерял равновесие, стряхивая с себя насекомое и одновременно стараясь не уронить ни фонарик, ни стремянку. И смех и грех! Бизон фыркнул. Еще вчера за ним гнались по пустыне, пытались протаранить его машину, стреляли в него, а он в буквальном смысле прорывался к свободе сквозь пламя... И все-таки прикосновение паучка к волосам показалось ему чуть ли не более пугающим, чем все пережитые испытания.

Бизон выглянул из здания колокольни и поискал глазами проводку. Она шла все вверх и вверх, до самой остроконечной конусообразной крыши. Он забрался на верхнюю площадку стремянки и выбрался наружу. Теперь он оказался с той стороны здания, которую не освещал свет фонаря, стоящего на земле. Старая древесина, из которой была построена колокольня, казалась не очень прочной, к тому же раненую ногу Бизона пронзила стреляющая боль. «Да, великолепная получилась бы смерть! — подумал он. — Как это эффектно — отправиться к праотцам, свалившись с колокольни своей же церкви под покровом тьмы!»

Бизон внимательно оглядел окрестности, высматривая, не видно ли поблизости машин. Затем быстро посветил фонариком в то место, откуда проводка переходила на здание колокольни. Там стояла миниатюрная спутниковая тарелка, приблизительно в два с половиной дюйма в диаметре. Журналисту не удалось разобрать, что написано на

крохотном стикере, наклеенном на нее спереди, поэтому он встал на цыпочки и просто отлепил его. Он спрятал бумажку в карман и достал лишь тогда, когда снова оказался внутри колокольни, спустился по ступеням, пролез через люк и ступил на стремянку. Развернув стикер, он прочел: «Донни Мур Технолоджиз»: ваш компьютерный доктор».

Бизон убрал стремянку и начал выключать свет. В офисе Брюса он взял с полки конкорданс и отыскал в нем слово «кровля». То, что пастор установил крохотную спутниковую тарелочку на крыше, напомнило журналисту стих из Библии, где говорится о том, что хорошие вести следует возвещать с кровель. У Матфея 10, 27—28 сказано: «Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях. И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне». Что ж, воспринимать слова Библии буквально — это было вполне в духе Брюса.

Бизон отправился обратно в дом Лоретты, где намеревался часов до шести утра читать записи Брюса, а потом поспать до полудня и проснуться к тому моменту, когда Аманда привезет Рэйфорда домой из милуокского аэропорта Митчелл-Филд.

Утратит ли он когда-нибудь способность удивляться? Проехав несколько кварталов, Бизон поразился тому, насколько отличаются друг от друга два автомобиля, которые ему довелось водить за последние сутки. «Рейнд-

жровер», цена которого исчислялась шестизначной цифрой, в котором было все вплоть до кухонной раковины, — и старый автобус, древняя развалюха. Его обгорелые остатки, наверное, еще дымились в аэропорту, а прежний хозяин должен был вскоре умереть смертью мученика.

Еще более удивительным было то, что Брюс успел до своей смерти столько всего спланировать и подготовить. Немного новейшей техники — и теперь Отряд Скорби и его новый член, Цион Бен-Иегуда, скоро будут проповедовать Писание на весь мир, да так, что никто не сумеет определить их местонахождение. Благодаря спутниковой связи и Интернету эта проповедь сможет дойти до каждого, кто захочет ее услышать, а во многих случаях даже до тех, кто этого не захочет.

В половине третьего ночи по чикагскому времени Бизон вернулся из церкви в дом Лоретты и уселся за обеденный стол разбирать материалы Брюса. Они читались просто как роман. Бизон с головой ушел в библейские штудии пастора и в его комментарии к вечной книге. Попались ему и подготовительные заметки для проповеди, назначенной как раз на это воскресенье. Журналист не мог публично выступать в церкви своей общины — он и так уже оказался чересчур на виду и в результате стал слишком уязвимым. Зато в его силах было помочь Рэйфорду, которому предстояло скомпоновать в единое целое несколько заметок покойного наставника.

* * *

Хотя Рэйфорд работал в авиации уже много лет, он так и не научился справляться со сбоями биоритмов, которые вызывала смена часовых поясов. Особенно трудно ему приходилось после перелетов с востока на запад. Вот и теперь: организм пилота был настроен на то, что сейчас вечер, а так как Стил целый день просидел за штурвалом самолета, его клонило в сон. Но когда авиалайнер остановился на бетонной полосе в аэропорту Милуоки, по местному времени было всего двенадцать часов дня. Неподалеку от Рэйфорда, через проход, спала Хэтти Дюрхем — красивая, стильная. Ее длинные светлые волосы были связаны в пучок, а макияж размазался, когда она вытирала слезы.

Она проплакала почти все время перелета. Между завтраком и обедом, просмотром фильма и легкой закуской она непрерывно изливала Рэйфорду душу.

Хэтти не хотела жить с Николае Карпати. Она его разлюбила. Она его не понимала. И хотя она была не готова признать его Антихристом, в глубине души она испытывала к нему далеко не те чувства, что большинство людей, составлявших его публичное окружение.

Рэйфорд старательно избегал рассказывать ей о том, кем именно он считал Карпати. Конечно, и так было очевидно, что он не является его поклонником и даже не особенно

к нему лоялен. Однако Стил полагал, что с его стороны все же будет не слишком разумно категорически утверждать, что Властелин по всем статьям соответствует библейскому описанию Антихриста (а именно такого мнения придерживалось большинство верующих христиан).

У самого Рэйфорда, конечно, никаких сомнений уже не оставалось. Но ему не раз и не два приходилось видеть, как восстанавливаются любовные отношения, которые, казалось бы, полностью распались. Поэтому он просто не хотел давать Хэтти оружие против себя. Правда, приближался момент, когда будет уже безразлично, кто именно очернит его в глазах Карпати. Для Стила он в любом случае должен был неизбежно стать смертельным врагом.

Больше всего Рэйфорда огорчало то, что Хэтти никак не могла четко определить, как она относится к собственной беременности. Он бы порадовался, если бы она говорила, что вынашивает ребенка. Но для нее это была именно только «беременность», причем беременность нежеланная. В начале, конечно, все выглядело по-другому, но теперь, в своем нынешнем состоянии духа, Хэтти уже не хотела рожать от Николае Карпати и даже предпочитала не называть зачатое существо ни ребенком, ни малышом, ни младенцем.

Перед Рэйфордом стояла трудная задача: склонить женщину на свою сторону, но так, чтобы она сама этого по возможности не заметила. Он спросил:

— Хэтти, а как ты думаешь, какой у тебя есть выбор?

— Мне кажется, Рэйфорд, вариантов только три. Каждая женщина, забеременев, неизбежно обдумывает их все.

«О нет, далеко не каждая», — мелькнуло в голове у Рэйфорда.

Тем временем Хэтти продолжала:

— Я могу сохранить беременность и доносить ее, но не хочу этого делать. Я могу отдать новорожденного на усыновление, но не уверена, что готова при таком раскладе переносить все тяготы, связанные с беременностью и самим процессом родов. Ну и, разумеется, я могу просто прервать беременность.

— Что конкретно ты имеешь в виду?

— А что имеешь в виду ты, когда спрашиваешь, что я имею в виду? — переспросила Хэтти. — Прервать беременность — это значит прервать беременность.

— Так ты говоришь об аборте?

Хэтти уставилась на него, как на идиота:

— Ну да, конечно! А ты что подумал?

— Просто ты используешь такие выражения, что этот вариант начинает казаться самым простым выходом из ситуации.

— Это и есть самый простой выход, Рэйфорд. Ты только подумай! Очевидно, наихудшее решение — это позволить беременности развиваться, пройти через все неприятные ощущения, связанные с нею, и через муки родов. А вдруг у меня потом проснется пресловутый материнский инстинкт,

о котором все вокруг столько говорят? После нескольких кошмарных месяцев я должна буду перенести еще и мучения, связанные с рождением ребенка. А потом вдобавок отказаться от него, от чего вся ситуация только ухудшится.

— Ты только что произнесла слово «ребенок», — заметил Рэйфорд.

— Что-что?

— До этого ты говорила только «беременность». Но когда ты его родишь, он ведь станет для тебя ребенком, да?

— Да, чьим-то чужим ребенком. Уж надеюсь, что не моим.

Когда подали обед, Рэйфорд оставил эту тему. В душе он молился, чтобы ему удалось хоть в какой-то мере переубедить Хэтти, донести до нее истину. Но, увы, он никогда особо не разбирался в тонкостях человеческой психологии. Да и Хэтти отнюдь нельзя было назвать недогадливой простушкой. Так что, возможно, лучшей возможной тактикой было как раз высказать ей все напрямик.

Через некоторое время она сама вернулась к прежней теме.

— Почему тебе так хочется, чтобы я непременно чувствовала себя виноватой из-за того, что обдумываю возможность аборта?

— Хэтти, — начал Рэйфорд, — я не могу заставить тебя почувствовать вину. Ты сама должна решить все для себя. А что уж я там думаю — это дело десятое. Ведь так?

— На самом деле меня действительно волнует твое мнение. Я уважаю тебя как

человека, который знаком с моей жизненной ситуацией. Надеюсь, ты не считаешь, что для меня так легко и просто решиться на аборт, хотя это самый лучший и самый простой выход из положения.

— Самый лучший и самый простой — для кого?

— Для меня, разумеется. Иногда наступает время, когда человек должен позаботиться о самом себе. Когда я бросила работу и сбежала в Нью-Йорк, чтобы быть с Николае, я думала, что тем самым наконец делаю что-то для Хэтти. Но теперь мне разонравилось то, что я сделала, и мне пора сделать для Хэтти что-то еще. Понимаешь?

Рэйфорд кивнул. Он слишком хорошо понимал. Ему пришлось напомнить себе, что Хэтти — неверующая. Она думает только о своей пользе, а не о чужой. Да и с чего ей думать о ком-то, кроме себя?

— Хэтти, пожалуйста, дай мне еще минутку побрызгать. Давай представим, что эта беременность, этот «плод», который ты сейчас носишь, уже стал ребенком. Это твой ребенок! Может быть, его отец тебе не нравится. Может быть, тебе вообще противно на него смотреть. Но ведь младенец, рожденный тобой, — он и тебе тоже кровная родня! Ты ведь уже испытываешь к нему материнские чувства — иначе у тебя в душе не поднялась бы такая буря! Я вот какой вопрос хочу задать: а как же интересы ребенка? О них-то кто позаботится? Ну ладно, предположим, кто-то совершил ложный шаг. Давай условно

скажем, что с твоей стороны было безнравственно жить с Николае Карпати, не вступая с ним в брак. Допустим также, что твоя беременность — результат аморального союза. Но давай теперь пойдем дальше! Допустим даже, что правы люди, которые считают Карпати Антихристом. Я даже готов принять как аргумент, что ты вообще жалеешь, что решила зачать ребенка, и не сможешь стать для него хорошей матерью. Впрочем, мне все-таки кажется, что ты не вправе тем самым снимать с себя ответственность подобно жертвам изнасилования или кровосмешения.

Но ведь даже и в таких обстоятельствах убийство невинного — это не выход, правда? Конечно, люди отстаивают свое право на выбор. Но нужно понимать: их выбор — не просто абстрактное «прерывание беременности», не какой-то там непонятный «аборт», а убийство человека — в полном смысле слова. И кого же при этом убивают — одного из тех, кто оступился, совершил ошибку? Насильника, кровосмесителя? Женщину, которая забеременела вне брака? Нет, выход всегда сводится к тому, чтобы убить существо, которое как раз меньше всех виновато в происшедшем.

Рэйфорд зашел слишком далеко и сам это понял. Он бросил взгляд на Хэтти. Она зажала уши руками, по лицу у нее ручьем текли слезы. Стил взял было ее за руку, но она вырвала ее. Он наклонился в кресле еще сильнее и схватил ее за локоть.

— Хэтти, пожалуйста, не отстраняйся от меня. Прошу тебя, не думай, что я хочу обидеть тебя лично. Просто воспринимай мои слова как речь человека, защищающего права того существа, которое не может само их отстоять. Если даже ты не хочешь встать на защиту своего ребенка, должен же хоть кто-нибудь это сделать?

Услышав это, Хэтти вырвала локоть и резко отстранилась от Рэйфорда, а потом закрыла лицо руками и зарыдала. Стил злился на самого себя. Ну почему он не способен учиться на своих прежних ошибках? Ну почему он не мог на все наплевать и мирно помалкивать? Он верил в то, что говорил, и был убежден, что Бог придерживается такого же мнения. Все аргументы, которые сейчас привел Рэйфорд, были для него значимы и осмыслены. Но одновременно он понимал, что Хэтти может с порога отвергнуть все, сказанное им, просто потому, что он — мужчина. Да разве он в силах понять ее состояние? Ему-то самому никто никогда не указывал, что делать с собственным телом, а чего не делать.

Стилу хотелось сказать девушке, что он понимает и это. Но тут перед ним вставал новый вопрос: а что, если нерожденный младенец — тоже женского пола? Кто защитит права этой маленькой женщины?

Хэтти не разговаривала с Рэйфордом несколько часов. Он знал, что заслужил это.

«Но есть ли у меня время на дипломатические уловки?» — спрашивал он себя. Он

понятия не имел, каковы планы молодой женщины. А ведь увещевать и уговаривать ее он мог, лишь пока они находятся рядом.

— Хэтти, — начал было Стил, но она на него даже не взглянула. — Хэтти, пожалуйста, позволь мне сказать тебе еще одну вещь. Я очень хочу, чтобы ты простила мне все те слова, которыми я мог тебя как-то обидеть, задеть твои чувства. Я надеюсь, на сегодняшний день ты уже достаточно хорошо меня изучила, чтобы понять: я сделал это не нарочно. А самое важное — я хочу, чтобы ты знала: я — один из немногих друзей, которые есть у тебя в Чикаго, друзей, которые любят вас и желают тебе добра. Мне бы очень хотелось, чтобы ты подумала, не сможешь ли ты на обратном пути заехать к нам на Маунт-Проспект. Даже если меня там не окажется из-за того, что я улечу в Новый Вавилон раньше тебя, все равно загляни к нам, повидайся с Хлоей и Бизоном. И с Амандой тоже поговори. Сможешь это сделать?

Хэтти наконец-то удостоила его взглядом. Сжав губы, она с извиняющимся видом покачала головой:

— Скорее всего, нет. Я благодарна за то, как ты ко мне относишься, и принимаю твои извинения. Но насчет того, чтобы к тебе заехать... нет, вряд ли.

На этом все и закончилось. Рэйфорд злился на себя. Мотивы его были чисты. Стил верил, что рассуждает правильно. Но он, вероятно, слишком сильно понадеялся на свои

личные возможности и слишком мало — на Бога, на то, что Господь сам изменит сердце Хэтти. Теперь Рэйфорду оставалось только одно: молиться за нее.

Когда самолет наконец остановился, Рэйфорд помог спутнице вытащить сумку из высоко расположенной сетки для багажа. Хэтти поблагодарила его. Он не решался с ней больше ни о чем заговаривать. Ему уже и так пришлось немало перед ней извиняться.

Хэтти еще раз вытерла лицо и сказала:

— Рэйфорд, я знаю, ты хочешь как лучше. Но иногда ты просто выводишь меня из себя. И это, наверное, хорошо, что между нами так ничего и не было.

— Вот уж спасибо так спасибо, — ответил Рэйфорд, напуская на себя оскорбленный вид.

— Я серьезно, — сказала Хэтти. — Ты знаешь, что я имею в виду. Мне кажется, нас слишком многое разделяет — и возраст, и всякие другие вещи.

— Я догадываюсь, — ответил Рэйфорд.

Вот, значит, какой прозаический итог она подвела их отношениям! Что ж, отлично. Но это в любом случае еще не конец. Может, Рэйфорд и не самым удачным образом взялся за дело, зато понял одну важную вещь: если он попытается уладить все именно сейчас, то заведомо ничего не добьется.

Когда они вошли в зал ожидания, Рэйфорда встретила долгожданная улыбка Аманды. Он бросился к жене, и она его крепко обня-

ла. Но, страстно поцеловав мужа, Аманда тут же отпрянула:

— Ой, Хэтти, простите, что не поздоровалась с вами! Это я не нарочно. Но, честно говоря, увидеть Рэйфорда мне хотелось гораздо больше.

— Я понимаю, — уныло ответила Хэтти, пожимая Аманде руку и отводя глаза.

— Подкинуть вас куда-нибудь? — спросила Аманда.

Хэтти усмехнулась:

— Вообще-то весь мой багаж отправили в Денвер. Может, туда меня подбросите?

— А, все понимаю! — воскликнула Аманда. — Тогда мы, пожалуй, проводим вас до выхода на посадку?

— Да нет, обойдусь. Я знаю этот аэропорт. Мы здесь несколько раз делали остановки, и я просто постараюсь немного передохнуть.

Рэйфорд и Аманда попрощались с Хэтти. Молодая женщина вела себя достаточно искренне и сердечно. Однако когда она, уходя, встретила с Рэйфордом глазами, то поджала губы и отрицательно покачала головой. Стил почувствовал себя просто ужасно.

Сначала Рэйфорд с Амандой шли, просто держась за руки. Потом жена взяла его под руку. Чуть погодя они уже обняли друг друга за талию и шли так до самых эскалаторов, которые вели вниз, в багажное отделение. Перед ними Аманда вдруг помедлила и потянула Рэйфорда прочь от механической лест-

ницы. Ее внимание привлекло то, что показывали на мониторе.

— Рэй, — сказала она, — иди-ка сюда, взгляни на это.

Они остановились и стали смотреть сюжет, подготовленный телекомпанией Си-эн-эн/Джи-эн-эн, где были в совокупности показаны все разрушения, нанесенные войной планете. Карпати, разумеется, проинтерпретировал все в своем духе. Диктор сказал:

— Эксперты предсказывают, что количество погибших по всему миру еще возрастет и достигнет 20 процентов от общей численности населения. Потентат Мирового Сообщества Николае Карпати объявил о создании Международной организации здравоохранения, которая будет направлять и координировать все соответствующие действия на местном и региональном уровнях. Он сам и десять его мировых посланников провели в Новом Вавилоне ряд конфиденциальных встреч на высоком уровне и приняли постановление, где перечислены жесткие меры, необходимые для поддержания здоровья людей и благополучия всего Мирового Сообщества. Свое мнение по этому поводу сейчас выскажет знаменитый кардиохирург из Норвегии Сэмюэль Кляйн.

Рэйфорд прошептал:

— Это парень из команды Карпати. Я видел его в окружении Николае. Кляйн будет говорит то, чего хочет от него наш Святой Ник.

Врач начал свою речь:

— Насколько эффективно ни действовали бы в прошлом Международный Красный Крест и Всемирная Организация Здравоохранения, при всех своих достоинствах они просто не располагают достаточными ресурсами, чтобы справиться с разрушениями, болезнями и гибелью людей, когда эти страшные явления приобретают такой громадный масштаб. Провидческий замысел господина Карпати не только дает нам надежду выжить в условиях надвигающегося голода и эпидемий. Мне с первого взгляда показалось, что передо мной — самый активный и наступательный план действий, когда-либо существовавший в системе мирового здравоохранения. Некоторые специалисты предупреждают, что уровень смертности в результате загрязнения воды и воздуха, дефицита продуктов питания и прочих аналогичных явлений может достичь 25 процентов. В подобном случае лишь эти новые директивы, определяющие жизнь человека от рождения до смерти, помогут человечеству отойти от края пропасти и создать общество, в котором мы сможем достичь поистине фантастических успехов в поддержании физического здоровья людей.

Рэйфорд с Амандой направились к эскалатору. Он покачал головой.

— Иными словами, Карпати намерен убрать с глаз долой трупы людей, которых он уничтожил с помощью бомбардировок, тела

тех, кто погиб от голода и эпидемий, вызванных войной, которую развязал блистательный Господин Потентат. Зато нас, уцелевших счастливиц, ожидает такое крепкое здоровье и дивное процветание, о каких мы раньше и мечтать не могли.

Аманда взглянула на Рэйфорда.

— Вот слова, достойные лояльного служащего и верноподданного гражданина, — усмехнулась она.

Рэйфорд обнял ее и поцеловал. Они забыли обо всем вокруг, а когда эскалатор доехал донизу, споткнулись и чуть не упали.

Встретившись со своим тестем и старинным другом, Бизон обнял его как брата, каковым тот, в сущности, и являлся. Он считал для себя великой честью возможность представить Рэйфорду Циона Бен-Иегуду и присутствовать при их знакомстве. Снова собравшись вместе, члены Отряда Скорби принялись делиться друг с другом новостями и строить планы на будущее, которое, впрочем, еще никогда не казалось им таким неопределенным.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В субботу вечером Рэйфорд заставил себя остаться на ногах, пока не наступило обычное время отхода ко сну. А до того момента он, Бизон и рабби все снова и снова просматривали распечатки с материалами Брюса. Не раз Рэйфорду на глаза набегали слезы.

— Я не уверен, что справлюсь с этим, — сказал он.

— Вы справитесь, — мягко произнес Цион.

— А что бы вы стали делать, если бы мне не удалось вернуться вовремя?

— Точно не знаю, но лично я однозначно не могу идти на риск и выступать на публике, — заявил Бизон. — А уж Цион — тем более.

Рэйфорд поинтересовался, что теперь планируется делать с рабби.

— Ему ведь нельзя здесь долго оставаться? — спросил Рэйфорд.

— Конечно, нет, — подтвердил Бизон. — Важные шишки из Мирового Сообщества так или иначе скоро узнают, что он бежал из Израиля при моем участии. Честно говоря, я не удивлюсь, если вдруг выяснится, что Карпати уже в курсе.

В своем кругу они уже решили, что утром в воскресенье Циону можно будет появиться в церкви Новой Надежды, лучше всего — в сопровождении Лоретты, как бы изображая ее старого друга, который приехал в гости. Разница в возрасте между ним и старушкой была достаточно велика, и Цيون даже мог сойти за ее сына или племянника, если бы не его семитская внешность.

— Но после этого я бы не рискнул и дальше выставлять его всем напоказ, — сказал Рэйфорд. — Если укрытие готово, завтра до конца дня нужно будет незаметно переправить рабби туда.

Поздним вечером, несмотря на то, что у него все перед глазами уже стало завлакиваться какой-то дымкой, Рэйфорд созвал членов Отряда Скорби на совещание. Циона Бен-Иегуду попросили подождать в другой комнате. Рэйфорд, Аманда, Бизон и Хлоя уселись вокруг обеденного стола, на котором возвышались стопки распечаток.

Рэйфорд начал:

— Полагаю, что мне, как старейшему члену нашего маленького союза борцов за

свободу, надлежит начать это собрание — первое после смерти нашего пастыря.

Аманда смущенно подняла руку:

— Прошу прощения, но мне кажется, что старейший член организации — это я... если, конечно, имеется в виду возраст.

Рэйфорд улыбнулся. Малая толика юмора им нисколько не повредит, и он был благодарен Аманде за ее робкую попытку слегка поднять всем настроение.

— Я знаю, милая, что ты здесь действительно старше всех, — согласился он, — но как у верующего стаж у меня все-таки побольше твоего. Почти на целую неделю!

— Да, это вполне справедливо, — согласилась Аманда.

— В повестке дня на сегодняшний вечер есть один-единственный пункт: голосование о приеме в отряд нового члена. Думаю, для всех совершенно очевидно, что в лице доктора Бен-Иегуды Господь послал нам нового руководителя и наставника.

Тут громко заговорила Хлоя:

— Но мне кажется, мы требуем от него очень многого. А есть у нас ли уверенность, что ему хочется жить в нашей стране, в нашем городе?

— А куда ему деваться? — ответил Бизон. — Я хочу сказать, что, конечно, было бы гораздо правильнее спросить у него самого, а не строить предположения. Но, насколько я понимаю, выбор у него весьма ограничен.

И он рассказал всем остальным о новых телефонах, о компьютерах, которые вскоре

должны прибыть, о том, как Брюс оснастил укрытие под церковью, обеспечив возможность передавать информацию через компьютер и по линии телефонной связи, и о том, как Донни Мур сконструировал замечательную систему, которая абсолютно защищена от прослушивания, а также не позволяет выявить, откуда передается информация.

Рэйфорду показалось, что все вроде приободрились. Сам он уже успел закончить подготовку к поминальному богослужению, назначенному на завтрашнее утро, и сообщил, что собирается выдержать его строго в евангельском духе. Все помолились о том, чтобы Бог послал им веру, душевный мир и благословил их решение принять Циона в Отряд Скорби. Затем Рэйфорд предложил рабби войти.

— Цион, брат мой, нам хотелось бы попросить вас вступить в нашу маленькую активную группу верующих. Мы знаем, что вы пережили тяжелую утрату и эта душевная рана будет долго вас терзать. Мы не просим вас принять решение немедленно. Как вы могли догадаться, нам требуется, чтобы вы стали не просто одним из нас, а нашим руководителем и, по сути, нашим пастырем. Мы отдаем себе отчет в том, что может наступить день, когда все мы окажемся в тайном убежище вместе с вами. Но до того момента мы постараемся по возможности вести нормальный образ жизни, не погибнуть и распространять в обществе благую весть Христову до момента Явления Христа во Славе.

Тут Цион поднялся и положил ладони на стол перед собой. Еще недавно Бизон утверждал, что рабби выглядит моложе своих сорока шести лет. Но сейчас он увидел, каким измученным выглядит доктор Бен-Иегуда, насколько явный отпечаток наложило горе на его лицо. И вот рабби заговорил — медленно, запинаясь, с дрожащими губами.

— Дорогие братья и сестры во Христе! — произнес он с сильным еврейским акцентом. — Я глубоко польщен и тронут. Я благодарю Бога за то, что он позаботился обо мне и послал мне благословение свое в лице молодого Кэмерона, который разыскал меня и спас мне жизнь. Мы должны также молиться за наших братьев, Майкла и троих его друзей. Полагаю, они входят в число 144 000 свидетелей, которых Бог избрал себе по всему миру из колен Израилевых. Кроме того, нам следует молиться и за нашего брата Аниса. Кэмерон вам о нем уже рассказывал. Этот юноша стал орудием, с помощью которого Господь избавил нас от смерти. Я больше не знаю о нем ничего, кроме одной-единственной вещи: если станет известно, что он мог арестовать меня, но не арестовал, Анис может тоже претерпеть мученическую смерть еще до того, как нам станет об этом известно.

Как ни сильно меня сокрушила моя личная утрата, я явственно вижу, что шаги мои направляет десница Господа Всемогущего. Моя благословенная родина стала словно

солоницей в руке Его, которую Он перевернул, вытряхнув меня в воздух над пустыней. И вот я упал на землю именно там, где Он и хотел. Что же еще я могу теперь поделать?

Мне не требуется времени на размышление. Я уже обо всем помолился. Я там, где желает Бог, и я останусь здесь, пока Он этого желает. Мне совсем не по сердцу жить, скрываясь, но я же не безрассудный человек! Я с благодарностью принимаю убежище, которое вы мне предложили, и жду программ с библейскими текстами, которые Кэмерон пообещал установить на новом компьютере. Если вы и ваш технический консультант, молодой мистер Мур, сможете найти способ, приумножающий эффéкт моего служения, я буду вам чрезвычайно благодарен. Дни странствий по миру и публичных выступлений для меня, несомненно, миновали. Сейчас я с нетерпением ожидаю завтрашнего утра, когда смогу оказаться в вашем храме вместе с братьями и сестрами по вере и побольше услышать о вашем замечательном наставнике и моем предшественнике Брюсе Барнсе.

Я не могу и не хочу обещать, что займу его место в ваших сердцах. Разве кто-нибудь может заменить человеку любимого духовного отца? Однако Бог дал мне ум, который понимает много языков, сердце, которое всегда стремилось и стремится к нему, и вложил мне в душу истину, которую я, к несчастью, постиг и принял с некоторым запозданием. И посему я посвящу весь остаток своей жиз-

ни главному делу: буду делиться с вами и со всеми, имеющими уши, Благой Вестью Иисуса Христа, Мессии, Спасителя — моего Мессии и моего Спасителя.

С этими словами Цион рухнул на стул. Кажалось, рабби совершенно лишился сил. Рэйфорд и остальные члены Отряда Скорби все как один повернулись к нему и опустили рядом с ним на колени.

Бизон ощущал присутствие Господа столь же явственно, как и во время бегства через Израиль и Египет. Он понимал, что пространство и время — не преграда для его Бога. Позже, когда они с Хлоей отправились спать, оставив Рэйфорда в одиночестве шлифовать текст завтрашней речи, они помолились о том, чтобы Верна Зи выполнила свое обещание прийти на службу.

— Она — ключ ко всему, — заявил Бизон. — Хлоя, если Верне попадет вожжа под хвост и она хоть что-нибудь где-нибудь обо мне сболтнет, наша жизнь перевернется сразу и навсегда.

— Бизон, в нашей жизни каждый день происходят сплошные перевороты — вот уже почти два года подряд.

Бизон обнял ее, и она прильнула к его груди. Муж почувствовал, как она расслабилась в его объятиях, и через несколько минут, услышав ее глубокое, ровное дыхание, понял, что она заснула. Сам он пролежал без сна еще около часа, глядя в потолок.

В восемь часов Бизон проснулся и обнаружил, что он один в постели. Ноздри ему защекотал запах завтрака. Наверное, Лоретта уже побывала в церкви.

Бизон знал, что Хлоя и Аманда подружились и частенько работали вдвоем, но он был удивлен, обнаружив, что Цион тоже хлопочет на кухне.

— Наверное, в нашу утреннюю трапезу стоит внести ближневосточный колорит, как вам кажется? — спросил рабби.

— Звучит соблазнительно, брат мой, — ответил Бизон. — Лоретта вернется домой около девяти, чтобы отвести вас в церковь. А мы с Амандой и Хлоей отправимся туда, как только закончим завтрак.

Бизон догадывался, что в это утро в храме соберется большая толпа. Однако он все же не ожидал увидеть, что на несколько кварталов вокруг все парковки будут забиты, а улицы запружены машинами. Не будь у Лоретты зарезервировано место на стоянке, ей с Ционом, возможно, пришлось бы оставить автомобиль дома и идти в церковь пешком. Тем не менее она потом рассказала Бизону, что, когда они с рабби добрались до храма, кто-то уже поставил машину на ее законное место и ей пришлось сгонять захватчика.

Циону было не слишком разумно показываться в церкви вместе с Бизоном. Поэтому Бизон сел рядом с Хлоей и Амандой, а Ло-

ретта и рабби обосновались в задних рядах. И все они, кроме Циона, высматривали в толпе, не появилась ли Верна.

* * *

Рэйфорд не узнал бы Верну, даже если бы она оказалась прямо перед ним. В то утро он был слишком занят собственными мыслями и всевозможными обязанностями. Минут за пятьдесят до начала службы он сделал распорядителю похорон знак доставить гроб в храм и открыть его.

Рэйфорд как раз находился в офисе Брюса, когда к нему снова прибежал распорядитель.

— Сэр, вы действительно настаиваете, чтобы я это сделал? В храме уже сейчас столько народу, что стены ломятся.

Рэйфорд не то чтобы не поверил распорядителю, но все-таки отправился в церковь, чтобы оценить ситуацию самолично. Он заглянул внутрь через дверь, выходящую на возвышение. Да, открывать гроб на глазах стольких людей было бы и в самом деле неуместно. Если бы тело Брюса выставили в церкви для прощания, пока все только собиравшись, получилось бы гораздо лучше.

— Тогда просто выкатите гроб, не снимая крышки, — сказал Рэйфорд. — А прощание с покойным мы назначим позже.

Когда Рэйфорд отправился назад в офис, они с распорядителем увидели в пустом коридоре, ведущим на помост, гроб, рядом с которым стояли служки. Рэйфорда вдруг охватил внезапный порыв.

— Вы не могли бы открыть его сейчас для меня, совсем ненадолго?

— Конечно, сэр, если вы на минутку отвернетесь, чтобы не смотреть, как мы это делаем.

Рэйфорд повернулся к ним спиной и услышал звук открываемой крышки и шорох ткани.

— Готово, сэр, — произнес распорядитель.

Брюс уже не казался настолько живым, как тогда, у развалин больницы, где Стил отыскал его тело. Теперь труп действительно выглядел скорее как покинутая душой оболочка, каковым он, по мысли Рэйфорда, и являлся. Что было тому виной — особенности освещения, временная дистанция, его собственное горе или усталость, — Рэйфорд не знал. Сейчас он видел перед собой лишь земную обитель своего друга, и Брюс ее уже покинул. Ее облик служил лишь отражением личности, которая когда-то в ней обитала. Рэйфорд поблагодарил распорядителя и направился обратно в офис.

Он был рад, что ему удалось в последний раз взглянуть на пастора. И дело было вовсе не в том, что Стил нуждался в каком-то символическом завершении, которое многие люди связывают с церемонией прощания. Нет,

Рэйфорд просто боялся, что, если он увидит тело Брюса во время публичного прощания с покойным, то будет так потрясен его безжизненным видом, что не сумеет выдать из себя ни слова. Но теперь такой опасности уже не было. Рэйфорд, конечно, волновался, но более чем когда-либо был уверен, что сумеет рассказать собравшимся людям и о самом Брюсе, и о Боге, которому тот служил

* * *

Бизон ощутил в горле комок в тот самый момент, когда переступил порог церкви и увидел собравшуюся толпу. Его поразило даже не количество людей, а то, что они пришли заранее в столь ранний час. Кроме того, не было слышно, чтобы прихожане переговаривались между собой, как это бывает на обычной воскресной утренней службе. Кажется, никто даже шепотом не разговаривал. Молчание было странным и пугающим, каждый мог истолковать его как дань уважения Брюсу. Многие плакали, но ни один человек не всхлипывал — по крайней мере, пока. Все просто сидели, большинство — со склоненными головами, и некоторые читали коротенькие программки, в которых были изложены основные даты биографии Брюса. Бизона удивила стихотворная строчка, которую кто-то, скорее всего Лоретта, напечатал

внизу на обороте программы. Она звучала так: «Я ведаю: мой Искупитель жив».

Бизон почувствовал, как дрожит Хлоя, и понял, что она вот-вот заплачет. Он обнял ее за плечи, случайно задев рукой Аманду, сидевшую с другой стороны. Та обернулась, и Бизон увидел слезы у нее на глазах. Он положил ей руку на плечо. Так они и сидели все вместе, погружившись в безмолвную скорбь.

Ровно в десять часов, минута в минуту — у Бизона мелькнуло в голове, что именно такую точность и должен соблюдать настоящий пилот, — Рэйфорд в сопровождении еще одного церковного старосты вошел в дверь, расположенную сбоку от возвышения. Он уселся, тогда как его спутник подошел к кафедре и жестом дал понять, что все должны встать. Под его началом прихожане спели два гимна — так медленно, тихо и выразительно, что Бизон еле сумел разобрать слова. Когда гимны закончились, староста сказал:

— Этим и ограничится наша предварительная служба. Литургии сегодня не будет. Мы так же не станем делать никаких объявлений. Все встречи, как указано в расписании, назначены на следующее воскресенье. Сегодня мы проведем только поминальную службу по нашему дорогому умершему пастору Брюсу Барнсу.

Далее староста рассказал, где и когда родился Брюс, а также где и когда он умер.

— Преподобного опередили его жена, дочь и два сына, которые вознеслись вме-

сте со всей церковью. Сегодня утром перед нами выступит староста Рэйфорд Стил, который стал членом нашей конгрегации сразу после Вознесения верующих. Он был другом и доверенным лицом Брюса. Рэйфорд произнесет речь в его честь и сделает краткое сообщение. А в четыре часа дня желающие могут снова прийти в храм для прощания с покойным.

Рэйфорд чувствовал себя так, словно его вынесло в другое измерение. Он услышал свое имя, прекрасно осознавая, что ему предстоит сделать нынешним утром. «Может быть, во мне включился какой-то механизм психической защиты? — подумал он. — А может, Бог таким образом помогает внутренне отстраниться от моего горя и прочих эмоций, чтобы я смог говорить ясно и четко?

Других объяснений Рэйфорд подобрать не мог. Ведь если чувства захлестнут его, он действительно никак не сможет произнести свою речь.

Он поблагодарил старосту, выступавшего перед ним, и раскрыл свои записи.

— Члены общины Новой Надежды и ее друзья, — начал он, — а также родственники и близкие друзья Брюса Барнса! Я рад приветствовать вас сегодня во имя Иисуса Христа, Господа и Спасителя нашего!

Если я чему-нибудь научился на своем веку, так это тому, что оратор никогда не должен извиняться и оправдываться перед

аудиторией. Позвольте же мне впервые нарушить это правило, потому что я знаю: невзирая на то, какая душевная близость связывала меня с Брюсом, задача, стоящая передо мной сейчас, мне не по силам. Честно говоря, сам Брюс сказал бы вам, что ему она тоже не по силам. Справиться с нею может только Иисус.

Должен вам сразу признаться, что стою перед вами здесь не в качестве церковного старосты, не в качестве прихожанина и уж, разумеется, не в качестве проповедника. Бог не наделил меня красноречием. Конечно же, никто не предполагает, что, стоя на этом месте, я могу заменить Брюса. Я вышел сюда потому, что любил его. Кроме того, сложилось так, что по многим причинам, главная из которых заключается в том, что Брюс оставил после себя бесценные записи, я лучше других готов рассказать о нем.

Бизон крепко обнял Хлою — не только для того, чтобы поддержать ее, но и для того, чтобы успокоиться самому. Он глубоко сопереживал Рэйфорду. Как же, должно быть, ему сейчас трудно! Его поразило, что в такой ситуации Стил умудряется так четко говорить, так ясно выражать свои мысли. Бизон знал, что на месте Рэйфорда сам он наверняка бы сорвался.

Тем временем Рэйфорд продолжал:

— Я хочу рассказать вам, как я впервые встретился с Брюсом, потому что знаю: многие из вас познакомились с ним при точно та-

ких же обстоятельствах. Это был момент, когда у каждого из нас случилась самая большая в жизни беда, и Брюс в этом смысле опередил нас всего на несколько часов.

И тут Бизон вновь услышал историю, которую ему уже доводилось выслушивать много раз: как жена Рэйфорда предупреждала его, что близится Вознесение церкви, как он и Хлоя остались на земле, а Ирэн с Рейми исчезли и как Рэйфорд разыскал общину, где Ирэн слушала благую весть. Брюс Барнс, единственный из причта, остался среди людей и точно знал, почему так случилось. За одно мгновение он превратился в непоколебимого прозелита и последователя Евангелия. Брюс упросил Рэйфорда и Хлою выслушать его собственное свидетельство о том, как он среди ночи вдруг лишился жены и троих маленьких детей. Рэйфорд был готов открыться навстречу истине, а Хлоя сохраняла скептический настрой. Ей потребовалось еще некоторое время, чтобы изменить свое мнение.

Брюс дал каждому из них копию видеозаписи, оставшейся после его духовного руководителя, который именно с этой целью ее и сделал. Рэйфорда поразило, что священник, видимо, заранее знал, что ему предстоит. Ссылаясь на Библию, пастор объяснил, что все произошедшее было предсказано, после чего рассказал, каким путем можно прийти к спасению. И Рэйфорд не пожалел времени, чтобы изучить этот несложный план действий. Он не раз бывал и на занятиях воскресной школы, и на собраниях свидетельств.

Бизона всякий раз глубоко трогало то, что Брюс называл «старой-престарой историей». Рэйфорд сказал:

— В течение многих сотен лет именно этот вопрос люди толковали наиболее превратно. Если бы минут за пять перед Вознесением верующих вы остановили на улице несколько человек и спросили у них, что говорят христиане о Боге и Небесах, то девять из десяти ответили бы, что церковь требует вести добродетельную жизнь, заботиться о других, быть добрыми, жить в мире. Как красиво звучат эти слова и насколько мало они имеют отношения к истине!

Но в Библии ясно сказано, что вся наша праведность подобна замаранной одежде. Нет праведных — ни единого. Все мы пошли своими собственными путями. Все согрешили и лишены славы Божией. И с точки зрения Господа, все мы достойны наказания смертью.

Я оказался бы весьма нерадивым и самым плачевным образом подвел бы вас, если бы закончил поминальную службу по человеку, который был настолько исполнен евангельского духа, не рассказав вам то, что он говорил и мне, и всем остальным, с кем вступал в контакт за последние два года своей земной жизни. Иисус уже заплатил за нас. Труд сей уже совершен. Но должны ли мы вести добродетельную жизнь? Должны ли стремиться к добру изо всех сил? Должны ли заботиться о других и жить мирно? Конечно, да! Но заслужим ли мы этим спа-

сение? В Писании ясно говорится, что человек спасается благодатью благодаря вере своей, а не сам по себе; и не делами спасаемся мы, как бы кто ни хвалился. И если мы живем настолько праведно, насколько можем, то это лишь в благодарность за бесценный подарок Божий — наше спасение, за которое сам Христос с лихвою заплатил на кресте.

Вот что сказал бы вам сегодня утром Брюс Барнс, если бы тленная оболочка, лежащая перед вами в гробу, все еще служила ему обиталищем. Все, кто его знал, знали и то, что эта весть, которую он призван был нести в мир, заполнила собой всю его жизнь. На Брюса сокрушительно подействовала утрата близких, а также горе, вызванное грехом и неспособностью установить с Богом ту связь, которая могла бы послужить гарантией жизни вечной.

Но он не погряз в жалости к самому себе. Брюс быстро стал ученым знатоком Писания, человеком, несущим людям благую весть. Эта кафедра оказалась для него тесна. Он начал создавать церкви по всей Америке, а потом проповедовать по всему миру. Но по воскресеньям он обычно бывал здесь, так как своей наиглавнейшей обязанностью считал окормление именно этого стада. Однако и вы, и я — словом, все мы — отпускали его в путешествия, потому что знали: перед нами человек, которого весь мир недостоин.

Бизон внимательно следил за Рэйфордом, когда тот замолчал. Он отошел в сторонку от кафедры и взмахнул рукой в сторону гроба.

— А теперь, — произнес он, — если только у меня хватит душевных сил, я хотел бы обратиться к самому Брюсу. Вы все знаете, что тело его мертво. Оно не может меня услышать. Но все же я скажу, — продолжил Рэйфорд, поднимая глаза к небу, — Брюс, мы тебе благодарны. Мы завидуем тебе. Мы знаем, что ты сейчас с Христом, а это, как сказал апостол Павел, намного лучше.

Мы признаемся, что нам не нравится то, что случилось. Нам больно. Нам тебя не хватает. Но в память о тебе мы обещаем продолжать свое дело, не бросать его, стараться изо всех сил, что бы ни произошло. Мы будем изучать материалы, которые ты нам оставил, и сохраним эту церковь — духовный маяк, который ты зажег во славу Божию.

Чувствуя себя совершенно измученным, Рэйфорд поднялся обратно на кафедру.

— Я также повел бы себя халатно и недобросовестно, если бы не поделился с вами как минимум основными мыслями из проповеди, которую Брюс готовил к сегодняшнему дню. Это важная проповедь, и ни один из нас, входящих в руководство общины, не хотел бы, чтобы вы лишились возможности с ней познакомиться. Могу сказать, что я сам перечитывал ее не единожды и каждый раз это становилось для меня подлинным благословением. Но прежде чем к ней перейти, я

чувствую, что обязан дать высказаться всем, кто чувствует потребность что-то сказать в память нашего дорогого брата.

Тут Рэйфорд сделал от микрофона шаг назад и стал ждать. Несколько секунд ему даже казалось, что он застал прихожан врасплох и все попросту растерялись. Наконец с места поднялась Лоретта.

— Вы все меня знаете, — сказала она. — Я была секретарем Брюса с того дня, когда остальные исчезли. Если вы помолитесь о том, чтобы мне удалось сдержать свои чувства, то я смогу кое-что сказать о пасторе Барнсе.

И Лоретта поведала собравшимся свою давно всем известную историю — как она осталась на земле во время Вознесения верующих, одна-единственная из более чем сотни своих кровных родственников.

— Нас, тех, кто был членом общины до того дня, в этом зале наберется где-то с десятков, — сказала старушка. — Все мы знаем, кто мы такие, и хотя мы благодарны Богу за то, что в конце концов нам удалось найти истину, все равно мы непрестанно жалеем о том, что впустую потратили столько лет.

Бизон, Хлоя и Аманда повернулись на своих местах, чтобы получше расслышать речь Лоретты. Бизон заметил, что в руках у людей по всему храму замелькали бумажные салфетки и носовые платки.

Лоретта закончила так:

— Брат Барнс был очень даровитым человеком, который сделал чрезвычайно большую ошибку. И как только он постиг Господа и посвятил остаток дней своим служению Богу, он стал пастырем для тех, кто остался от общины. Я даже сосчитать не могу, сколько людей он лично привел к Христу. Но зато я могу сказать вам следующее: он ни к кому не относился пренебрежительно, никого не осуждал, ни на кого не раздражался. Он был серьезен и сострадателен. Своей любовью вел людей в Царство Божие. Нет, он никогда не был настолько вежлив, чтобы скрывать от окружающих правду о них же самих. Здесь многие могут это подтвердить. Но его главной и единственной целью было завоевывать души, чтобы вести их к Христу. Я лишь об одном молюсь: если здесь есть человек, который еще не определил свою позицию окончательно, то пусть он поймет, что, может быть, он и является причиной, по которой мы всегда сможем сказать, что Брюс погиб не напрасно. Его страстное желание спасти души людские сохраняется и за порогом смерти.

Тут Лоретта не смогла совладать со своими чувствами. Она села. Смуглый мужчина, расположившийся рядом со старушкой, которого знали только она сама да члены Отряда Скорби, мягко обнял ее за плечи.

Рэйфорд стоял и слушал, как люди в разных концах храма, вставали со своих мест, брали слово и свидетельствовали о том, как

повлиял на их жизнь Брюс Барнс. Рассказы все длились и длились; прошло уже больше часа.

Наконец, когда наступило затишье, Рэйфорд сказал:

— Мне очень жаль, что я вынужден прервать наши выступления. Но если кто-то еще не успел высказаться, прошу говорить покороче. Сейчас может взять слово еще один человек, после чего я дам возможность удалиться всем, кто по каким-то причинам должен покинуть наше собрание. Затем я зачитаю записи Брюса, которые он сделал для проповеди, назначенной на сегодняшнее утро. Присутствовать при этом не обязательно.

Поднялся Цион Бен-Иегуда.

— Вы меня не знаете, — заявил он. — Я представляю международную общину, которая тоже была нивой, на которой ваш пастор очень долго, серьезно и плодотворно трудился. Многие, многие духовные лидеры христиан по всему миру были с ним знакомы, считали его своим пастырем и стали благодаря ему ближе к Христу. Молясь о вас, я прошу Бога о том, чтобы вы продолжили служение Брюса, сберегли память о нем, чтобы вы, как сказано в Писании, «не унывали, делая добро».

Тут Рэйфорд объявил:

— Если хотите, можете встать. Разомните ноги, обнимите друзей, поздоровайтесь со знакомыми.

Люди стали подниматься, потягиваться, пожимать друг другу руки, обниматься, но при этом почти все хранили молчание.

— Сейчас, когда вы поднялись с мест, я хочу отпустить тех, кто слишком устал, проголодался или должен уйти по каким-то другим причинам. Я зачитаю в обобщенном виде то, что хотел сказать Брюс в это утро. Заранее извиняюсь, что мне приходится вам зачитывать что-то из этой проповеди. В отличие от нашего покойного брата, я не проповедник, поэтому отнеситесь ко мне снисходительно. Сейчас мы сделаем перерыв на пару минут, так что уходите, не стесняясь, если требуется.

Рэйфорд, пятясь, отошел от кафедры и сел. Все члены конгрегации снова опустились на свои места и выжидающе смотрели на него. Когда стало окончательно ясно, что уходить никто не собирается, раздался чей-то смешок, потом еще один. Затем захихикало сразу несколько человек. Рэйфорд улыбнулся, пожал плечами и вернулся на кафедру.

— Мне кажется, в этой жизни есть вещи поважнее, чем личное удобство, правда? — спросил он.

В ответ несколько голосов произнесли «аминь». Рэйфорд открыл свою Библию, а вместе с ней — записи Брюса.

Бизон уже знал, что ему предстоит услышать. Он перечитал весь материал как минимум столько же раз, сколько и Рэйфорд, и по-

могал сводить заметки воедино. И все-таки он волновался. Людей, несомненно, должен был вдохновить рассказ о тех пророчествах, которые Брюс считал уже осуществившимися, а также о предсказаниях Барнса, сбывшихся уже после его смерти.

Рэйфорд решил начать с пояснений:

— Насколько мы смогли понять, пастор сделал эти заметки для проповеди на прошлой неделе, находясь на борту самолета, летящего в Штаты из Индонезии. Файл так и называется — «Проповедь». На нем стоит сегодняшняя дата. В нем содержится краткое изложение содержания и много комментариев. По случайности в текст замешались и заметки личного характера. Сейчас, после кончины Брюса, я чувствую, что вправе поделиться с вами некоторыми из них. Другие же именно факт его кончины заставляет сохранить в тайне.

Так, например, вкратце изложив, что он хочет сказать в проповеди, Брюс пишет: «Вчера вечером и всю ночь я чувствовал себя плохо, и сегодня мне не стало лучше. Меня предупреждали, что, невзирая ни на какие прививки, в Индонезии можно подцепить разные опасные вирусы. Я не вправе жаловаться. Раньше я тоже часто и много путешествовал, но никаких проблем у меня не возникало. Бог был со мной. Конечно, Он со мной и сейчас, но я чувствую, что у меня началось обезвоживание организма. Если по возвращении мне не станет лучше, я просто умру».

Вот так, — добавил Рэйфорд, — мы можем немного узнать о том заболевании, которое подорвало его силы и вызвало тот коллапс, который случился с ним в церкви по возвращении. Как известно большинству из присутствующих, Брюса тогда спешно отправили в больницу, и нам кажется, что он скончался там именно от болезни, а не погиб под бомбежкой.

Здесь же Брюс кратко излагает одно сообщение, которое казалось ему чрезвычайно важным и срочным. Он пишет: «Я пришел к убеждению, что полуторагодичный период мира, начавшийся, когда Антихрист заключил договор с Израилем, сейчас заканчивается. Если я прав, то мы можем отсчитывать эпоху Скорби от момента, когда был подписан договор между народом Израиля и организацией, которая тогда называлась ООН. Это означает, что нам пора готовиться к худшему, поскольку мы находимся в опасной близости от событий, о которых идет речь в мрачном, зловещем предсказании, относящемся к периоду Скорби. Речь идет о Рыжем коне Апокалипсиса. В Откровении 6: 3—4, говорится, что им правит всадник, который возьмет мир с земли, и что люди будут убивать друг друга; и будет дан ему огромный меч. Мне кажется, что здесь предсказана всемирная война. Вероятно, она будет называться Третьей мировой. Ее станет разжигать Антихрист, который тем не менее захочет выставить себя великим избавителем от бедствий, вызванных ею, и великим

миротворцем, поскольку является великим лжецом.

И вслед за этим конем сразу же явятся еще два коня Апокалипсиса — Вороной конь мора и голода, а также Бледный конь смерти. Они придут почти одновременно. Наверное, никого и не удивит, что мировая война привела к голоду, эпидемиям и смертям».

Кого-нибудь эти слова удивили, как они удивили меня, когда я впервые прочел их? — спросил Рэйфорд, и в ответ люди во всех концах храма закивали. — Хочу напомнить: тот, кто их написал, умер то ли непосредственно перед тем, то ли сразу после того, как на землю упала первая бомба мировой войны, в разгар которой мы сейчас живем. Он не знал в точности, когда ей суждено разразиться, но не хотел упустить ни одного воскресенья, не поделившись с вами истиной, которая ему открылась. Уж не знаю, как вы, но я лично склонен серьезно относиться к словам человека, который с такой точностью смог истолковать пророчество, содержащееся в Писании. А вот что Брюс говорит в своих заметках о нашем ближайшем будущем:

«Теперь у всех осталось мало времени. В Откровении 6: 7—8 сказано, что Всадник на Бледном коне — это смерть и что за нею следует ад; и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом, и голодом, и мором, и зверями земными. Признаюсь, я не понимаю, что имеется в виду в том месте, где Писание говорит о «зверях земных». Возможно, это животные, которые

станут пожирать людей, когда их во время войны бросят без защиты. А может быть, великий зверь земной — это какая-то метафора, символизирующая оружие, которое будет пущено в ход Антихристом и его противниками. Как бы то ни было, но четверть населения планеты исчезнет с лица земли».

Далее Брюс продолжает: «Не так давно я поделился этими размышлениями с тремя близкими людьми, моими соотечественниками, и попросил их задуматься над тем, что в комнате нас четверо. Разве не существует возможность того, что один из нас в надлежащий срок скончается? Конечно же, существует. Могу ли я потерять четверть людей, из которых состоит моя община? Я молюсь о том, чтобы смерть обошла ее стороной, но у меня по всему миру столько общин, которыми я руковожу, что невозможно вообразить, что все люди, входящие в них, уцелеют. И если взять ту четверть населения земли, которой суждено погибнуть, то наверняка многие, очень многие из этих людей окажутся святыми Скорби...

Учитывая, на каком уровне находится современная техника, во время мировой войны понадобится совсем немного времени, чтобы вызвать разрушения и опустошить огромные территории. Последние три всадника Апокалипсиса промчатся по планете один за другим, без перерыва. Вспомним, что даже Вознесение церкви само по себе вызвало значительный хаос — аварии, пожары, самоубийства. И если уж это безболезненное,

бескровное исчезновение так всех напугало, представьте себе, в какое отчаяние погрузится мир, терзаемый мировой войной, голодом, эпидемиями и смертью».

Тут Рэйфорд поднял взгляд от заметок Брюса.

— Вчера в аэропорту мы с женой смотрели новости, — произнес он. — Я уверен, что многие из вас, находясь в разных местах, тоже находились перед телеэкранами. Так вот, мы видели все то, о чем говорится в записях Брюса. Об этих вещах сообщалось со всех концов света. Только самый прожженный скептик способен обвинить нас в том, что мы сочинили все задним числом. Но так и быть — предположим, что вы здесь все скептики. Предположим, вы полагаете, что мы — шарлатаны. Но кто же написал Библию? И когда именно ее написали? Давайте забудем про Брюса Барнса и его предсказания, сделанные в наши дни, всего за неделю до того, как они стали свершившимся фактом. Подумайте о пророчествах, записанных тысячи лет назад! Можно себе представить, какую боль испытывал Брюс, готовя эту проповедь. Он сделал на полях такую заметку: «Я терпеть не могу приносить дурные вести. В прошлом у меня была проблема, которая заключалась в том, что я еще и страшно не любил их слушать. Я отгораживался от них. Я затыкал уши. Я узнал бы все, имей я только уши, чтобы слышать. И на сей раз я вынужден принести еще больше дурных вестей и не могу снять с

себя эту обязанность, хотя она меня страшно печалит».

Эти слова показывают, какая буря поднялась тогда в душе у Брюса, — сказал Рэйфорд — И поскольку именно мне выпало на долю зачитать его проповедь, я всецело разделяю его тогдашние переживания. Следующая часть его плана проповеди показывает, что четыре всадника Апокалипсиса символизируют снятие первых четырех печатей из семи. В Откровении 6: 1—16 сказано, что это случится в первый двадцать один месяц эпохи Скорби. По расчетам Брюса, а он отталкивался от момента подписания договора между Израилем и ООН, которая теперь именуется Мировым Сообществом, — мы приближаемся к окончанию этого двадцатидвумесечного периода. А следовательно, нам надлежит ясно понять, с чем будет связано снятие пятой, шестой и седьмой печатей, которое предсказано в Откровении. Как вы знаете, ведь еще раньше вас учил этому сам Брюс, нас впереди ожидают еще две кары Господни, каждая из семи частей, после которых наступят конец семилетней эпохи Скорби и Второе пришествие Христа. Сначала на землю обрушат гнев Божий семь ангелов, трубящих в трубы, потом — семь ангелов, несущих золотые чаши. И кто бы ни стал вашим пастором и духовным наставником, я уверен, что в должный час он бережно проведет вас через эти испытания. А пока позвольте мне, вооружившись заметками и комментариями Брюса, донести до каждого

из нас, чего мы должны ожидать в течение нескольких ближайших недель.

Рэйфорд был совершенно обессилен, но еще больше его угнетало то, какие вести — отнюдь, увы, не добрые! — должен он сейчас принести общине. Мысли о них непрерывно прокручивались у него в голове.

Рэйфорд ощутил слабость. Ему хотелось есть. Он умел достаточно хорошо отслеживать сигналы собственного организма, чтобы понять: в крови у него упал уровень сахара.

— Я предлагаю сделать перерыв — минут на пять, не больше. Я знаю, что многим из вас требуется сходить в туалет. Я лично должен чего-нибудь выпить. Собираемся здесь же, ровно в час дня.

Он сошел с возвышения. Аманда выскочила в боковую дверь и встретила его в коридоре.

— Что тебе сейчас нужно? — спросила она.

— Это если не считать твоих молитв?

— Да я за тебя все утро молюсь, — сказала женщина, — ты же знаешь. Чего тебе хочется? Может, сока апельсинового?

— Ты так говоришь, как будто я диабетик.

— Я просто знаю, чего захотелось бы мне, если бы я так долго выступала на публике, не имея даже маковой росинки во рту.

— Да, соку выпить было бы неплохо, — согласился он.

Аманда поспешно ушла, а к Рэйфорду в коридоре подошел Бизон.

— Вы думаете, мы готовы услышать то, что сейчас услышим? — спросил он.

— Откровенно говоря, мне кажется, что Брюс не один месяц старался втолковать пастве то, о чем сейчас пойдет речь. Чтобы убедиться в его правоте, сегодня достаточно посмотреть по телевизору программу новостей.

Бизон пообещал Рэйфорду, что будет по-прежнему за него молиться. Когда он вернулся на свое место, то обнаружил, что и на этот раз ни один человек не покинул храм. Не удивило Бизона и то, что Рэйфорд взошел на кафедру строго в назначенное время, минута в минуту.

— Я не стану вас долго задерживать, — сказал он. — Но я уверен, вы все согласитесь, что все, о чем мы говорим, имеет громадное значение. Это вопрос жизни и смерти. В своих заметках и наставлениях Брюс отмечал, что, согласно Откровению 6: 9—11, что при снятии пятой из семи печатей на земле появятся мученики эпохи Скорби. В Писании сказано: «...я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: «Доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живу-

щим на земле за кровь нашу?» И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число».

Иными словами, — продолжил Рэйфорд, — многих людей, которые погибли в ходе нынешней мировой войны или еще погибнут, пока уничтожается четверть населения земли, можно считать мучениками эпохи Скорби. Я отношу к ним и Брюса. Правда, он погиб не из-за проповеди Евангелия и не во время ее. Но все равно понятно, что проповедь эта была делом всей его жизни, и смерть его тоже с нею связана. Я мысленно вижу Брюса под алтарем вместе с убиенными за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. А теперь я должен спросить вас: готовы ли вы? Согласны ли вы? Отдадите ли вы свою жизнь ради слова Божия?

Рэйфорд сделал паузу, чтобы перевести дух. Вдруг кто-то выкрикнул:

— Я готов!

Рэйфорд не знал, что сказать. Внезапно с другого конца храма донеслось:

— И я тоже готова!

Еще три-четыре человека в унисон повторили то же самое. Рэйфорд с трудом сдерживал слезы. Он ведь задал свой вопрос чисто риторически и не ждал ответа. Как трогательно! Как вдохновляюще! Однако он почувствовал, что такой ответ не должен быть

основан только на эмоциональном порыве. Хриплым голосом он продолжил:

— Благодарю вас, братья и сестры. Боюсь, что всем нам придется когда-нибудь высказать свою готовность умереть за наше дело. Благословите Бога за то, что вы согласны это сделать. Заметки Брюса свидетельствуют о том, что, по его мнению, проявления суда Божьего должны следовать друг за другом в хронологическом порядке. Если четыре всадника Апокалипсиса предшествуют мученикам, облеченным в белые одежды, то все это может произойти прямо сейчас, в настоящий момент. А значит, нам необходимо узнать, что следует понимать под снятием шестой печати. Брюс придавал ей такое значение, что скопировал в свой компьютерный файл несколько разных переводов и версий Откровения 6, 12—17, где о ней говорится. Позвольте зачитать вам тот перевод, который он пометил как наиболее яркий и понятный: «И когда Он, — а вы помните, что под словом «он» понимается Агнец, описанный в стихе 14 предыдущей главы как «Живущий во веки веков», то есть, разумеется, сам Иисус Христос — «снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь. И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои. И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих. И цари земные, и вельможи, богатые, и тысяченачальники, и

сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор, и говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?»

Рэйфорд поднял глаза и обвел храм взглядом. Некоторые прихожане смотрели на него с пепельно-бледными лицами. Другие сосредоточенно уставились в свои Библии.

— Я не теолог. Я не ученый. Читать Библию мне всю жизнь было так же трудно, как и любому из вас, особенно последние два года после Вознесения верующих. Но я хочу вас спросить: неужели так трудно понять отрывок, который начинается со слов: «И вот, произошло великое землетрясение»? Брюс тщательно высчитал, когда должно случиться каждое из этих событий. Он полагал, что снятие первых семи печатей придется на первый двадцать один месяц семилетнего периода Скорби, начавшегося в момент подписания договора между Израилем и Антихристом. И если вы не верите, что Антихрист уже пришел в мир, значит, вы не верите и в то, что между ним и Израилем существует договор. И если вы правы, то все это у нас еще впереди. Эпоха скорби началась не с Вознесения церкви, а с подписания пакта, о котором я говорю.

Брюс учил нас, что снятие первых четырех печатей символизируют четыре всадника Апокалипсиса. Я должен вам сказать, что всадники эти сейчас мчатся во весь опор. Снятие же пятой печати, то есть появление

мучеников, убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели, и чьи души находятся под алтарем, уже началось.

В комментариях Брюса сказано, что сейчас будет появляться все больше и больше мучеников. Антихрист выступит против святых Скорби, и из числа колен Израилевых по всему миру появятся 144 000 свидетелей.

Послушайте, что я вам скажу с чисто практической точки зрения. Если Брюс прав, а пока он ни в чем не ошибся, то первый двадцать один месяц должен скоро закончиться. Я верю в Бога. Я верю в Христа. Я верю в то, что Библия — это Слово Божие. Я верю в то, что наш дорогой усопший брат «верно преподавал слово истины», и потому я готов вынести то, что в данном отрывке именуется «гневом Агнца». Грядет землетрясение, и отнюдь не в символическом смысле. Отрывок этот показывает, что всем, великим и малым, покажется, что лучше погибнуть, чем предстать перед лицом Сидящего на престоле.

Бизон с бешеной скоростью делал записи. То, что он слышал, было для него не ново, но слишком уж сильно его тронуло страстное волнение Рэйфорда. А весть о грядущем землетрясении — «гневе Агнца» — стоила того, чтобы опубликовать ее, тем самым сообщив миру.

И пусть даже это станет для него лебединой песнью и звоном погребального колокола, но он все равно намерен напечатать в

«Глобал комьюнити уикли» о том, что говорят христиане о грядущем «гневе Агнца»!

Одно дело — просто предсказать землетрясение; кабинетные ученые и ясновидящие занимаются этим уже много лет. Однако психика современного человека так устроена, что на нее неотразимо действуют краткие, эффектные афоризмы, рекламные слоганы. Какой же слоган или афоризм может быть лучше, нежели тот, что заимствован из слова Божия?

Бизон услышал, как Рэйфорд перешел к заключительной части своей речи.

— Когда закончится первый двадцать один месяц, таинственное снятие седьмой печати перейдет в следующий период, который продлится двадцать месяцев и будет связан с семью ангелами, трубящими в трубы. Я назвал снятие седьмой печати таинственным, потому что в Писании не сказано, какую именно форму оно примет. В Библии говорится лишь, что оно будет столь потрясающим, что на небе на полчаса воцарится тишина. Затем семь ангелов, у каждого из которых будет в руках труба, приготовятся вострубить. Когда период этот начнется, мы станем изучать кары Божии, которые тогда наступят. А на данный момент Брюс и так оставил нам достаточно материала, который может послужить нам поводом для размышлений и молитв.

Мы любили этого человека, мы учились у этого человека, а теперь пришла пора вознести ему хвалу. И хотя мы знаем, что сейчас

он наконец-то воссоединился с Христом, мы все равно вправе оплакивать его смерть. Конечно, в Библии сказано, что мы должны скорбеть не так, как язычники, не имеющие надежды. Но там не сказано, что мы не должны скорбеть вообще. Примите в свои сердца скорбь, предайтесь ей со всею силой. Но не позволяйте ей отвлекать вас от вашей задачи. Больше всего на свете Брюс хотел, чтобы мы постарались привести как можно больше людей в Царство Божие, пока еще есть время.

Рэйфорд был совершенно измучен. Свое выступление он закончил молитвой. Однако, прежде чем спуститься с возвышения, он просто сел на него и склонил голову на грудь. Народ, присутствующий в церкви, не устремился к дверям мощной волной, как это обычно бывало после службы. Большинство людей продолжало по-прежнему сидеть; лишь некоторые встали со своих мест и начали медленно, потихоньку пробираться к выходу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Бизон помог Хлое забраться в «рейнджровер». Но не успел он сам обойти машину, чтобы сесть на место водителя, как услышал голос Верны Зи.

— Верна! А я вас и не заметил! Я рад, что вас удалось приехать.

— Да, мне все удалось как надо, Кэмерон, и, в частности, узнать Циона Бен-Иегуду!

Бизон с трудом сдержал желание зажать ей рот рукой.

— Что-что? — переспросил он.

— Ему придется ой как туго, если мировые творческие силы Мирового Сообщества выяснят, где он скрывается. Вы разве не знаете, что его разыскивают по всему миру? Вам неизвестно, что ваш паспорт и личное удостоверение нашли у одного из сообщников Бен-Иегуды? Бизон, ваше положение на самом ничуть не лучше, чем его. Стив Планк все

пытается связаться с вами, и мне уже надоело притворяться, будто я не в курсе того, где вы находитесь.

— Верна, нам нужно куда-нибудь поехать и все это обсудить.

— Я не могуечно хранить вашу тайну, Бизон. Я не собираюсь идти ко дну вместе с вами. Сегодняшнее собрание в храме, конечно, было очень впечатляющим. Этого вашего Барнса люди явно очень любили. Но неужели все они верят в то, что Николае Карпати — Антихрист?

— За всех я сказать не могу.

— Но что вы скажете о самом себе, Бизон? Ведь вы отчитываетесь непосредственно перед Карпати. Вы что, собираетесь напечатать все, о чем здесь говорили, в одном из его собственных журналов?

— Я это уже делал, Верна.

— Да, но вы всегда подавали подобные теории как некое нейтральное сообщение о том, во что верит кто-то другой. Но это ведь ваша церковь! Это ваши единомышленники! Вы сами серьезно относитесь к тому, что здесь говорилось!

— Ну так что — сможем мы пойти куда-нибудь и обсудить все это или не сможем? — спросил Уильямс.

— Мне кажется, лучше уж обсудить. Но взять интервью у Циона Бен-Иегуды я хочу в любом случае! Это будет величайшая сенсация в моей журналистской биографии, и вы не вправе винить меня, что я за ней охочусь.

У Бизона чуть не сорвалось с языка: «Верна, вы не настолько талантливый журналист, чтобы справиться с подобной темой». Однако он вовремя удержался.

— Давайте я приеду к вам завтра, — сказал он. — И тогда мы сможем...

— Завтра? Сегодня, Бизон, сегодня! Встретимся в офисе во второй половине дня.

— Это время мне не подходит. К четырем часам я должен вернуться в церковь для прощения с покойным.

— Тогда, может быть, в шесть тридцать?

— Но почему именно сегодня? — спросил Бизон.

— Не хотите — как хотите. Но тогда я могу рассказать о том, что здесь видела, или Стиву Планку, или самому Карпати, или еще кому-нибудь...

— Верна, когда я помог вам в тот вечер и отвез вас домой к Лоретте, я пошел на огромный риск.

— Да, поступок действительно был рискованный. И вы, возможно, будете раскаиваться в нем до конца своей жизни!

— Значит, все, что вы слышали сегодня, вас нисколько не тронуло?

— Ну отчего же, тронуло. Я даже сама удивилась, почему это я вдруг настолько размякла. Вы все просто ненормальные, Бизон! И у меня должна быть крайне веская причина для того, чтобы сохранить это в тайне.

Последняя фраза явно отдавала шантажом, но Бизон вспомнил и то, что Верна все-таки осталась до конца поминальной службы.

В душе у нее неминуемо должно было что-то измениться! Бизон пытался понять, как же ей удалось отмахнуться от услышанных пророчеств Апокалипсиса и убедить себя в том, что события, происходившие в мире в последние двадцать месяцев, являлись простым совпадением.

— Ну хорошо, — сказал он. — Встретимся в офисе в шесть тридцать.

Рэйфорд с остальными старостами пришли к единому мнению: во время прощания с телом не следует проводить никаких дополнительных церемоний. Не нужно ни молитв, ни выступлений, ни славословий в честь покойного. Пусть люди просто один за другим подходят к его гробу и отдают ему последнюю дань уважения. Кто-то предложил устроить буфет в холле, но Рэйфорд, вовремя предупрежденный Бизоном, отверг эту идею. Поперек лестницы от стены до стены натянули ленту, чтобы никто туда не сворачивал. На видном месте повесили табличку, надпись на которой гласила, что прощание будет проходить с четырех дня до шести вечера.

Часам к пяти у церкви собрались сотни человек. Толпа медленно двигалась мимо гроба; длинная очередь тянулась вниз, до входной двери, и оттуда до самой парковки и вниз по улице. «Рейнджровер», в котором Бизон приехал на парковку, был до отказа набит людьми.

— Хлоя, честное слово, я в последний раз пользуюсь твоим увечьем как отвлекающим прикрытием.

— Кого и от чего ты собираешься отвлекать? Ты что, думаешь, Карпати нагрянет сюда собственной персоной, чтобы сцапать тебя и Циона?

Бизон рассмеялся.

Рэйфорд явился в храм еще до четырех. Бизон, Хлоя, Аманда, Цион и Лоретта дружно высадились из «рейнджровера». Аманда поддерживала Хлою с одной стороны, а Лоретта — с другой. Они помогли ей подняться вверх по ступенькам, а Бизон раскрыл перед ними дверь. Бизон окинул взглядом прихожан, которые, выстроившись в длинный хвост, ждали своей очереди войти в церковь. Почти никто из них не обратил внимания на его маленький отряд. Даже те, кто соизволил лениво взглянуть в их сторону, обращали внимание в основном на молоденькую новобрачную, на гипс у нее на ноге, на ее повязку и трость.

Все три женщины направились в офис. Попрощаться с покойным они собирались после того, как рассосется толпа. Тем временем Бизон с Ционом скользнули прочь. Двадцать минут спустя, когда Бизон вошел в офисные помещения, Хлоя спросила:

— А где же Цион?

— Он тут, поблизости, — ответил ей муж.

* * *

Рэйфорд стоял возле гроба Брюса и пожимал руки скорбящим. К нему подошел Донни Мур.

— Извините, что отвлекаю вас в такой миг, — произнес Донни, — но вы не могли бы мне подсказать, где найти сейчас мистера Уильямса? Мы с ним кое о чем договаривались, и вот теперь я привез ему его заказ.

Рэйфорд кивнул в сторону офиса.

Пока мимо него проходили все новые и новые люди, он задумался над тем, долго ли Хэтти Дюрхем пробудет у своей матери в Денвере. Карпати запланировал встречу с Верховным Понтификом Питером Мэтьюзом, которого с недавних пор стали называть Высшим Понтификом Энигматической Единой Мировой Веры Вавилона. Вера эта представляла собой конгломерат всех религий, существующих в мире. Карпати хотел, чтобы к четвергу Рэйфорд вернулся в Новый Вавилон, а затем полетел на «кондоре» в Рим. Там на борт к нему должен был подняться Мэтьюз, которого следовало затем доставить в Новый Вавилон. Карпати шумно требовал, чтобы сам понтифик и штаб-квартира его церкви переместились именно в этот город, так же как и резиденции подавляющего большинства международных организаций.

И вот теперь Рэйфорд, словно закоченев, стоял у гроба и пожимал руки одну за другой. Он старался не смотреть на тело Брюса, от-

влекая себя воспоминаниями о высказываниях Карпати, которые удалось подслушать по тайному каналу связи, установленному Эрлом Халлидзем. Рэйфорда больше всего заинтересовало, с какой настойчивостью Карпати старался захватить власть над несколькими группами и комитетами, которые возглавлял его старый друг Джонатан Стонагал, оказавший молодому политику значительную финансовую помощь. Бизон рассказал Рэйфорду и остальным членам Отряда Скорби, что лично видел, как Карпати убил Стонагала, а затем искусно убедил всех присутствующих, что они были свидетелями самоубийства. И если теперь Карпати стремился стать руководителем комитетов по международным отношениям, комиссий по международной гармонии и, что особенно важно, тайных финансовых корпораций, это проливало свет на мотивы убийства.

Рэйфорд мысленно перенесся в добрые старые времена, когда от него требовалось всего-навсего вовремя являться в аэропорт О'Хара, провести полет по запланированному маршруту и вернуться домой. Впрочем, тогда он еще не стал верующим, да и как муж и отец был далеко не безупречен. Нет, добрые старые времена, пожалуй, были все же не такими уж добрыми...

Рэйфорд не мог пожаловаться на то, что в его жизни много волнений. Стил, конечно, презирал Карпати и страдал от того, что приходится ему служить, но уже давно решил для себя, что будет подчиняться воле Госпо-

да. Если Бог хочет от него именно этого, значит, именно это и следует делать. Только одно продолжало тревожить Рэйфорда — надежда на то, что Хэтти Дюрхем все-таки заедет в Чикаго, прежде чем покинуть страну. Рэйфорд, Аманда, Хлоя и Бизон общими силами должны добиться того, чтобы она отдалилась от Николае Карпати. По какой-то причудливой логике тот факт, что у нее появились свои причины дистанцироваться от Николае, казался пилоту весьма выигрышным обстоятельством. Но от Карпати вряд ли было настолько просто отделаться, учитывая, что Хэтти от него беременна. Ведь он придавал своему публичному имиджу такое огромное значение!

* * *

Бизон как раз сидел с Донни Муром, изучая невероятные возможности новых компьютеров, когда он услышал, что Лоретта сняла трубку и говорит с кем-то по телефону.

— Да, Верна, — сказала она, — он, правда, как раз сейчас занят, но я передам, что вы сообщили о звонке Стива Планка.

Бизон сказал Донни, что оставит его на секундочку, и тихонько попросил Лоретту:

— Если она сейчас в офисе, спроси у нее, поступили туда мои зарплатные чеки или нет.

В дни выплаты зарплаты Бизон уже несколько недель подряд не появлялся ни в нью-йоркском, ни в чикагском офисе. Поэтому он

был рад увидеть, что Лоретта, задав Верне вопрос о чеках, затем кивнула ему. В распечатках Брюса ему встретилось указание, с которым, кстати, согласился и Цион, что нужно начинать вкладывать деньги в золото. Купюры скоро лишатся всякой ценности. А значит, нужно было создавать какие-то финансовые запасы. Ведь даже если события будут развиваться по самому лучшему сценарию, Верна Зи уверует в Христа и защитит Бизона от Карпати, ему все равно не удастся долго хранить свой секрет. Его отношения с потентатом прекратятся, а доходы резко уменьшатся. Кроме того, скоро нельзя будет ни покупать, ни продавать, не имея на себе знака Зверя, и при новом мировом порядке, построенном под руководством Карпати, Бизону грозит опасность в буквальном смысле умереть с голоду.

* * *

В четверть шестого церковь уже почти опустела. Рэйфорд отправился в офис. Он закрыл за собой дверь.

— Сейчас у нас есть несколько минут, чтобы побыть наедине с телом Брюса, — сказал он.

Члены Отряда Скорби плюс Лоретта и минус Цион сидели с мрачным, угнетенным видом.

— Ну, так что тебе привез Донни Мур? — спросил Рэйфорд, кивком указывая на лэптопы, сложенные один на другой.

— Лэптопы. Здесь по компьютеру для каждого из нас. Я и у Лоретты спросил, не нужен ли ей такой ноутбук.

Старушка с улыбкой отмахнулась:

— Я даже не знаю, что делать-то с такой машиной. Наверное, даже открыть его не смогу.

— А где Цион? — поинтересовался Рэйфорд. — Честно говоря, мне кажется, было бы лучше, чтобы он какое-то время побыл вместе с нами и...

— Цион в безопасном месте, — ответил Бизон и со значением посмотрел на тестя.

— Угу-у...

— И что это означает? — спросила Лоретта. — Где он находится?

Рэйфорд уселся к кресло на колесиках и подъехал в нем поближе к старушке.

— Мэм, есть определенные вещи, которых мы не говорим вам для вашего же блага.

— Ах вот как, — ответила она. — А что вы скажете, узнав, что я от этого не в восторге?

— Лоретта, я вполне понимаю...

— Нет, не уверена, что вы понимаете, капитан Стил. От меня всю жизнь скрывали определенные вещи просто из-за того, что я была благовоспитанной леди из южных штатов.

— Точнее сказать, красавицей из южных штатов, — вставил Рэйфорд.

— И вот теперь вы тоже намерены решать все за меня, и мне это совершенно не нравится.

Рэйфорда такой поворот дела застал врасплох.

— Мне очень жаль, Лоретта, я не хотел вас обидеть...

— Возможно, но, когда вы заводите от меня какие-то секреты, это меня очень даже обижает.

Рэйфорд наклонился вперед.

— Я вполне серьезно говорю, что делаю это ради вашего собственного блага. Дело в том, что в один прекрасный день, который, кстати, наступит очень скоро, может случиться так, что весьма высокопоставленные лица захотят силой выжать из вас сведения о том, где находится Цион.

— И вы полагаете, что если они у меня будут, то я, что называется, расколуюсь?

— Если вы не будете знать, где он, то просто не сможете расколоться, и вам даже беспокоиться на сей счет не придется!

Лоретта поджала губы и покачала головой.

— Я знаю, что жизнь у всех вас полна опасностей. Мне кажется, что я пошла на немалый риск уже просто в силу того, что пустила вас к себе. А теперь выходит, что я для вас — просто квартирная хозяйка, так, что ли?

— Лоретта, мало кто из людей нам дорог так, как вы. Вот как мы к вам относимся! Мы никогда не совершим поступка, который

причинит вам боль. Именно поэтому я не собираюсь посвящать вас в то, где находится Цион, хотя и знаю, что обижаю вас, а этого мне хотелось бы меньше всего. Вы сможете общаться с ним по телефону, а мы — по Интернету. Когда-нибудь вы, возможно, скажете нам спасибо за то, что мы утаили от вас информацию о местонахождении рабби.

Тут его перебила Аманда:

— Рэйфорд, ты и Бизон утверждаете, что Цион в том месте, о котором я сейчас думаю?

Рэйфорд кивнул.

— Значит, необходимость спрятаться там для него уже возникла? — спросила Хлоя.

— Боюсь, что да. И как бы я хотел знать, сколько еще осталось до дня, когда и нам, всем остальным, тоже придется там укрыться!

Лоретта с явной обидой поднялась и прошлась по комнате, скрестив руки на груди.

— Капитан Стил, сэр, не могли бы вы сказать мне одну вещь? Вы скрываете от меня эту информацию, случайно, не потому, что я, по вашему мнению, могу ее разболтать?

Рэйфорд поднялся с места.

— Лоретта, подойдите ко мне, — попросил он.

Старушка остановилась и уставилась на него.

— Ну подойдите, прошу вас, — продолжал Рэйфорд. — Идите прямо сюда и позвольте мне вас обнять. По возрасту я гожусь вам в сыновья, так что не думайте, что с моей

стороны в этом есть какая-то снисходительность.

Лоретта, казалось, с трудом сдержала улыбку, но все-таки медленно подошла к Рэйфорду. Он обнял ее.

— Мэм, я достаточно давно с вами знаком, чтобы понять: вы не выбалтываете секретов. Но дело в том, что люди, которые захотят узнать от вас, где находится Цион Бен-Иегуда, без колебаний воспользуются детектором лжи или даже сывороткой правды, если узнают, что вам все известно. А если они заставят вас против вашей воли выдать его, это уже реально повредит делу Христову.

Тут Лоретта тоже крепко обняла Рэйфорда.

— Ну, тогда ладно, — согласилась она. — Я, конечно, считаю, что в действительности я гораздо более крепкий орешек, чем вы все тут думаете. Но будь по-вашему! И если бы я не считала, что вы и правда заботитесь о моих же интересах, хотя и понимаете их совершенно неправильно, я бы просто вышвырнула вас из своего дома!

Услышав это, все невольно улыбнулись. Все, но только не Лоретта.

Тут в дверь постучали. Это оказался распорядитель похорон.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он Рэйфорду, — в храме больше никого нет.

Бизон оказался последним в очереди из пятерых человек, которая выстроилась в храме перед гробом Брюса. Сначала его охватило

чувство вины. Он был до странного спокоен. Впрочем, он понимал, что просто растратил все свои эмоции во время поминальной службы. Бизон настолько проникся мыслью о том, что Брюса здесь уже нет, что не испытывал вообще никаких эмоций, а просто констатировал как факт: «Да, мой друг действительно мертв».

Тем не менее Уильямс сумел как следует использовать эти минуты. Сейчас, когда его окружали люди, дороже которых у него в мире никого не было, он стал размышлять о том, насколько конкретным и впечатляющим оказалось воздействие Господа на его жизнь в течение последних нескольких часов. Уж если Бизон чему-то и научился у Брюса, так это тому, что жизнь христианина представляет собой последовательность моментов, в которые человеку приходится начинать все заново. Что сделал Бог для Бизона совсем недавно? И чего бы Он только не сделал для него? Бизон мечтал лишь об одном: чтобы его желание заново взять на себя обязательство служить Христу всегда оставалось столь же сильным, как сейчас, — даже в ситуациях, когда Бог не кажется таким близким.

Двадцать минут спустя Бизон и Хлоя въехали на парковку «Глобал комьюнити уикли». На стоянке был припаркован только автомобиль Верны.

Как показалось Бизону, Верна была одновременно и удивлена, и разочарована, когда

увидела, что вместе с ним в офис, прихрамывая, вошла и Хлоя. Хлоя, казалось, тоже это подметила.

— Кажется, мне здесь не рады? — спросила она.

— Ну что вы, рады, конечно, — ответила Верна. — Если уж Бизону хочется, чтобы во время разговора кто-нибудь непременно держал его за руку...

— А почему мне должно хотеться, чтобы кто-нибудь держал меня за руку?

Они сидели в маленьком конференц-зале. Верна расположилась во главе стола. Она откинулась в кресле и сложила ладони домиком.

— Бизон, мы с вами оба знаем, что у меня сейчас все козыри на руках, не так ли?

— Куда подевалась новая Верна? — спросил Уильямс.

— Не было никакой новой Верны! — отбрила та. — Вы видели просто слегка смягченную версию старой.

Хлоя наклонилась вперед:

— Значит, все, о чем мы с вами говорили, все, что рассказывали друг другу, все, что вы видели, слышали и испытали в доме у Лоретты и потом в храме, так-таки никогда ничего для вас не значило?

— Ну, должна признать, что новый автомобиль мне пришелся по душе. Он лучше, чем тот, что был у меня раньше. Но, разумеется, Бизон, купив его мне, просто выполнял свой долг; с его стороны это было минимально возможным выражением признательности.

— Так, значит, — спросила Хлоя, — в те минуты, когда вы сняли свою защитную броню, признавались, что завидуете успехам Бизона, и сознавали, что неправильно вели себя с ним, вы просто притворялись, и ничего больше?

Верна встала. Она приложила руки к губам и сверху вниз посмотрела на Бизона и Хлою.

— Меня глубоко удивляет, с каких мелочей начинается наша беседа. Мы здесь не об офисной политике собрались поговорить и не о личных конфликтах. Дело заключается в том, что вы, Бизон, не лояльны по отношению к своему работодателю. И это не только повод для беспокойства в силу того, что журналисту не пристало себя так вести. Для меня это еще и внутренняя душевная проблема. Я о ней уже говорила Хлое, правда?

— Да, говорили.

— Карпати скупил все новые издания. Я это знаю, — продолжала Верна. — Никому из журналистов старого закала, таким как мы, не по душе освещать новости, которые наш же владелец и создает. Нам не нравится, когда от нас требуют по любому поводу отражать исключительно его мнение. Но вы, Бизон, — вы просто волк в овечьей шкуре. Вы шпион! Вы враг! Вам не только не нравится человек, на которого вы работаете, вы еще и считаете его Антихристом!

— Может, присядете, Верна? — спросила Хлоя. — Мы все знаем по книгам те мелкие приемы, которые рекомендуется приме-

нять, чтобы создать эффект доминирования. Не могу говорить за Бизона, но лично меня совершенно не пугает, что вы все время стараетесь нависнуть надо мной.

— Я сяду, но только потому, что сама так хочу.

— Ну, так какую игру вы затеяли? — сказала Хлоя. — Замышляете шантаж?

— Кстати, если уж у нас зашла об этом речь, — произнес Бизон, — хочу поблагодарить вас за то, что сохранили мои чеки за последние несколько недель.

— Я к ним даже не прикасалась. Они у вас лежат в верхнем ящике. И я вовсе не шантажистка! Просто, как мне кажется, ваша жизнь зависит сейчас от одного обстоятельства — знает ли кое-кто, что вы укрываете у себя Циона Бен-Иегуду.

— И вы полагаете, что вам-то уж это точно известно?

— Я видела его в церкви сегодня утром!

— По крайней мере, вам так показалось, — заметила Хлоя.

Бизон вздрогнул и взглянул на жену. То же самое сделала и Верна. И тут Уильямс в первый раз заметил, как по ее лицу скользнула тень неуверенности.

— Вы хотите сказать, что нынешним утром я не видела в церкви Циона Бен-Иегуду?

— Вообще-то это представляется не очень вероятным, — ответила Хлоя. — Вам так не кажется?

— Честно говоря, нет. Я знаю, что Бизон был в Израиле, и его документы нашли у человека, который сочувствует Бен-Иегуде.

— И вы, значит, видели Бизона в храме вместе с Бен-Иегудой?

— Я этого не говорила. Я сказала, что я видела Бен-Иегуду. Он сидел рядом с Лореттой — той самой женщиной, которая приютила меня в ночь бомбежки.

— Значит, Лоретта ходит на свидания к Циюну Бен-Иегуде? Вы это имеете в виду?

— Вы знаете, что я имею в виду, Хлоя. Бен-Иегуда даже выступил в храме во время службы! И если это был не он, значит, я не журналист.

— Без комментариев, — сказал Бизон.

— А вот эти слова мне кажутся возмутительными!

— Вы сидели в таком месте, на котором нам было вас не видно... — продолжала давить Хлоя.

— Я сидела на балконе, если хотите знать!

— И с балкона вы смогли разглядеть человека, который сидел в задней части храма рядом с Лореттой?

— Я этого не говорила. Я имела в виду, что он, как мне показалось, действительно сидел рядом с ней. Они разговаривали друг с другом, и складывалось такое впечатление, что мужчина — из тех же краев, что и Бен-Иегуда.

— Так, значит, он сбежал из Израиля, надо полагать, с помощью моего Бизона, причем у последнего хватило ума оставить свое официальное удостоверение в руках государ-

ственного преступника. А доставив беглеца в Северную Америку, мой муж тут же потащил его на публику, в собственную церковную общину, где Бен-Иегуда публично встал и произнес речь в присутствии сотен людей. К этому сводится ваша догадка?

Верна бессвязно залопотала:

— Ну хорошо, хорошо. Но если там был не Бен-Иегуда, то кто?

— Ну, это уж вам виднее, Верна.

— Мне все скажет Лоретта! Мне показалось, что я ей понравилась. Я уверена: я видела, как он выходил из храма вместе с нею. Такой маленький, коренастый, типичный израильтянин...

— И вы, глядя на него сзади, смогли определить, кто он такой?

— Сию же минуту позвоню Лоретте! — И Верна потянулась к телефонному аппарату. — Номер ее вы мне, конечно, не дадите?

Бизон был не уверен, что это такая уж хорошая мысль. Ведь они не предупредили Лоретту! Однако он верил, что после недавней ссоры с Рэйфордом, произошедшей в офисе, старушка сумеет справиться с Верной Зи.

— Ну отчего же нет? — ответил Уильямс и небрежно написал на бумажке номер Лоретты.

Верна нажала на кнопку громкой связи и набрала нужные цифры.

— Это дом Лоретты. Говорит Рэйфорд Стил.

Судя по всему, Верна такого не ожидала.

— Э-э... М-м-м... Лоретту, пожалуйста, — выдавила она.

— А могу я узнать...

— Это говорит Верна Зи.

Когда Лоретта взяла трубку, она заговорила со своей обычной очаровательной любовью.

— Верна, дорогая, это вы? Как поживаете? Я слышала, что вы были сегодня на службе, но я вас проглядела. Меня там все страшно растрогало, а вас?

— Лоретта, нам нужно выбрать время и кое о чем поговорить. Я просто хотела...

— Дорогая моя, я не могу представить себе более удачное время, чем сейчас. Может, мы с вами где-нибудь встретимся? Заедете ко мне?

Вид у Верны был сердитый.

— Нет, мэм, не сейчас. Может, как-нибудь в другой раз. Я только хотела задать вам один вопрос. Кто тот мужчина, с которым вы были в церкви сегодня утром?

— Тот мужчина?

— Да! Рядом с вами сидел мужчина, похожий на уроженца Ближнего Востока. Он даже произнес короткую речь. Кто это был?

— Наш разговор записывается?

— Нет-нет! Я просто спрашиваю.

— Ну так я должна вам сказать, что этот вопрос затрагивает мою личную жизнь. Он бестактен и некорректен.

— Значит, вы мне не скажете?

— Мне кажется, подобные вещи вас не касаются.

— А если бы я вам сказала, что это Бизон и Хлоя посоветовали мне обратиться к вам за ответом?

— Тогда я прежде всего ответила бы, что вы лжете. Но такой ответ оказался бы еще более бестактным и некорректным, чем ваш вопрос.

— Вы просто скажите мне: рядом с вами сидел рабби Цион Бен-Иегуда?

— Такое впечатление, что вы уже сами решили, как его зовут. И зачем вам тогда я?

— Так, значит, в церкви все-таки был он?

— Это вы сказали, а не я.

— Он или не он?

— Хотите правду, Верна? Мужчина, что был со мной в церкви, — мой тайный любовник. Я прячу его под кроватью.

— Что? Что? А ну-ка, ну-ка...

— Верна, если вы хотите поговорить о том, как вас растрогала сегодняшняя поминальная служба, я готова поболтать с вами еще. Так вы об этом собираетесь рассказать?

Верна повесила трубку.

— Ну хорошо же! Значит, вы все сговорились и решили скрыть от меня правду. Впрочем, мне будет довольно легко убедить Стива Планка или даже Николае Карпати, что вы, возможно, прячете у себя Циона Бен-Иегуду.

Хлоя взяла на Бизона.

— Вы думаете, мой муж совершил бы такую немыслимую глупость, в результате которой ему грозило бы не только с работы вылететь, но и жизни лишиться? А вы, значит,

продолжаете угрожать, что сообщите эту ценную новость большим шишкам из Мирового Сообщества. Но что же вы хотите от нас взамен?

Верна с горделивым видом вышла из комнаты. Бизон взглянул на Хлою, кивнул ей и покачал головой.

— Тебе просто цены нет, — прошептал он.

Тут Верна снова влетела в двери и швырнула на стол зарплатные чеки Бизона.

— Вы видите, ваше время подходит к концу!

— Честно говоря, — ответил Уильямс, — мне кажется, что у нас у всех время подходит к концу!

Верна послушно села.

— Вы что, правда во все это верите?

Бизон попытался сменить тон и заговорил сочувственно и проникновенно:

— Верна, вы говорили с Лореттой, Амандой, Хлоей и со мной. Мы все рассказали друг другу о своей жизни. Сегодня утром вы слышали историю Рэйфорда. Если мы все — чокнутые, что ж, значит, мы чокнутые. Но неужели вас нисколько не впечатлили те места из Библии, о которых писал Брюс Барнс? Тот факт, что все, о чем там говорится, сейчас сбывается?

Тут Верна замолчала — по крайней мере, на какое-то небольшое время. Затем она наконец открыла рот:

— Это действительно было довольно странно и... довольно эффектно. Но разве у Нострадамуса мы находим не то же самое?

Разве библейские пророчества нельзя толковать произвольно, как захочется? Разве нельзя задним числом вложить в них практически любой смысл?

— Не знаю, как вам удастся убедить себя в этом, — сказала Хлоя. — Ведь вы на самом деле гораздо умнее. Вспомните: Брюс сказал, что если пакт между ООН и Израилем есть тот договор, о котором идет речь в Библии, то за ним последует эпоха Скорби длиной в семь лет. Сначала должны быть сняты семь печатей. Четыре всадника Апокалипсиса — это всадник мира (в течение восемнадцати месяцев), всадник войны, всадник мора и голода и всадник смерти.

— Но это все символы, не так ли? — сказала Верна.

— Конечно же, символы, — согласилась Хлоя. — Я, к примеру, никаких всадников не видела. Но я видела полтора года мира, потом начало Третьей мировой войны, то, как она привела к эпидемиям и голоду, которым конца и края не видно. Я видела, как гибнет множество людей — притом, что потом, вероятно, погибнет еще больше. Что еще нужно, чтобы убедить вас? Вы увидите и снятие пятой печати, когда убитые святые возопят под алтарем на небесах. Но вы же слышали от Рэйфорда, что нас ждет теперь согласно записям Брюса?

— Да-да, я помню — землетрясение.

— Хоть оно-то вас убедит?

Верна повернулась в кресле и посмотрела в окно:

— Думаю, с таким аргументом будет достаточно трудно поспорить.

— Я хочу дать вам совет, — произнесла Хлоя. — Если землетрясение окажется столь разрушительным, как сказано в Библии, у вас, быть может, просто не останется времени изменить свое мнение, поскольку ваше время вообще подойдет к концу.

Верна поднялась с места и медленно подошла к двери. Открыв ее, она мягко сказала:

— Тем не менее мне все равно не нравится, что Бизон выдает себя перед Карпати не за того, кто он есть на самом деле.

Бизон и Хлоя прошли за ней до самой парадной двери.

— Наша личная жизнь и наши религиозные убеждения не касаются наших работодателей, — сказал Бизон. — Например, если бы я узнал, что вы — лесбиянка, я бы не считал, что обязан сообщить об этом вашему начальству.

Верна резко повернулась к нему:

— Да кто вам это сказал? Какое ваше дело? Если вы кому-нибудь расскажете, то я...

Бизон вскинул обе руки.

— Верна, для меня ваша личная жизнь — дело конфиденциальное. Можете даже не беспокоиться насчет того, что я кому-нибудь что-нибудь расскажу!

— В моем случае рассказывать не о чем!

— И в моем тоже.

Бизон открыл дверь, чтобы пропустить Хлою. На парковке Верна спросила:

— Так мы договорились?

— Договорились? — переспросил Бизон.

— Ну, что вы не станете ничего рассказывать о моей личной жизни, а я — о вашей?

Уильямс пожал плечами:

— По-моему, это будет очень даже правильно.

* * *

С Рэйфордом говорил по телефону распорядитель похорон.

— Итак, — заявил он, — поскольку у нас столько необслуженных покойников, а мест на кладбище не хватает, погребение, по нашим подсчетам, удастся провести не раньше чем недели через три, а может быть, даже через пять. Хранение тел мы проводим за свой счет, потому что этот вопрос уже относится к сфере здравоохранения.

— Понимаю. Если вы просто сообщите нам, когда состоятся похороны, мы будем вам очень благодарны. Мы не станем устраивать службу, и на погребение никто не придет.

Лоретта сидела за обеденным столом рядом с Рэйфордом.

— Это звучит так печально, — сказала она. — Вы уверены, что никому из нас не следует пойти на похороны?

— Мне никогда особенно не нравилось, когда богослужение проводят возле могилы, —

ответил Рэйфорд. — И я не думаю, что над телом Брюса нужно еще что-то говорить.

— И то верно, — согласилась Лоретта. — Это было бы совершенно не в его стиле. Одиноким и брошенным он себя все равно чувствовать не будет.

Рэйфорд кивнул и вытащил один листок из стопки распечаток.

— Лоретта, мне кажется, Брюсу хотелось бы, чтобы вы прочли вот это.

— Что это?

— Страница из его личного дневника. Несколько чисто личных мыслей о вас.

— И вы уверены?..

— Абсолютно.

— Я хочу сказать: вы уверены, что он действительно хотел бы, чтобы я это увидела?

— Я, конечно, могу исходить лишь из того, что чувствую сам, — проговорил Рэйфорд. — Если бы я написал что-то подобное, мне бы захотелось, чтобы вы это увидели, особенно если меня бы уже не было в живых.

Лоретта дрожащими пальцами отодвинула от себя листок на такое расстояние, на котором она могла его прочесть сквозь свои бифокальные очки. Вскоре ее захлестнули переживания.

— Спасибо вам, Рэйфорд, — еле выговорила она сквозь слезы. — Спасибо, что показали мне этот листок.

* * *

— Бизон! Я даже и не подозревала, что Верна — лесбиянка! — воскликнула Хлоя.

— Ты не подозревала? Да этого даже я не подозревал!

— Издеваешься?

— Вовсе нет. Ты думаешь, это маленькое открытие тоже было нам послано Богом?

— Я скорее склонна считать, что произошло удивительное совпадение, но наверняка ничего сказать нельзя. Возможно, эта пикантная новость спасет тебе жизнь.

— Это ты ее спасла, Хлоя! Ты сегодня была просто блистательна.

— Я просто всеми силами поддерживала своего мужа, вот и все. А Верна явно сделала ложный шаг.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Спустя полторы недели, когда Рэйфорд уже готовился вернуться в Новый Вавилон и вновь приступить к исполнению своих обязанностей, ему позвонил Леон Фортунато и задал следующий вопрос:

— Скажите, вы ничего не слышали о женщине потентата?

— О женщине потентата? — переспросил Рэйфорд с подчеркнутым раздражением в голосе.

— Вы знаете, о ком я говорю. Она прилетела в Штаты тем же рейсом, что и вы. Где она сейчас?

— У меня вообще-то сложилось впечатление, что я ей не нянька.

— Стил, надеюсь, вы не собираетесь скрывать от нас то, что знаете о человеке, про которого хочет что-то узнать сам Карпати?

— Ах, так это он хочет узнать, где она находится! Иными словами, она предпочла не ставить его в известность о своих планах?

— Вы же понимаете, что лишь по этой причине я вам и звоню.

— И где же она может быть, по его мнению?

— Не играйте со мной, Стил! Выкладывайте, что вам известно.

— Где она, я точно не знаю. И вообще я морально не вправе сообщать вам, где она находится или может, по моему мнению, находиться, предварительно не предупредив об этом ее саму.

— Да вам, приятель, пора вспомнить о том, на кого вы работаете!

— Ну что вы, разве такое можно забыть?

— Итак, Стил, вы хотите, чтобы я дал понять Карпати, что вы прячете его невесту у себя?

— Если вас тревожат именно эта возможность, могу вас успокоить. В последний раз я видел Хэтти Дюрхем в аэропорту Митчелл-Филд в Милуоки, когда прилетел в Штаты.

— И куда она отправилась из Митчелл-Филда?

— Я как-то не уверен, что должен рассказывать про ее возможный маршрут, если она сама не сочла нужным вам о нем сообщить.

— Вы можете об этом крупно пожалеть, Стил!

— Знаете что, Леон? По ночам я привык спать!

— Мы предполагаем, что она поехала в Денвер повидаться с родными. Места, где они

живут, совсем не пострадали от войны, так что мы не понимаем, почему она не может до нас дозвониться.

— Я уверен, у вас есть много источников, позволяющих выяснить ее местонахождение, причем я в их число не вхожу!

— Надеюсь, в финансовом плане у вас все в порядке, капитан Стил?

Рэйфорд ничего не ответил. Ему не хотелось еще глубже втягиваться в пикировку с Фортунато.

— Кстати, наши планы относительно вашего полета в Рим, где вы должны будете взять на борт Высшего Понтифика Мэтьюза, слегка изменились.

— Я весь внимание.

— Карпати полетит вместе с вами. Он хочет сопровождать Мэтьюза во время перелета в Новый Вавилон.

— А разве меня как-то касается его решение?

— Я это просто к тому, чтобы вы случайно не улетели без потентата.

* * *

Стив Планк по телефону уже успел отчитать Бизона за небрежность, из-за которой его паспорт и удостоверение попали в Израиле не в те руки.

— Они допросили этого Шороша с пристрастием и вытянули из него все жилы, но он все равно клялся и божился, что просто пе-

ревет вас на своей лодке и что вы для него — не более чем обычный пассажир.

— Да, это была славная деревянная лодка, большая такая, — подтвердил Бизон.

— Так вот, ее больше нет.

— А какой смысл был в том, чтобы уничтожать лодку и пытаться хозяина?

— Наш разговор не прослушивается?

— Я не знаю, Стив. Мы сейчас как разговариваем — как друзья и коллеги, или вы мне делаете служебное предупреждение?

Стив сменил тему:

— Карпати по-прежнему в восторге от номера, который вы прислали ему из Чикаго. Он считает, что на данный момент «Глобал комьюнити уикли» — лучший журнал в мире. Хотя он, конечно же, и раньше был таковым.

— Ну да, ну да, само собой. Если, конечно, не думать о таких вещах, как объективность и журналистский кредит доверия...

— Мы не думаем о них уже много лет, — заявил Планк. — Даже когда Карпати еще не стал нашим владельцем, нам все равно приходилось постоянно плясать под чью-нибудь дудку.

* * *

Бизон добился того, чтобы Аманда, Хлоя, Рэйфорд и Цион начали-таки общаться по электронной почте, пользуясь новыми ноутбуками. Кроме того, рабби переговаривался со всеми обитателями Лореттинового особняка,

который между собой они уже начали называть «надежным домом», по своему мобильному телефону, защищенному от прослушивания. Старушка уже не раз говорила: «Когда я слышу голос Циона, мне начинает казаться, что мы уже много-много лет живем с ним по соседству».

— Это все чудеса сотовых технологий, — усмехался Бизон.

Чтобы не пасть духом, Цион настоял на том, чтобы остальные члены Отряда Скорби навещали его каждый день. Рабби восторгался возможностями современной техники и проводил много времени за просмотром новостей. Его так и подмывало связаться по электронной почте со своими многочисленными духовными детьми, рассеянными по всему миру, но боялся, что их тоже могут подвергнуть пыткам, чтобы выведать, где он находится. Бен-Иегуда попросил Бизона узнать у Донни, нет ли возможности связаться с ними таким образом, чтобы получатели его посланий в результате не пострадали. Решение проблемы оказалось совсем простым. Цион должен был всего-навсего оставлять свои сообщения на центральной доске объявлений; узнать координаты получателей в этом случае было невозможно.

Немало времени Цион также посвятил изучению материалов Брюса и их подготовке к печати. Работа пошла быстрее, когда Бизон переписал их для рабби на диск. Бен-Иегуда часто загружал куски текста в удаленный компьютер и пересылал тем или иным членам Отряда Скорби. Рабби особенно впечатлили

слова Брюса, посвященные Хлое и Аманде. В своем личном дневнике Брюс часто говорил о том, как он мечтает вместе с ними работать, проводить исследования, писать и окормлять отдельные общины верующих и домовые церкви.

Вообще, все решили, что Аманде не следует лететь в Новый Вавилон, пока Рэйфорд не вернется из Рима. В результате она бы выиграла несколько дней, которые провела бы вместе с Хлоей. За это время женщины могли спланировать дальнейшее служение, взяв за образец тот краткий план, который обнаружился в записях Брюса. Ни Хлоя, ни Аманда еще не знали, куда заведет их эта работа и какие возможности перед ними откроются. Но им просто нравилось работать рука об руку и таким образом познавать новое.

Бизон был рад, что Верна Зи теперь держалась от него на почтительном расстоянии. Многие сотрудники чикагского бюро отправились в командировки в различные города, разрушенные бомбежками, чтобы описать возникший там хаос. Уильямс несколько не сомневался в том, что это мчатся Вороной конь мора и голода и Бледный конь смерти, следуя за Рыжим конем войны.

* * *

В среду вечером Аманда отвезла Рэйфорда на машине в Милуоки, откуда ему предстояло вылететь в Ирак.

— И почему только Мэтьюз не мог вылететь на встречу с Карпати на собственном самолете?

— Ну ты же знаешь Карпати! Он любит подчинять себе людей, обезоруживая их показной добротой и уважительностью. Если ты ему нужен, он не только пошлет за тобой собственный самолет, но и сам на нем прилетит, чтобы составить тебе компанию.

— А чего он хочет от Мэтьюза?

— Кто знает? Ему могло понадобиться все, что угодно. Самого Мэтьюза, видимо, очень огорчает тот факт, что все больше людей обращается в христианство. Мы — такая непокорная группа, которая не купилась на болтовню о религии единого мира.

* * *

В четверг, в шесть часов утра, обитателей дома Лоретты разбудил телефонный звонок. Хлоя схватила было трубку, но потом зажала рукой ее нижнюю часть и сказала Бизону:

— Лоретта меня опередила. Это звонит Хэти.

Бизон наклонился поближе, чтобы тоже послушать разговор.

— Да, — говорила Лоретта, — вы меня разбудили, дорогая, но это все сушая чепуха. Капитан Стил предупредил меня, что вы можете позвонить.

— На обратном пути в Новый Вавилон я должна была сделать пересадку в Милуоки и

нарочно спланировала все так, чтобы у меня осталось шесть часов между прилетом и вылетом. Передайте тем, кому это интересно, что, если они хотят со мной поговорить, я буду ждать в Митчелл-Филд. Вообще-то они совершенно не обязаны это делать, и я вовсе не обижусь, если никто не придет.

— О, милая, они придут непременно. Вы даже не беспокойтесь насчет этого!

* * *

В то же время в Багдаде, где только что приземлился пассажирский самолет, которым прилетел Рэйфорд, было уже три часа дня. Стил планировал остаться на борту и дожждаться короткого перелета в Новый Вавилон, который должен был состояться через час. Тут в кармане у него завибрировал мобильник. Рэйфорд задумался над тем, кто ему звонит — может, Бизон, а может, Карпати, который хочет что-то выведать о Бизоне. В последнем случае потентату со временем станет известно и о существовании Отряда Скорби. Впрочем, все его члены знали, что положение Бизона так или иначе вскоре резко ухудшится — настолько, что нельзя будет поручиться даже за его личную безопасность.

У Рэйфорда также мелькнуло, что звонок может быть от Хэтти Дюрхем. Он дождался ее в Чикаго, сколько мог, надеясь, что она свяжется с ним перед возвращением. Как и

Карпати с Фортунато, дозвониться до нее в Денвер Стил у не удалось.

Но, как выяснилось, звонил ему его же второй пилот — МакКаллам.

— Выходи из самолета, Стил, и разомни ноги! Такси подано.

— Привет, Мак! Как это понимать?

— А так и понимать, что большой босс ждать не желает. Встретимся около площадки для вертолетов, что находится за терминалом. Оттуда я тебя доставлю в штаб-квартиру на вертушке.

Рэйфорд собирался оттянуть возвращение в Новый Вавилон как можно дольше. Но полетать на вертолете — это, конечно, была приятная перспектива. Стил завидовал той легкости, с которой МакКаллам переключался с управления крупными реактивными самолетами на легкие, несерьезные вертушки. Сам-то Рэйфорд в последний раз пилотировал вертолет еще во время службы в армии — больше двадцати лет назад...

* * *

«Глобал комьюнити уикли» выходил каждый четверг. На обложке при этом указывалась дата наступающего понедельника. На сей раз Бизон просто дрожал от возбуждения, предвкушая появление свежего номера.

В «надежном доме» решили, что Аманда и Хлоя съезжают за Хэтти в Милуоки, а Лоретта пораньше вернется домой из офиса при

церкви и приготовит для гостии ленч. Бизон уже собирался отправиться в офис журнала, чтобы взглянуть на первые экземпляры номера, а оттуда поехать в дом Лоретты. Тут Хлоя позвонила ему и сказала, что она, Аманда и Хэтти уже там.

Бизон вышел на улицу, захватив с собой фрагмент «кавер стори» — главной статьи номера, иллюстрация к которой была дана на обложке. Стремясь, как обычно, встать на нейтральные, объективные позиции, достойные настоящего журналиста, Уильямс поместил в ее начале большие куски из проповеди, которую Брюс, образно говоря, произнес в воскресенье на собственных похоронах. Бизон давал материал в собственном изложении. Правда, он предварительно обязал репортеров из каждого офиса «Глобал уикли» расспросить духовных лиц местного и регионального уровня о том, как они относятся к пророчествам, содержащимся в Откровении Иоанна.

Отчего-то репортеры, большинство из которых скептически относились к религии, взялись за это задание весело, с радостью. Бизона завалили сообщениями со всего мира. Они приходили по факсу, модему, телефону, с курьерской почтой и по имейлу. Заголовок «кавер стори» совпадал с тем конкретным вопросом, который все репортеры должны были задать религиозным лидерам, а именно: «Грозит ли нам «гнев Агнца»?»

От выполнения этой задачи, которую он сам себе поставил, Бизон получил больше удовольствия, чем от всех остальных «кавер стори», когда-либо им написанных, — и от статей

на тему «Человек года», и даже от конкретной статьи, посвященной Хаиму Розенцвейгу. Журналист провел практически без сна три дня и три ночи, сравнивая и сопоставляя полученные материалы, выстраивая их в единое целое по аналогии или по контрасту.

Конечно, по некоторым комментариям сразу чувствовалось, что их сделали его братья по вере. Невзирая на весь цинизм и скептицизм, которыми отличалось большинство репортеров, пасторы, принадлежащие к числу «святых эпохи Скорби», и некоторые новообращенные евреи считали, что слова о «гневе Агнца» из шестой главы Апокалипсиса следует понимать совершенно буквально и расценивать как указание на нечто неизбежное.

Но подавляющее большинство высказываний принадлежало духовным лицам, которые раньше относились к самым разным религиям и сектам, а теперь служили Энигматической Единой Мировой Вере Вавилона. Почти все эти люди, «религиозные консультанты» мужского и женского пола — «преподобными», «пасторами» и «священниками» больше никого не называли, — ориентировались на мнение Высшего Понтифика Питера Мэтьюза.

В свое время Бизону самому удалось с ним пообщаться. Мнение понтифика, которое потом было многократно повторено его последователями, заключалось в том, что Откровение — это «восхитительное, архаичное, прекрасное литературное произведение, которое следует понимать в символическом, фигуральном, метафорическом смысле. Под

землетрясением, которое там упоминается, — говорил Мэтьюз по телефону с улыбкой в голосе, — можно понимать все, что угодно. Не исключено, что на самом деле оно уже случилось. Его можно также соотносить с любым воображаемым событием на Небесах. Кто знает? Не исключено, что эта история связана со старой теорией, согласно которой на небе сидит древний старец, который и сотворил мир. Не знаю, как вы, но я лично не видел никаких апокалиптических всадников. Я не видел, чтобы кто-нибудь умер за свою веру. Я не видел людей, «убиенных за слово Божие», как сказано в предыдущих стихах. Я не видел никаких праведников в белых одеждах. И я полагаю, что вряд ли нас ожидает какое-то землетрясение. Можно по-разному смотреть на личность или концепцию Бога или одного из богов, но в наши дни едва ли кто-то поверит, что высшее духовное существо, исполненное доброты и света, найдет на весь мир, который и так страдает от опустошительной войны, такое страшное бедствие».

— Но разве вы не слышали, — спросил Бизон, — что во многих церквях по-прежнему проповедуют: нужно бояться «гнева Агнца»?

— Ну конечно, слышал, — ответил Мэтьюз. — Но ведь эти люди — обломки сверхконсервативных, фанатичных, фундаменталистских сект, которые всегда трактовали текст Библии буквально. Эти же самые проповедники, а также, осмелюсь сказать, и многие из их прихожан воспринимают рассказ о сотворении мира (или, если угодно, миф об

Адаме и Еве) в буквальном смысле. Они верят в то, что во времена Ноя весь мир погрузился под воду и что только он сам и его трое сыновей со своими женами спаслись от потопа, чтобы затем стать прародителями рода человеческого.

— Но вы сами, как католик, как бывший папа...

— Не только бывший папа, мистер Уильямс, но и бывший католик. Как духовный лидер Веры Мирового Сообщества я чувствую огромную ответственность за то, чтобы устранить все ловушки узкого, ограниченного восприятия. В духе единства и экуменизма я должен признаться, что католическая мысль во многом была такой же жесткой и узколобой, как мышление тех людей, которых я сейчас подверг критике.

— А именно?

— Мне бы не хотелось конкретизировать, чтобы не обидеть тех немногих, которые по-прежнему называют себя католиками. Однако представление о непорочном зачатии, взятое в буквальном смысле, нельзя рассматривать иначе как недопустимое логическое противоречие. Сама идея, что Святая Римская Католическая Церковь является единственным истинной церковью, почти столь же вредоносна, как протестантское представление о том, что Иисус — это единственный путь к Богу. Оно, конечно же, предполагает, что Иисус, как любят говорить многие из моих почитающих Библию друзей, — это «единственный Единородный Сын Отца». Но сейчас я уверен, что большинство мыслящих

людей понимают: Божество — это прежде всего дух, идея, если вам угодно. Если им нравится считать, что оно — или она — или он — обладает такими качествами, как чистота и доброта, отсюда следует, что мы все являемся сынами и дочерьми Божьими.

— Но как тогда быть с представлениями об небесах и аде? — возразил ему Бизон.

— Небеса — это состояние духа. Небеса — это то, во что вы можете превратить свою жизнь здесь, на земле. Я полагаю, мы приближаемся к утопическому состоянию общества. Ад? Еще больше вреда нанесло ранним человеческим душам совершенно мифологическое представление о том, что... или лучше скажем так: предположим, что фундаменталисты, ожидающие «гнева Агнца», правы и любящий личный бог, который печется о каждом человеке, действительно существует. Но как тогда увязать одно с другим? Разве мог такой Бог что-то создать, а потом истребить свое же творение в огне мировой катастрофы? Это же просто бред.

— Но разве верующие христиане, которых вы сейчас описали, не утверждают, что Бог не хочет гибели ни одной души? Иными словами, он не отправляет людей в ад. Ад — всего лишь приговор тем, кто не уверовал, но шанс сделать это получает каждый.

— Вы прекрасно резюмировали их воззрения, мистер Уильямс. Но я уверен, что вы сами видите: критики они не выдерживают.

В тот день, рано утром, когда в офисе не отпирали входную дверь, Бизон схватил упакованную в целлофан пачку «Глобал комьюнити

уикли» и втащил их за собой внутрь. Секретарши должны были положить по номеру на каждый стол. Но Бизон сам сорвал пластиковую упаковку и выложил перед собой один экземпляр. Обложка, над которой потрудились спецы из международной штаб-квартиры журнала, превзошла все ожидания Бизона. Под логотипом дизайнер разместил стилизованную иллюстрацию: огромный горный хребет, расколовшийся надвое, над которым поднимается кроваво-красная луна. Заголовок гласил: «Грозит ли нам гнев Агнца»?

Бизон раскрыл длинную статью, подписанную его именем. В ней отразились все точки зрения, что вообще было характерной чертой Уильямса как журналиста. Он цитировал и лидеров мирового масштаба — Карпати и Мэтьюза, и религиозных консультантов местного, низового уровня. Изредка в тексте даже попадались высказывания простых людей с улицы.

Но самым удачным местом, по мнению Бизона, была приведенная в отдельной рамке краткая, но чрезвычайно убедительная и четко сформулированная цитата, принадлежащая самому рабби Циону Бен-Иегуде. Он объяснял, что подразумевается в Писании под Агнцем, как этот образ появился в Ветхом Завете и нашел свое завершение в Евангелии в лице Иисуса.

Бизону показалось подозрительным, что по поводу причастности к бегству Циона Бен-Иегуды его не вызвал на ковер не кто-нибудь, а именно его старый друг Стив Планк. Поскольку Бизон много цитировал рабби на по-

лях собственной статьи, руководителям могло показаться, что журналист тем самым как бы бросает им в лицо: «Да, я знаю, где находится Бен-Иегуда». Но Уильямс нашел, как отвести от себя подозрения. Когда статью ввели в компьютер и по спутниковой связи разослали в различные типографии, Бизон добавил к ней следующее примечание: «Доктор Бен-Иегуда узнал о данной статье через Интернет и сообщил о своих взглядах по электронной почте, находясь в неизвестном месте».

Бизону также показалось забавным, если в подобных вселенских вопросах вообще могло быть что-то забавное, высказывание ученых-геологов из университета в Зимбабве. С ними побеседовал один из молодых африканских корреспондентов «Глобал уикли». Вот какой вывод они сделали: «Идея землетрясения, охватывающего весь земной шар, по сути своей противоречит логике. Землетрясения возникают в местах разломов, там, где подземные плиты трутся друг о друга. Здесь действует закон причины и следствия. Если рассуждать логически, то землетрясения происходят в определенном месте и в определенное время именно потому, что не происходят в это же время в другом месте. Тектонические плиты движутся и сталкиваются друг с другом, поскольку им просто некуда больше деваться. Ведь никогда не приходит сообщений о нескольких одновременных землетрясениях. Не бывает так, чтобы они в одно и то же время случились, например, в Северной Америке и в Южной Америке. Вероятность того, что

всемирное геологическое событие, предполагающее одновременные землетрясения на всей планете, никогда не будет иметь место, астрономически велика».

* * *

МакКаллам посадил вертолет на крышу нововавилонского здания штаб-квартиры Мирового Сообщества. Он помог донести сумки Рэйфорда до лифта, который доставил их в ту часть здания, что находилась позади номера 216, принадлежащего Карпати. Этот так называемый «номер» состоял из множества офисов и конференц-залов и занимал целый этаж. Рэйфорд никогда не понимал, почему его так называли — ведь он находился совсем не на втором этаже; Николае и его приближенные занимали верхний этаж восемнадцатизэтажного здания.

Рэйфорд надеялся, что Карпати не станет точно выяснять время его прибытия. Он рассчитывал встретиться со своим шефом, лишь когда нужно будет лететь с ним в Рим за Мэтьюзом. А сейчас, перед возвращением на борт самолета, Стилу хотелось распаковаться, освежиться и устроиться в своей квартире. Он был рад, что ему никто в этом не помешал. До взлета еще оставалась пара часов.

— Увидимся в 216-м, Мак, — сказал Рэйфорд.

* * *

Телефоны в «Глобал уикли» начали трезвонить еще до прихода сотрудников. Все звонки перенаправлялись на автоответчик. Вскоре Бизон подкатил свое кресло к стойке секретаря и уселся в нем, просто вслушиваясь в поступающие комментарии.

Одна женщина сказала: «Ну вот, «Глобал комьюнити уикли» опустился до уровня дешевых таблоидов, которые освещают любые сказки, запущенные в оборот так называемой «церковью». Оставьте лучше эту чушь желтой прессе!»

Другой читатель сказал: «Мне и в голову не могло прийти, что кто-то до сих пор верит в подобную ерунду. И как вам только удалось раскопать столько придурков да еще и взять у них интервью! В этом смысле у вас получилось отличное журналистское расследование. Спасибо за то, что показали религиозных фанатиков во всей красе, так что всем стало понятно, какие они идиоты».

Лишь одна женщина из Флориды говорила совсем в другом тоне: «И почему мне никто раньше об этом не рассказывал? С той самой минуты, как почтальон положил ваш журнал перед моей дверью, я, не отрываясь, читаю и читаю Откровение. Мне смертельно страшно. Что же мне теперь делать?»

Бизон в душе понадеялся, что она повнимательнее перечитает статью и обратит внимание на слова одного норвежского еврея, обратившегося в христианство. Он сказал о

том, что может защитить от землетрясения: «Пусть никто не думает, что от него можно будет где-то укрыться. Если вы, подобно мне, верите, что Иисус Христос — наша единственная надежда на спасение, вы должны раскаяться в своих грехах и принять Его в свое сердце, прежде чем ваша жизнь окажется под угрозой».

Тут зазвонил личный телефон Бизона. В трубке раздался голос Верны:

— Бизон, я вашу тайну храню. Так что надеюсь, что вы тоже выполняете свою часть нашей договоренности.

— Да, выполняю. А что это вы нынче с утра так разволновались?

— Да все из-за вашей статьи. Я знала, что вы готовите нечто в этом роде, но такой откровенности все-таки не ждала. Вы что, думали спрятать подлинные свои мысли за показной объективностью? Вы не считаете, что выставили себя сторонником вполне определенной точки зрения?

— Не знаю. Надеюсь, что нет. Даже если бы наш журнал не принадлежал Карпати, я все равно постарался бы затронуть эту тему.

— Вы сами себя обманываете!

Бизон напряженно искал ответ. С одной стороны, он был благодарен за предостережение. С другой — то, что говорила Верна, было уже отнюдь не ново. А может, она просто искала какую-то точку соприкосновения, предлог, позволяющий снова начать диалог?

— Верна, я вас очень прошу: постарайтесь подумать о том, что вы слышали от Лоретты, Хлои и Аманды.

— И от вас в том числе. Что ж вы про себя-то забыли? — сказала Верна насмешливым, саркастическим тоном.

— Я имел в виду всех нас, Верна. Если вам захочется поговорить об этих вещах, вы можете прийти ко мне.

— Вы что, издеваетесь? Я знаю, что говорит ваша религия о гомосексуалистах!

— Библия не проводит различий между людьми гомосексуальной и гетеросексуальной ориентации, — ответил Бизон. — Гомосексуалистов там могут называть грешниками, но и гетеросексуальный секс вне брака тоже считается греховным.

— Все это игра слов, Бизон, и не более.

— Вы просто запомните мои слова, Верна. Я не хочу, чтобы наш личный конфликт преградил вам путь к тому, что является истинным и реально важным. Вы были правы, когда сказали, что в свете разразившейся войны все наши раздоры выглядят смешными и мелкими. И я готов навсегда оставить их в прошлом.

Какое-то мгновение Верна молчала. Когда она заговорила вновь, в ее голосе можно было уловить чуть ли не искреннее волнение:

— Хорошо, спасибо вам, Бизон. Я буду об этом помнить.

* * *

Когда в Чикаго время шло к полудню, в Ираке уже наступил ранний вечер. Рэйфорд с МакКалломом вели самолет, на борту

которого были Карпати, Фортунато и доктор Клэйн. Они летели в Рим, чтобы забрать оттуда Высшего Понтифика Единой Мировой Веры Питера Мэтьюза. Рэйфорд знал: Карпати готовит пути к тому, чтобы штаб-квартира религиозного союза переместилась в Новый Вавилон. Правда, Стил не мог взять в толк, зачем на этой встрече нужен доктор Клайн, но, подслушивая разговоры в салоне, быстро понял, что к чему.

По своему обыкновению, Рэйфорд выполнил взлет, быстро набрал нужную высоту, поставил самолет на автопилот и передал управление им Мак-Калламу.

— У меня такое чувство, словно я весь день просидел за штурвалом, — сказал Стил, откидываясь на спинку кресла. Он опустил козырек фуражки на глаза, привел наушники в нужное положение и сделал вид, что засыпает. За те два часа, которые занимал полет из Нового Вавилона в Рим, Рэйфорду предстояло многое узнать о международной дипломатии в условиях нового мирового порядка. Но, прежде чем перейти к делам, Карпати вместе с Фортунато обсудил планы Хэтти Дюрхем и запланированные ею авиаперелеты.

Фортунато сказал:

— Она устроила себе такое турне с длительной остановкой в Милуоки. Затем она намерена отправиться в Бостон. Из Бостона она полетит прямым рейсом в Багдад. Конечно, из-за такого маршрута она потеряет несколько часов, но, как мне кажется, мы можем ждать ее уже завтра утром.

В голосе Карпати зазвучало раздражение.

— Когда же, наконец, будут готовы международные терминалы в Новом Вавилоне? Я уже устал от того, что все время приходится летать через Багдад.

— Нам сообщают, что потребуется еще пара месяцев.

— И это говорят те самые инженеры-строители, которые утверждали, что все остальное в Новом Вавилоне соответствует последнему слову современной техники?

— Да, сэр. Вы усматриваете здесь какое-то противоречие?

— Нет, но от таких разговоров у меня почти уже возникает желание, чтобы пресловутый «гнев Агнца» оказался не просто мифом, а чем-то посерьезнее. Вот тогда мы бы проверили все их постройки на сейсмоустойчивость!

— Кстати, я видел сегодня тот журнал, — сказал доктор Клэйн. — Интересный литературный опус. Не правда ли, этот Уильямс может сделать увлекательную статью из чего угодно?

— О да, — мрачным, торжественным тоном проговорил Карпати. — И я даже подозреваю, что он сделал увлекательную статью из собственной тайной жизни.

— Я как-то не вполне понимаю...

— Я тоже не вполне понимаю, — ответил Карпати. — Наша разведка считает, что Уильямс связан с исчезновением рабби Бен-Иегуды.

Рэйфорд выпрямился и стал вслушиваться более внимательно. Ему не хотелось пока-

зывать МакКалламу, что он слушает что-то на другой частоте, но упустить что-то в разговоре тоже было нельзя.

— Мы узнаем о нашем блестящем молодом журналисте все больше и больше нового, — продолжал Карпати. — Он никогда не распространялся о том, что его связывает с моим личным пилотом — так же, как и сам капитан Стил. Я по-прежнему не имею ничего против того, чтобы они оба оставались в моем окружении. Возможно, они думают, что имеют передо мной стратегическое преимущество, но мне они тоже полезны — через них я могу многое узнать об оппозиции.

«Ах вот оно что! — подумал Рэйфорд. — Вызов брошен!»

— Леон, что новенького слышно о тех двух сумасшедших из Иерусалима?

В голосе Фортунато зазвучала досада.

— Они снова подняли на дыбы все население Израиля, — сказал он. — Вы же знаете: с тех пор, как они начали проповедовать, в стране не выпадало дождей. А еще они с помощью храмовых церемоний снова проделали свой фокус с запасами воды — превратили их в кровь.

— А на сей раз чем они недовольны?

— Думаю, вы знаете.

— Я просил вас не разводить со мной лишних церемоний, Леон. Если я задаю вам вопрос, то ожидаю, что вы...

— Простите, господин. Их возмутило, что людей, связанные с доктором Бен-Иегудой, арестовали и подвергли пыткам. Эта парочка заявляет, что, пока подозреваемых не отпу-

стят и розыск не прекратят, все запасы воды будут по-прежнему смешаны с кровью.

— Как им удастся это делать?

— Никто не знает как, но это превращение совершенно реально. Не правда ли, доктор Клайн?

— О да, — ответил тот. — Мне присылали образцы. В них высокое содержание воды, но большую часть объема все-таки составляет кровь.

— Человеческая?

— Она обладает всеми показателями человеческой крови, хотя группу определить трудно. Точнее сказать, эта субстанция находится где-то на границе между кровью человека и животного.

— А как настроено население Израиля? — поинтересовался Карпати.

— Люди очень злы на обоих проповедников и хотят их убить.

— Уже не так плохо, — заметил Карпати. — А мы не можем этому поспособствовать?

— Никто не решается на них напасть. Число людей, которые погибли, пытаясь убить проповедников, уже перевалило за дюжину. А на ошибках все-таки понемногу учатся...

— Ничего, мы отыщем способ, — сказал Карпати. — А пока отпустите подозреваемых. Бен-Иегуда не мог уйти далеко. Кроме того, не показываясь на публике, он не сможет причинить нам большого вреда. А если те два жулика не согласятся немедленно очистить воду от крови, мы проверим, удастся ли им пережить атомный взрыв!

— Вы это серьезно? — встревожился доктор Клайн.

— А почему бы и нет?

— Вы хотите сбросить атомную бомбу на священное место в Святом городе?

— Откровенно говоря, меня не очень тревожит судьба Стены Плача, Храмовой горы или нового Храма. Это парочка создает мне бесконечные проблемы. И помяните мое слово: наступит день, когда чаша моего терпения переполнится.

— Было бы хорошо узнать на этот счет мнение понтифика Мэтьюза.

— У нас с ним и так насыщенная программа, — отмахнулся Карпати. — Хотя я уверен, что он подготовил для нашей встречи собственную программу, которую, вероятно, будет держать в тайне.

Позже кто-то включил телевизор, и все трое пассажиров стали смотреть репортаж о том, как устраняются последствия войны. Карпати обратился к доктору Клайну:

— Как вы знаете, десять посланников единогогласно проголосовали за финансирование абортот для женщин, проживающих в бедных странах. Я принял же решение распространить это финансирование на весь мир. От войны пострадали все континенты, так что все страны теперь можно считать бедными. Не думаю, что Мэтьюз станет создавать нам проблемы по этому поводу и протестовать, как он протестовал бы, будучи папой. Но если он все-таки выразит неудовольствие, вы готовы обсудить с ним долгосрочные выгоды, которые принесет такой шаг?

— Конечно.

— А как обстоит дело с методикой выявления здоровья и жизнеспособности плода?

— С помощью амниоцентеза мы можем получить любую информацию, которая нам необходима. Этот метод имеет такие многочисленные, далекоидущие преимущества, что они намного перевешивают риск, с которым сопряжена сама процедура.

— И еще, Леон, — сказал Карпати. — Мы уже готовы объявить амниоцентез обязательно процедурой для всех беременных? И можно ли теперь ввести санкции, согласно которым аборт будет обязателен в каждом случае, когда анализ тканей свидетельствует о наличии у плода уродства или неполноценности?

— У нас все подготовлено, — ответил Фортунато. — Но тем не менее мы должны обеспечить себе достаточно широкую поддержку, прежде чем обнародовать данную инициативу.

— Разумеется. Это одна из причин моей нынешней встречи с Мэтьюзом.

— Вы настроены оптимистично? — спросил Фортунато.

— А почему бы и нет? Разве Мэтьюз не понимает, что именно я сделал его тем, кто он есть сейчас?

— Я и сам постоянно задаю себе этот вопрос, господин. Вы наверняка заметили, что понтифик не проявляет к вам должного почтения. Меня страшно возмущает, что он позволяет себе обращаться с вами как с равным.

— Пускай ведет себя настолько развязно, насколько ему угодно. Он способен

принести нашему делу большую пользу, поскольку у него много последователей. Мне известно, что сейчас у него финансовые трудности — не удастся продать лишние здания церквей. Это ведь недвижимость очень узкого, специфического назначения. Поэтому Мэтьюз, вне всяких сомнений, собирается просить у Мирового Сообщества новых субсидий. На данный конкретный момент я совсем не против того, чтобы получить над ним финансовую власть. Вполне возможно, что мы с ним ударим по рукам.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Бизона позабавил тот факт, что его «кавер-стори» оказалась главной сенсацией дня. О ней упоминали в каждом ток-шоу, выпуске новостей и даже в каждом эстрадном концерте. В одной юмореске на сцену выпустили лохматого кукольного барашка, который по ходу действия впадал в ярость. Эта сценку авторы назвали «Так мы представляем себе «гнев Агнца».

Поглядывая на журнал, лежащий перед ним, Бизон внезапно осознал: когда его разоблачат, когда он будет вынужден уйти со своего поста и даже, может быть, ударится в бег, ему уже не доведется пользоваться идеально налаженной системой распространения, с помощью которой его журнал расхodziлся сейчас по всему миру... Конечно, благодаря телевидению и Интернету у него может появиться еще более обширная аудитория, но

еще вопрос, будет ли он когда-либо иметь на людей такое влияние, каким обладает сейчас.

Бизон взглянул на часы. Близилось время, когда ему пора было отправляться в «надежный дом» на ленч с Хэтти.

* * *

Между приземлением в Риме и вылетом обратно в Новый Вавилон у Рэйфорда и МакКаллама образовался перерыв около часа. Они прошли мимо Питера Мэтьюза, когда тот поднимался на борт самолета с одним из своих помощников. Рэйфорду было противно смотреть на раболепное почтение, с которым вел себя Карпати. Он услышал его слова:

— Ах, понтифик, как любезно с вашей стороны, что вы позволили нам прилететь сюда и забрать вас! Я надеюсь на глубокий и содержательный диалог, который пойдет на пользу Мировому Сообществу.

Рэйфорд еще находился в пределах слышимости, когда Мэтьюз ответил Карпати:

— Мне наплевать, на пользу он вам или нет — лишь бы он был выгоден Единой Мировой Вере.

Рэйфорд под каким-то предлогом покинул МакКаллама и поспешил обратно в самолет, в кабину. Он извинился перед Фортунато и сказал, что ему, дескать, необходимо «еще кое-что проверить». Вскоре Рэйфорд уже сидел на своем обычном месте. Дверь была за-

перта. Тайный канал связи с салоном работал. Рэйфорд вслушивался в разговор.

* * *

С той самой ночи, когда произошло Вознесение верующих, Бизон ни разу не видел Хэтти Дюрхем в состоянии подлинного, неподдельного горя. Как и большинство остальных мужчин, он обычно рассматривал ее только как сногшибательно красивую женщину. Но сейчас при виде Хэтти ему невольно пришло на ум слово «растрепанная» — и это был еще самый мягкий эпитет.

В руках Хэтти держала безразмерную сумку, набитую в основном бумажными платочками. Каждым из них его владелица уже явно успела воспользоваться.

Лоретта жестом указала ей место во главе стола. Ленч был подан, все расселись по местам. Присутствующие явно испытывали неловкость и избегали говорить на значимые темы. Бизон сказал:

— Аманда, ты не прочитаешь молитву для всех нас?

Хэтти быстро переплела пальцы под подбородком, словно маленькая девочка, которая опустилась на колени возле своей кровати. Аманда начала:

— Отец, иногда мы оказываемся в ситуации, когда нам трудно решить, что Тебе сказать. Иногда мы чувствуем себя несчаст-

ными. Иногда мы бываем расстроены. Иногда мы просто не представляем себе, куда податься и за что схватиться. Нам кажется, что в мире царит хаос. Но мы все равно знаем, что можем поблагодарить Тебя за то, что стали теми, кто мы есть. Мы благодарим Тебя за то, что Ты — благой, добрый Бог. За то, что Ты заботишься о нас и любишь нас. Мы благодарим Тебя за то, что Ты — величайший из владык и держишь мир в руке своей. Мы благодарим Тебя за то, что Ты посылаешь нам друзей, особенно за старых друзей, таких, как Хэтти. Дай нам слова, которые смогут помочь ей, какое бы решение ей ни пришлось принять. Мы также благодарим за пищу, которую Ты послал нам. Во имя Иисуса, аминь!

Все ели молча. Бизон заметил, что на глаза у Хэтти навернулись слезы. Но, несмотря на это, она ела быстро и закончила трапезу раньше остальных, после чего схватила очередной платочек и высморкалась.

— Ну вот, — заговорила она, — Рэйфорд настаивал, чтобы я непременно заглянула к вам на обратном пути. Мне жаль, что я его не застала. Но мне кажется, на самом деле он хотел, чтобы я поговорила именно с вами — или чтобы вы поговорили со мной.

На лицах у женщин отразилась такая же растерянность, какую Бизон ощутил в душе. Что происходит? Каких поступков ждет от них Хэтти? Нет, если она сама не откроет им, что ей нужно, угадать это будет чрезвычайно трудно.

— Хэтти, а что тебя больше всего огорчает в настоящий момент? — начала Лоретта.

Неизвестно, что именно подействовало на бедняжку — сами слова Лоретты или то, как она их произнесла, но только из глаз у Хэтти хлынули слезы.

— Дело в том, — выдавила она из себя, — что я хочу сделать аборт. И родные меня в этом поддерживают. Я не знаю, что скажет Николае, но если в наших с ним отношениях ничего не изменится, то, когда я вернусь, я наверняка сделаю выбор в пользу аборта. Мне кажется, я приехала сюда именно потому, что знаю: вы попытаетесь меня отговорить. А сейчас мне как раз очень нужно узнать мнение обеих сторон. Рэйфорд уже выложил мне стандартные аргументы, к каким обычно прибегают консервативные противники абортов. И кажется, мне совершенно ни к чему выслушивать все это во второй раз.

— А что тебе нужно выслушать? — спросил Бизон, ощущая себя страшно толстокожим мужланом.

Хлоя бросила на него взгляд, в котором так и читалось: «Не дави».

— Хэтти, — сказала она, — ты знаешь, каких взглядов мы придерживаемся. Но ты здесь сейчас совсем не поэтому. Если ты хочешь, чтобы тебя отговорили от аборта, мы сможем это сделать. Если же ты не хочешь, чтобы тебя отговорили, то никакие наши слова ни на что не повлияют.

На лице у Хэтти отразилось разочарование.

— Значит, вы думаете, я приехала, чтобы вы мне здесь проповеди читали...

— Мы не собираемся читать тебе проповеди, — ответила Аманда. — И насколько я могу судить, наше отношение к религии тебе тоже известно.

— Да, известно, — сказала Хэтти. — Мне очень жаль, что я зря потратила ваше время. Мне кажется, я должна сама принять какое-то решение относительно своей беременности, и с моей стороны было глупо втягивать сюда и вас.

— Только не воспринимай это в том смысле, что тебе пора уходить, дорогая, — заявила Лоретта. — Это мой дом, я в нем хозяйка, и ты можешь меня обидеть, если уйдешь слишком рано.

Хэтти взглянула на Лоретту, словно желая удостовериться, не подтрунивает ли над ней старушка. Было совершенно очевидно, что Лоретта именно это и делает.

— Я совершенно спокойно могу дождаться своего рейса и в аэропорту, — заметила Хэтти. — Мне жаль, что я создала вам всем столько неудобств.

Бизону хотелось что-нибудь сказать, но он знал, что все равно не сможет поддержать общение на таком уровне. Он заглянул в глаза женщинам, которые сосредоточенно следили за своей гостьей. В конце концов Хлоя встала, подошла к Хэтти и встала позади ее кресла, положив ей руки на плечи.

— Ты мне всегда нравилась, я всегда тобой восхищалась, — сказала Хлоя. — Мне

кажется, окажись мы в другой ситуации, мы могли бы подружиться. Но знаешь, Хэтти, я чувствую, что должна сказать тебе: я знаю, почему ты сегодня нас навестила. Что-то подсказывает мне, что твой приезд домой был неудачным. Может быть, твои родные оказались слишком уж практичными, а может, они просто не проявили к тебе того сострадания, которое тебе требовалось помимо их советов. Может быть, когда они посоветовали тебе прервать беременность, это были совсем не те слова, которые ты хотела услышать.

Просто позволь сказать тебе, Хэтти: если ты ищешь именно любви, то ты пришла как раз по адресу. Да, у нас есть определенные вещи, в которые мы верим. И нам кажется, что тебе тоже следовало бы узнать их и с ними согласиться. А еще нам кажется, что было бы здорово, если бы ты приняла некоторые решения. У нас есть свои представления о том, как тебе следовало бы поступить со своим ребенком, да и со своей душой, пожалуй, тоже. Но все это — личные решения, принять которые можешь лишь ты сама. И поскольку они определяют выбор между жизнью и смертью, небом и адом, то нам здесь остается только одно — поддержать тебя, подбодрить тебя, дать тебе совет, если ты о нем попросишь, и любить тебя.

— Ну да-а, как же, — протянула Хэтти. — Любить меня, если я куплюсь на то, что вы хотите мне продать.

— Нет. Мы будем любить тебя в любом случае. Мы собираемся любить тебя так,

как любит тебя Бог. Мы собираемся любить тебя настолько сильно, что ты не сможешь спрятаться от этой любви. Даже если твои решения будут противоречить тому, что мы считаем истиной, и даже если нам придется оплакивать невинную жизнь, загубленную абортom, мы не станем от этого любить тебя меньше.

Хэтти разрыдалась, а Хлоя поглаживала ей плечи.

— Это невозможно! Вы не можете любить меня вне зависимости от моих поступков, и уж тем более если я проигнорирую ваш совет!

— Ты права, — ответила Хлоя. — Мы не способны любить других безусловной любовью. Именно поэтому наша задача — позволить Богу любить тебя через нас. Именно Он — то существо, которое любит нас, что бы мы ни делали. В Библии сказано, что Он отправил своего Сына за нас на смерть, когда мы были мертвы во грехе. Это и есть безусловная любовь. Вот что мы можем предложить тебе, Хэтти, потому что, кроме нее, у нас ничего нет.

Хэтти неуклюже встала. Ножка ее стула царапнула пол, когда она повернулась, чтобы обнять Хлою. Целую минуту они продержали друг друга в объятиях, а затем все, кто был в столовой, двинулись в другую комнату. Хэтти попыталась улыбнуться.

— Я чувствую себя такой глупенькой, — призналась она, — словно сентиментальная школьница.

Остальные женщины не стали с ней спорить, не стали уверять ее, что она отлично выглядит, а просто смотрели на нее с любовью. На какое-то мгновение Бизону захотелось оказаться на ее месте — просто для того, чтобы ответить на эту любовь. Он, конечно, не знал, что творится в душе у Хэтти, но сам бы он от такого отношения наверняка просто растаял.

* * *

— Хочу перейти сразу к делу, — сказал Питер Мэтьюз, обращаясь к Карпати. — Если уж мы каким-то образом можем помочь друг другу, я хотел бы знать, что нужно вам. Потому что мне от вас тоже в свою очередь кое-что требуется.

— А именно? — спросил Карпати.

— Говоря откровенно, мне нужно, чтобы ваша администрация простила долги Единой Мировой Веры. Когда-нибудь мы, конечно, сможем выплатить часть задолженности, но на данный конкретный момент наши доходы этого не позволяют.

— Вам не удастся продать церковные здания, которые оказались ненужными? — уточнил Карпати.

— О, это лишь часть наших трудностей, причем очень незначительная. Подлинной проблемой для нас являются две религиозные группы, которые не только отказались

присоединиться к нашему союзу, но и по-прежнему проявляют враждебность и нетерпимость. Вы понимаете, о ком я говорю. Одна из них — это проблема, которую вы сами себе создали, заключив соглашение между Мировым Сообществом и Израилем. Иудеи в нас не нуждаются, им не резон вступать с нами в союз. Они по-прежнему верят в единого истинного Бога и в Мессию, который должен сойти к ним с небес. Не знаю, что вы планируете делать после того, как истечет срок действия договора, но я-то наверняка мог бы применить против них оружие.

Вторая вредоносная банда — христиане, которые называют сами себя «святыми Скорби». Это люди, которые считают, что Мессия уже приходил на землю второй раз и забрал свою паству на небо. Насколько я понимаю, с их точки зрения, получается, что им самим Бог как бы дал второй шанс. Но вы знаете не хуже меня: их ряды разрастаются, словно лесной пожар. Самое странное то, что они обращают в свою веру огромное количество иудеев. А тут еще эти два шарлатана у Стены Плача, которые говорят всем, что иудейская вера в единого истинного Бога — это лишь половина истины. По их словам, евреям осталось лишь уверовать, что Иисус — его сын, что он уже приходил повторно и вернется еще раз.

— Питер, друг мой, вам как бывшему католику подобное учение отнюдь не должно казаться странным.

— А я и не говорил, что оно кажется мне странным. Я просто никогда не понимал раньше, насколько глубока нетерпимость, свойственная нам, католикам, а также нынешним «святым Скорби».

— Вы тоже подметили, что у них есть эта особенность?

— А кто бы ее не заметил? Они воспринимают Библию буквально. Вы видели, как они ведут свою пропаганду, и слышали, что говорят их проповедники на больших съездах. На эту чушь покупаются десятки тысяч иудеев. Их нетерпимость для нас оскорбительна.

— Но почему?

— Вы сами знаете. Секрет нашего успеха, загадка Единой Мировой Веры заключается просто-напросто в том, что мы сокрушили барьеры, разделявшие людей. Любая религия, утверждающая, что есть только один-единственный путь к Богу, по определению отличается нетерпимостью. Ее приверженцы становятся врагами Единой Мировой Веры, а значит, и Мирового Сообщества в целом. Наши враги — ваши враги. Нам нужно с ними что-то сделать.

— А в чем заключается ваша цель?

— Именно этот вопрос я собирался задать вам, Николае.

Рэйфорд ярко представил себе, как, должно быть, поморщился Николае, когда Мэтьюз фамильярно назвал его по имени.

— Не знаю, поверите вы мне или нет, друг мой, но я уже немало размышлял об этой проблеме.

— В самом деле?

— В самом деле. Как вы говорите, ваши враги — мои враги. Те два шарлатана у Стены Плача, которых так называемые «святые» именуют свидетелями, — это постоянная головная боль для меня и моей администрации. Не знаю, откуда они взялись и чего в конечном итоге добиваются, но народ Иерусалима они запугивают, а меня самого постоянно выставляют в дурном свете. Группа фундаменталистов, тех самых, что обращают так много евреев, считает их обоих героями.

— И к какому же выводу вы пришли?

— Откровенно говоря, я подумываю о введении новых законов. Традиционная житейская мудрость утверждает, что моральное состояние людей невозможно регулировать законом. А я вот так не считаю! Я признаю: мои мечты и цели грандиозны, но на пути к их осуществлению меня ничто не остановит. Я предвижу появление всемирного Сообщества, в котором царят подлинный мир и гармония, осуществление утопии, где люди живут все вместе и пекутся о благе друг друга. И когда этой утопии начинают угрожать силы мятежников, сконцентрированные в трех из наших десяти регионов, я немедленно наношу ответный удар. Невзирая на то что я давно уже являюсь искренним противником войны, я вынужден был принять некое стратегическое решение. Итак, я начинаю вводить законы, которые будут регулировать моральное состояние людей. Те, кто захочет подстроиться под них и жить в

Сообществе, могут ждать от меня щедрости и доброго отношения. Но те, кто собирается вставлять нам палки в колеса, должны быть стерты с лица земли. Вот так, не больше и не меньше!

— Так к чему же вы пришли, Николае? Вы намерены объявить войну фундаменталистам?

— В определенном смысле да. На этой войне нам не потребуются танки и бомбы. Но я полагаю, что настало время ввести правила, регулирующие жизнь людей в новом Мировом Сообществе. А поскольку вам это будет так же выгодно, как и мне, нам желательно вместе создать некую элитную организацию исполнителей, которые станут претворять в жизнь наши замыслы, — организацию «чистой мысли», если угодно.

— А что вы понимаете под «чистой мыслью»?

— Я имею в виду объединение молодых, здоровых, сильных мужчин и женщин, преданных делу Мирового Сообщества, которые готовы учиться и вырабатывать в себе способность контролировать всех остальных людей на предмет того, соответствуют ли их намерения нашим целям и задачам.

Рэйфорд услышал, как кто-то из собеседников встал с места и принялся ходить взад-вперед. Ему подумалось, что это, наверное, Мэтьюз, которого всколыхнула новая идея.

— Но, как я полагаю, эти люди не будут носить форму.

— Нет. Они должны смешаться с окружающими. Мы станем отбирать кандидатов с наиболее развитой интуицией и проницательностью и обучать их психологии. Они будут информировать нас о подрывных элементах, которые выступают против наших взглядов. Ведь вы наверняка согласны с тем, что время, когда мы могли сносить хаотическое беснование, именуемое «свободой слова», навсегда прошло.

— Я не только с вами согласен, — быстро проговорил Мэтьюз, — но и готов оказать вам любое возможное содействие. Смогут ли Единая Мировая Вера помочь отбирать кандидатов? Обучать их? Обеспечивать их жильем и одеждой?

— Я-то думал, у вас финансовые проблемы, — со смешком сказал Карпати.

— Такие затраты лишь увеличат наши доходы. Если мы уничтожим оппозицию, от этого выиграют все.

Рэйфорд услышал, как Карпати вздохнул.

— Мы назовем их БНМС — «Блюстители Нравственности Мирового Сообщества».

— В этом названии слышится излишняя мягкость, Николае.

— Именно этого я и хотел. Не нужно называть их «тайной полицией», «полицией мысли», «полицией ненависти» или еще какой-нибудь полицией. Не стоит совершать ошибку! Да, организация будет тайной. У нее будет власть. Она сможет заменить собой нормальное следствие в интересах всего Мирового Сообщества и во имя его блага.

— Но до какого предела?

— Никаких пределов мы им ставить не станем.

— Они будут носить оружие?

— Разумеется.

— Но в какой мере вы разрешите им пользоваться?

— В этом-то и вся прелесть моей идеи, понтифик Мэтьюз. Мы отберем подходящих молодых людей, тщательно обучим их в духе идеалов мировой утопии и наделим высшими полномочиями, позволяющими вершить правосудие так, как они его понимают. Благодаря этому мы быстро подчиним и уничтожим врага. Всего через несколько лет — и необходимость в существовании БНМС полностью отпадет.

— Николае, вы гений!

* * *

Бизон был разочарован. Когда пришло время отвезти Хэтти обратно в Милуоки, ему показалось, что прогресс, которого им удалось достичь, совсем незначителен. Хэтти, конечно, много расспрашивала окружающих женщин о том, чем они занимаются. Ее заинтересовала мысль взяться за изучение Библии. И она даже обмолвилась, что завидует людям, имеющим друзей своего пола — друзей, которые о них по-настоящему заботятся.

Но Бизон надеялся более масштабный прорыв, на перелом. На то, что Хэтти, например, пообещает не делать аборт или вообще «поднимет лапки кверху» и уверует в Христа. Бизон старался не думать о том, что Хлое могла прийти в голову мысль взять к себе нежеланного младенца, которого вынашивала Хэтти, и воспитать его как собственное дитя. Хлоя с Бизоном были близки к тому, чтобы окончательно определиться, стоит ли им заводить ребенка в столь мрачную историческую эпоху. Но вот растить дитя Антихриста Уильямсу все-таки совершенно не хотелось.

Хэтти всех поблагодарила и забралась в «рейнджровер» вместе с остальными женщинами. До этого Бизон предполагал, что возьмет какую-то из других машин и поедет на ней в офис «Глобал комьюнити уикли». Но вместо этого он отправился в церковь. По дороге он остановился, чтобы купить угощение для своего друга, а через несколько минут уже шагал по лабиринту, ведущему в святая святых, где обосновался рабби Цион Бен-Иегуда, — в его личный кабинет для научных занятий.

Каждый раз, пробираясь сюда, Бизон был уверен, что его друг наверняка испытывает клаустрофобию, одиночество, страх и горе. И каждый раз именно Уильямс получал от своих визитов заряд бодрости и душевного тепла. Цион, конечно, пребывал не в самом радостном настроении. Он мало смеялся, и нельзя сказать, что он встречал Бизона широкой улыбкой. Глаза у рабби были красные,

недавняя утрата оставила у него на лице морщины. Но все-таки он держал себя в форме. Он занимался спортом — бегал и прыгал на месте, выполнял растяжки и другие упражнения. По собственному признанию, Цион посвящал физкультуре не менее часа в день, и последствия этого были налицо. С каждой встречей душевное состояние рабби становилось все лучше и лучше, и он никогда ни на что не жаловался.

В тот вечер Цион, видимо, испытал от прихода Бизона подлинное удовольствие.

— Кэмерон, — произнес он, — если бы на душе у меня не лежал сейчас такой страшный груз, то в определенных отношениях это убежище, особенно его местоположение, стало бы для меня настоящим раем. Здесь я могу читать, заниматься, молиться, писать, общаться с людьми по телефону и через компьютер. Это же мечта ученого! Мне, конечно, не хватает контактов с коллегами, особенно с молодыми студентами, моими учениками, которые мне помогали. Но Аманда и Хлоя — и сами великолепные ученицы.

И Цион вместе с Уильямсом принялись с жадностью уплетать гамбургеры.

— Мне сейчас просто необходимо поговорить о моей семье, — сказал Бен-Иегуда. — Надеюсь, вы не возражаете?

— Цион, вы можете говорить со мной о своей семье, когда пожелаете. Простите меня, пожалуйста, что я не расспросил вас сам.

— Я знаю, что вы, как и многие другие, не вполне уверены, можно ли затрагивать

такую болезненную для меня тему. Но на самом деле мне очень приятно рассказывать о своих родных — конечно, если речь не заходит об их гибели. Вы знаете, что я растил своих сына и дочку соответственно с восемью и десяти лет до четырнадцати и шестнадцати. Это дети моей жены от первого брака. Ее муж погиб на стройке от несчастного случая. Сначала дети отвергали меня, но я завоевал их сердца своей любовью к ней. И через какое-то время они называли меня своим отцом. В тот день я был горд собой, как никогда в жизни!

— Ваша жена, наверное, была замечательной женщиной.

— Да, вы правы. И дети тоже были замечательные, хотя у моих родных тоже имелись свои недостатки, как у всех обычных людей. Я их отнюдь не идеализирую. Но все они были исключительно яркими, одаренными людьми, и это меня тоже очень радовало. С ними я мог разговаривать об очень глубоких и сложных вещах. Пока у жены не появились дети, она и сама успела закончить колледж. Сын с дочкой учились в специальных частных школах, и учились превосходно. А самое главное — когда я начинал рассказывать им о результатах своих исследований, они никогда не обвиняли меня в ереси, в том, что я отрекаюсь от своей культуры, религии или страны. Они были достаточно умны, чтобы понять, что моя цель — найти истину. Я не произносил перед ними проповедей, не старался излишне на них влиять. Я просто зачитывал им различные фрагменты и спра-

шивал: «Какой вывод можно отсюда сделать? Что говорит нам Тора о качествах Мессии?» Я столь усердно использовал сократический метод, что иногда они даже приходили к окончательным выводам раньше меня. Когда случилось Вознесение верующих, я сразу же понял, что произошло. В определенном смысле я даже был разочарован, обнаружив, что свою семью я, так сказать, проморгал, поскольку жена с обоими детьми осталась на земле вместе со мною. Конечно, я бы по ним тосковал, как тоскую и сейчас, но я считал бы благословением Божиим, что кто-то из них все-таки познал истину и жил в соответствии с нею, пока еще не стало слишком поздно.

— Вы говорили, что все они уверовали вскоре после вас.

Цион встал и принялся расхаживать по комнате.

— Кэмерон, я не понимаю, как человек, хоть сколько-нибудь знакомый с Библией, может сомневаться в том, что означают массовые исчезновения людей. Рэйфорд Стил, при всей ограниченности его знаний, понял это благодаря своей жене. А я — тот, кто должен был первым все понять. И тем не менее вы сами видите, что творится вокруг. Люди по сей день стараются найти какое-то другое, более успокаивающее объяснение. У меня просто сердце разрывается, глядя на это!

Цион показал Бизону, над чем он работает. Он почти окончательно скомпоновал первый буклет из собрания сочинений Брюса, которое надеялся вскоре издать.

— Для такого молодого человека он был на удивление знающим ученым, — сказал рабби. — Конечно, он не занимался лингвистикой, в отличие от меня, поэтому я делаю к его работам кое-какие дополнения. Думаю, конечный продукт от этого только выиграет.

— Уверен, Брюс бы с вами согласился, — заметил Бизон.

Бизон хотел затронуть вопрос о том, не сможет ли Цион, разумеется дистанционно, помочь церкви подыскать нового пастора. Ах, как хорошо подходил на эту роль сам рабби! Но о том, чтобы место покойного Брюса занял доктор Бен-Иегуда, и речи быть не могло. Кроме того, Бизону не хотелось отрывать своего друга от его столь важной работы.

— Знаете, Цион, я, вероятно, стану первым, кто присоединится к вам на постоянной основе.

— Кэмерон, я не могу себе представить, что вам нравилось жить, прячась от людей.

— Да, я, наверное, здесь просто с ума сойду. В этом нет сомнений. Но я становлюсь неосторожным, начинаю идти на риск. И в результате я наверняка привлеку к себе ненужное внимание.

— С помощью Интернета вы сможете делать то же самое, что делаю я, — произнес Цион. — Я освоил несколько приемов и уже могу общаться отсюда с сотнями людей. Вы только представьте себе, сколько всего вы сумеете сделать, зная истину! Вы сможете писать так, как обычно писали — абсолютно

серьезно и объективно. На вас больше не будут давить владельцы изданий.

— А что вы только что сказали про истину?

— Что вы сможете нести людям истину, вот и все.

Уильямс сидел, черкая ручкой по бумаге. Затем нарисовал на ней эскиз. Это была обложка журнала с простым заголовком: «Истина». Бизона охватило волнение.

— Посмотрите сюда! Я мог бы разработать дизайн, написать текст и распространять журнал в Сети. Донни Мур утверждает, что найти отправителя будет невозможно.

— Мне не хотелось бы видеть, как вы обрекаете сами себя на заточение, — сказал Бен-Иегуда. — Но, должен признаться, мне будет приятно, если вы составите мне компанию.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Рэйфорд прямо-таки гордился тем, как ведет себя Хэтти Дюрхем. Судя по той информации, которую ему удалось собрать в Новом Вавилоне, она еще раз натянула нос Николае и его прихвостню, Леону Фортунато. Она, видимо, вылетела из Милуоки в Бостон, но вместо того, чтобы сесть на пересадочный рейс в Багдад, где-то задержалась.

Конечно, когда Карпати продолжил переговоры с Питером Мэтьюзом в нововавилонской штаб-квартире, Рэйфорд уже не мог их услышать. Он знал только то, что все, особенно люди, приближенные к Николае и Леону, погрузились в какое-то испуганное оцепенение, а Хэтти в очередной раз выбилась из графика. Хотя Николае проявлял к ней явное равнодушие, она могла стать для него непредсказуемым источником неприятностей просто в силу того, что он не знал, где она находится.

Когда наконец поступили сведения о ее новом маршруте, Карпати лично попросил Рэйфорда конфиденциально навестить его. Когда Рэйфорд вошел в «Комплекс-216» и удостоился аудиенции у потентата, оказалось, что новая секретарша Николае уже находится на рабочем месте и приступила к исполнению своих обязанностей.

— Приятно видеть вас снова, капитан Стил! Боюсь, я не успел вовремя поблагодарить вас за службу — слишком уж я тогда закрутился. Давайте же теперь сразу перейдем к делу. Я знаю, что мисс Дюрхем когда-то работала под вашим началом. Да вы и сами пришли к нам по ее рекомендации. Мне также известно, что порой она доверяла вам свои сердечные тайны. В свете всего этого вас, вероятно, не удивит, что у нас возникли кое-какие проблемы. Позвольте мне сказать откровенно: мне кажется, что мисс Дюрхем всегда считала наши с ней личные отношения более серьезными, чем они есть в действительности.

Рэйфорду вспомнился момент, когда Николае с такой гордостью объявил, что Хэтти беременна и носит на руке его кольцо. Но пилот был не настолько наивен, чтобы ловить на лжи самого царя лжецов.

Карпати продолжал:

— Мисс Дюрхем должна была понять, что, когда человек занимает такое положение, как я, в его жизни просто-напросто не остается места для личной жизни, для обязательств, связанных с браком и семейными отношениями. Ее явно привлекала мысль выносить

ребенка — моего ребенка. Я, со своей стороны, не препятствовал этому и не подталкивал ее ни к какой другой альтернативе. Если она доносит беременность, я, разумеется, выполню свои финансовые обязательства. Однако с ее стороны было бы несправедливо ожидать, что я буду посвящать ребенку столько же времени, сколько посвящает обычный отец. Я бы лично посоветовал ей прервать беременность. Тем не менее, поскольку ответственность за данный результат наших отношений несет мисс Дюрхем, я оставляю за ней право принять свое решение.

Рэйфорд был озадачен и не пытался скрыть свое замешательство. Чего ради Карпати ему все это рассказывает? Какое задание Николае хочет на него возложить? Впрочем, последнее как раз выяснилось очень скоро.

— У меня имеются такие же потребности, как и у всякого мужчины, капитан Стил. Вы понимаете, что я имею в виду. Я никогда не брал на себя обязательство довольствоваться всю жизнь всего одной женщиной, и уж тем более я не обещал ничего подобного мисс Дюрхем. Вообще-то у меня сейчас уже есть женщина, с которой меня связывают близкие отношения. А значит, вам должно быть понятно, перед какой дилеммой я стою.

— В этом я как-то не вполне уверен, — проговорил Рэйфорд.

— Ну, в общем, я освободил мисс Дюрхем от обязанностей моего личного помощника. Я чувствую, что ее огорчает и этот факт, и не-

которые другие обстоятельства, из которых она делает вывод, что наши отношения испортились. Я же, напротив, вообще не склонен рассматривать произошедшее как некую порчу и ухудшение; мне кажется, мы оба просто движемся по жизненному пути к каким-то новым перспективам. Но, как я уже сказал, когда она увидела, что связывающие нас обязательства ей кажутся более серьезными, нежели мне, это ее еще больше расстроило и разочаровало.

— Я должен вам напомнить о кольце, которое вы ей подарили, — заметил Рэйфорд.

— О, это вообще не проблема! Я не требую, чтобы мисс Дюрхем его вернула. Честно говоря, мне всегда казалось, что камень на нем слишком велик для обручального кольца. Это явно декоративная имитация. Она может не трудиться его возвращать.

До Рэйфорда наконец дошло, что к чему. Значит, Карпати вызвал своего личного пилота как старого друга и бывшего босса Хэтти, чтобы через него передать ей эту новость. Зачем иначе ему было бы выкладывать столько информации?

— Капитан Стил, я намерен корректно повести себя по отношению к мисс Дюрхем. В этом вы можете быть уверены. Я не хочу, чтобы она оказалась брошенной. Я знаю, что она может найти себе работу — конечно, не в качестве духовного лица, но, по крайней мере, в авиационном бизнесе.

— Который, как вы знаете, уничтожен войной, — заметил Рэйфорд.

— Да, но при вашей поддержке и, быть может, при определенном мягком давлении с моей стороны...

— Так вы говорите, что будете выплачивать ей своего рода выходное пособие, денежное содержание или что-то в этом роде?

Карпати, казалось, повеселел.

— Да, если так я смогу облегчить ей жизнь, я был бы счастлив это сделать.

«Еще бы ты не был счастлив», — подумал Рэйфорд.

— Капитан Стил, у меня есть для вас одно задание...

— Я так и предполагал.

— Ну конечно, как же иначе. Вы ведь человек сообразительный! Мы получили информацию, что мисс Дюрхем снова отправилась в путь, и ожидаем, что она прибудет в Багдад в понедельник рейсом из Бостона.

Наконец Рэйфорд догадался, по какой причине Хэтти могла отложить свое возвращение. Возможно, она знала о планах Аманды! Было бы вполне в духе Аманды встретиться с нею где-нибудь, а потом и вылететь вместе в Багдад. Конечно, у Аманды был бы при этом скрытый мотив: удержать Хэтти от визита в гинекологическую клинику. А еще ей наверняка захотелось бы показать девушке, как она ее любит. Рэйфорд решил не рассказывать Карпати о том, что так и так собирался в понедельник в багдадский аэропорт встречать свою жену.

— Исходя из того, что вы свободны, капитан Стил, а я прослежу за тем, чтобы так и было, я бы попросил вас встретить самолет,

которым прилетает мисс Дюрхем. Именно вы, как ее старый друг, подходите для того, чтобы передать ей данную новость. Ее вещи уже перенесли в один из кондоминиумов, находящихся в вашем здании. Она может остаться там на месяц, прежде чем решит, куда ей хотелось бы перебраться...

Рэйфорд перебил Карпати:

— Прошу прощения, но получается, что вы просите меня сделать то, что следовало бы сделать вам самому?

— О нет, не стоит заблуждаться, капитан Стил. Я вовсе не боюсь этой встречи. Она была бы мне крайне неприятна, но я признаю, что на мне в этом смысле лежит определенная ответственность. Дело лишь в том, что у меня назначены важные совещания, которые невозможно отменить. В свете того, что враг недавно оказал сопротивление, мы приняли много новых директив и законодательных энциклик, и я просто не могу никуда отлучиться из офиса.

Рэйфорд подумал, что встреча Карпати с Хэтти Дюрхем заняла бы меньше времени, чем беседа с ним самим. Но какой смысл спорить с человеком такого пошиба?

— У вас есть вопросы, капитан Стил?

— Нет. Мне все совершенно ясно.

— Так вы это сделаете?

— Мне кажется, у меня нет выбора.

Карпати улыбнулся:

— У вас хорошее чувство юмора, капитан Стил. Я не стал бы утверждать, что именно за это держу вас у себя, но мне нравится, что служба в армии научила вас четко выполнять

полученные указания. Я хотел бы сказать вам за это спасибо.

Рэйфорд уставился на него. Он заставил себя удержаться от обязательного «Не стоит благодарности». Он просто кивнул и встал.

— Капитан Стил, я прошу вас посидеть еще минутку.

Рэйфорд уселся на место.

«Что теперь? — подумал он. — Это начало конца?»

— Я хотел бы у вас спросить, какие отношения связывают вас в Кэмероном Уильямсом...

В первый момент Рэйфорд не нашелся, что ответить. Карпати тем временем продолжал:

— ...который также известен как Бизон Уильямс. Раньше он был ведущим штатным автором журнала «Глобал уикли», который сейчас называется «Глобал комьюнити уикли». Теперь он у меня там главный редактор.

— Кэмерон — мой зять, — ответил Рэйфорд.

— Какая радостная новость! Но почему же он не поделился со мной таким прекрасным известием? У вас есть предположения на этот счет?

— Полагаю, это нужно спросить у него, сэр.

— Хорошо, тогда я, пожалуй, задам аналогичный вопрос вам. Почему вы ничего мне об этом не сообщили?

— Да это же чисто личные, семейные дела, — сказал Рэйфорд, стараясь сохранять

спокойствие. — А так как он все равно работал у вас, да еще на такой высокой должности, я подумал, что вы так и так скоро узнаете о том, что мы с ним породнились.

— А ваши религиозные взгляды он тоже разделяет?

— Мне бы не хотелось говорить за Бизона.

— Ваш ответ я расцениваю как «да», — заявил Карпати. Рэйфорд неподвижно смотрел на него, а тот продолжал: — Но я совсем не хочу сказать, что вижу в этом какую-то проблему... вы же меня понимаете!

«Да, конечно, понимаю, и еще как!» — подумал Рэйфорд.

— Впрочем, это я просто так, из чистого любопытства, — закончил Карпати. Он улыбнулся Рэйфорду, и тот прочел в его улыбке все, что хотел вложить в нее Антихрист. — Я буду ждать вашего отчета о встрече с мисс Дюрхем. Я совершенно убежден в том, что она пройдет успешно.

* * *

Бизон сидел в чикагском офисе «Глобал комьюнити уикли», когда Аманда позвонила ему на личный телефон.

— Мне только что звонил Рэйфорд и сказал одну чрезвычайно странную вещь, — начала она. — Он спросил, лечу ли я из Бостона в Багдад вместе с Хэтти. Я сказала, что нет. Я ведь думала, что она туда уже вернулась!

Он ответил, что Хэтти, судя по всему, выбрала другой рейс и мы с ней прибудем в Багдад примерно в одно и то же время. Я спросила, что стряслось, но Рэй, видимо, куда-то торопился, и у него не было времени рассказать мне, в чем дело. Вы не знаете, что произошло?

— Я впервые обо всем этом слышу, Аманда. Ведь у вашего самолета дозаправка будет тоже в Бостоне?

— Да. Вы же знаете, в Нью-Йорке аэропорт вообще не работает. В Вашингтоне такая же ситуация. И я не знаю, могут ли самолеты летать без посадки из Милуоки в Багдад.

— А из-за чего Хэтти так сильно задержалась на пути в Ирак?

— Понятия не имею. Если бы я знала, что она собирается отложить возвращение, я бы предложила ей полететь вместе. Нам нужно не терять контакта с этой девушкой.

Бизон согласился с Амандой.

— Хлоя уже по вам скучает. Она и Цион усиленно работают над каким-то курсом изучения Нового Завета. Такое впечатление, словно они находятся в одной комнате, хотя на самом деле их разделяет как минимум четверть мили.

— Я знаю, что для нее это — огромное удовольствие, — ответила Аманда. — Если бы мне удалось уговорить Рэйфорда, чтобы он отпустил меня обратно сюда! Конечно, тогда я буду его реже видеть, но ведь мы и в Новом Вавилоне не так уж часто бываем вместе.

— Не забывайте: вы можете оставаться «в одной комнате» с Ционом и Хлоей, где бы вы ни находились в данный момент.

— Ага, — согласилась она, — если не считать того, что у нас с вами, ребята, девятичасовая разница во времени.

— Нам нужно просто согласовать свои графики. Где вы сейчас находитесь?

— Мы над континентом. Посадка где-то через час. А у вас сколько времени — наверное, около восьми утра?

— Именно так. Отряд Скорби планирует на некоторое время разбежаться. Цион плодотворно работает и кажется если не счастливым, то хотя бы вполне довольным. Хлоя в «надежном доме». Она в полном восторге от того, какие возможности для учебы и преподавания перед ней открылись, хоть и понимает, что юридически у нее не всегда будет на это право. Я здесь, вы там и скоро встретитесь с Рэйфордом. Полагаю, мы сейчас все при деле.

— Я очень надеюсь, что Рэйфорд не ошибся насчет Хэтти, — сказала Аманда. — Как удобно получится, если он одновременно заберет нас обеих из аэропорта!

* * *

Рэйфорду пора было отправляться в Багдад. Он был озадачен и сбит с толку. Почему Хэтти так долго не выходила ни с кем на связь, пока жила в Денвере, и зачем потом, восстановив контакт с Фортунато, дала ему неверную информацию насчет своего обратного рейса? Если она проделала все это

не для того, чтобы заглянуть к Аманде, то для чего именно? Что могло заинтересовать ее в Бостоне?

Рэйфорд не мог дожидаться встречи с Амандой. Конечно, они пробыли в разлуке всего несколько дней. Но ведь они все еще молодожены, в конце концов! И его не особенно радовало задание, которое дал ему Карпати, особенно учитывая, что Аманда должна была прилететь в Багдад одновременно с Хэтти. В этом совпадении он видел только один позитивный момент — что присутствие Аманды утешит девушку. Особенно в свете того, что Рэйфорду рассказали о встрече, которая произошла в «надежном доме».

Вопрос заключался в том, станут ли слова Рэйфорда такой уж дурной вестью для Хэтти. А может, она, наоборот, примет свое будущее с легким сердцем? Ведь она и раньше знала, что ее отношения с Карпати закончены. Она боялась, что Николае не позволит ей уйти. Конечно, девушка в любом случае почувствует себя обиженной, оскорбленной. Она наверняка не захочет взять от Николае ни кольцо, ни деньги, ни квартиру. Но зато в ее жизни, по крайней мере, появится какая-то определенность! Рэйфорду, с его мужским складом ума, казалось, что это практичное решение. Но за многие годы он успел достаточно хорошо изучить Ирэн и Аманду, чтобы понять: каким бы непривлекательным Карпати ни выглядел сейчас в глазах Хэтти, она все равно почувствует себя обиженной и брошенной.

Рэйфорд позвонил ее шоферу.

— Вы сможете довезти меня, или мне лучше взять машину напрокат? Я собираюсь встретить в Багдаде мисс Дюрхем и свою...

— О нет, сэр, извините. Я больше не шофер мисс Дюрхем. Я теперь вожу в офис Властелина кое-кого другого.

— А вы не знаете, где мне теперь раздобыть машину?

— Ну, попытайте счастья в автопарке. Но это займет определенное время. Сами знаете — там потребуется куча бумажек.

— Да, столько времени у меня нет. Какие-нибудь еще есть варианты?

Рэйфорд злился на себя за то, что не спланировал все заранее.

— Если бы потентат позвонил в автопарк, вы бы получили автомобиль в любой момент, когда он вам только понадобится.

Рэйфорд позвонил в офис Карпати. Секретарша сказала, что не может с ним соединить.

— Но он на месте? — спросил Рэйфорд.

— Да, сэр, он на месте, но, как я сказала, соединить вас с ним я не могу.

— Дело в том, что у меня довольно срочный вопрос. Если уж его совсем нельзя отрывать дел, я буду вам страшно благодарен, если вы соедините меня с ним буквально на одну секундочку.

Не кладя трубку рычаг, секретарша куда-то отошла, а через некоторое время снова вернулась и сказала:

— Господин потентат спрашивает, не могли бы вы на минуту заглянуть к нему в офис,

прежде чем выполнять задание, которое он вам дал.

— У меня довольно мало времени, но...

— Так я ему скажу, что вы будете.

Рэйфорд находился в трех кварталах от здания, где обосновался Карпати. Он поспешно спустился в лифте и побежал в сторону штаб-квартиры. Вдруг его осенило. Он схватил свой мобильник и на бегу набрал номер МакКалама.

— Мак? Ты сейчас свободен? Отлично! Мне нужно слетать на вертушке в Багдад. У меня жена приезжает, а еще я должен встретить Хэтти Дюрхем. Что? Слухи о ней ходят? Ну, я не вправе на этот счет ничего говорить. Через несколько минут я буду в офисе у Карпати. Встретимся в вертолете? Отлично! Спасибо!

Бизон работал на своем лэптопе, закрыв дверь в офис. Вдруг компьютер подал звуковой сигнал: значит, поступило какое-то сообщение в реальном времени. Эта функция ноутбука очень нравилась Уильямсу; у него возникало впечатление, что он непрерывно находится на связи с тем или иным человеком.

Сообщение было от Циона. Он спрашивал: «Попробуем пообщаться в видео-режиме?»

Бизон напечатал: «Конечно!»

И набрал код на клавиатуре. У него ушло несколько минут на то, чтобы войти в программу, зато на экране замерцало изображение Циона.

Бизон напечатал: «Это действительно вы, или я просто вижу свое отражение в компьютере?»

Цион ответил: «Это я. Если вы в надежном месте, где нас не могут подслушать, можно также включить аудиорежим, и тогда мы поговорим друг с другом».

«Лучше не стоит, — напечатал Бизон. — Вы собирались сообщить что-то конкретное?»

«Мне хочется, чтобы кто-нибудь составил мне компанию за завтраком, — признался Цион. — Сегодня я себя чувствую гораздо лучше, но у меня возникла легкая клаустрофобия. Я знаю, выводить меня отсюда потихоньку вы не можете. А вы не могли бы сами пройти ко мне так, чтобы Лоретта ничего не заподозрила?»

«Я попытаюсь. Чего вам хочется на завтрак?»

«Я приготовил для вас кое-что из американской кухни, Бизон. Я сейчас поверну экран, чтобы выяснить, каковы оптические возможности у видеокамеры».

Да, камера, встроенная в ноутбук, была явно не предназначена для того, чтобы делать панорамный кадр в темном подземном укрытии. Бизон написал: «Я ничего не вижу, но я вам верю. Буду у вас, как только смогу».

Бизон сказал администратору, что отлучится на пару часов. Но когда он уже подходил к «рейджроверу», его перехватила Верна Зи.

— Вы куда? — спросила она.

— Простите, что? — не понял Бизон.

— Я хотела бы узнать, куда вы направляетесь.

— Не могу сказать на этот счет ничего определенного, — ответил он. — Администратор в курсе того, что я уехал на пару часов. И у меня нет ни малейшего желания делиться с вами подробностями.

В ответ Верна только покачала головой.

На подходе к главному входу в штабквартиру Мирового Сообщества Рэйфорд сбавил скорость. Этот офисный комплекс располагался в необычном месте, в окружении шикарных резиденций. Его внимание привлекло нечто необычное. Голоса животных! Собачий лай! Да, он и раньше видел в этих местах собак. Многие служащие заводили псов дорогих пород и любили выгуливать их за пределами своих квартир. Такие собаки служили показателем богатства и процветания. Рэйфорд иногда слышал, как они тявкают. Но сейчас все собаки лаяли одновременно! Они подняли такой шум, что он даже обернулся посмотреть, что же их так взволновало. Ему бросились в глаза два пса, которые вырвались у хозяев и с воем бежали от них вдоль по улице.

Рэйфорд пожал плечами и вошел в здание.

Уильямс собирался заглянуть в дом Лоретты и захватить с собой Хлою. Еще ему нужно было выдумать какую-нибудь историю, которой можно будет заморочить старушке голову, когда они окажутся в церковном офисе. Ведь припарковаться возле церкви, а тем более войти в нее, не столкнувшись с Лореттой, было невозможно. Наверное, Бизону и Хлое придется провести с нею какое-то время, а потом сделать вид, что они уходят через черный ход... А там уж, если удастся пройти незамеченными, можно будет пробраться вниз, к Циону.

Такой план казался вполне сносным. Бизон был уже на полпути к Маунт-Проспекту, когда заметил нечто странное. На дороге то там, то тут виднелись раздавленные животные, причем в огромном количестве. А еще больше зверьков, которым грозила смерть под колесами, проносилось по улицам. Белки, кролики, змеи... Неужели змеи? На Среднем Западе, особенно в северных областях, Бизон когда-то видел несколько змей. Это были самые обычные змеи, одна-две за все время, не больше. Здесь оказались такие же, но почему их было так много? Еноты, опоссумы, утки, гуси, собаки, кошки и прочие звери кишели повсюду. Он опустил стекло в окне «рейнджровера» и прислушался. С дерева на дерево перелетали огромные стаи птиц. При всем при том небо оставалось чистым, безоблачным. Ветра вроде бы тоже

не наблюдалось. На ветках не шевелился ни один листочек.

Остановившись у светофора, Бизон заметил, что, несмотря на безветрие, он покачивается. Дорожные знаки тоже качались — наклонялись взад-вперед. Бизон помчался в сторону Маунт-Проспекта.

Рэйфорда проводили в офис Карпати. Там за столом переговоров сидело несколько ВИП-персон. Николае быстро отвел его в сторону.

— Спасибо, что заглянули к нам, капитан Стил. Я просто хотел еще раз подчеркнуть, что мне не хотелось бы лично встречаться с мисс Дюрхем. Возможно, ей захочется со мной поговорить. Так вот, об этом и речи быть не может. Я...

— Прошу прощения, сэр, — прервал его Леон Фортунато, — но наши датчики мощности показывают что-то странное.

— Ваши датчики мощности? — недоверчиво переспросил Карпати. — Обслуживание оборудования — это задача ваша и вашего персонала, Леон...

— Сэр! — воскликнула секретарша. — Срочный звонок из Международного сейсмографического института. К телефону просят вас или мистера Фортунато.

Карпати с растерянным видом повернулся к Леону:

— Возьмите трубку, ладно? Я сейчас занят.

Фортунаато подошел к телефону. Выслушав то, что ему говорили на другом конце провода, некоторое время он пытался внешне сохранять спокойствие, но под конец не выдержал и завопил:

— Что? Что?!

Тут уже Николае разозлился.

— Леон!

Рэйфорд отошел от Карпати и выглянул в окно. Внизу кругами бегали собаки, а за ними гонялись хозяева. Рэйфорд сунул руку в карман за мобильником и прямо под взглядом Карпати быстро набрал номер МакКаллама.

— Мак! Ты где? Запускай машину. Мне пора вылетать!

Вдруг электричество потухло. Теперь светили только лампы под потолком, которые питались от аккумулятора. Секретарша пронзительно закричала. Фортунаато повернулся к Карпати и хотел было пересказать ему, что сообщили по телефону. Но тот заорал, перебивая шум:

— Прошу всех соблюдать порядок!

И тут свет дня внезапно погас, словно кто-то в небе повернул выключатель. Теперь даже взрослые мужчины визжали и кричали от страха. Лампочки в углу, работающие от аккумулятора, бросали на все призрачный отсвет. И отсвет этот начал дрожать. Рэйфорд опрометью бросился к двери. Он чувствовал, что за ним по пятам бежит кто-то еще. Он нажал на кнопку лифта, а потом стукнул себя по лбу, вспомнив, что электричество

отключилось. Тогда он кинулся на лестницу, которая вела на крышу, где, жужжа лопастями, уже маячил вертолет МакКаллама.

Здание вздыбилось под Рэйфордом, словно волна прибоя. Вертолет, опирающийся на шасси, завалился сначала влево, потом вправо. Рэйфорд дотянулся до открытого проема и увидел расширенные глаза Мака. Когда Стил попытался влезть внутрь, кто-то потянул его назад и забрался на место позади Мака. Это был Николае Карпати.

— Взлетай! — прокричал он. — Взлетай!

Мак-Каллам поднял вертолет примерно на один фут над крышей.

— Там же еще другие бегут! — прокричал он в ответ.

— Места больше нет! — завопил Карпати. — Взлетай!

Когда две молодые женщины и несколько мужчин средних лет ухватились за шасси, Мак поднялся над зданием. На выраже его прожекторы осветили крышу, на которую с криком выбегали из двери все новые люди. Рэйфорд в ужасе смотрел, как восемнадцатизэтажное здание, внутри которого оставались сотни служащих, с оглушительным грохотом рухнуло на землю, подняв облако пыли. Вопящие люди один за другим отрывались от вертолета и падали вниз.

Рэйфорд уставился на Карпати. В тусклом свете, исходящем от приборной доски, на лице Николае нельзя было заметить никакого выражения. Казалось, он всецело поглощен одной задачей: как бы получше застегнуть ремень безопасности.

Стилу стало дурно. Он видел, как гибнут люди. И Карпати приказал Маку улетать прочь от несчастных, которых еще можно было спасти! Сейчас Рэйфорд чувствовал, что готов убить Николае голыми руками.

Он уже не знал, не лучше ли было ему самому тоже погибнуть в рухнувшем здании. Но тут он покачал головой и решительно пристегнулся ремнем.

— В Багдад! — прокричал он Мак-Калламу. — В Багдад! В аэропорт!

* * *

Бизон точно знал, что сейчас произойдет. Он мчался, не обращая внимания на светофоры и дорожные знаки, перепрыгивая через бордюры, объезжая легковушки и грузовики. Он хотел сначала добраться до Хлои, которая находилась в доме Лоретты. Уильямс вытащил мобильник, но он еще не успел ввести в его память нужные номера в режиме быстрого набора, а полностью набирать номер на клавиатуре и одновременно вести машину с такой скоростью было совершенно невозможно.

Бизон швырнул мобильник на сиденье. Он как раз доехал до перекрестка, когда солнце вдруг погасло. День в один миг превратился в ночь, и во всем районе потухло электричество. Водители быстро включили фары, но расщелину, зияющую на пути, Бизон все равно увидел слишком поздно.

«Рейнджровер» мчался к разлому, который разверзся впереди на дороге. Он имел как минимум футов десять в ширину и столько же в глубину. Бизон тут же понял, что падение туда означает смерть, но его машина мчалась слишком быстро, чтобы он успел свернуть. Уильямс вывернул руль влево, и «рейнджровер» перевернулся, но зато не провалился в расщелину. Подушка безопасности со стороны пассажирского сиденья надулась, а затем медленно обвисла. Да, пора выяснить, чего на самом деле стоит эта машина!

Впереди провал сужался. Бизон нажал на несколько кнопок, переключился на низкую передачу, слегка вывернул передние колеса влево и вдавил в пол педаль газа. Левая передняя шина уперлась в возвышение, которое образовалось на краю расщелины, и машина вместе с Бизоном внезапно встала почти прямо. А вот маленький автомобильчик, ехавший позади него, рухнул в провал и загорелся.

Земля вздымалась, ломаясь и разваливаясь на куски. Огромный кусок тротуара поднялся вверх более чем на десять футов, а затем обрушился вниз.

Шум стоял просто оглушительный. После того как Бизон вслушивался в крики животных, он так и не поднял стекло в окне, и сейчас, когда совсем рядом по дороге неслись грузовики и рушились фонарные столбы, телефонные будки и дома, в ушах у него стоял жуткий грохот.

Бизон сам себе приказал сбросить скорость, иначе он мог просто погибнуть. Ему нужно было видеть, что находится впереди, и

ловко прокладывать дорогу через окружающий хаос. Вот «рейнджровер» подпрыгнул и завилал, описав полный круг. Водители, которые к тому моменту сумели остаться в живых, ехали куда попало, и машины сталкивались друг с другом.

Сколько еще это продлится? Бизон потерял ориентацию в пространстве. Он посмотрел на компас, закрепленный на потолке, и попытался удержать курс на запад. На какое-то мгновение дорога под ним ожила. Бизон взмыл вверх, потом опустился вниз, потом снова вверх и снова вниз, совсем как на американских горках.

Но великое землетрясение только начиналось! То, что сначала смотрелось как зубчатые, неровные подъемы, которые «ровер» мог легко одолеть, теперь превратилось в водовороты грязи и асфальта, где тонули автомобили.

* * *

Сказать, что вокруг царил ужас, значило ничего не сказать. Рэйфорд не мог заставить себя заговорить ни с Карпати, ни даже с Макком. Они летели к багдадскому аэропорту, и Стил не мог удержаться, чтобы не взглянуть вниз на разрушения. Внизу повсюду пылали пожары. Они освещали разбитые машины, рухнувшие здания, землю, которая ходила волнами, словно бушующее море. Внимание Рэйфорда привлекло нечто, похожее на

огромный шар пылающего бензина. Это была луна, которая выглядела такой близкой, что до нее, казалось, можно дотронуться, только руку протяни. Луна была кроваво-красной...

* * *

О себе Бизон совершенно не думал. Он думал о Хлое. Он думал о Лоретте. Он думал о Ционе. Неужели Господь провел их через столько опасностей, чтобы теперь они погибли во время великого землетрясения, снятия шестой печати? Впрочем, если все они окажутся вместе с Господом, от этого им станет только лучше. А может, просить о том, чтобы смерть дорогих ему людей была безболезненной, — это уже слишком много? На случай, если им суждено погибнуть, Бизон все-таки помолился:

— Господи, пусть они только умрут быстро!

Землетрясение по-прежнему ревело вокруг, словно чудовище, пожирающее все, видимое глазом. Бизон в ужасе отпрянул, когда фары «рейнджровера» осветили огромный дом, полностью осевший под землю. Насколько далеко он сейчас от Хлои, которая осталась у Лоретты? Может быть, есть больше шансов найти Лоретту и Циона в церкви?

Вскоре оказалось, что, кроме его «рейнджровера», в поле зрения нет ни одной машины. Ни уличных фонарей, ни светофоров, ни

знаков дорожного движения. Дома вокруг осыпались и обваливались. По обеим сторонам дороги раздавались вопли. Люди бежали, спотыкались, падали, катились кувырком.

«Рейнджровер» подпрыгнул, его сильно тряхнуло. Бизон уже и сосчитать не мог, сколько раз он успел удариться головой о потолок. Тут кусок бордюра внезапно подскочил и ударил «рейнджровер» в бок. Бизон решил, что конец уже близок. Но он не собирался ждать его, сложа руки! Уильямса прижало к левой дверце машины. Он потянулся к пряжке ремня безопасности, желая отстегнуть его и вылезти из окна со стороны пассажира. Но не успел он разблокировать ремень, как земля под автомобилем выгнулась так, что он снова встал на колеса, и Бизон опять двинулся в путь.

Стекла разбивались. Стены рушились. Рестораны исчезали на глазах. Конторы по торговле автомобилями опускались под землю. Офисные здания сначала оказывались на неровных, зазубренных изломах, а потом опрокидывались.

И тут Бизон снова увидел вперед на дороге трещину, объехать которую было нельзя. Он закрыл глаза и сжался в комок, чувствуя, как колеса «рейнджровера» катятся по неровной поверхности, давя стекло и ломая металл. Свернув налево, он быстро оглянулся и увидел, что только что проехал по крыше чьей-то чужой машины.

Теперь Уильямс уже почти перестал понимать, где находится. Он просто продолжал

ехать на запад, и все тут. Эх, если бы только добраться до церкви или до дома Лоретты! Узнает ли он их? И существует ли молитва о том, чтобы все, кого он знает, в какой бы точке мира они сейчас ни находились, остались в живых?

* * *

Мак тоже бросил взгляд на луну. Рэйфорд увидел, что его друг явно пришел в ужас и развернул вертолет так, чтобы Николае тоже ее увидел. Карпати уставился на нее с изумлением. Свет луны окрасил его лицо в пугающе красный, и Николае еще никогда не был так похож на дьявола.

В груди и в горле у Рэйфорда вздымалась волна неудержимых рыданий. Глядя на развалины внизу, он понимал, что его шансы найти Аманду ничтожно малы. «Господи, молю Тебя, прими ее к себе без страданий!»

А Хэтти? Могла ли она принять Христа еще до землетрясения? Нашелся ли в Бостоне или на борту самолета человек, который помог ей уверовать в Бога?

Внезапно начался метеоритный дождь. Небо словно падало на землю. С него сыпались огромные пылающие глыбы. И если раньше Рэйфорд видел, как день превратился в ночь, то сейчас сияние метеоритов снова превратило ночь в день.

Бизон только ахнул, когда «рейнджровер» в конце концов ударился о какое-то препятствие, и был вынужден остановиться. Задняя часть машины застряла, а лучи фар были теперь направлены прямо вверх.

Уильямс держал обе руки на руле. Он обернулся и взглянул в небо. Внезапно небеса разверзлись. Чудовищные чернобагровые облака, клубясь, заволокли небо, снова возвращая непроглядную ночную мглу. Появились метеоры. Они сталкивались друг с другом и разбивали все, что еще не поглотила земля. Один из них рухнул рядом с дверью «рейнджровера», и оказалось, что он настолько горячий, что лобовое стекло начало плавиться. Бизону волей-неволей пришлось срочно отстегнуть ремень безопасности и попытаться вылезти из правого окна машины. Но в тот же миг позади джипа с грохотом рухнула еще одна раскаленная глыба и выкинула «рейнджровер» из котлована.

Бизона отбросило на заднее сиденье. Головой он ударился о потолок. Он был ошарашен, но понимал: если останется на месте, он покойник. Бизон перелез на переднее сиденье и снова уселся за руль. Пристегиваясь, он думал о том, до чего же жалкой выглядит эта предосторожность на фоне величайшего землетрясения в истории человечества.

А земля, как видно, отнюдь не собирались уменьшать силу своих содроганий. Это вовсе не были более мелкие толчки, которые обычно следуют после основного. Нет, основная часть землетрясения просто никак не кончалась! Бизон ехал медленно, прожектора на крыше «рейнджровера» сначала подпрыгивали, как сумасшедшие, то с одной стороны, то с другой, а потом упали на землю и снова взлетели в воздух.

Бизону показалось, что он узнает местность. Вот он заметил приземистое здание ресторана, которое находилось в трех кварталах от церкви... Надо во что бы то ни стало продолжать движение! Он осторожно объезжал завалы кругом или переваливал через них. Земля продолжала вздыматься и колыхаться, но он все ехал и ехал вперед. Через выбитое окно он видел бегущих людей, слышал их крики, видел открытые раны и текущую кровь. Несчастные пытались спрятаться за глыбами, которые торчали из земли, укрыться за кусками асфальта и тротуарного покрытия, вставшими торчком, но в результате их придавливало еще быстрее. Какой-то мужчина средних лет, босой, окровавленный, без рубашки, стоял, глядя вверх сквозь разбитые очки, широко раскинув руки.

— Господи, убей меня! — кричал он небу. — Убей меня!

А когда Бизон в «рейнджровере» медленно проехал мимо, кричащего поглотила земля.

* * *

Рэйфорд утратил последнюю надежду. Часть его души молилась, чтобы вертолет рухнул с неба и разбился вдребезги. Ирония судьбы заключалась в том, что Николае Карпати все равно не суждено было погибнуть в течение грядущего двадцати одного месяца. Потом он должен будет умереть, воскреснуть и прожить еще три с половиной года. Нет, ни один метеор не попадет сейчас в вертолет. Где бы он ни приземлился, его пассажиры уцелеют. И все потому, что Рэйфорд действует по велению Антихриста...

* * *

Когда Бизон увидел шпиль церкви Новой Надежды, у него упало сердце. С одной стороны, до здания оставалось меньше шестисот ярдов, но земля-то еще тряслась... Все вокруг продолжало рушиться. Огромные деревья падали, обрывая электрические провода. Бизон потратил несколько минут на то, чтобы проложить себе путь через руины и огромные кучи дерева, цемента и грязи. Чем меньше оставалось до церкви, тем большую пустоту он ощущал в сердце. Остроконечная крыша оказалась единственной, которая сохранила вертикальное положение. Ее основание лежало на уровне земли. Огни «рейнджровера»

высветили церковные скамьи, стоящие до нелепости аккуратными рядами. Некоторые даже были совсем не повреждены. Стены храма, его высокие балки, окна из цветного стекла — все было разрушено. Административное здание, классы для занятий, офисы теперь лежали на земле грудой кирпичей, стекла и известки.

В кратере, который образовался на месте парковки, виднелась одна машина. Днище ее лежало на земле, все четыре шины были проколоты, оси сломаны. Из-под нее торчали две голых ноги. Бизон остановил «рейнджровер» в ста футах от того места и выключил двигатель.

Дверь джипа не открывалась. Уильямс отстегнул ремень безопасности и вылез из машины со стороны пассажирского сиденья. И тут вдруг землетрясение прекратилось. В небе вновь появилось солнце. На Маунт-Проспект, штат Иллинойс, опять стояло солнечное утро понедельника.

Бизон чувствовал каждую косточку в своем теле. По неровной почве он поковылял к маленькому раздавленному автомобилю. Оказавшись достаточно близко от него, он увидел, что у мертвого тела на одной ноге нет туфли. Но та, что осталась, подтвердила его опасения. Лоретта погибла, раздавленная собственной машиной.

Бизон оступился и упал лицом прямо в грязь, и что-то порезало ему щеку. Он не обратил на это никакого внимания и пополз к машине. Он потянул ее на себя изо всех сил,

пытаясь сдвинуть с тела, но безрезультатно. Все в нем бунтовало против того, чтобы оставить здесь Лоретту. Но куда бы он отнес тело, если бы его удалось освободить?

Всхлипывая, он бродил по завалам, высматривая вход в подземное укрытие. То там, то тут ему попадались узнаваемые фрагменты церковного холла. Ориентируясь по ним, он попытался медленно пролезть меж остатков обвалившейся церкви.

Наконец Бизон отыскал вентиляционную шахту, сложил над ней ладони рупором и прокричал:

— Цион! Цион! Вы здесь?

Затем повернул голову и приложил ухо к шахте, чувствуя, как из укрытия струится прохладный воздух.

— Я здесь, Бизон! Вы меня слышите?

— Я слышу вас, Цион! С вами все нормально?

— Со мной все хорошо! Но я не могу открыть дверь!

— Вам не захочется смотреть на то, что творится наверху, Цион! — прокричал Бизон слабым голосом.

— А что с Лореттой?

— Она погибла!

— Это было великое землетрясение?

— Да!

— Вы можете пробраться ко мне?

— Я проберусь к вам, только если у меня больше не останется никаких дел, Цион! Мне нужно, чтобы вы помогли мне искать Хлою!

— Я сейчас в полном порядке, Бизон! Буду вас ждать!

Бизон повернулся и посмотрел в ту сторону, где раньше стоял «надежный дом». Оборванные окровавленные люди брели нетвердой походкой. Некоторые падали и умирали прямо на глазах у остальных. Бизон не знал, сколько времени ему понадобится, чтобы разыскать Хлою. Он был не уверен, что ему захочется увидеть то, что он обнаружит, но все равно не желал останавливаться, пока не достигнет своей цели. И если у него есть хоть один шанс на миллион спасти ее или просто найти, он знал, что обязательно это сделает.

* * *

Над Новым Вавилоном снова засияло солнце. Рэйфорд настоял на том, чтобы МакКаллам по-прежнему держал курс на Багдад. Внизу повсюду виднелись развалины. Кратеры от метеоров, пылающие пожары, рухнувшие здания, опустевшие дороги...

Когда вдали показался Багдадский аэропорт, Рэйфорд уронил голову на грудь и зарыдал. Огромные лайнеры были искорежены, некоторые торчали из огромных провалов в земле. Терминал сровнялся с землей. Вышка КДП рухнула. Земля была усеяна трупами.

Стил дал Маку сигнал посадить вертолет. Но, осмотрев участок вокруг места посадки, Рэйфорд все понял. Аманда и Хэтти могли вы-

жить лишь в том случае, если в момент землетрясения их самолеты были все еще в воздухе.

Когда лопасти вертолета остановились, Карпати обернулся к своим спутникам.

— У кого-нибудь мобильник работает?

Рэйфорда охватило такое омерзение, что он не смог сдержаться. Он протянул руку за спиной у Николае, открыл дверь, протиснулся позади его сиденья и спрыгнул на землю. Потом он наклонился внутрь кабины, отстегнул ремень безопасности у Карпати, схватил его за лацканы пиджака и выволок из вертолета. Тот плюхнулся задом прямо на неровную почву. Он быстро вскочил на ноги, словно готовый к драке. Рэйфорд толкнул его назад к вертолету.

— Капитан Стил, я понимаю, что вы расстроены, но...

— Николае, — проговорил Рэйфорд сквозь стиснутые зубы, — вы можете находить какие угодно нелепые объяснения, но позвольте мне стать первым, кто скажет вам: вы только что видели гнев Агнца!

Карпати пожал плечами. Стил в последний раз приложил им о корпус вертолета и, спотыкаясь, пошел прочь. Лицом он повернулся к терминалу аэропорта, находящемуся в четверти мили. Рэйфорд молился, чтобы ему больше никогда не пришлось разыскивать на развалинах тело дорогого человека.

ЭПИЛОГ

И когда Он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе, как бы на пол часа. И я видел семь ангелов, которые стояли перед Богом; и дано им семь труб. И пришел иной ангел, и стал перед жертвенником, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который перед престолом. И вознесся дым фимиама с молитвами святых от руки Ангела пред Бога. И взял ангел кадильницу, и наполнил ее огнем с жертвенника, и поверг на землю: и произошли голоса и громы, и молнии и землетрясение.

И семь ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить.

Откровение 8: 1—6

ОБ АВТОРАХ

Джерри Б. Дженкинс (www.jerryjenkins.com) — автор серии романов «Left Behind®». Он возглавляет Гильдию христианских писателей Джерри Б. Дженкинса (www.ChristianWritersGuild.com), организацию, занимающуюся воспитанием молодых писателей, а также кинокомпанию Jenkins Entertainment (www.Jenkins-Entertainment.com). В прошлом вице-президент издательства при Библейском институте имени Дуайта Муди, Чикаго, он также долгое время работал редактором журнала *Moody* и теперь является постоянным автором этого журнала.

Его статьи появлялись в таких изданиях, как журнал *Time*, *Reader's Digest*, *Parade*, *Guideposts*, в журналах для авиапассажиров и десятках других периодических изданий. «Послужной список» Дженкинса включает книги, написанные, в частности, в соавторстве с Билли Грэмом, Хэнком Аароном, Биллом Гайтером, Луисом Палау, Уолтером Пэйтоном, Орелом Херишером и Ноланом Райаном.

Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров *New York Times*, *USA Today*, *Wall Street Journal* и *Publishers Weekly*.

Имеет две почетные ученые степени доктора, присвоенные Колледжем Бетель (Индиана) и Международным университетом Тринити.

Доктор Тим ЛаХэй (www.timlahaye.com), которому принадлежит идея серии романов по мотивам Откровения Иоанна Богослова, является популярным писателем, священнослужителем и широко известным в США исследователем библейских пророчеств. Он основатель Союза духовенства Тима ЛаХэя и Исследовательского центра ожидания времени Скорби.

Также недавно он стал сооснователем Школы откровения Тима ЛаХэя при Университете Либерти. Доктор ЛаХэй выступает с докладами на многих крупных конференциях, посвященных библейским пророчествам, в США и Канаде, где его исследования пророчеств весьма популярны.

Тим ЛаХэй получил степень доктора богословия в Западной теологической семинарии и почетную степень доктора филологических наук, присвоенную Университетом Либерти. В течение двадцати пяти лет он служил проповедником в одной из наиболее известных в Америке церковных общин в Сан-Диего, которая теперь имеет три филиала.

За это время он основал две аккредитованные христианские школы, сеть христианских школ, включающую десять учреждений, и Колледж Христианского Наследия.

Пятьдесят нехудожественных сочинений авторства доктора ЛаХэя были опубликованы более чем на тридцати семи иностранных языках и разошлись тиражом свыше 13 миллионов экземпляров. Он писал книги на множество тем, таких как семейная жизнь, человеческий характер, библейские пророчества. Его последние художественные произведения, романы из серии «Left Behind»[®], написанные в соавторстве с Джерри Б. Дженкинсом, продолжают входить в списки бестселлеров Ассоциации христианских книготорговцев, *Publishers Weekly*, *Wall Street Journal*, *USA Today* и *New York Times*.

Другая серия пророческих романов ЛаХэя включает «Восстание Вавилона», «Тайну Арарата», «Европейский заговор» и «На краю тьмы», которые попали в список бестселлеров *New York Times*. Действие в этой серии романов, включающей в себя четыре остросюжетных триллера, в отличие от «Left Behind»[®], начинается не с момента Восхищения, а в наши дни.

ЖАТВА ЧЕЛОВЕКОВ

ЧЕТВЕРТЫЙ РОМАН
ИЗ СЕРИИ «LEFT BEHIND®»

Земля содронулась от великого землетрясения, вызванного гневом Агнца. Николае Карпати начинает всемирную кампанию по восстановлению городов и переустройству мирового порядка. Однако в его душе разгорается адская ярость, причиной которой стала невиданная по размаху жатва человеческих душ, собранных миссионерским подвигом верных слугителей Господа. Тем временем Рэйфорд Стил и Бизон Уильямс отправляются на поиски своих любимых, исчезнувших после землетрясения.

Заказать книгу «ЖАТВА ЧЕЛОВЕКОВ» можно:

по телефону (495) 737-04-80 (по будням);

по e-mail club@knigovek.ru;

по почте: 127206, Москва, а/я 24

Тим ЛаХэй
Джерри Б. Дженкинс

Николае

Редактор *Н. Занозина*
Художественный редактор *А. Балашова*
Перевод *Ю. Бушуева*
Консультант *А. Коньхова*
Корректор *О. Бубликова*
Компьютерная верстка *И. Якульская*

Подписано в печать 19.10.10 г.
Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Тираж 50 000 экз.
Усл. печ. л. 30,24. Уч.-изд. л. 20,06
Заказ

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано ООО "Балто принт"
Logotipas Company
www.baltoprint.ru

Уважаемые читатели!

Если вы желаете приобрести издания Книжного клуба «Книгоvek», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книгоvek».

Вступив в Книжный клуб «Книгоvek», вы также можете приобретать наши книги и знакомиться с новинками. Только члены Клуба получают 6 раз в год иллюстрированный журнал, в котором представлены развернутые статьи о книгах клубной программы, публикуются отрывки из произведений, новости книжного мира, статьи по истории литературы, факты из истории книги, печатного дела, искусства книги; отдельные рубрики посвящены читателям и писателям. Журнал распространяется по всей стране.

Если вы желаете вступить в Книжный клуб «Книгоvek», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книгоvek».

Также вы можете заказать книги в интернет-магазине на сайте www.terra.su или www.knigovek.ru.

По вопросам оптовых закупок просьба обращаться по телефону:
(495) 737-04-73.

Мы рады вашим заказам!

ТАЙНАЯ ВЛАСТЬ

ГАЗЕТА ДЛЯ ТЕХ,
КТО ХОЧЕТ
ПОЗНАТЬ
НЕПОЗНАННОЕ

Тайная власть – это власть Света и Тьмы, Белой и Черной магии, власть Космоса, власть невидимых миру сил. Газета рассказывает об этом и о том, как отличить истину от лжи в пророчествах всевозможных колдунов; на ее страницах ведут разговор известные астрологи, биотерапевты, экстрасенсы. Вы узнаете о влиянии звезд на вашу судьбу, получите советы, как быть здоровым без лекарств, как отвести беду, как выбрать спутника жизни.

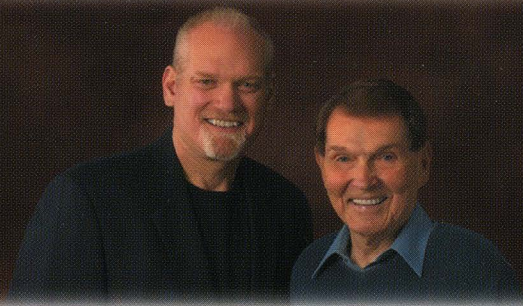

Реклама: (495) 780-5757

Продажа: (495) 780-5353

www.privatelife.ru

НИКОЛАЕ — третий и один из самых впечатляющих романов серии «LEFT BEHIND®». Прошло два года с момента Восхищения, во время которого по всему миру исчезли миллионы людей, уже подходит к концу первая четверть срока великой Скорби, и по свидетельству пророков, завершится она «Гневом Агнца», обрушившимся на Землю.

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Писатель, соавтор серии «LEFT BEHIND®», автор более сотни романов. Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров «New York Times», «USA Today», «Wall Street Journal» и «Publishers Weekly».

ТИМ ЛАХЭЙ

Создатель и идейный вдохновитель серии романов «LEFT BEHIND®». В Америке широко известен не только как писатель, но и как исследователь библейских пророчеств. Написал более 50 книг, переведенных на 37 языков мира. Имеет несколько ученых степеней.

«Безумно популярно и чрезвычайно противоречиво».

USA TODAY

«Не просто художественный вымысел. Дженкинс... создал роман, представив конец света захватывающей историей, от которой — страница за страницей — невозможно оторваться до рассвета».

CHICAGO TRIBUNE

«Саспенс в духе Тома Клэнси, чуть-чуть романтики, отблеск Hi-Tech и ссылки на Библию — в одном флаконе!»

THE NEW YORK TIMES

ISBN 978-5-4224-0293-9

9 785422 402939

www.Leftbehind.ru